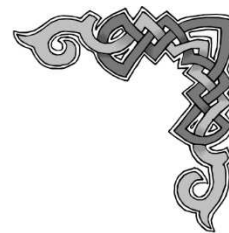

ООО «Наука и образование»

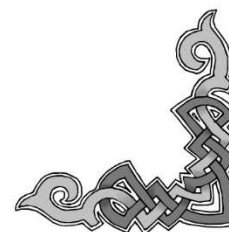
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 5
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 5

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28
тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

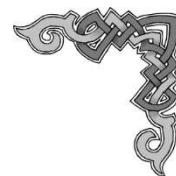
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

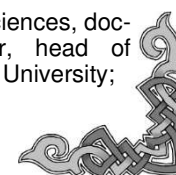
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубиллина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института рриса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of the Kuban, academician REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вахрушев С.Н. Эволюция систем ценностей в историческом развитии	15
Гречихин В.Г. Современная молодежная политика в России	18
Дружинин Г.В. Генезис корпоративных норм как особого социального регулятора: общетеоретический аспект	22
Жегульская А.А. Социальные детерминанты трансформации театральных практик	26
Капустина Н.Н., Качурова Е.В., Федина К.В. Анализ типичных проблем сельских муниципальных образований	30
Колмыкова М.А., Амосова А.И. Формирование социального капитала в современной России: от теории к практике	33
Комарова Я.Б., Михалева О.В. Формирование коммуникативной компетенции на основе иммерсивных технологий у бакалавров-юристов	38
Макеева Е.А., Макеева И.А., Логинова Е.В. Проектная деятельность как способ социализации и адаптации молодежи к социально-экономическим условиям развития общества	41
Плешакова К.Н., Труханович Д.С. Анализ имиджа муниципальных служащих на примере г. Гуково Ростовской области	45
Рябцев С.В., Кириллов П.Е., Воинова А.А., Смирнова М.А. Профессиональные этические кодексы: проблемы и принципы создания	51
Самыгин П.С., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Проблемы и перспективы применения дистанционных методик в системе современного российского высшего образования	57
Тужба Э.Н. Миграционные процессы в России: государственная политика, риски и преимущества	61
Усова Л.В. Инвалидность сквозь призму социологической мысли	65
Федоров Н.Ю. Управление и его субъекты: к развитию социологической трактовки	69
Хорошкевич Н.Г. Классификация политических рисков государственных гражданских служащих	73
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахтина Т.А. Реализация учебной деятельности студентов медицинского вуза в контенте самоподготовки	79
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Авилова О.Е., Маркин В.В., Авилов С.А. Советская юридическая наука о понятии и признаках корпоративных норм	85
Барашева Е.В., Должикова А.В., Степаненко А.С. Теоретические аспекты административной ответственности в современном праве	88
Барашева Е.В., Макарова Д.С., Степаненко А.С. Принципы функционирования органов исполнительной власти в административном праве	91

Боднарук Ю.М. Особенности применения критериев охраноспособности к программе для ЭВМ как объекту авторского права	94
Боровских Р.Н., Бабичева У.Н., Рябчиков В.В. Типичные судебные экспертизы по уголовным делам о мошенничестве в сфере ОСАГО И КАСКО	98
Боровских Р.Н., Зыков Д.А., Семенов С.А. Проблемы эффективности применения статей 159.1–159.6 УК РФ	101
Веселов В.В. Проблемы квалификации преступлений против собственности, связанных с хищением, кражей и мошенничеством	105
Вишневецкий К.В. Детерминанты сексуального насилия и меры по его нейтрализации	109
Гасанов Т.К. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в современном зарубежном законодательстве	113
Дергунов А.А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения	116
Зяблова Т.Е., Мамчун В.В. Правовая максима как логико-языковой феномен	122
Лебедев С.Я., Джафарли В.Ф. Перспективы развития уголовно-правовых инноваций в системе обеспечения криминологической кибербезопасности	125
Леонтьев М.И., Левушкин А.Н. Особенности прекращения договора аренды с субъектами малого предпринимательства	131
Петрик А.С. Особенности механизма правового саморегулирования	134
Пикин И.В., Тараканов И.А. Особенности уголовно-правовой защиты и уголовной ответственности женщин в отечественном и зарубежном законодательстве	138
Попов А.А. Эластичное взаимодействие экономики и права при регулировании правоотношений на интегративном этапе его развития	144
Савин А.А., Мешков Д.Н. Субъективная сторона преступления как элемент состава уголовного преступления	148
Савицкий А.А. Концептуальные основы частной теории судебной экономической экспертизы	151
Степаненко А.С., Барашева Е.В., Радкевич Д.В. Проблемы реализации административной и дисциплинарной ответственности государственных служащих	155
Упоров И.В., Попов М.Ю. Свобода слова как социальная ценность: проблемы правового регулирования и реализации в России	159
Чимаров С.Ю., Алексеев А.А., Игошин Н.А. Особенности нормативно-правового закрепления этики долга полицейской деятельности в отдельных странах африканского региона	165
Чиркаев С.А. Приоритет как средство правового регулирования наследственных отношений	169
Шаназарова Е.В., Савельева О.Е., Дятлова Д.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за доведение несовершеннолетних до самоубийства с помощью социальных сетей и предупреждение таких преступлений	173
Шульга А.В., Виниченко Е.А. Ответственность за незаконное образование юридического лица как институт системы уголовного права России и как объект законопроектной новеллы об уголовном проступке	176

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гулиев Н.Э. Финансовая устойчивость и управляемость портфеля проектов предприятия	183
Денисов А.М. Формирование имиджа компании-работодателя как инструмент повышения эффективности затрат на найм и удержание сотрудников	186
Джалалова Т.Ш., Акавова Г.К., Агасиева М.Н., Исмиева З.М., Казибекова Н.А. Оценка эффективности управления развитием туристских услуг в регионе	190
Коваленко Л.В. Показатели эффективности деятельности по исполнению национальных целей	195
Мешечко Т.А. Совершенствование методики определения спроса на услуги городских станций технического обслуживания	198
Панов А.А. Влияние технологий на финансовый портфель банка	203
Пучкова А.М. Корпоративное казначейство: понятие, функции и роль в системе управления финансовыми потоками компании	205
Семенов К.О. Концептуальная модель обеспечения экономической безопасности коммерческих банков	208
Сикачев А.О. Командообразование в финансовом менеджменте	213
Симакин Г.А. Политика управления финансовой устойчивостью предприятия в цифровой экономике	216
Тараненко О.Н., Пархоменко Н.А., Шибиченко Г.И. Совершенствование методов оценки функционирования экономики регионов РФ	219
Таранов П.В., Басенко А.М. Мировая экономика: к вопросу цифровой трансформации	222
Тернавщенко К.О., Магала Ю.В. Оценка функциональных составляющих системы обеспечения бюджетно-налоговой безопасности региона с целью определения сфер (блоков) индикативной системы	226

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Sergei N. Vakhrushev Evolution of value systems in historical development	15
Vladimir G. Grechikhin Modern youth policy in Russia	18
Gleb V. Druzhinin The genesis of corporate norms as a special social regulator: general theoretical aspect	22
Alexandra A. Zhegulskaya Social determinants of the transformation of theatrical practices	26
Nadezhda N. Kapustina, Elena V. Kachurova, Kristina V. Fedina Analysis of typical problems of rural municipal formations	30
Marina A. Kolmykova, Anastasia I. Amosova Formation of social capital in modern Russia: from theory to practice	33
Yana B. Komarova, Olga V. Mikhaleva Formation of communicative competence on the basis of immersion technologies for bachelor of law students	38
Elena A. Makeeva, Inna A. Makeeva, Elena V. Loginova Project Activities as a Way of Youths Socialization and Adaptation to the Social and Economic Conditions of the Society	41
Kristina N. Pleshakova, Darya S. Trukhanovich Analysis of the image of municipal employees on the example of Gukovo Rostov region	45
Sergey V. Ryabtsev, Pavel E. Kirillov, Alena A. Voinova, Marina A. Smirnova Professional Codes of Ethics: Problems and Principles of Creation	51
Petr S. Samygin, Natalya Kh. Gafiatulina, Sergey I. Samygin Problems and prospects of using distance learning methods in the system of modern russian higher education	57
Emir N. Tuzhba Migration Processes in Russia: government Policy, risks and benefits	61
Lyubov V. Usova Disability through a sociological lens	65
Nikolai Yu. Fedorov Management and its subjects: towards the development of a sociological interpretation	69
Natalya G. Horoshkevich Classification of political risks of public civil servants	73
Inna R. Shagina, Alia S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina Implementation of educational activities of students of a medical university in the content of self-training	79
JURISPRUDENCE	
Oksana E. Avilova, Vladimir V. Markin, Sergey A. Avilov Soviet legal science on the concept and features of corporate norms	85
Eleva V. Barasheva, Anastasia V. Dolzhnikova, Alexey S. Stepanenko Theoretical aspects of administrative responsibility in modern law	88
Eleva V. Barasheva, Darya S. Makarova, Alexey S. Stepanenko Principles of the functioning of executive authorities in administrative law	91
Yulia M. Bodnaruk Features of application of criteria of protection to computer program as copyright object	94

Roman N. Borovskikh, Ulyana N. Babicheva, Vadim A. Ryabchikov Typical forensic examinations in criminal cases of fraud in the field of CTP and CASCO	98
Roman N. Borovskikh, Daniil A. Zykov, Sergey A. Semyonov Problems of effective application of Articles 159.1–159.6 of the criminal code of the Russian Federation	101
Valery V. Veselov Problems of characterization of crimes against property related to theft, theft and fraud	105
Kirill V. Vishnevetskiy Determinants of sexual violence and measures to neutralize it	109
Tural K. Gasanov Criminal liability for incitement to suicide in modern foreign legislation	113
Alexander A. Dergunov Preemptive law as a legal term and legal advantage as a legal concept: correlation issues	116
Tatyana E. Zيابlova, Vladimir V. Mamchun Legal maxim as a logical-linguistic phenomenon	122
Semyon Ya. Lebedev, Vugar F. Jafarli Prospects for the development of criminal law innovations in the system of ensuring criminological cybersecurity	125
Maxim I. Leontiev, Anatoly N. Levushkin Features of termination of the lease agreement with small businesses	131
Angelika S. Petrik Features of the mechanism of legal self-regulation	134
Ivan V. Pikin, Ilya A. Tarakanov Features of criminal legal protection and criminal liability of women in domestic and foreign legislation	138
Alexey A. Popov Elastic interaction of economics and law in the regulation of legal relations at the integrative stage of its development	144
Andrey A. Savin, Denis N. Meshkov The subjective side of the crime as an element of the composition of a criminal offense	148
Alexey A. Savitsky Conceptual foundations of the private theory of forensic economic expertise	151
Alexey S. Stepanenko, Eleva V. Barasheva, Darya V. Radkevich Problems of Implementation of Administrative and Disciplinary Responsibility of Civil Servants	155
Ivan V. Uporov, Mikhail U. Popov Freedom of speech as a social value: problems of legal regulation and implementation in Russia	159
Sergey Yu. Chimarov, Alexey A. Alekseyev, Nikolay A. Igoshin Features of the legal and regulatory consolidation of the ethics of policing duty in selected countries of the African region	165
Sergey A. Chirkaev Priority as a means of legal regulation of inheritance relations	169
Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva, Darya V. Dyatlova Social conditionality of criminal responsibility for driving minors to suicide through social networks and the prevention of such crimes	173
Andrey V. Shulga, Ekaterina A. Vinichenko A responsibility for illegal formation of a legal entity as an institution of Russian criminal law system and as an object of a legislative novel about a criminal offense	176
ECONOMIC SCIENCES	
Nurkhan E. Guliev Financial stability and manageability of the company's project portfolio	183
Alexander M. Denisov Formation of the image of the employing company as a tool to improve the efficiency of recruitment and retention of employees	186

Tatyana Sh. Dzhalalova, Gozel K. Akavova, Magrifa N. Agasieva, Zamira M. Ismieva, Naida A. Kazibekova Assessment of the effectiveness of the management of the development of tourist services in the region	190
Leonid V. Kovalenko Performance indicators for the implementation of national goals	195
Tatyana A. Meshechko Improvement of the methodology for determining the demand for the services of urban maintenance stations	198
Andrey A. Panov The impact of technology on the bank's financial portfolio	203
Anastasia M. Puchkova Corporate treasury: the concept, functions and role in the company's financial flow management system	205
Konstantin O. Semenov Conceptual model of ensuring the economic security of commercial banks	208
Aleksei O. Sikachev Team building in financial management	213
Georgy A. Simakin The policy of managing the financial stability of the enterprise in the digital economy	216
Oksana N. Taranenko, Natalia A. Parkhomenko, Grigory I. Shibichenko Improving methods for assessing the functioning of the economy of the regions of the Russian Federation	219
Petr V. Taranov, Alexander M. Basenko World economy: towards digital transformation	222
Kristina O. Ternavshchenko, Yulia V. Magala Assessment of functional components of the regional budget and tax security system with the purpose of determining spheres (blocks) of the indicative system	226

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Вахрушев Сергей Николаевич
аспирант кафедры
социальных технологий,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Sergey.vakhrushev.95@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ ЦЕННОСТЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Аннотация. Ценности и ценностные ориентации человека всегда являлись одним из наиболее важных объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания. Развитие современной цивилизации, стремящейся к глобализму, так или иначе, влияет на формирование все новых систем ценностей. Это преобразование интересует нас не только в ключе перманентной изменчивости, но и в рассмотрении новых ценностных систем и анализа их культурного кода. Вопросу эволюционировании данных систем в их историческом развитии и будет посвящена эта работа.

Ключевые слова: ценности, культурные ценности, системы ценностей, ценностные ориентации, иерархия ценностей, эволюция ценностей.

Л.Н. Гумилев в своем капитальном сочинении «Этногенез и биосфера Земли» писал: «Подобно вещам, изготовленным руками людей, эти ценности, называемые «духовными», либо сохраняются, либо разрушаются беспощадным временем» [3, с. 315]. Данной цитатой Лев Николаевич полагает, что человеческие, нематериальные ценности изменчивы посредством времени, соответственно, на разных этапах исторического развития системы ценностей эволюционируют параллельно самому времени. Несомненно, именно этот фактор перманентного обновления систем ценностей и обуславливает исключительную актуальность исследования данной проблемы.

Ценности и ценностные ориентации человека всегда являлись одним из наиболее важных объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания. Г.П. Выжлецов, описывая онтологический, гносеологический и аксиологический этапы развития философии, выделяет для каждого из них «основные анализируемые ценности и идеалы – благо, счастье и духовную свободу» [2, с. 61].

Н.А. Бердяев писал: «Человек есть существо оценивающее... Определение ценностей и установка их иерархии есть... функция сознания» [1, с. 473].

Sergei N. Vakhrushev
Postgraduate Student of the Department
Social Technologies,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
Sergey.vakhrushev.95@mail.ru

EVOLUTION OF VALUE SYSTEMS IN HISTORICAL DEVELOPMENT

Annotation. Values and values of a person have always been one of the most important objects of research of philosophy, ethics, sociology and psychology at all stages of their formation and development as separate branches of knowledge. The development of modern civilization, striving for globalism, one way or another affects the formation of ever new systems of values. This transformation interests us not only in the key of permanent change, but also in considering new value systems and analyzing their cultural code. This work will be devoted to the question of the evolution of these systems in their historical development.

Keywords: values, cultural values, value systems, value orientations, hierarchy of values, evolution of values.

Историческая и логическая контаминация философского понятия «ценности» и основной категории политэкономии – «стоимость» (ср. «цена»), с одной стороны, и его близость другим понятиям, маркирующим интенциональность индивида – прежде всего, «благо» и «цель» – с другой, обуславливает сложность «обособления» понятия «ценности» в его историческом развитии [5].

В своей работе «Ценность и бытие» Лосский выделяет такое важное свойство ценностей, как иерархичность. В этой иерархии «субстанциальный деятель» как субъект ценности должен пройти все ступени «нормальной эволюции», которыми определяются «ранги» соответствующих ценностей [4].

Ценности никогда не существуют обособленно друг от друга, всегда образуясь в целостную систему. Любая система имеет структуру, то есть, ту самую иерархичность. Именно через систему ценностей, накопившихся в культуре, и осуществляется регуляция человеческой деятельности, придавая обществу необходимую степень порядка. Деятельность людей осуществляется в тех рамках, которые задаются целостной системой ценностей. Ими определяются основные направленности человеческого поведения и запреты.

Комплекс ценностей того или иного общества не может быть произвольным по своему

содержанию. Он формируется в ходе истории, постоянно подвергаясь изменениям изнутри. Эти изменения можно условно поделить на два типа:

- изменения, ведущие к пересмотру некоторых ценностей или связей между ними, не подразумевающие «свержение» целой системы;
- изменения, при которых существующая система ценностей изменяется в своих основаниях, что влечет за собой коренную ломку системы, ее трансформацию и даже упразднение старой системы с последующим возникновением новой.

В свою очередь, такой тип изменений в системе ценностей влечет за собой изменения в социальной структуре. Несогласованность, дисгармония, отсутствие порядка, отчаяние – таковы некоторые признаки кризиса системы ценностей того или иного общества.

Ценности имеют свойство приращения. Приращение культурных ценностей основывается на традициях для сохранения культурного смысла ценностей.

Важно отметить, что исторический процесс – это последовательная смена ценностных систем. Процесс развития культуры и исторического развития в целом неизбежно связан с переоценкой ценностей. Кроме того, любое конкретное общество меняется и из-за внешних обстоятельств (природных и социальных). В результате, со временем ценностный состав перестает соответствовать обновленному содержанию социального целого. Возникает новая система ценностей актуальная для современного общества и удовлетворяющая его потребности.

Ценности эволюционируют, изменяясь в ходе исторического процесса. Возникают новые ценности и упраздняются старые.

Характеризуя ту или иную культуру, эпоху, социальную общность, мы упоминаем о свойственных им ценностях. В различные периоды развития для определенного общества характерна, присутствующая этому обществу уникальная система

Литература:

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 1997. С. 473.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология: становление и основные этапы развития / Г.П. Выжлецов // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 61–73.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев; Сост. А.И. Куркчи. М. : ДИ-ДИК, 1997. С. 315.
4. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. М., 1994. С. 308.

ценностей. Таким образом, исторический процесс развития общества представляет собой переход от одной системы ценностей к другой.

Система ценностей исторически конкретной социальной общности представляет собой предметное воплощение системы деятельностей и общественных отношений, выражающих сущность жизнедеятельности данной общности, ее конкретно историческую образа жизни.

Становится очевидным, что каждая культура рождает свою систему ценностей. По ней можно судить о том, насколько успешно протекает процесс культурной идентификации народа, нации, происходит укрепление или разрушение национального самосознания, сохраняет ли нация себя как носителя уникального, только ей присущего типа культуры, или она постепенно утрачивает эту историческую миссию.

С появлением новой системы ценностей трансформируется не только ассортимент самих ценностей, но и их порядок по значимости. То есть, та или иная ценность может подниматься или опускаться в «рейтинге» ценностей.

Исследования, проводимые в области психологии и социологии, показывают, что люди адаптируют свои ценности к обстоятельствам. Кроме того, ценности имеют внутреннюю структуру, так что, когда определенные ценности становятся важнее, значения, выражающие противоположные цели, уменьшаются. Когда люди находятся в угрожающей ситуации или воспринимают ситуацию как угрожающую, их ценности смещаются в сторону ценностей, направленных на самосохранение. Такой негативный эмоциональный климат, характеризующийся страхом людей за свое здоровье и здоровье других, может повысить важность таких ценностей, как стабильность и безопасность.

Тем самым мы можем утверждать, что системам ценностей присущи такие характеристики, как: эволюционирование, иерархичность и подверженность к трансформациям от внешних обстоятельств.

Literature:

1. Berdyaev N.A. Russian idea. The main problems of Russian thought in the 19th century and the beginning of the 20th century. The fate of Russia. M., 1997. p. 473.
2. Vyzhletsov G.P. Axiology: formation and main stages of development / G.P. Vyzhletsov // Socio-political journal. 1995. № 6. P. 61–73.
3. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth / L.N. Gumilev; Compiled by A.I. Kurkchi. M. : DI-DIK, 1997. P. 315.
4. Lossky N.O. Value and being. God and the Kingdom of God as the basis of values / N.O. Lossky // God and world evil. M., 1994. P. 308.

5. Электронная библиотека ИФ РАН // Новая философская энциклопедия // Ценность. URL : <https://iphlib.ru/greenstone3/library/library/collection/newphilenc/document/HASH01018ece6b4d1aefc3392301>

5. Electronic library of the Institute of Philosophy RAS // New philosophical encyclopedia // Value. URL : <https://iphlib.ru/greenstone3/library/library/collection/newphilenc/document/HASH01018ece6b4d1aefc3392301>

Гречихин Владимир Григорьевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
истории и теории социологии,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
poltava41@yandex.ru

Vladimir G. Grechikhin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
History and Theory of Sociology,
Moscow State Lomonosov University
poltava41@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Аннотация. В рамках данной статьи автор рассматривает понятие и сущность молодежной политики, а также, основные этапы ее развития в Российской Федерации. Рассмотрены основные направления современной молодежной политики в соответствии со стратегией государственной молодежной политики на период до 2025 года. Выявлены проблемы и перспективы дальнейшего развития государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, стратегия, государственная программа, поддержка, развитие.

При рассмотрении вопросов молодежной политики государству необходимо постоянно разрабатывать и вносить дополнения в правовую часть взаимоотношений с ней, так как это позволит ему воспринимать молодежь уже как полноценный ресурс в будущем развитии страны.

Если взглянуть на основные проблемы современной молодежи, то можно сказать, что ими являются проблемы в сфере образования, занятости, преступность, безработица, отсутствие необходимо уровня оказания бесплатной медицинской помощи, наркомания. Смотря на эту ситуации, можно с уверенностью сказать, что со стороны государства необходимо особое внимание к молодежи, а также, создавать все условия для того, чтобы молодое поколение могло направлять и использовать свой потенциал именно в положительном русле.

Молодежная политика должна обеспечивать, прежде всего, формирование правильного миропонимания, разностороннее развитие молодых, возможность самореализации молодого поколения. Государство должно обеспечивать участие молодежи в деятельности различных общественных организаций. Конечно же, неотъемлемой частью является развитие национальной культуры, формирование готовности молодежи защищать государство от любой агрессии со стороны.

Основным направлением молодежной политики является формирование таких условий, которые

MODERN YOUTH POLICY IN RUSSIA

Annotation. Within the framework of the article, the author examines the concept and essence of youth policy, as well as the main stages of its development in the Russian Federation. The main directions of modern youth policy in accordance with the strategy of the state youth policy for the period up to 2025 are considered. The problems and prospects of further development of the state youth policy are revealed.

Keywords: youth, youth policy, strategy, state program, support, development.

помогли бы молодому поколению определиться с направлением своего жизненного пути, выбрать наиболее подходящую профессию. При этом формируемые молодежной политикой условия должны не просто давать подрастающему поколению возможности для развития, но и предоставлять ему возможность полноценной самореализации в выбранном направлении. Молодежная политика включает целый комплекс различных мер экономической, социальной, правовой, научной и кадровой направленности, ориентированных на создание необходимых условий для определения и выбора молодежью своего пути, для того, чтобы активно участвовать в жизни государства и общества.

На сегодняшний день в Российской Федерации отношение к молодому поколению значительно изменилось, что привело к восприятию молодежи в качестве самостоятельной демографической группы населения, которая требует к себе особого подхода и отношения со стороны государства, игнорирование интересов которой может привести к печальным последствиям. Данная ситуация во многом связана с тем, что после распада СССР процесс социализации личности в России претерпел значительные перемены; выбор профессии стал более свободным от влияния государственного заказа и стал практически полностью завесить от склонностей и возможностей каждого, отдельно взятого человека, а не от воли государства. Не менее серьезные изменения коснулись и системы образования, основной

направленностью которых стали гармонизация и гуманитаризация всей его системы. Молодёжь приобрела вполне реальные гражданские права и получила возможность влиять на политику государства.

Существенную роль в происходящих изменениях, а также, в формировании определенных представлений о молодом поколении сыграли СМИ, ресурсы сети Интернет, а также, многочисленные молодежные организации и определенные субкультуры. При этом каждый из вышеназванных институтов выполняет свою роль в социализации личности молодого поколения, не загоняя ее в строгие рамки.

В современной отечественной и зарубежной науке отсутствуют какие-либо существенные различия в понимании такого явления, как молодость. Ключевой задачей проводимых на сегодняшний день исследований выступает выявление экзистенциальных основ становления молодежи в социокультурной среде, изучение процессов оказывающих влияние на определение жизненного пути, формирования духовно-нравственных ценностей и моральных норм. Все выше сказанное позволяет утверждать, что молодость выступает в качестве определенного стартового периода на пути построения будущего индивида.

В итоге, стоит заметить, что в стабильных общественных системах на первый план выходят ценности старшего поколения, так как они зарекомендовали себя как необходимый элемент всеобщего благополучия. Однако во время кризиса, зачастую, приходится отказаться от ряда, утративших свою актуальность, ценностей и выстраивать новые ориентиры, которые позволят изменить жизнь общества к лучшему.

В подобных случаях часто акцент делается на молодежи как социально-демографической группе, склонной к инновациям и нестандартному решению проблем. Таким образом, молодежь является поколением, от которого во многом зависит будущее отдельно взятой страны.

Нормативно-правовая база, регулирующая молодежную политику в РФ, имеет ряд особенностей. На данный момент она все еще не закончена и находится в стадии становления.

16 сентября 1992 г. был образован Государственный комитет РФ по делам молодежи, в то время как сама государственная молодежная политика была признана самой приоритетной, в социальном плане, политикой государства. Данный указ был издан по той причине, что необходимо было принимать меры по решению многих вопросов в сфере молодежи, а для этого необходима была действующая эффективная государственная политика. Это заключалось в том, что она должна была решать вопросы не только по восстановлению и компенсации, но и создавать новое, стать инновационной.

Благодаря молодому поколению и его возможности постоянно развиваться, эффективному использованию его потенциала, наша страна может

двигаться в направлении постоянного социального и экономического развития [1].

Специальные государственные структуры по делам молодежи были созданы не сразу. Постепенно они стали формироваться в составе краев, областей и республик только, начиная с 1990 г., но уже с 1993 г. действовали на многих территориях. Их деятельность, в большинстве случаев, решала вопросы трудоустройства молодых [7]. Достаточно много выпускников различных учебных заведений не могут без специализированной помощи найти работу по профессии. Это же можно сказать и о демобилизованных военнослужащих. Включение молодого поколения в различные формы деятельности (к примеру, в предпринимательскую), профилактика алкоголизма и преступности, решение вопросов с безнадзорными, поддержка социальных программ для молодежи и др. - все это вопросы, которыми данные органы стали активно заниматься.

Правительством была утверждена программа для молодежи, ставшая впоследствии президентской. Данная программа предназначалась для поддержки молодежи, ее духовно-нравственного и патриотического воспитания, развития предпринимательских навыков у молодежи, а также, для интеллектуального развития подрастающего поколения, и т.д.

При этом молодежная политика получает существенное финансирование со стороны государства. На реализацию рассматриваемой программы государством было выделено 1492,705 млрд. руб. Часть суммы выделялась из бюджета субъектов РФ. Необходимо было за счет этих средств решить не только вопросы занятости молодежи, ее духовного развития, поддержки молодой семьи, но и найти решение жилищных проблем, которые стоят достаточно остро. Говоря об итогах ее реализации, можно сказать, что полноценно реализована она не была, так как не была достаточно профинансирована, потому что предполагалось, что средства будут получены из всех возможных источников на всех уровнях, но этого не случилось [2].

Государство не уделяло особого внимания молодежи до 2000 г., и все эти указы и законы мало что в действительности меняли. Молодежные программы не финансировались, так как не считались приоритетными на тот момент времени. Финансирование проводилось по остаточному принципу. Большинство постановлений не имели обязательного характера. Их рекомендательный характер приводил к тому, что выделялись слишком маленькие суммы на их реализацию. К тому же, сами документы являлись краткосрочными. Вследствие этого, они не были включены в перечень острых социальных проблем, не являлись кризисными, что снижало их значимость.

Реализовались программы лишь формально, в основном, при необходимости, а именно – накануне выборов. На данный момент времени ситуация значительно улучшилась, но, тем не менее, в сфере молодежной политики нет гибкой нормативной базы. Бюджетно-финансовый механизм в

отношении данного вопроса плохо функционирует, а федеральные законы власти не всегда согласованы и подписаны Президентом РФ.

В 1999 г. к органам власти поступило конструктивное предложение от молодежных организаций, законодательной власти некоторых стран о принятии законов, регулирующих молодежную политику, проведении государством мер для решения вопросов самореализации, духовного развития, образования, трудоустройства молодежи. Предлагалось не только активно заняться усовершенствованием нормативной базы в данной сфере, но и создать телевизионный канал для детей и молодежи. Государство откликнулось на данное предложение. С 2000-ого года стал применяться программно-целевой подход. Стали создаваться и осуществляться федеральные целевые программы, а законодательная деятельность отходить на задний план. К примеру, одной из них являлась федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 г.)». Основной целью рассматриваемой программы являлась помощь молодому поколению на пути его развития и реализации своего потенциала на благо обществу и государству [6]. Подобную цель имела программа от 16.02.2000 г. №122 «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001–2005 г.».

В данный момент времени в нашей стране реализуется около 30 целевых молодежных программ. Это цифра значительно отличается от той, что была раньше. Она гораздо больше, но, несмотря на это, нашей стране необходима абсолютно новая эффективная концепция государственной молодежной политики [4]. В 2001 г. даже была создана группа, занимающаяся ее разработкой. Она должна быть ориентирована на расширение возможностей молодых в их устройстве на работу в органы государственной власти, сокращение численности безработных среди молодого поколения, увеличение доли молодежных организаций в стране.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-Р, была принята новая стратегия развития молодежной политики, которая основывалась, в первую очередь, на возможности оценки и вывода статистических данных, которые позволяют получить актуальную информацию, касающуюся молодежи и молодежной политики. Эти данные должны были помочь государству в понимании того, на что, более всего, стоит обратить внимание. Данная стратегия позволяет прогнозировать дальнейшее развитие ситуации и принимать вовремя меры по предотвращению негативных последствий. В ней также содержится индекс развития, определяющий уровень жизни, здоровья и образования молодых [3].

Основой современной молодежной политики Российской Федерации выступает стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года [5] и государственные программы поддержки молодежи, например, государственная программа «Лидер XXI века».

При этом на реализацию государственных молодежных программ из государственного бюджета

ежегодно выделяются значительные суммы средств. Также, отмечается сокращение расходов на финансирование молодежной политики в 2021–2022 годах. Это во многом связано с высокими затратами государственного бюджета на поддержку населения и бизнеса в условиях пандемии, в связи с чем многие статьи государственных расходов были урезаны.

Так, в 2021 году сокращены такие статьи расходов на молодежную политику, как программа «Развитие дополнительного образования детей и реализация мероприятий молодежной политики». По данному направлению отмечается сокращение расходов на 8,5 % в 2021 году и еще на 15 %, в 2022 году. Данная программа представляет собой составную часть государственной программы «Развитие образования», которая направлена не только на развитие молодежной политики, но и затрагивает вопросы развития как дошкольного, так и профессионального и прочих видов образования.

При этом стоит отметить, что в предыдущий период времени финансирование государственной молодежной политики росло. Так, например в 2019 году из государственного бюджета на молодежную политику было выделено 32,9 млрд руб., а в 2020 году данная сумма составила 45 млрд руб. Законом о бюджете на 2020 год и плановый 2021–2022 гг. финансирование было сокращено до 44,6 млрд руб. в 2021 году и до 39,3 млрд руб. в 2022 году. Еще большее сокращение планируется в 2023 году – до 37,3 млрд руб. Сокращение финансирования коснется таких программ, как государственная программа «Развитие культуры» и «Кадры для цифровой экономики».

Существенное внимание со стороны государства планируется уделить развитию патриотического воспитания молодежи, а также, формированию духовно-нравственных ценностей у российской молодежи.

Подводя итоги вышеизложенному материалу, можно констатировать, что становление современной государственной молодежной политики в Российской Федерации происходило в довольно сложных экономических и политических условиях и прошла довольно длительный путь в своем развитии. При этом современная молодежная политика выдвигает на первый план развитие и воспитание полноценной личности, формируя у молодежи нравственные и духовные ценности, чувство патриотизма и ответственности за будущее своей страны.

Однако существуют и определенные проблемы, касающиеся, в первую очередь, противоречий между федеральным и региональным законодательством в сфере молодежной политики. Для устранения данной проблемы необходимо принятие единого федерального закона, устанавливающего базовые основы молодежной политики на территории РФ.

Таким образом, современная молодежная политика должна выступать в качестве универсального инструмента, направленного на

преобразование государства. При этом цели молодежной политики должны быть напрямую

связаны с глобальной стратегией развития Российской Федерации.

Литература:

1. *Бабинцев В.П.* Государственная молодежная политика. М. : Юнити, 2018. 60 с.
2. *Гущин О.В.* Государственная молодежная политика в регионе: проблемы моделирования в современных условиях. М. : Астрель, 2017. 120 с.
3. *Комов В.Э.* Пути реализации современной молодежной муниципальной политики на примере муниципального образования «городской округ Подольск Московской области» / В.Э. Комов // Муниципальная академия. 2015. № 4. С. 35–42.
4. *Лескова И.В.* Маргинальность и культурная идентификация молодежи / И.В. Лескова // Социальная политика и социология. 2018. № 2. С. 252–259.
5. Постановление Правительства РФ от 29.11.2014. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики на период до 2025 года» // «КонсультантПлюс». URL : http://vmo.rgub.ru/files/basis_2025-937-2.rtf
6. *Ростовская Т.К.* Социальное конструирование правового статуса молодежи и молодой семьи / Т.К. Ростовская // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2018. № 3(35).
7. *Царихин В.А.* История развития государственной молодежной политики до 1995 года. Пермь : Меркурий, 2016. 13 с.

Literature:

1. *Babintsev V.P.* State youth policy. M. : Unity, 2018. 60 p.
2. *Gushchin O.V.* State youth policy in the region: problems of modeling in modern conditions. M. : Astrel, 2017. 120 p.
3. *Komov V.E.* Ways of implementing modern youth municipal policy on the example of the municipal formation «city district Podolsk of the Moscow region» / V.E. Komov // Municipal Academy. 2015. № 4. P. 35–42.
4. *Leskova I.V.* Marginality and cultural identification of youth / I.V. Leskova // Social Policy and Sociology. 2018. № 2. P. 252–259.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 29.11.2014. № 2403-r «Fundamentals of state youth policy for the period up to 2025» // «ConsultantPlus». URL : http://vmo.rgub.ru/files/basis_2025-937-2.rtf
6. *Rostovskaya T.K.* Social construction of the legal status of young people and young families / T.K. Rostovskaya // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Social Sciences series. 2018. № 3 (35).
7. *Tsarikhin V.A.* The history of the development of state youth policy until 1995. Perm : Mercury, 2016. 13 p.

Дружинин Глеб Викторович
преподаватель
кафедры государственного
и муниципального управления,
Институт социальных наук
Иркутского
государственного университета
druzhinin93@mail.ru

ГЕНЕЗИС КОРПОРАТИВНЫХ НОРМ КАК ОСОБОГО СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛЯТОРА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается генезис корпоративных норм как особого регулятора общественных отношений. Указывается, что связь корпоративных норм и корпоративной организации, где приняты данные нормы, носят, в том числе, генетический характер. Делается вывод о том, что корпоративные нормы могут быть выделены среди других социальных регуляторов за счет особенности исторического развития, особенностей своего функционального назначения, и совокупности признаков, несвойственной иным социальным регуляторам.

Ключевые слова: корпоративная норма, социальная норма, социальный регулятор, нормативное регулирование, корпоративное регулирование, общественные отношения, система социально-нормативного регулирования, корпоративное право, правовая система.

Общество как сложная и живая система, в которой протекают множество социальных процессов, находится в постоянной динамике. Развитие общественных отношений является нормальным условием для функционирования общества. Общественные отношения как социальные связи находятся в состояниях становления, развития, стагнации, упадка и полного прекращения. Основой для возникновения любых общественных отношений выступают человек, а именно: его воля и поведение. Вместе с этим, в процессе человеческого взаимодействия могут появляться различные социальные явления, которые, по своей сущности, являются социальными аномалиями, которые напрямую связаны с поведением людей и отклоняются от социально-принятой в обществе меры должного поведения.

Появление правил должного общественного поведения, как одного из исходных элементов механизма социального регулирования, по мнению С.Ю. Суменкова, определялось объективной необходимостью организационного единства общества, его существования и сохранения как целостного социального образования [10].

Gleb V. Druzhinin
Lecturer
of the Department of State
and Municipal Administration,
Institute of Social Sciences
of Irkutsk State University
druzhinin93@mail.ru

THE GENESIS OF CORPORATE NORMS AS A SPECIAL SOCIAL REGULATOR: GENERAL THEORETICAL ASPECT

Annotation. The article examines the genesis of corporate norms as a special regulator of social relations. It is indicated that the relationship between corporate norms and the corporate organization, where these norms are adopted, are, inter alia, of a genetic nature. It is concluded that corporate norms can be distinguished from other social regulators due to the peculiarities of historical development, the peculiarities of their functional purpose, and a set of features that are unusual for other social regulators.

Keywords: corporate norm, social norm, social regulator, standard regulation, corporate regulation, public relations, system of social and standard regulation, corporate law, legal system.

Социальные явления как, например, общественно опасное или общественно вредное поведение несут в себе угрозу общественному порядку. Именно поэтому у общества появляется потребность в упорядочении общественных отношений, т.е. установлении неких социально допустим норм поведения и контроле над поведением людей в целях соблюдения и охраны таких норм.

Упорядочение общественных отношений достигается при помощи социальных регуляторов. Для дальнейшего исследования вопроса о генезисе корпоративных норм как особого социального регулятора нам необходимо разобраться в понятии социального регулятора.

В настоящее время в научном сообществе существует многообразие подходов к пониманию социального регулятора. Под социальным регулятором можно понимать, во-первых, средство, с помощью которого осуществляется регулирование общественных отношений, например, социальные нормы; во-вторых, субъекта, осуществляющего регулирование социальных отношений, в-третьих, регулятивную систему. Несколько не

уменьшая значение приведенных подходов к пониманию социального регулятора, в рамках настоящего исследования мы полагаем, что целесообразнее рассматривать социальный регулятор как средство, с помощью которого осуществляется упорядочение общественных отношений.

Достаточно подробно система социальных регуляторов, в том числе, и место права в этой системе, была описана А.Б. Венгеровым, который проводил дифференциацию в зависимости от характера, выделяя нормативные и ненормативные социальные регуляторы [6]. К нормативным регуляторам ученый относил те, которые устанавливают конкретные, четкие рамки для поведения участников общественных отношений, содержат одинаковый масштаб (меру) поведения, т.е. норму. Ненормативными регуляторами, по мнению ученого, следует считать ценностный, директивный и информационный регуляторы, а также - такой своеобразный регулятор, как социальный институт предсказаний.

Необходимо подчеркнуть, что А.Б. Венгеров определял нормативный социальный регулятор как некую меру поведения (норму), как было указано выше, отождествляя социальную норму с регулятором. Соответственно, социальные нормы, к которым относятся корпоративные нормы [8], выступают регуляторами общественных отношений.

Прежде чем приступить к описанию истории зарождения и развития корпоративных норм, следует уяснить одну важную деталь.

Как отмечает С.А. Белоусов у каждого из регулирующих средств, в том числе и у права, должна быть своя сфера действия [2]. Такая сфера имеется и у корпоративных норм.

Н.А. Власенко, к примеру, определяет корпоративные нормы, как правила поведения в различных организациях, предприятиях, учреждениях и объединениях негосударственного характера, содержащиеся в уставах, положениях, программах и действующие только на членов данной организации [5]. Таким образом, сферой действия корпоративных норм является сфера корпоративных отношений, возникающих между членами корпоративной организации. Мы полагаем, что сфера действия корпоративных норм может быть шире, и корпоративные нормы регулируют также отношения не только между членами одной корпорации, но и упорядочивают отношения между корпоративными организациями как субъектами корпоративных отношений.

Важно обратить внимание на то, что корпоративная норма, которая находится в фокусе внимания большинства современных научных исследований, как социальное явление появилась относительно недавно, в то же время, период её зарождения, формирования и, наконец, появления имеет длительный характер. В этой связи, следует согласиться с Т.В. Кашаниной, которая отмечает: «Все социальные явления отличаются одной очень важной особенностью: в отношении подавляющего большинства из них нельзя указать

с определенностью тот день, год, а иногда и столетие, когда они появились. Процесс их зарождения происходил постепенно и по протяженности занимал большой промежуток времени: годы, десятилетия, столетия, а иногда и тысячелетия» [7].

Искать корни и истоки зарождения корпоративных норм следует в недрах первобытного общества. Основной социальной ячейкой первобытных людей являлась локальная группа, представляющая собой небольшой коллектив от 20 до 50 человек, состоящий из парных семей с детьми и родственниками, а также род.

Л.С. Васильев отмечает, что локальная группа обладала рыхлой структурой, текучим составом, существенно меняющимся за счет добровольного ухода одних и включения других [3]. В указанных социальных общностях происходило становление социальных норм, которые поддерживались её членами.

В данный период времени происходит, в основном, появление примитивных механизмов социального контроля и принуждения, которые применялись в социальной практике первобытного общества, а в дальнейшем находили свое развитие и применение уже в социальной практике современного общества. Например, в первобытном обществе существовал институт изгнания [11], который являлся механизмом защиты и восстановления социальных норм.

Обратим внимание на то, что обеспечение корпоративных норм специальными санкциями является, по мнению Л.А. Морозовой [9], обязательным признаком корпоративных норм, при этом, перечисляя виды санкций, она приводит в качестве вида такую санкцию, как исключение из организации. Данной позиции придерживается Н.А. Власенко, указывая, что корпоративные нормы обладают специальными санкциями [4].

Проводя историческую параллель, можно сделать вывод о том, что исключение из организации как специальная санкция за нарушение корпоративных норм, имеет сходство с институтом изгнания в первобытном обществе. Напрашивается вывод о том, что указанная специальная санкция за нарушение корпоративных норм берет свое начало в первобытном обществе.

Происходившие в обществе социально-экономические изменения повлекли за собой дифференциацию на социальные группы (сословия), которые отличались разным отношением к способам производства и, следовательно, долей производимого продукта, поэтому следующим значимым периодом развития корпоративных норм является Средневековье.

В средневековый период сословия представляли собой социальную общность, в которой формировались корпоративные нормы, более того, Т.В. Кашанина выражает идею о появлении в этот период сословно-корпоративных нормативных систем, которые были бы подходящими для регулирования отношений внутри каждого социального слоя и обеспечивали бы их взаимодействие с другими слоями общества [7].

Осмысление представленной выше идеи подводит к умозаключению, согласно которому, корпоративные нормы, образующие в своей совокупности нормативную систему, обслуживали преимущественно интересы каждого отдельного сословия. Данные обстоятельства также наводят нас на мысль о том, что корпоративные нормы и корпоративная организация имеют не просто устойчивые связи друг между другом, а более глубокие связи.

Детальный анализ взаимодействия корпоративных норм и корпорации, в которой корпоративные нормы функционируют, позволяет сделать вывод о генетическом характере связей, существующих между указанными явлениями. Для формирования и появления корпоративных норм необходимо соответствующая среда, в которой корпоративные нормы находят свое воплощение, такой средой как раз становится корпорация, которая творит свой пласт корпоративных норм. Если корпорация прекращает свое существование, следовательно, появившиеся в её деятельности корпоративные нормы прекращают свое функционирование.

В обосновании генетического характера связей между корпоративными нормами и корпоративной организацией, приведем позицию С.С. Алексеева: «Корпоративные нормы крепко «привязаны» к данному негосударственному образова-

нию и вследствие этого локальны и включены в социально-политическую жизнь, потому что как бы сопровождают ту или иную общественную организацию, общественное образование» [1]. Таким образом, корпоративные нормы являются производными по отношению к корпорации, которая устанавливает корпоративные нормы.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, истоки зарождения корпоративных норм заложены в период появления социальных норм первобытнообщинного строя.

Во-вторых, корпоративные нормы могут быть выделены среди других социальных регуляторов за счет особенности исторического развития, особенностей своего функционального назначения, и совокупности признаков, несвойственной иным социальным регуляторам.

В-третьих, источником появления и эффективного функционирования корпоративных норм выступает корпоративная организация. Указанные социальные явления обладают не только историческими, но и генетическими связями. Корпоративные нормы находят свое воплощение именно в сфере действия и функционирования корпораций.

Литература:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. 123–124 с.
2. Белоусов С.А. Дисбаланс в правовой системе сквозь призму конфликта между правом и моралью / С.А. Белоусов // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 3(18). С. 8.
3. Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-chiefdom) / Л.С. Васильев // Народы Азии и Африки. 1980 № 1. С. 172–186.
4. Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2009. 128 с.
5. Власенко Н.А. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Проспект, 2011. 194 с.
6. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М. : Юриспруденция, 2000. 184 с.
7. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права : учеб. пособие. М. : Высшее образование, 2008. 233 с.
8. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н.И. Матузов, А.В. Малько; Рос. акад. наук, Институт государства и права. М. : Юрист, 2004. 113 с.

Literature:

1. Alekseev S.S. General theory of law. M., 2008.123-124 p.
2. Belousov S.A. Imbalance in the legal system through the prism of the conflict between law and morality / S.A. Belousov // Vector of Science TSU. Series: Legal Sciences. 2014. № 3(18). P. 8.
3. Vasiliev L.S. Formation of a political administration (from a local group of hunters and gatherers to a proto-state-chief) / L.S. Vasiliev // Peoples of Asia and Africa. 1980. № 1. P. 172–186.
4. Vlasenko N.A. Theory of State and Law. M., 2009.128 p.
5. Vlasenko N.A. Theory of state and law : manual. M. : Prospect, 2011. 194 p.
6. Vengerov A.B. Theory of state and law : textbook for law schools. 3rd ed. M. : Jurisprudence, 2000. 184 p.
7. Kashanina T.V. The origin of state and law : manual. M. : Higher education, 2008. 233 p.
8. Matuzov N.I. Theory of state and law: a textbook for university students studying in the direction and specialty «Jurisprudence» / N.I. Matuzov, A.V. Malko; Grew up. acad. Sciences, Institute of State and Law. M. : Yurist, 2004. 113 p.

9. *Морозова Л.А.* Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. 156 с.

10. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве как средство обеспечения его легитимности / С.Ю. Суменков // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2(15). С. 34.

11. *Шепталин А.А.* Генезис и эволюция института наказания в первобытном обществе / А.А. Шепталин // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4). № 2. С. 169–189.

9. *Morozova L.A.* Theory of state and law : textbook. 4th ed., Rev. and add. M. : Eksmo, 2010. 156 p.

10. *Sumenkov S.Yu.* Exceptions are entitled as a means of ensuring its legitimacy / S.Yu. Sumenkov // Russian Journal of Legal Research. 2018. No. 2 (15). P. 34.

11. *Sheptalin A.A.* Genesis and evolution of the institution of punishment in primitive society / A.A. Sheptalin // Man: crime and punishment. 2019. Vol. 27 (1–4). № 2. P. 169–189.

Жегульская Александра Андреевна
аспирантка кафедры
социологии коммуникативных
систем социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
sangeg@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Аннотация. Для современного общества характерно состояние идеологического кризиса и неопределенности мировоззрения, что может быть обусловлено распространением процессов глобализации, а также, увеличением и усложнением информационных потоков. Статья посвящена определению театральных практик и их современным трансформациям. Отмечается ряд факторов, оказывающих ключевое влияние на процессы перестройки театрального поля. В статье описываются основные социальные детерминанты трансформаций, происходящих с театром в России.

Ключевые слова: театр, театральные практики, социальные детерминанты, экономические детерминанты, политические детерминанты.

Для современного общества характерно состояние идеологического кризиса и неопределенности мировоззрения, что может быть обусловлено распространением процессов глобализации, а также, увеличением и усложнением информационных потоков. В таких условиях логично ожидать возникновения следующих процессов: ослабления роли традиций, разрушения культурной преемственности, постепенной потери обществом ценностных ориентиров. Однако театр выступает как уникальное явление, затрагивающее культурный, социальный, эстетический аспекты жизни человека. Многочисленные исследования в области театра, проведенные в нашей стране и за рубежом, подтверждают значимость театра в моделировании социокультурной реальности человека. Однако не стоит забывать о том, что не только театр выступает в качестве двигателя общественных изменений, но и многочисленные социальные институты имеют непосредственное влияние на этот вид искусства.

Театр, который является актом художественного творчества, с помощью художественных образов отражает ценности различных социальных групп. При этом чувственно-эмоциональная природа театра позволяет не просто отражать эти ценности и смыслы, но и формировать их у человека. Феноменологическая природа театра раскрывает его эстетический и социокультурный компоненты.

Alexandra A. Zhegulskaya
Postgraduate Student of the Department
Sociology Communicative
Systems of the Sociological Faculty,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
University sangeg@yandex.ru

SOCIAL DETERMINANTS OF THE TRANSFORMATION OF THEATRICAL PRACTICES

Annotation. Modern society is characterized by a state of ideological crisis and uncertainty of outlook, which may be due to the spread of globalization processes, as well as the increase and complexity of information flows. The article is devoted to the definition of theatrical practices and their modern transformations. A number of factors are noted that have a key impact on the processes of restructuring the theater field. The article describes the main social determinants of the transformations taking place in theater in Russia.

Keywords: theater, theater practices, social determinants, economic determinants, political determinants.

Необходимо отметить, что на данном этапе отсутствует единое и общепризнанное определение понятия «театральная практика». Можно говорить лишь о совокупности представлений, обусловленных социальным, образовательным, культурным и творческим контекстами. Например, Б. Брехт в одной из своих работ [1, с. 114] в качестве иллюстрации к термину «театральные практики» описывает различные театральные и околотеатральные явления: пьесы, актерское мастерство и т.п. Е. Гротовский выделяет театральные практики из антропологических, анализируя их в контексте философии М. Фуко как «намеренные и отрефлектированные практики человека по преобразованию самого себя» [2, с. 106]. В рамках изучения социальных детерминант, влияющих на изменение театральных практик, наиболее уместно будет использовать определение, данное российскими социологами Т.И. Заславской и Б.Г. Юдиным, согласно которому, «театральные практики» можно определить как «совокупность форм функционирования социального института театра» [3, с. 12].

Развитие культуры предполагает преемственность, связь предшествующих состояний культуры с последующими состояниями культуры. Наличие преемственности – это такое же обязательное условие прогресса культуры, как и

создание чего-то нового, ведь, без этой преемственности накопленный опыт каждый раз исчезал бы, развитие необходимо было начинать с нуля, а продвижение вперед было бы невозможным. Однако преемственность означает не только использование новыми поколениями достояний культуры, но и активное воздействие прошлого на процесс формирования культуры будущего. Процесс влияния существующей культуры на ее дальнейшее развитие можно рассматривать как ее собственную внутреннюю детерминацию, без учета которой невозможно объяснить развитие культуры в истории. Например, нарушение преемственности, произошедшее при переходе от культуры Античности к Средневековью, существенно затормозило её прогресс в Западной Европе.

Театр в системе культуры – специфичное явление. Но, несмотря на его уникальность, к нему можно применить те же правила, что и к культуре, в целом. Однако необходимость сохранения традиционных культурных ценностей в театре сопровождается высокой социальной востребованностью инноваций и соответствующих им модернизационных стратегий. Это является отличительной чертой внутренней детерминации театра: инновационные процессы в социокультурной сфере России при всей своей актуальности и масштабности крайне противоречивы, что поднимает проблему поиска баланса между инновациями и традициями в социокультурной сфере.

Многообразное и мощное воздействие на театр, его развитие (или торможение) оказывают также социальные факторы. В данном случае термин «социальный» употребляется в широком смысле: он включает и экономические, и социально-политические моменты. Вопрос о характере их воздействия на театр является одним из тех, без анализа которого нельзя раскрыть особенности взаимодействия театра и общества. Само наличие социальной детерминации театра обусловлено включенностью последнего в социально-исторический процесс. В отрыве от этого процесса, вне связи с социальными проблемами, которые общество решает на различных этапах исторического развития, театр не может существовать и развиваться.

Анализируя особенности влияния экономических институтов на театр, интересно будет рассмотреть марксистскую позицию. С этой точки зрения экономика детерминирует любые явления культуры постольку, поскольку она определяет характер отношения людей к природе и друг к другу, ведь от уровня экономического развития общества зависят и материальные условия для культурного творчества, и сам характер культуры, возможности и пределы культурного прогресса данного общества.

В настоящий момент важной особенностью существования театра как одного из институтов культуры является его функционирование в условиях развития рыночных отношений. Любые произведения культуры и искусства становятся предметом купли-продажи, а существование их создателей тесно связано со спросом на их продукцию на

общем рынке. Важно отметить принципиальное изменение описанной ситуации по сравнению с советской эпохой, ведь в новой России на первый план вышли процессы децентрализации и самостоятельности.

Еще одна экономическая сторона жизни общества, существенная для процессов, происходящих с театром – это уровень жизни и материального благосостояния народа, его обеспеченность средствами к существованию. Исследования подтвердили, что между уровнем материальной обеспеченности населения и уровнем его культуры не существует прямой и непосредственной корреляции, поскольку их связь всегда опосредствована различными социальными отношениями. Сам по себе, рост материального благосостояния населения не определяет степень развития культуры общества, поэтому в одних случаях он выступает как одно из средств культурного развития, в других же повышение уровня жизни может привести не к развитию, а к упадку и деградации культуры. К примеру, место театра в культурной жизни общества за последние двадцать лет существенно изменилось. Если раньше он являлся рупором общественной мысли, то сейчас для публики первостепенное значение имеет театр как место отдыха.

Важно учитывать двойственный характер описанной детерминации театра. С одной стороны, экономика позитивно детерминирует театральные практики, давая большую свободу творчества и самовыражения для работников театра. Однако переход большого количества театров с государственного дотационного финансирования на проектные схемы лишило театральных работников чувства стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Детерминирующие отношения политики и театра не так прозрачны, как влияние экономики на институты искусства. Связь политики и театра имеет глубокие исторические корни. Театр издавна использовался властью для укрепления своих основ, менялись лишь механизмы этого использования. Если в Средние века политики устраивали рыцарские турниры, которые в своих произведениях воспевали менестрели, то в дальнейшем влияние выражалось иными способами.

Например, в России в первые послереволюционные годы отмечен невероятный скачок интереса народных масс к сценическому искусству: театр вышел на улицы и стал доступен всем. В годы Гражданской войны театр был одним из мощнейших орудий пропаганды, иногда приобретая вид праздничных манифестаций, парадов, митингов. Те же функции он выполнял и во время Великой Отечественной войны, помогая фронтовикам не терять веру в победу и силу партии.

В 1930-е – 1950-е годы и репертуары театров, и сама эстетика спектаклей определялись личными вкусами И.В. Сталина. основополагающим принципом был избран метод социалистического реализма, который окончательно ограничил свободу деятелей культуры. Театру, как и другим видам искусства, присваивались функции политического орудия, а в его основу были положены не эстетические, а идеологические критерии.

Последовавшая за тоталитаризмом «оттепель» стала необходимым кислородом для искусства. «Современник» и «Таганка» – знамена этого времени. Театры стремились освободиться от стереотипов, догм, мифической истории, которые были навязаны системой; они стремились раскрепостить сознание зрителя и вернуть ему способность самостоятельно мыслить и высказываться.

Но очень скоро политика изменила правила игры: эпоха застоя и последовавшая за ним строгая цензура вновь приостановили развитие театрального искусства. И лишь в начале 1980-х годов театр смог постепенно начать возвращение к самостоятельности в выборе репертуара.

Театральные практики 1990-х годов отразили приход постмодерна. Для этого времени характерны отмена табу и ограничений, симулятивность реальности, размывание всех возможных границ восприятия.

В данный момент мы наблюдаем постепенное возвращение к ситуации контроля. Громкие судебные процессы, лишение артистов наград и званий, попытки влияния на репертуар, урезание бюджета – все эти средства воздействия используются в современной политике. Несмотря на это, развитие средств массовой информации позволяет зрителям ознакомиться с любой театральной постановкой, независимо от того, одобряет ли её действующая власть. А повсеместное увеличение числа театральных лабораторий, которое наблюдается в России на протяжении последних двадцати лет, ведет к общей либерализации театральных пространств.

Социальные детерминанты театральных практик – феномен многосоставной. Его невозможно раскрыть полностью, не охарактеризовав величину воздействия на театр общества в целом и публики в частности.

Современное общество характеризуется высокой динамикой, нестабильностью и сложно прогнозируемым развитием, поэтому фрагменты повседневности, которые находят отражение в различных театральных практиках, отличаются такой же неустойчивостью. Театр, стремясь удовлетворить запросы нового общества, вынужден трансформироваться. Возникновение новых театральных форм – первая из подобных трансформаций. Структурные изменения общества повлекли за собой возникновение (или возрождение) следующих театральных практик: иммерсивный театр, пластический (хореографический) театр, доку-

ментальный театр, моноспектакль («театр одного актера»), социальный театр («театр равных»), горизонтальный театр, театр художника, play-back театр, site-specific и другие. Нельзя забывать и о лабораториях, упомянутых ранее. В определенный момент они показали возможность прямого общения режиссеров, актеров и драматургов с публикой.

Общественные перемены повлияли и на современную драматургию. Основная тема новой российской драмы – выживание человека и сохранение нравственных ориентиров. С изменением театрального текста меняются и методы постановки, режиссеры и актеры начали задавать друг другу и публике другие вопросы, искать новые средства, которые смогут передать тот кардинально новый опыт, который может дать современный театр.

Сценография также претерпела глобальные изменения: публика, начавшая уставать от «театра содержания» больше интересуется формой представления спектакля. И это не всегда должно быть классическое оформление сцены, усложненное множеством декораций. Чаще всего, современный зритель предпочитает нестандартные решения, позволяющие одновременно и испытать недоумение, и подумать о спектакле в «связке» с декорациями.

Также, именно трансформации общества стали причиной такого серьезного потрясения в театре, как уничтожение «четвертой стены». Этот прием использовался еще В.Шекспиром, а в дальнейшем и другими драматургами-классиками. Однако прямой контакт со зрителем, предполагающий обмен мнениями «здесь и сейчас», стал повсеместно распространяться только в начале прошлого века.

Таким образом, характер экономических отношений, уровень материального благосостояния населения, политический режим, существующие общественные настроения – все это, лишь часть основных социальных детерминант театральных практик. Воздействие вышеупомянутых процессов на театр может привести как к положительным, так и к отрицательным последствиям для театрального искусства, в целом. Однако нельзя забывать о том, что театр, выступая «зеркалом» всех общественных институтов и процессов, может, в свою очередь, повлиять на развитие любого из них. Именно этот двусторонний характер взаимодействия театра и социальной реальности открывает возможности для большого количества научных исследований этого вида искусства.

Литература:

1. *Брехт Б.* Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания : в 6 т. М. : Искусство, 1965. Т. 5. 345 с.
2. *Гротовский Е.* От Бедного театра к Искусству-проводнику / Е. Гротовский; Пер. с польск., составил вступит. ст. и примеч. Н.З. Башинджаган. М. : Артист. Режиссер. Театр, 2003. 351 с.

Literature:

1. *Brecht B.* Theater. Plays. Articles. Utterances : in 6 vol. M. : Art, 1965. Vol. 5. 345 p.
2. *Grotovsky E.* From the Poor Theater to the Art-Guide / E. Grotovsky Transl. from Polish. N.Z. Bashinjaghyan. M. : Artist. Producer. Theater, 2003. 351 p.

3. *Заславская Т.И.* О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса / Т.И. Заславская; Под общ. ред. Т.И. Заславской // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М. : МВШСЭН, 2001. С. 3–15.

3. *Zaslavskaya T.I.* On the subject-activity aspect of the transformation process / T.I. Zaslavskaya; Ed. ed. T. I. Zaslavskaya // Who and where is seeking to lead Russia? Actors of the macro-, meso- and micro-levels of the modern transformation process. M. : MVSHSEN, 2001. P. 3–15.

Капустина Надежда Николаевна

ассистент кафедры
социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
kapustinavanya@yandex.ru

Качурова Елена Владимировна

старший преподаватель
кафедры социальных
технологий и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
kachurova@bsu.edu.ru

Федина Кристина Васильевна

аспирантка кафедры социальных
технологий и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
semkiv_kv@mail.ru

**Анализ типичных проблем
сельских муниципальных
образований**

Аннотация. Автор статьи уделяет внимание проблемам сельских муниципальных образований, которые являются типичными для большинства сел и деревень России. В настоящее время прослеживается тенденция оттока местного населения из родных мест жительства. Вызвано это, прежде всего, нехваткой рабочих мест, недостатком полноценной инфраструктуры и «вымиранием» села в целом. Автор развивает мысль о том, что село, в отличие от города, требует более конкретных решений и действий, как от местной администрации, так и от каждого жителя непосредственно.

Ключевые слова: село, родина, муниципальное управление, сельские проблемы, социальная солидарность, социальная аномия, сельская бедность, сельский образ жизни.

Сельские поселения, в отличие от городских, всегда имели определенную специфику, как в социально-экономическом плане, так и в плане социальных взаимоотношений, протекающих в сельских сообществах. По этому поводу Е.И. Иванова, отмечает: «Крестьянский мир по своему образу жизни был автономен и самобытен. Веками он жил своей патриархальной семьей, общинным

Nadezhda N. Kapustina

Assistant of the Department
Social Technologies and Public Service,
Belgorod State National
Research University
kapustinavanya@yandex.ru

Elena V. Kachurova

Senior Lecturer of the Department
of Social Technology and Public Service,
Belgorod State National
Research University
kachurova@bsu.edu.ru

Kristina V. Fedina

Postgraduate Student of the Department
of Social Technologies and Public Service,
Belgorod State National
Research University
semkiv_kv@mail.ru

**ANALYSIS OF TYPICAL PROBLEMS
OF RURAL MUNICIPAL FORMATIONS**

Annotation. The author of the article pays attention to the problems of rural municipalities, which are typical for most villages and hamlets in Russia. Currently, there is a tendency of the outflow of the local population from their native places of residence. This is caused, first of all, by the lack of jobs, lack of full-fledged infrastructure and the “extinction” of the village as a whole. The author develops the idea that the village, in contrast to the city, requires more specific decisions and actions, both from the local administration and from each resident directly.

Keywords: village, homeland, municipal government, rural problems, social solidarity, social anomie, rural poverty, rural lifestyle.

миропорядком. Несмотря на смену социального времени, типичные черты крестьянства сохранялись и передавались каждому последующему поколению (например, крепкие семейные связи, трудолюбие, патриотизм). Коренной основой жизнедеятельности крестьянства оставалась верность традициям. Крестьянское сознание не противопоставляло индивидуальное начало коллек-

тивному: индивидуальность жизнедеятельности дополнялась коллективизмом общины, повседневной взаимопомощью, коллективными формами проведения досуга и нормами общения. Традиция обеспечивала накопление коллективного опыта и его постоянное воспроизводство во многих поколениях. Она проявлялась в ценностных ориентациях, образе жизни, социальном опыте и отношениях крестьян, поддерживала преемственность поколений в сфере демографического поведения» [1].

С точки зрения изменений, происходящих в сельской местности, она остается привлекательной площадкой для социологических исследований. Проблемы сельских поселений остаются актуальными на протяжении многих лет, это обусловлено разными причинами и факторами. Но, в первую очередь, следует отметить удаленность села от города, низкие заработные платы и «исчезновение» коренного населения. Далее более подробно обратимся к анализу проблем, типичных для сельских поселений.

В современных условиях сельские муниципальные образования сталкиваются с рядом уже типичных (устоявшихся) проблем, как социально-экономических, так и социокультурных, которые стимулируют социальную разобщенность.

В качестве проблем социально-экономического характера выделим следующие:

1. Бедность и нищета сельских поселений.

А.С. Горбова отмечает, что «бедность представляет собой экономический институт, закрепляющий, через территориально опосредованные механизмы, диспропорции в уровне и качестве жизни населения» [3]. Продолжительный кризис и одновременно с ним происходящий упадок сельхозпроизводства привели к деградации сельских территорий, снижению уровня жизни сельского населения. Главными проблемами остаются безработица, сельская бедность, активная миграция сельского населения. По заключению академика А.В. Петрикова: «Бедность в России имеет сельское лицо. Если в целом по стране доля населения с доходами ниже прожиточного минимума - 5,4 %, то в сельской местности - 18,5 %, в несколько раз больше. Доля сельского населения в общей численности населения страны - это 26 %. А доля сельских жителей в категории малоимущего населения, то есть, населения с доходами, ниже прожиточного минимума - уже 52 %» [4].

В.В. Пациорковский, исследуя причины бедности в сельских сообществах, отмечает, что «такие агенты влияния, как государство, корпоративный сектор, меценатство, благотворительность и другие организационно-управленческие и инвестиционные структуры, являются внешними для целей сельского развития. Они могут реализовать различные программы, но в целом от этого жизнь на селе не становится лучше» [5]. То есть, по факту, нет конкретных людей, организаций, которые бы определенно занимались решением вопроса устранения бедности на селе. Это связано, прежде всего, с отсутствием (или завуалирован-

ностью) экономически активных и социально ориентированных сельян. Также, сельские сообщества, по большей части, еще только формируются и некому взять на себя ответственность и организацию устранения данного социального явления. Кроме того, важным является то, что отсутствует полноценная институциональная среда организации и поддержания местной жизни.

В результате вышеупомянутых обстоятельств, главный институт сельской жизни - местные органы самоуправления либо сами ждут помощи, либо вообще сворачиваются, в процессе получающих все более широкое распространение преобразований муниципальных районов в городские округа. Несомненно, полное финансирование (бюджетирование) сельских поселений является необходимым и важным, однако, оно не является основополагающим препятствием на пути сельского развития. Важную роль здесь играют инициативы лидеров среди сельчан, авторитетных жителей, которым доверяют, на которых надеются и прибегают к их помощи. Только с их возвращением на селе как особого социального слоя может начаться сельское развитие и искоренение сельской бедности.

2. Проблема недостаточности сельской инфраструктуры.

Так, в целях сокращения затрат на содержание объектов социальной инфраструктуры на селе долгое время проводилась политика «оптимизации» сети учреждений социальной сферы, результатом которой стали: массовое закрытие малокомплектных сельских школ, детсадов, медицинских и культурных учреждений, невозможный ввод новых объектов и уменьшение плотности их размещения.

Реальность такова, что сельским жителям (детям, молодежи, взрослым) попросту, нечем заняться после окончания основной учебной или трудовой деятельности. Зачастую, в селе есть один ДК, библиотека, парк с примитивной стандартной детской площадкой. В большинстве сельских поселениях до сих пор отсутствует интернет, что также не является плюсом для инфраструктурного развития территории.

Неудовлетворительные условия жизни являются существенным фактором, способствующим нарастанию социальной дизъюнкции. Низкий уровень жизни провоцирует распространение в обществе взаимного безразличия, агрессивности и недоверия, что, в свою очередь, ограничивает социальные контакты, как результат - возникает дефицит социальной солидарности.

3. Безработица.

Безработица в селе связана с несколькими факторами:

- во-первых, это «исчезновение» колхозов. Многие села позиционировали себя как процветающие и преуспевающие, именно благодаря наличию коллективных хозяйств. Так, люди работали рядом с домом, проводили на рабочем месте большую часть времени со своими друзьями и

соседями, занимались единым общим делом, а это, в свою очередь, колоссальная основа для консолидации сельского сообщества, его укрепления;

– во-вторых, значительная удаленность села от города. Сегодня большинство сельских жителей, особенно, молодежь, старается уехать работать в город, опять же по причине нехватки рабочих мест на селе. Однако здесь важно выделить существенное противоречие: хотя на селе и процветает безработица, зачастую, не хватает людей чисто сельских профессий, не остается квалифицированных кадров, которые готовы были работать в своем селе за низкую оплату труда, по сравнению с городскими трудовыми тарифами.

4. Активная миграция сельского населения.

Сельское население, и это касается не только молодежи, активно старается уехать из села в районы, города и даже в другие страны. Основной двигательный компонент в данном разрезе – это поиск высокооплачиваемого места работы. Также, весомой причиной отъезда населения из села является поиск лучшей социальной инфраструктуры – полноценные школы, детские сады, спортивные комплексы, доступные учреждения здравоохранения и пр. Молодые семьи, стремясь дать лучшее образование и развитие своим детям, покидают села и зачастую устраивают свою жизнь в районном центре или в городах. В данном случае можно констатировать, что любая миграция сельского населения ускоряет депопуляцию жителей села и, следовательно, деформацию половозрастной структуры населения.

Литература:

1. *Иванова Е.И.* Социально-демографическая структура современного села: особенности и факторы / Е.И. Иванова // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2017. № 4. С. 468.
2. Сельское поселение как муниципальное образование. URL : https://studbooks.net/1058452/pravo/selskoe_poselenie_munitsipalnoe_obrazovanie (дата обращения 20.04.2021).
3. *Горбова А.С.* Стратегические приоритеты преодоления бедности в системе региональной социально-экономической политики. 2015. URL : <http://konf.x-pdf.ru/18ekonomika/291418-1-strategicheskie-prioritety-preodoleniya-bednosti-sisteme-regionalnoy-socialno-ekonomicheskoy-politiki.php> (дата обращения 20.04.2021).
4. У нищеты в России – сельское лицо... Каждый второй официальный бедняк живет в деревне. URL : <http://www.viapi.ru/download/2020/Nikonov-2020.pdf> (дата обращения 21.04.2021).
5. *Пацiorковский В.В.* Бедность сельского населения России: генезис, пути преодоления, прогноз. URL : <https://www.isras.ru/publ.html?id=8346> (дата обращения 21.04.2021).

В целом, перечисленные проблемы приводят к снижению привлекательности сельской территории, препятствуют ее социально-экономическому развитию и являются базисом для возникновения множества иных проблем, в том числе. и социокультурного характера: субкультурная дифференциация; кризис доверия; социальная аномия.

Вследствие вышеперечисленных проблем, многие села просто перестают существовать: в селе либо вовсе не остается жителей, либо оно объединяется с несколькими территориями, образуя новый населенный пункт. Сильным толчком к этому послужил распад коллективного хозяйства, вследствие чего – потеря рабочих мест, а, соответственно, понижение уровня социального благополучия. Конечно, ведя свое домашнее хозяйство, каждый сельский житель вправе открыть свое фермерское предприятие, однако, по факту их подавляют огромные агропромышленные холдинги. Вымрут ли деревни совсем? Вряд ли, потому что современный человек все чаще стремится найти уединенное место: тихое, спокойное. У многих горожан есть дачи, куда они с удовольствием приезжают каждый сезон, возделывать свои огороды и сады. Однако выявленные проблемы сельских муниципалитетов актуальны и требуют более детального изучения и конкретного совершенствования. Несомненно, на пути к устранению возникших проблем должна стоять не только местная администрация, но и каждый индивид в целом. Село – это такая общность людей, которая характеризуется коллективизмом и самобытностью. И, по всей вероятности, сегодня село сможет выжить, лишь используя общий «людской» потенциал, который должен подкрепляться доверием, взаимопомощью, трудолюбием и социальной ответственностью.

Literature:

1. *Ivanova E.I.* Socio-demographic structure of the modern village: features and factors / E.I. Ivanova // Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2017. № 4. P. 468.
2. Rural settlement as a municipal entity. URL : https://studbooks.net/1058452/pravo/selskoe_poselenie_munitsipalnoe_obrazovanie (date of application 20.04.2021).
3. *Gorbova A.S.* Strategic priorities for overcoming poverty in the system of regional socio-economic policy. 2015. URL : <http://konf.x-pdf.ru/18ekonomika/291418-1-strategicheskie-prioritety-preodoleniya-bednosti-sisteme-regionalnoy-socialno-ekonomicheskoy-politiki.php> (date of application 20.04.2021).
4. Poverty in Russia has a rural face... Every second official poor person lives in the countryside. URL : <http://www.viapi.ru/download/2020/Nikonov-2020.pdf> (date of application 21.04.2021).
5. *Patsiorkovsky V.V.* Poverty of the rural population of Russia: genesis, ways of overcoming, forecast. URL : <https://www.isras.ru/publ.html?id=8346> (date of application 21.04.2021).

Колмыкова Марина Александровна

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра государственного
и муниципального управления,
Оренбургский
государственный университет
mari_kol@mail.ru

Амосова Анастасия Игоревна

студентка,
кафедра государственного
и муниципального управления,
Оренбургский
государственный университет
amosova123@icloud.com

**ФОРМИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

Аннотация. Ценностные ориентиры претерпели качественное изменение в ходе эволюции общества. Межличностные отношения между людьми приобретают совершенно новый характер. Современному этапу развития общества необходимо большое значение придавать таким социальным явлениям, как формирование системы нематериальных ценностей. В данной статье обосновывается значимость формирования социального капитала в современной России, также рассмотрены его составляющие, а именно: социальные сети, нормы и доверие. Акцент делается на интегрированном уровне доверия к различным социальным институтам. Обозначены проблемы, связанные с формированием социального капитала и предложены некоторые мероприятия для накопления социального капитала на уровне региона.

Ключевые слова: социальный капитал, интегрированный уровень доверия, социальные сети, нормы, ценности, доверие, социальные институты, социальный капитал региона.

Ценностные ориентиры претерпели качественное изменение в ходе эволюции общества. Межличностные отношения между людьми приобретают совершенно новый характер. Современному этапу развития общества необходимо большое значение придавать таким социальным явлениям, как формирование системы нематериальных ценностей. В свою очередь, социальный капитал определяет траекторию социального развития путем формирования

Marina A. Kolmykova

Candidate of Sociological Sciences
Associate Professor,
Department of State
and Municipal Administration,
Orenburg State University
mari_kol@mail.ru

Anastasia I. Amosova

Student,
Department of State
and Municipal Administration,
Orenburg State University
amosova123@icloud.com

**FORMATION OF SOCIAL CAPITAL
IN MODERN RUSSIA:
FROM THEORY TO PRACTICE**

Annotation. Values have undergone qualitative changes in the course of the evolution of society. Interpersonal relationships between people take on a whole new character. The modern stage of the development of society needs to be given great importance to such social phenomena as the formation of a system of intangible values. This article substantiates the importance of the formation of social capital in modern Russia, also examines its components, namely: social networks, standards and trust. The emphasis is on the integrated level of trust in various social institutions. The problems associated with the formation of social capital are identified and some measures are proposed for the accumulation of social capital at the regional level.

Keywords: social capital, integrated level of trust, social networks, standards, values, trust, social institutions, social capital of the region.

нескольких элементов, таких как доверие, систему общих ценностей и норм, что способствует целостности общества. Без этих составляющих компонентов не имеет смысл совместная работа, так как будет отсутствовать вовлеченность в общественные сети, что затруднит начало коммуникаций между населением. Также, наличие социального капитала позволит обществу решать проблемы, опираясь не только на свои собственные силы, но и на опыт предыдущих поколений, ведь

социальный капитал – это еще и речь о взаимодействии с накопленным капиталом прошлого.

Впервые понятие «социальный капитал» было введено французским социологом П. Бурдьё для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод [1].

В современном понимании, утвердившемся в гуманитарных науках, социальный капитал базируется на отношениях между людьми и отличается от человеческого, означающего совокупность знаний и способностей индивида [2]. Дж. Коулман представлял обязательства членов группы как «кредиты», которые поддаются погашению. Исследователь данным образом установил связь социального капитала и финансового. Услуга, оказанная кому-либо, будет предполагать отдачу, необходимость в которой может появиться в будущем [3].

К.Ю. Лысенко и А.Е. Типикина считают, что в современной науке силами политологов, социологов, психологов, антропологов и представителей иных дисциплин сформировалось понятие социального капитала – как общественного ресурса, который содействует торговле и инвестициям, также способствует решению разных по масштабу общественных задач. Социальный капитал распространяет информацию, также укрепляет доверие между друг другом, делает индивидуальную репутацию общественным достоянием, привлекает ресурсы для общественных проектов, способствует благотворительности и иным формам альтруистического поведения [4].

Если говорить о влиянии социального капитала в современном мире, то существует ряд параметров, характеризующих качество социальных связей. Такими параметрами могут выступать воспитание человека, образование, уровень культурного развития.

Социальный капитал можно формировать еще со школьного возраста, также его формирование возможно в рамках семьи. Это говорит о всесторонности развития социального капитала и о том, что он затрагивает не только сферу образования, но и сферу семейных отношений.

Переход общества к постиндустриальной экономике позволил рассматривать образование как социальный капитал, потому что уровень образования зачастую выступает социальной характеристикой личности. В современной России образование является отличным социальным лифтом, который может помочь приобрести новые социальные связи. Однако степень качества таких связей будет напрямую зависеть от престижа учебного заведения, что зачастую упирается в материальную обеспеченность людей. Никто не исключает возможность накопления полезных социальных связей посредством хорошей учебы, способностью идти к своей цели. Есть лишь разница во времени и объеме накапливаемого социального капитала. Очень часто стремления попасть в определенную социальную группу подталкивают человека на приобретение высшего образования.

С точки зрения ресурсного подхода, по мнению Е.А. Карповой и И.Б. Зайчиковой, феномен «социальный капитал» занимает основную роль в линейке факторов перспективного развития личности. В совокупности, социальный капитал предполагает собой систему социальных отношений, благодаря которой каждый из членов этого сообщества получает доступ к совместным ресурсам и стремится к увеличению эффективности совместных усилий. Социальный капитал является продуктивным ресурсом и дает возможность получать результаты, которые невозможно было бы получить в его отсутствие [5].

Л. Полищук и Р. Меняшев считают, что в исследованиях социального капитала, которые начали вести психологи, социологи и антропологи, а затем и экономисты, выделяется, так называемая, «триада социального капитала». Она включает в себя доверие, нормы и ценности, а также социальные коммуникации и сети. Все элементы триады связаны друг с другом: сети укрепляют доверие между участниками и способствуют распространению и укреплению социальных норм, а общность ценностей и взаимное доверие расширяют социальные сети и контакты [6].

Основной задачей социального капитала считалось обоснование ценности межличностных отношений в различных аспектах социальной жизни и сферах общества. Отношения, согласно социальному капиталу, строятся на доверительном отношении между людьми, добровольном участии в работе волонтерских организаций, деятельности социальных институтов. Все это является прочным фундаментом для построения взаимовыгодных отношений между людьми и группами лиц на честности и доверии.

По мнению Е.А. Карповой и И.Б. Зайчиковой, социальный капитал можно определить как систему социальных связей, обеспечивающих взаимодействие, организованность, сплоченность, ответственность, взаимную поддержку в различных ситуациях жизнедеятельности человека. Так, группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна работать продуктивнее по сравнению с группой, не обладающей данными качествами. Следует также подчеркнуть, что факторы «взаимность» и «доверие» являются личностными характеристиками человека [5].

В нынешнее время наша страна испытывает сильный дефицит социального капитала. Это связано с низким уровнем доверия между гражданами, неразвитостью социальных сетей, которые ограничивают возможность россиян к самоорганизации и совместным действиям в интересах общества. Также, недостаток социального капитала возмещается значительным контролем бюрократии над экономикой и обществом. Все эти аспекты являются барьерами на пути к формированию гражданского общества, без которого трудно себе представить современное правовое государство.

А.С. Селина и Г.А. Чеджемов считают, что низкий уровень доверия граждан, малая социальная

ответственность – причины возникновения разнообразных социальных проблем, которые связаны с демократией, коррупцией и правами человека, состоянием морали и нравственности и межнациональными конфликтами [7].

Нельзя обойти стороной негативные черты социального капитала, в частности в российском предпринимательстве. Очень часто накопленные связи социального капитала влекут за собой использование служебного положения для получения взяток, неуплаты налогов при возникновении такой возможности, проезд в общественном транспорте без оплаты, а также получение государственных льгот человеком, который не имеет право на это. Необходимо отметить, что направления использования накопленных социальных связей сильно зависят от менталитета людей. Наше государство является ярким примером смешения поколений с разными ценностными ориентирами. Люди советского времени характеризуются более устойчивым отношением к собственной деятельности, нежели нынешнее поколение, способное быстро адаптироваться к изменчивости современного мира. Проблема поколений актуальна и в данном случае, так как социальный капитал прошлого существенно отличается от того, который формируется в настоящие дни.

Х.А. Кобелева отмечает, что медленное накопление социального капитала в России связано с атомизацией российского общества, так как, чтобы «внести вклад» в социальный капитал, человеку нужно адаптироваться к моральным нормам конкретного общества и принять основную в нем систему ценностей, правил и норм. В противоположной ситуации человек в своей повседневной деятельности будет действовать эгоистически, «играть по своим правилам», не брать во внимание нормы общественной морали. В такой ситуации речь идет о «накоплении» так называемого «негативного» социального капитала и усилении недоверия в обществе [8].

Как было сказано ранее, ключевой составляющей социального капитала является доверие. Если рассмотреть основные социальные институты, то можно выделить различные уровни доверия населения. Ту или иную степень доверия в данных социальных институтах обозначим как интегрированный уровень доверия. По нашему мнению, вышеуказанный уровень доверия больше всего в социальном институте семьи, так как она является первичным этапом социализации. Как известно, социализация делится на первичную (семья, близкие друзья) и вторичную (школа, государство, образовательные организации и т.д.), поэтому именно в семье у ребенка формируются основы формирования социального капитала: установки и образцы поведения по отношению к другим людям, а также, ценности и нормы установления социальных контактов.

После семьи по интегрированному уровню доверия следует выделить социальный институт образования, который обеспечивает овладение нравственно-эмоциональным отношением к миру и ценностями культуры, опытом творческой и профессиональной деятельности, развивающей

духовные и материальные достижения человечества. Образование находится на втором месте по уровню доверия, так как тоже является инструментом вторичной социализации индивида.

В данной статье мы не будем анализировать каждый социальный институт, а позволим себе выделить особый институт, в котором доверие регулярно исследуется социологами. Речь идет о результатах исследования ВЦИОМ, который регулярно предлагает познакомиться с индексами доверия к политикам, оценками деятельности государственных институтов и отношением к политическим партиям. Показатель одобрения деятельности Президента с 22 по 28 марта 2021 года составил 61,2 %. Уровень положительной оценки работы премьер-министра и Правительства России за последнюю неделю составили 42,5 % и 35,9 %, соответственно [9].

Общество очень осторожно относится к профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих, которая значительно отличается в реальности от требований федеральных законов. Утрате доверия к чиновникам и политическим партиям способствуют громкие коррупционные скандалы, о которых мы узнаем из средств массовой информации.

Сегодня самым актуальным является вопрос сохранения и приумножения социального капитала на государственном уровне. К сожалению, налицо заметны неблагоприятные тенденции, подрывающие социальные связи, основанные, в том числе, на доверии к определенным государственным структурам.

В спорте – допинговые скандалы, постоянные процессы оптимизации лечебных учреждений в здравоохранении, в образовании – отток талантливой молодежи, закончивших школы, в крупные города для поступления в вузы. Масштаб последней указанной проблемы уже осознается на государственном уровне, неслучайно в ежегодном послании Президента РФ мы все услышали мероприятия, которые нужно еще реализовать, чтобы молодежь оставалась учиться в региональных вузах, и, естественно, решением данной проблемы является увеличения числа бюджетных мест на некоторых направлениях подготовки.

Особо хочется отметить некоторый парадокс, который существует в нашем обществе, с одной стороны, подорвано доверие к органам власти и наблюдается снижение социальной солидарности в обществе, с другой стороны, русская ментальность является мощным инструментом, объединяющим людей. Примером может служить множественность проявлений социальной солидарности в период Великой Отечественной войны [10], или ситуация в период перестройки, когда людям по полгода не платили зарплату, но они оставались преданы тем организациям, на которых трудились, и являлись их частью несмотря ни на что.

Считаем необходимым выделить несколько проблем формирования социального капитала в современной России:

1. Низкий уровень доверия ко многим социальным институтам (государство, бизнес, здравоохранение, экономика). Отметим, что уровень доверия в обществе интересует социологов только в контексте изучения индекса доверия к Президенту, партиям и политическим лидерам.

2. Социальный капитал в отдельных сообществах, например, бизнес-структурах, является как бы законсервированным и, как правило, не выходит за их пределы, что, в свою очередь, не несет положительный вклад в общество в целом, так как каждое предприятие заинтересовано в собственном развитии.

3. Отсутствие заинтересованности со стороны глав регионов в консолидации общества, повышении интегрированного уровня доверия в отдельных социальных институтах, а, следовательно, и в формировании социального капитала.

4. Нехватка крупномасштабных мероприятий, где социальные сети будут способствовать обмену опытом, принятию других социальных групп, как на государственном, так и на более мелких уровнях (в школах, университетах, в семьях и организациях).

Отметим, что на сегодняшний день существует огромное количество научных работ, посвящённых исследованию социального капитала и его возможностей консолидации общества в единое целое. Однако отсутствуют ответы на вопросы – можно ли формировать социальный капитал? Как это возможно сделать? Какие инструменты для этого необходимы? Посредством каких конкретных действий возможно укрепление уровня доверия к государственной власти, бизнесу? Кто должен быть заинтересован в накоплении социального капитала, как в регионах, так и во всей стране?

Литература:

1. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60–74.

2. Zwingenberger M. Soziales Kapital. Communities und die Bedeutung sozialer Netzwerke in den USA: Dissertation. München, 2003. 328 p.

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

4. Лысенко К.Ю. Экономическое значение социального капитала / К.Ю. Лысенко, А.Е. Типикина // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 2. URL : <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=14331> (дата обращения 21.04.2021).

5. Карпова Е.А. Социальный капитал личности: перспективы развития и возможные проблемы / Е.А. Карпова, И.Б. Зайчикова // Социология и право. 2018. № 1(39). С. 50–56.

6. Полищук Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р. Меняшев // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.

На эти и многие другие вопросы постараемся ответить в наших последующих исследованиях, а пока рассмотрим мероприятия, которые могут способствовать накоплению социального капитала на уровне отдельно взятого региона, а именно:

– включение в стратегии социально-экономического развития регионов разделов, посвященных Концепции формирования социального капитала;

– разработка мер поддержки для коммерческих организаций, реализующих социальную ответственность перед обществом, потребителями, партнерами, включающую обязательным элементом размещение на официальных сайтах этой информации и подкрепление своих слов отчетам о реализации конкретных мероприятий;

– проведение мероприятий на уровне региона, способствующих общению представителей различных профессиональных сообществ, с целью установления тесных деловых контактов, которые в дальнейшем могут быть основой доверительных партнерских отношений;

– реализация мероприятий с формированием временных проектных команд из сотрудников различных учреждений и организации, что будет способствовать созданию более разветвленной сети контактов;

– разработка и апробация консультационных проектов по формированию социального капитала в образовательных организациях путем реформирования организационной структуры, обучения его членов с последующей передачей опыта коллегам и определения комплекса мероприятий по формированию социального капитала конкретной образовательной организации.

Literature:

1. Bourdieu P. Forms of capital / P. Bourdieu // Economic sociology. 2005. № 3. P. 60–74.

2. Zwingenberger M. Soziales Kapital. Communities und die Bedeutung sozialer Netzwerke in den USA: Dissertation. München, 2003. 328 p.

3. Coleman J. Social and human capital / J. Coleman // Social sciences and modernity. 2001. № 3. P. 122–139.

4. Lysenko K.Yu. The economic significance of social capital / K.Yu. Lysenko, A.E. Tipikina // International student scientific bulletin. 2016. № 2. URL : <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=14331> (date of the application 21.04.2021).

5. Karpova E.A. Social capital of the individual: development prospects and possible problems / E.A. Karpova, I.B. Zaichikova // Sociology and law. 2018. № 1(39). P. 50–56.

6. Polishchuk L. Economic value of social capital / L. Polishchuk, R. Menyashv // Economic issues. 2011. № 12. P. 46–65.

7. *Селина А.С.* Социальный капитал в России и его влияние на социальные проблемы / А.С. Селина, Г.А. Чеджемов // Социологические науки. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-v-rossii-i-ego-vliyanie-na-sotsialnye-problemy/viewer> (дата обращения 22.04.2021).

8. *Кобелева Х.А.* Проблема формирования социального капитала в современной России / Х.А. Кобелева // Вестник ВГУ. Серия: история. политология. социология. 2015. № 3. С. 75–77.

9. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL : <https://wciom.ru/>. (дата обращения 07.05.2021).

10. *Тюриков А.Г.* Социальные ресурсы и капитал: уроки и вызовы современности / А.Г. Тюриков // Гуманитарные науки. вестник финансового университета. Тема номера: революция и реформы. 2018. № 2. С. 51–53.

7. *Selina A.S.* Social capital in Russia and its impact on social problems / A.S. Selina, G.A. Chedzhemov // Sociological sciences. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-v-rossii-i-ego-vliyanie-na-sotsialnye-problemy/viewer> (date of application 22.04.2021).

8. *Kobeleva Kh.A.* The problem of social capital formation in modern Russia / Kh.A. Kobeleva // Vestnik VSU. Series: history. political science. sociology. 2015. № 3. P. 75–77.

9. Official site of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion VTsIOM. URL : <https://wciom.ru/> (date of application 05.07.2021).

10. *Tyurikov A.G.* Social resources and capital: lessons and challenges of our time / A.G. Tyurikov // Humanities. Vestnik of the Financial University. Theme of the issue: revolution and reforms. 2018. № 2. P. 51–53.

Комарова Яна Бахрузовна

старший преподаватель
кафедры теории и истории
государства и права,
Владимирский юридический
институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

Михалева Ольга Владимировна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
Владимирский
государственный университет
denisovaolga@inbox.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ
КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ
ИММЕРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
У БАКАЛАВРОВ-ЮРИСТОВ**

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью пересмотра существующих традиционных форм, методов и средств обучения в связи с переходом к широкому использованию цифровых технологий в образовательном процессе вуза. Целью проведенного нами исследования было проанализировать применение иммерсивных технологий в образовательном процессе будущих бакалавров-юристов как одного из ключевых компонентов способствующего более качественной профессиональной подготовке и формированию у студентов коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: бакалавр-юрист, иммерсивные технологии, коммуникативная компетентность, образовательный процесс, профессиональная подготовка, цифровая образовательная среда, цифровые образовательные ресурсы, цифровые технологии.

Современная система образования переживает новый виток, не только по тому, что происходят изменения на рынке труда, который динамично меняется; постоянно появляются новые профессии, усложняются требования к уже существующим, и высшая школа должна гибко и быстро реагировать на эти запросы, что, в свою очередь, привело к смене стандартов 3+ на стандарты ФГОС ВО 3++. Данные стандарты тесно связаны с профессиональными стандартами по отраслям. Однако анализ стандартов ФГОС 3++ позволяет нам констатировать тот факт, что в них отсутствуют профессиональные компетенции. Образовательная организация

Yana B. Komarova

Senior Lecturer of the Department
of Theory and History
States and Rights,
Vladimir Legal
Federal Service Institute
Enforcement of Penalties in Russia
Ya.Ireland@mail.ru

Olga V. Mikhaleva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of Foreign Languages
and Professional Communication,
Vladimir State University
denisovaolga@inbox.ru

**FORMATION
OF COMMUNICATIVE COMPETENCE
ON THE BASIS OF IMMERSION
TECHNOLOGIES FOR BACHELOR
OF LAW STUDENTS**

Annotation. The relevance of this article is due to the need to revise the existing traditional forms, methods and means of teaching in connection with the transition to the widespread use of digital technologies in the educational process of the university. The aim of our research was to analyze the use of immersive technologies in the educational process of future bachelors of laws as one of the key components contributing to better professional training and the formation of students' communicative competence.

Keywords: bachelor of laws, immersive technologies, communicative competence, educational process, professional training, digital educational environment, digital educational resources, digital technologies.

самостоятельно должна дополнить перечень профессиональных компетенций с опорой на профстандарт, разработать к ним требования и уровни. Перед образовательной организацией встает задача повышения уровня компетентности студентов, формированию у них компетенций направленных на формирование знаний умений и навыков для дальнейшего их применения в профессиональной деятельности. При этом процесс обучения должен быть основан на сетевом взаимодействии преподавателя студента с опорой на иммерсивные технологии.

Анализ профессиональной подготовки студентов, обучающихся по направлению 40.03.01

«Юриспруденция» в вузе, позволяет нам сделать вывод о целесообразности разработки и формирования следующих компетенций:

- готовность к осуществлению коммуникации на родном языке на основе иммерсивных технологий (ДПК);
- владение навыками анализа цифрового контента (ДПК);
- владение навыками поиска и отбора информации с применением иммерсивных технологий (ДСПК-3).

В эпоху глобальной «цифровизации» общества, науки, и экономики, наиболее оптимальным методом формирования коммуникативной компетентности у студентов – будущих бакалавров-юристов является организация учебного процесса, основанного на внедрении в образовательный процесс вуза иммерсивных технологий, и разработка образовательных программ по модульной схеме, что, в свою очередь, позволит преподавателям четко структурировать и логически последовательно распределить изучаемый материал. Более того, модульная структура курса позволяет варьировать материал по степени сложности с целью реализации личностно-ориентированного подхода и построения индивидуального образовательного трека для каждого студента в зависимости от его уровня знаний и его способности применять современные технологии в процессе подготовки к практическим занятиям.

Модульный подход, реализуемый автором в учебно-методическом обеспечении разработанного им спецкурса «Иммерсивные технологии в юриспруденции», способствует адаптации будущих бакалавров-юристов к профессиональной деятельности в условиях цифровой образовательной среды.

Моделирование ситуаций общекультурной и профессиональной направленности на основе иммерсивных технологий является на наш взгляд одним из наиболее эффективных методов обучения направленных на формирование коммуникативной компетентности у будущих бакалавров-юристов в вузе. Подготовку на основе структурно-функциональной модели, разработанной авторами, позволяет студентам не только получить теоретические знания, но и сформировать необходимые умения и навыки с учетом требований современного цифрового сообщества.

Следует отметить тот факт, что применение иммерсивных технологий в науке, экономике и образовании позволяет как преподавателю, так и студенту работать удаленно над решением задач профессиональной направленности, осуществляя тесное взаимодействие и, в том числе, коммуникативное взаимодействие со студентами из различных вузов. Именно поэтому мы выдвигаем гипотезу о том, что ключевым моментом в формировании коммуникативной компетентности выступают иммерсивные технологии.

В современной научно-педагогической и методической литературе много написано о подготовке

будущих бакалавров к профессиональной деятельности. В научных исследованиях В.А. Кастровой, А.В. Морозова Е.С. Полата, И.В. Роберт и других говорится об использовании в образовательной среде вуза новейших форм, методов и средств обучения с целью формирования практического опыта в профессиональной сфере.

Формирование коммуникативной компетентности у студентов – будущих бакалавров-юристов представлены в работах Т.Н. Астафуровой, Е.Е. Боровкова, О.В. Васильковой, Н.И. Гез, О.В. Михайловой и др.

В своих трудах исследователи С.А. Бешенков, Э.В. Миндзаева, А.В. Морозов, М.И. Шутикова и др. рассматривают необходимость и целесообразность использования передовых цифровых технологий в образовательном процессе будущих бакалавров направленных на формирование не только универсальных компетенций, общепрофессиональных компетенций, закрепленных во ФГОС ВО 3++, но и дополнительных профессиональных компетенций (ДПК), которые в своей совокупности представляют коммуникативную компетентность, которая на наш взгляд, необходима для успешной профессиональной деятельности [2; 3; 4;5].

Процесс формирования у студентов коммуникативных компетенций – это целенаправленный процесс, в основе которого лежит построение индивидуальной образовательной траектории и который основывается на междисциплинарной связи образовательных предметов, направленных на освоение коммуникативных компетенций и самостоятельной работы студентов, посредством чего осуществляется формирование компетентности в той или иной профессиональной сфере.

В связи с переходом к ФГОС ВО 3++, особое внимание в процессе обучения бакалавров уделяется формированию дополнительных профессиональных компетенций, которые должны быть разработаны и стать ключевыми для осуществления коммуникации профессиональной направленности.

Проведенный нами анализ педагогических исследований в области коммуникации, компетентностного подхода, позволил выявить и обосновать ряд факторов, влияющих на формирование у будущих бакалавров коммуникативных компетенций в условиях цифровой образовательной среды вуза:

- использование личностно-ориентированного подхода направленного на построение индивидуальной образовательной траектории;
- использование творческого опыта педагога;
- увеличение доли самостоятельной работы путем использования цифровых ресурсов;
- ориентация на решение конкретных профессиональных задач через информационное взаимодействие между субъектами образовательного процесса, цифровыми ресурсами, работодателями.

Литература:

1. *Михалева О.В.* Информационные технологии в формировании коммуникативной компетентности / О.В. Михалева // Ученые записки ИУО РАО. 2017. № 4(64). С. 110–113.
2. *Морозов А.В.* Профессиональная подготовка руководителей системы образования с использованием современных цифровых технологий / А.В. Морозов // Человек и образование. 2018. № 4(57). С. 105–110.
3. *Мухаметзянова Г.В.* Профессиональное образование: проблема качества и научно-методического обеспечения. Казань : Могариф, 2005. 319 с.
4. *Полат Е.С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М. : Академия, 2010. 368 с.
5. *Роберт И.В.* Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). М. : БИНОМ, 2014. 398 с.

Literature:

1. *Mikhaleva O.V.* Information Technologies in the Formation of Communicative Competence / O.V. Mikhaleva // Scientific Notes of the UIO RAO. 2017. № 4(64). P. 110–113.
2. *Morozov A.V.* Training of education system leaders using modern digital technologies / A.V. Morozov // Man and education. 2018. № 4(57). P. 105–110.
3. *Mukhametzyanova G.V.* Professional education: the problem of quality and scientific and methodological support. Kazan : Mogarif, 2005. 319 p.
4. *Polat E.S.* Modern pedagogical and information technologies in the education system / E.S. Polat, M.Yu. Bukharkina. M. : Academy, 2010. 368 p.
5. *Robert I.V.* Theory and methodology of informatization of education (psychological, pedagogical and technological aspects). M. : BINOM, 2014. 398 p.

Макеева Елена Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

Макеева Инна Александровна

учитель иностранных языков,
МБОУ гимназия «САН», г. Пенза
innamia88@yandex.ru

Логинова Елена Валерьевна

студентка,
Пензенский государственный
университет архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК СПОСОБ СОЦИАЛИЗАЦИИ
И АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ
К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
УСЛОВИЯМ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Современный этап развития общества диктует свои требования к системе образования и профессиональной подготовке обучающихся средних специальных и высших учебных заведений. Статья посвящена анализу содержания образовательного процесса в системе социализации и адаптации молодежи к социально-экономическим условиям жизни общества. Как отмечают авторы, среднее и высшее профессиональное образование является важной ступенью профессионального обучения и воспитания студентов. Особое внимание в статье уделено анализу роли метода проектной деятельности в развитии личностного и профессионального роста обучающихся.

Ключевые слова: проектная деятельность, социализация, образовательный процесс, профессиональное развитие.

Современный этап развития общества диктует свои требования к системе образования и профессиональной подготовке обучающихся средних специальных и высших учебных заведений, поэтому на рынке труда возникает острая потребность в высококвалифицированных и конкурентоспособных молодых людях, которые способны работать в команде, владеть инновационными технологиями, создавать и продвигать продукцию, отвечающую современным и инновационным тенденциям в экономике страны.

Elena A. Makeeva

Candidate of Historic Science,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy,
Penza State University
of Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

Inna A. Makeeva

Teacher of Foreign Languages
Gymnasium «SUN», Penza
innamia88@yandex.ru

Elena V. Loginova

Student,
Penza State University
of Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

**PROJECT ACTIVITIES
AS A WAY OF YOUTHS SOCIALIZATION
AND ADAPTATION TO THE SOCIAL
AND ECONOMIC CONDITIONS
OF THE SOCIETY**

Annotation. The modern stage of the development of society dictates its requirements to the system of education and training of secondary special and higher education institutions. The article is devoted to the analysis of the content of the educational process in the system of youths socialization and adaptation to the social and economic conditions of the society. Vocational and higher education is an essential level of student professional education and upbringing. In the article special attention is given to the analysis of the project activities method in the personal and professional development of students.

Keywords: project activities, socialization, educational process, professional development.

На основании Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, одним из важнейших направлений развития науки, технологий и техники гражданского характера в Российской Федерации являются информационно-коммуникационные системы [1]. Так, сложившаяся новая социально-экономическая ситуация обуславливает мощное изменение во всех сферах жизнедеятельности человека, одной из которых является сфера среднего и высшего профессионального образования. Тем самым, встает вопрос о поиске

и применении новых образовательных методов, так как именно университет является первой ступенью профессионального обучения и воспитания студентов.

Как указано в федеральных государственных образовательных стандартах среднего и высшего профессионального образования, за время обучения у выпускника должны быть сформированы общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Среди них можно выделить компетенции в области проектной и проектно-конструкторской деятельности.

Данное направление является основополагающим компонентом образовательной практики вуза. Активное применение деятельного подхода в обучении бакалавра/специалиста позволяет развить профессиональную гибкость, навыки командообразования, логическое мышление, способность решать проблемы «здесь и сейчас». На сегодняшний момент принцип проектной деятельности выступить отличной возможностью для реализации личных целей студентов, где они на собственном опыте поймут основы реализации производственного процесса на примере разработанных проектов.

Метод проектов заключается в самостоятельной целенаправленной учебно-профессиональной деятельности, вследствие которой студенты постепенно, шаг за шагом выстраивают модель решения производственной, социальной и экономической проблемы. Наиболее важным в этом подходе является возможность приобрести реальные знания и умения в процессе работы над проектом. У будущих выпускников появляется возможность получить кроме теоретических знаний, также и практические знания. Именно поэтому, метод проектов можно рассматривать как пример реального погружения молодых специалистов в трудовую среду.

Размышления о влиянии проектной деятельности на становление личности можно встретить в работах отечественных и зарубежных философов, психологов, педагогов. Так, в основе проектной деятельности лежит метод проектов. Метод проектов как часть образовательного процесса известен в отечественной и зарубежной практике уже более 100 лет. Свое распространение он получил во второй половине XIX века в сельскохозяйственных школах в США. В этот период в Америке остро встает вопрос об изменении взглядов на систему общего образования. Первоначально его называли методом проблем или методом целевого акта.

Идеологом «прагматической педагогики» является американский философ, психолог и педагог Дж. Дьюи. Согласно данной концепции, обучение, знания и опыт человек получает в ходе практической деятельности, где через собственный поиск и решение проблемы происходит постижение истины. По мнению Дж. Дьюи, цель образования – воспитание личности, способной к самостоятельному поиску информации, а не усвоение суммы предметных знаний. В основе его метода лежит 5 этапов:

1. Понимание и постановка проблемы.
2. Поиск всех возможных вариантов ее решения.
3. Выдвижение гипотез, способных помочь в решении проблемы.
4. Воплощение в жизнь гипотез.
5. Сбор данных [2].

В начале 20-х годов XX в. американское Бюро воспитания официально признало термин «метод проектов». Так, данный метод появился на страницах педагогической литературы Америки. Дальнейшее развитие концепции образования Дж. Дьюи можно встретить в работах американского педагога В. Килпатрика. Он отрицал традиционные методы образования. В. Килпатрик полагал, что для развития у детей стремления получать новые знания необходимо строить практическую деятельность исходя из его личных интересов. Например, в американской школе Е. Коллинга метод проектов стал применяться уже на официальных началах. Учащиеся сами выбирали то, чем им необходимо было заниматься. Главное – выбрать ту практическую деятельность, с помощью которой возможно приобрести знания для осуществления дальнейших целей. Источником материалов служила повседневная жизнь, а учителя лишь оказывали поддержку в осуществлении их практической деятельности [3].

Россия не оставалась в стороне от идеи свободного образования, предоставления возможности ученикам проектировать и продумывать собственное обучение. Одним из первых, кто заинтересовался вопросом свободного обучения через деятельный подход, стал писатель Л.Н. Толстой. Он являлся основателем до сих пор существующей школы в имении Ясная поляна. Уроки проходили в форме беседы, с помощью которой ребята учились чтению, письму, арифметике, грамматик, божьему закону и т.д. Принципиальным отличием перед другими школами являлось стремление привить любовь к труду у ребенка. Кроме изучения порядка 12 предметов, каждому ученику выделялся отдельный земельный участок, на котором он мог работать [4].

В советской образовательной системе метод проектов получил широкое распространение в XX в. Одним из разработчиков данного метода в России стал С.Т. Шацкий. Примером образцовой школы для С.Т. Шацкого стала школа Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. В обучении детей он делает упор на усвоение практически значимых для жизни детей знаний. Под его руководством была создана группа преподавателей, которые активно применяли метод проектов в преподавательской деятельности. Однако данный подход применялся непосредственно во внеурочной деятельности учащихся. В 1905 г. были созданы первые в России детско-юношеские клубы. Учащиеся коллективно выполняли практически задания, в ходе которых приобретали необходимые знания и навыки. Именно группа единомышленников – неперенное требование новой школы.

Однако в советских школах метод проектов изначально не прижился. Данный подход воспринимался как самостоятельная система без каких-либо доработок. Из-за отсутствия учебно-материальной базы, определенной подготовки учителей и других факторов затруднялся процесс применения метода в практике школ. Учащиеся стали меньше уделять внимание общеобразовательным предметам, произошло нарушение принципа систематического усвоения знаний. Таким образом, в начале 1930-х годов использование метода проектов в советской школе было запрещено на государственном уровне.

Следует отметить, что зарубежная система образования данный метод воспринимала как способ воспитания практико-ориентированной личности. В СССР метод проектов изначально был направлен на воспитание у учащихся любви к трудовой деятельности ради общих целей общества и страны.

Вновь интерес к методу проектов в советское время возник в 80-х годах XX в. В это время появляются в печати педагогические работы на данную тематику. Так, педагог Е.С. Полат разработала теоретическую основу применения метода в России. По ее мнению, проектная педагогическая технология может быть использована для развития познавательных навыков у обучающихся, их самостоятельности, умения ориентироваться в информационном потоке, воспитания доброжелательного и порядочного отношения к друг другу в коллективе. В основе разработок Е.С. Полат лежат следующие требования к процессу создания проектов: определение проблемы, разработка и организация плана реализации проекта, собственно осуществление запланированной проектной деятельности, защита проекта и его внедрение, анализ результатов. Конечный результат должен быть направлен на практическую, теоретическую и познавательную значимость [5].

В настоящий момент в системе высшего профессионального образования метод проектов используется совместно с другими методами обучения, представляет собой систему для организации самостоятельной деятельности студентов, в ходе которой у молодых людей формируются навыки критического мышления, развивается инициативность и готовность к оперативным решениям.

Литература:

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). URL : http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
2. Дьюи Д. Демократия и образование. М. : Педагогика, 2000. 384 с.
3. Джуринский А.Н. История зарубежной педагогики : учеб. пособие. М., 1998.

Проектный метод подразумевает наличие глобальной цели, решением которой может заниматься один студент, либо группа студентов (2–3 человека). Например, благодаря развитию данного направления в Пензенской области, многие студенты вузов получили отличную возможность «учиться через проектную деятельность». Так, студент Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (ПГУАС) на региональном форуме «Сурские Ласточки» выиграл грант на реализацию собственной идеи. Суть проекта заключается в обучении школьников, студентов и молодежи основам физики и робототехники. Данная проектная деятельность направлена на популяризацию научно-технической деятельности среди молодого поколения. Также, студент Архитектурного факультета участвовал во Всероссийском урбанистическом хакатоне «Города» в Сургуте. В течение недели участники разрабатывали проект по благоустройству города Сургута. Тем самым, у будущих выпускников высшего учебного заведения появилась возможность развить свои профессиональные компетенции и получить опыт в реальном проектировании городского пространства [6].

Таким образом, благодаря погружению студентов в проектную деятельность:

- развиваются навыки самоорганизации и способность к самообразованию;
- развивается мотивация на применение имеющихся знаний и приобретение новых;
- происходит более легкая адаптация молодых специалистов на рынке труда;
- молодые люди учатся правильно презентовать себя и свои результаты работы на широкую публику, вступать в дискуссии, защищать и доказывать собственные разработки.
- создаются новые интеллектуальные продукты-достижения, решаются глобальные проблемы экологии, социальной сферы жизни и экономики.

Сегодня применение проектной деятельности значительно повышает эффективность образовательного процесса в развитии личностного и профессионального роста обучающихся.

Literature:

1. Expected long-term-socio-economic development of the Russian Federation until 2030 (worked out by Russian Department of Economic Development). URL : http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
2. John Dewey. Democracy and Education. M. : Pedagogy, 2000. P. 384.
3. Dzhurinskiy A.N. The History of the Foreign Pedagogy: training manual. M., 1998.

4. *Мандель Б.Р.* Основы проектной деятельности. Directmedia. 2018. 294 с.

4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. и доп. / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; Под ред. Е.С. Полат. М. : Академия, 2008. 272 с.

5. Студент ПГУАС принял участие во Всероссийском хакатоне // ПГУАС. URL : <http://pguas.ru/news> (дата обращения 08.05.2021).

4. *Mandel B.R.* The Technique of Project Activity. Directmedia. 2018. 294 p.

4. New pedagogical and Informational Technology in the Educational System: training manual for higher education students / E.S. Polat, M.YU. Bukharkina, M.V. Moiseeva, A.E. Petrov; edited by E.S. Polat. The third edition, revised and enlarged. M. : Academy, 2008. P. 272.

5. The Student of Penza State University of Architecture and Construction took Part in All-Russian Hackathon // PSUAC: [website]. URL : <http://pguas.ru/news> (date: 08.05.2021).

Плешакова Кристина Николаевна

бакалавр по направлению
подготовки государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
trukhanovich.daria@yandex.ru

Труханович Дарья Сергеевна

старший преподаватель
кафедры государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
trukhanovich.daria@yandex.ru

**Анализ имиджа
муниципальных служащих
на примере
г. Гуково Ростовской области**

Аннотация. В данной статье авторы делают попытку проанализировать имидж муниципальных служащих Администрации г. Гуково Ростовской области. В качестве методологии рассмотрения имиджа взят подход А. Ю. Панасюка, который выделял такие элементы имиджа, как средовой, габитарный, овеществленный, вербальный, кинетический. Результаты исследования мнения жителей города Гуково позволили выявить основные проблемы, препятствующие формированию позитивного имиджа муниципальных служащих. Решение данных проблем способно сформировать позитивный имидж муниципальных служащих Администрации г. Гуково.

Ключевые слова: имидж, позитивный имидж, муниципальный служащих, СМИ, социальные сети, опрос граждан, г. Гуково.

Являясь первым источником по предоставлению информации, муниципальные служащие формируют в сознании людей первое впечатление о муниципальном органе. Они тесно контактируют с населением и находятся ближе всех из публичной власти к народу, а, значит, необходимо, чтобы у них был положительный имидж.

Имидж муниципального служащего – это совокупность личностных и деловых качеств, которые позволяют сформировать целостное представление о служащем, основываясь на его внешних характеристиках и результатах его деятельности на должности муниципальной службы [1].

Kristina N. Pleshakova

Bachelor in Direction
Preparation of State
and Municipal Government,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of People's Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
trukhanovich.daria@yandex.ru

Darya S. Trukhanovich

Senior Lecturer of the Department
of State and Municipal Government,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
trukhanovich.daria@yandex.ru

**ANALYSIS OF THE IMAGE
OF MUNICIPAL EMPLOYEES
ON THE EXAMPLE
OF GUKOVO ROSTOV REGION**

Annotation. In this article, the authors attempt to analyze the image of municipal employees Of the administration of Gukovo, Rostov region. The approach of A. Yu.Panasyuk was taken as a methodology for considering the image, which identified such elements of the image as environmental, habitual, materialized, verbal, and kinetic. The results of the study of the opinion of residents of the city of Gukovo revealed the main problems that prevent the formation of a positive image of municipal employees. The solution of these problems can form a positive image of municipal employees Of the administration of Gukovo.

Keywords: image, positive image, municipal employees, media, social networks, citizens ' survey, Gukovo city.

К выделению структурных компонентов имиджа существуют различные подходы, предложенные такими авторами как Э. Сэмпсон, Ф. Джевкинсом, Д.В. Ольшанским, А. Ю. Панасюком и др.

Для дальнейшего анализа имиджа муниципальных служащих Администрации г. Гуково Ростовской области нами использован подход к выделению элементов имиджа, предложенный А.Ю. Панасюком (с поправками на особенности муниципальной службы). Он выделяет такие элементы имиджа, как средовой, габитарный, овеществленный, вербальный, кинетический [2].

Для выявления отношения населения к органам местного самоуправления города Гуково был

проведен опрос жителей г. Гуково. Анкета представлена в приложении к выпускной квалификационной работе. Срок проведения опроса: с 15 мая по 25 мая.

В ходе анкетирования было опрошено 62 человека, из которых – 33 респондента – это мужчины, и 29 респондентов – женщины. Возрастная структура респондентов представлена следующим образом: 22 человека (или 35,5 %) – это молодые люди в возрасте от 18 до 25; 16 человек (25,8 %) – граждане в возрасте от 26 до 36 лет; 13 человек (21 %) – люди в возрасте от 37 до 50 лет.

Итак, первым элементом имиджа является средний имидж, то есть имидж окружения. Для его оценки мы узнали у респондентов их мнение по поводу состояния здания администрации как внутри, так и снаружи, где 1 была наихудшая

оценка, а 5 – наилучшая. Большинство человек (35 %) оценивают состояние здания Администрации на 3, 31 % респондентов оценили здание Администрации на 4, 21 % выставили оценку 2, 10 % – оценку 5.

Из всего количества респондентов лично в Администрацию обращались 82,5 %. Из рисунка 1 видно, что 42 % (26 человек) опрошенных бывали хоть раз в своей жизни на личном приеме у сотрудников Администрации (кроме главы), 21 % опрошенных (13 человек) обращались за предоставлением муниципальной услуги в письменном виде, 16 % респондентов (10 человек) бывали на личном приеме у главы администрации, 3 % опрошенных (2 человека) обращались за предоставлением муниципальной услуги в электронном виде и 18 % опрошенных не обращались туда вообще.

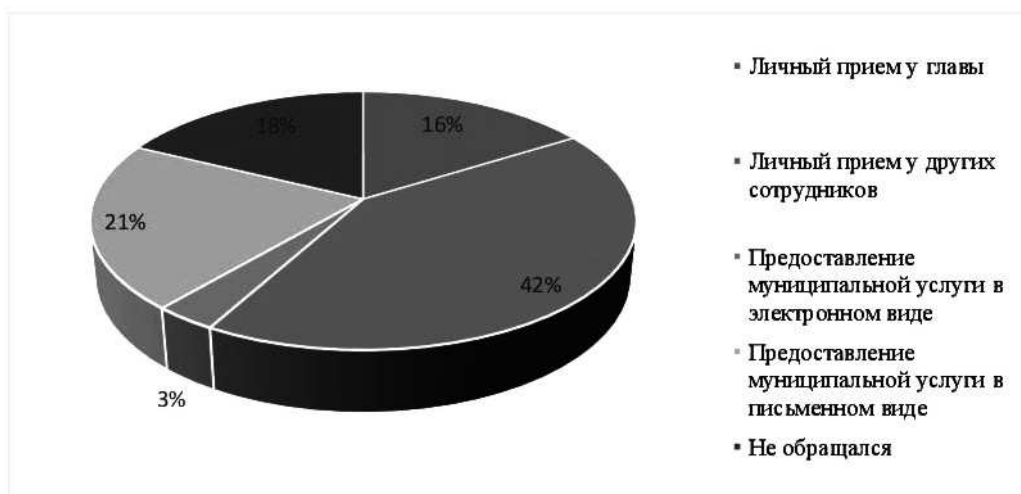

Рисунок 1 – Распределение респондентов в зависимости от формы обращения граждан в Администрацию города Гуково

Из тех, кто обращался в Администрацию лишь 19 % (12 человек) опрошенных были полностью удовлетворены и 5 % респондентов полностью остались недовольны (3 человека). Большой процент опрошенных (49 %) отметили, что они скорее

довольны, чем нет (рис. 2). Отсюда можно сделать вывод, что респонденты в целом оценивают деятельность служащих Администрации на оценку «удовлетворительно».

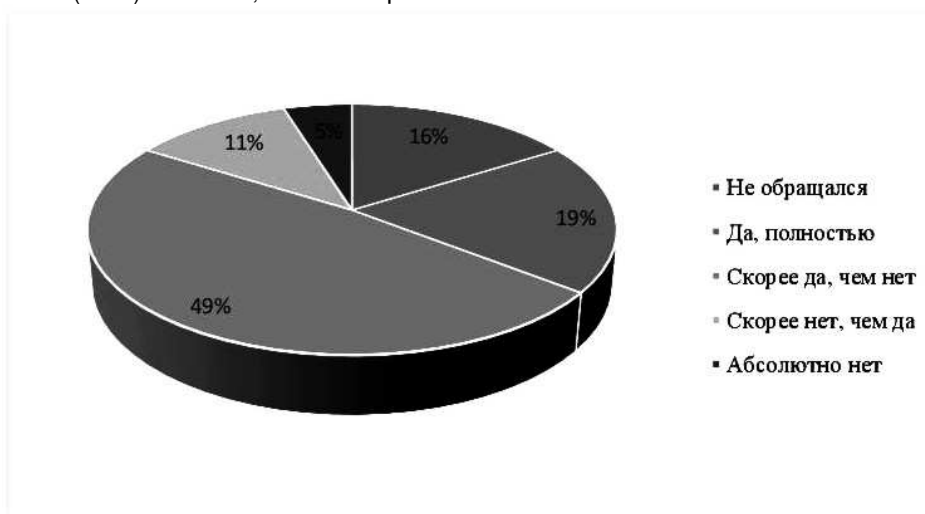

Рисунок 2 – Распределение респондентов в зависимости от степени удовлетворенности качеством рассмотрения обращения

Далее мы рассмотрели габитарный элемент имиджа. Как говорилось ранее, габитарный имидж – это мнение о человеке, сформированное на основе восприятия информации о его внешнем виде.

Самое важное, что необходимо было оценить в данном случае – это непосредственно внешний образ служащих. Из рисунка 3 мы видим, что

большинство респондентов (66 %) указали на то, что муниципальные служащие Администрации выглядят опрятно и не вызывающе. В целом, многие респонденты отметили, что служащие соблюдают официально-деловой стиль в одежде, и лишь 5 % респондентов (3 человека) были не согласны с этим и посчитали внешний образ муниципальных служащих Администрации вызывающим.

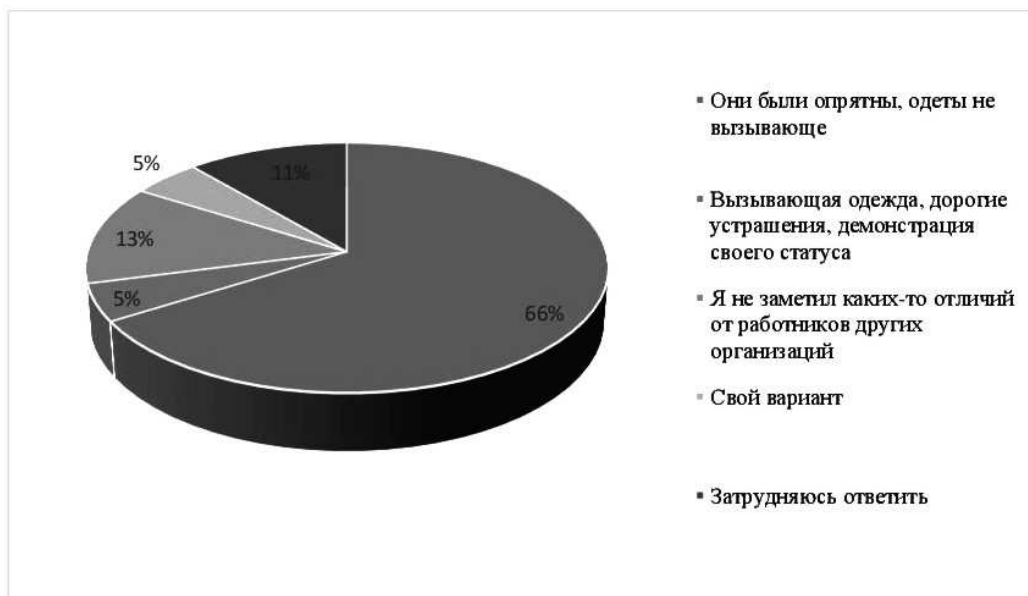

Рисунок 3 – Оценка респондентами внешнего образа муниципальных служащих

Следующий элемент имиджа муниципальных служащих Администрации – это овеществленный имидж, т.е., мнение о человеке, которое создается на основе восприятия и оценки вещей и предметов, произведенных самим человеком. И тут мы посмотрим на то, как работают служащие. Это и будет «продуктом» их деятельности.

Так, отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, обладают ли служащие Администрации г. Гуково

достаточным уровнем знаний и навыков, чтобы решить ваш вопрос?» большинство респондентов (38 %) отметили, что специалисты разъясняют всю процедуру и сроки рассмотрения обращения, чуть меньше опрошенных (34 %) были недовольны тем, что приходилось ходить из кабинета в кабинет, 7 % остались абсолютно недовольны качеством исполнения обращения, а вот 4 % респондентов отмечали неумение сотрудников общаться друг с другом (рис. 4).

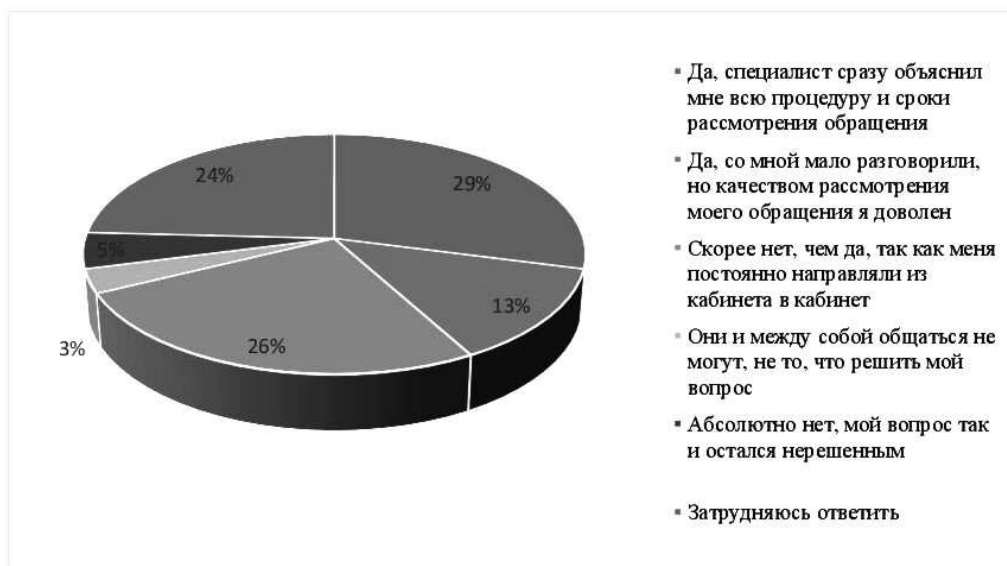

Рисунок 4 – Оценка респондентами уровня знаний и навыков муниципальных служащих

Но, в целом, мы можем сделать вывод о том, что в администрации работают люди, обладающие необходимым набором знаний и навыков для решения вопросов граждан.

Степень сопричастности служащих к проблемам респондентов и понятность ответов на вопросы респонденты также оценили по-разному: 50 %

опрошенных утверждают, что им все хорошо и понятно разъясняли, а вот мнения остальных разделились; 21 % граждан недовольны и говорят, что им ничего не объясняли и на вопросы не отвечали; 16 % опрошенных были недовольны, что им не отвечали на вопросы, а вот 11 % утверждают, что специалисты использовали сложные формулировки (рис. 5).

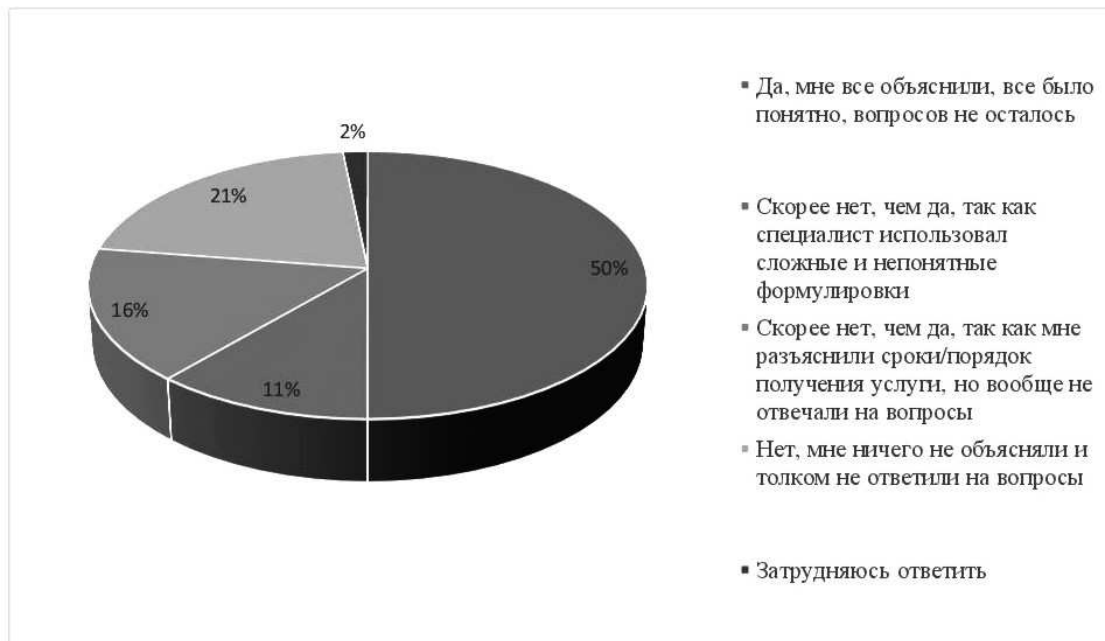

Рисунок 5 – Распределение ответов на вопрос об умение специалиста разъяснять спорные аспекты

Далее, мы постараемся оценить вербальный и невербальный имидж муниципальных служащих Администрации. Говоря об этих элементах имиджа, необходимо упомянуть Кодекс этики и служебного поведения муниципальных служащих Администрации города Гуково.

Если мы говорим непосредственно о вербалике и невербалике, то необходимо выделить ряд положений, исходящих из Кодекса [3]:

1. Муниципальный служащий должен воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности органов местного самоуправления, его руководителя, если это не входит в должностные обязанности муниципального служащего;
2. Соблюдать установленные в Администрации правила публичных выступлений и предоставления служебной информации;
3. В служебном поведении муниципальный служащий должен воздерживаться от грубости, проявлений пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений, а также, от угроз, оскорбительных выражений или реплик, действий, препятствующих нормальному общению или провоцирующих противоправное поведение.

Результаты нашего исследования показали, что 74 % опрошенных испытывают некоторые

трудности во время взаимодействия с муниципальными служащими, большие трудности испытывали 22 % респондентов и только у 4 % не возникает никаких трудностей (рис. 6). Отсюда мы делаем вывод о том, что у муниципальных служащих имеются некоторые проблемы со взаимодействием с гражданами, а соответственно происходит нарушение Кодекса этики.

Респонденты отмечали, что в 31 % случаев общение с муниципальными служащими было обычным, они не выявили никаких особенностей; 27 % респондентов сказали, что служащие были дружелюбными; 20 % опрошенных не понравилось, что их посылали из одного кабинета в другой; 11 % не понравилось высокомерное общение служащих и лишь 1 % респондентов игнорировали вовсе (рис. 7). Можно сделать вывод, что в принципе, большая часть муниципальных служащих добросовестные и соблюдают Кодекс этики. Серьезных негативных особенностей имеются (8 %) и их необходимо решать в данной Администрации.

Отвечая на вопрос анкеты: «Обратили ли вы внимание на поведение муниципальных служащих, которое отклонялось от норм этики и морали?» большинство респондентов (44 %) утверждали, что никаких отклонений замечено не было; 18 % отметили незаинтересованность в решении вопроса, 5 % респондентов утверждают, что им грубили и хамили, 24 % респондентов затруднились ответить (рис. 8).

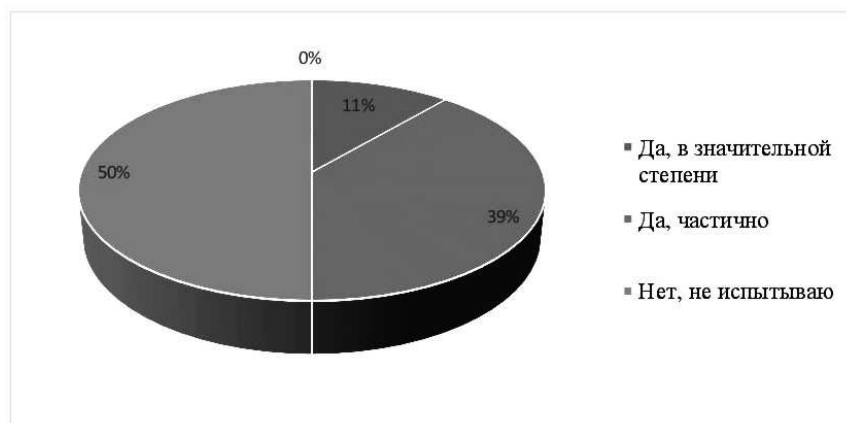

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос о трудностях, возникших во время взаимодействия со служащими

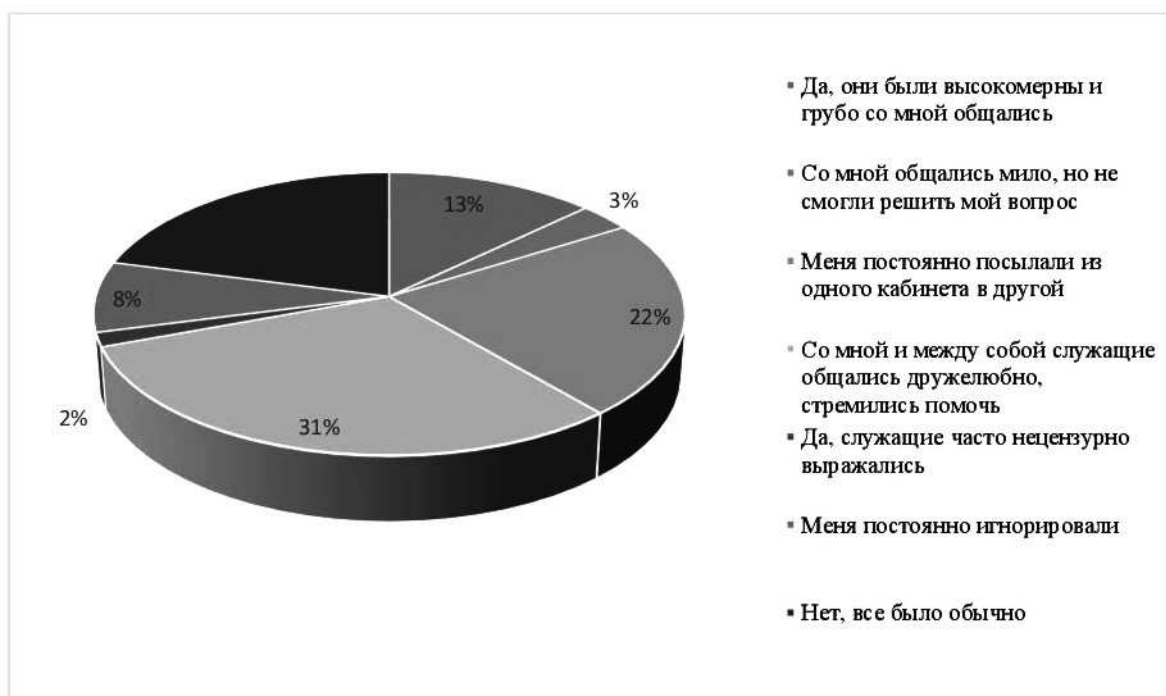

Рисунок 7 – Выявленные респондентами особенности при общении с муниципальными служащими

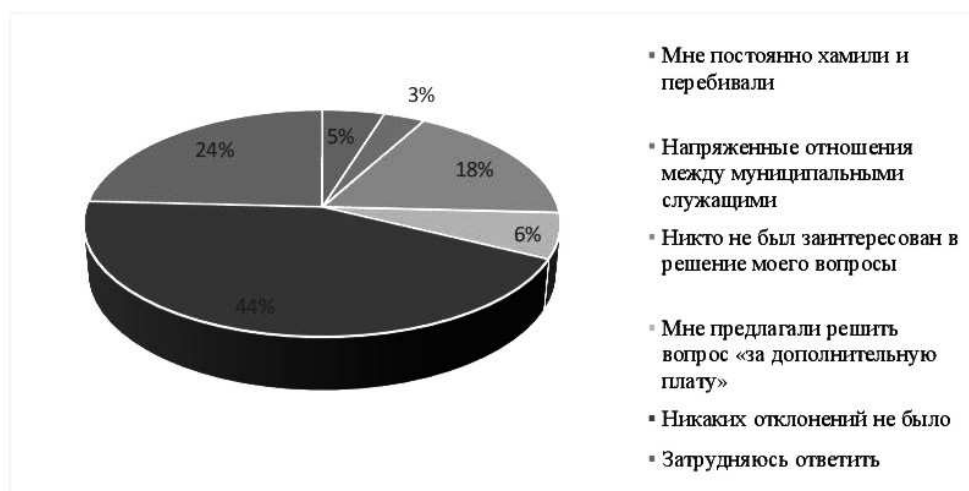

Рисунок 8 – Мнение респондентов об отклоняющемся от норм этики и морали и этики поведении служащих

В целом, 47 % респондентов оценили муниципальных служащих Администрации достаточно низко: по их мнению, служащие полностью не соответствуют «образцовому муниципальному служащему», 51 % респондентов отметили, что муниципальные служащие Администрации лишь частично соответствуют «эталону».

Литература:

1. *Никитина А.С.* Формирование позитивного имиджа муниципальных служащих в современном информационном интернет-пространстве / А.С. Никитина, В.С. Кязимова // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3(24). С. 27–35.
2. *Панасюк А.Ю.* Вам нужен имиджмейкер? М. : Дело, 2001. С. 94.
3. Кодекс этики и служебного поведения муниципальных служащих Администрации города Гукovo. URL : <http://gukovo.donland.ru/Default.aspx?pageid=102969> (дата обращения 04.04.2021).

Таким образом, в ходе проведенного анкетирования, мы рассмотрели структуру имиджа Администрации города Гукovo на основе классификации А.Ю. Панасюка и выяснили как отрицательные, так и положительные аспекты в оценках респондентами имиджа муниципальных служащих Администрации. Однако, в целом, муниципальные служащие Администрации, по мнению респондентов, далеки от «идеала».

Literature:

1. *Nikitina A.S.* Formation of a positive image of municipal employees in the modern information Internet space / A.S. Nikitina, V.S. Kazimova // Municipality: economy and management. 2018. № 3(24). P. 27–35.
2. *Panasyuk A.Yu.* Do you need an image maker? M. : Delo, 2001. P. 94.
3. Code of Ethics and Official Conduct of municipal employees of the Gukovo City Administration. URL : <http://gukovo.donland.ru/Default.aspx?pageid=102969> (date of application 04.04.2021).

Рябцев Сергей Викторович

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры социологии
и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
matilda-9972@mail.ru

Кириллов Павел Евгеньевич

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры социологии
и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
kirillov_pe@mail.ru

Воинова Алена Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
parizhanka1@rambler.ru

Смирнова Марина Александровна

магистрант кафедры социологии
и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
sanya.smirno2009@yandex.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ:
ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ**

Аннотация. В настоящее время наблюдается отставание профессиональных этических кодексов от принятых в профессиональных сообществах правил поведения. Рамки дозволенного для сотрудников меняются, стираются и видоизменяются. Работники постепенно перестают восприниматься как инструменты общественностью и работодателями, а в кодексы все больше проникает гибкая мораль и индивидуальные представления о ней. В статье рассматриваются основные проблемы при составлении и изменении профессиональных этических кодексов. Также, в ней описаны различные способы их изменения.

Ключевые слова: социология труда, социология повседневности, социология управления, профессиональные этические кодексы, этика, мораль, профсоюзы.

В современных условиях возрастающих рисков все более востребованы неформальные регуляторы поведения человека – этика, мораль, нравственность. Под этикой понимается учение о

Sergey V. Ryabtsev

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology and the Humanities,
State University «Dubna»
matilda-9972@mail.ru

Pavel E. Kirillov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology and the Humanities,
State University «Dubna»
kirillov_pe@mail.ru

Alena A. Voinova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
parizhanka1@rambler.ru

Marina A. Smirnova

Undergraduate of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
sanya.smirno2009@yandex.ru

**PROFESSIONAL CODES
OF ETHICS: PROBLEMS
AND PRINCIPLES OF CREATION**

Annotation. Currently, there is a lag of professional ethical codes from the rules of conduct adopted in professional communities. The scope of what is permissible for employees is changing, erased and altered. Employees gradually cease to be perceived as tools by the public and employers, and flexible morality and individual ideas about it increasingly penetrate into codes. The article discusses the main problems in the preparation and modification of professional codes of ethics. It also describes various ways to change them.

Keywords: sociology of labor, sociology of everyday life, sociology of management, professional codes of ethics, ethics, morality, labor unions.

морали, предназначенное для выведения новых моделей, принципов и правил поведения. Мораль трактуется как регулятор поведения социальной группы, а нравственность раскрывается с точки

зрения индивидуальной поведенческой практики [22, с. 17]. На формирование нравственности влияют личностно-персонифицированные установки, наполненные экономическим, политическим, социальным и правовым содержанием [15, с. 21].

Именно нравственность и новая гибкая мораль позволяют обществу совладать с возникающими проблемами. В этом контексте особое значение приобретает создание адекватных профессиональных кодексов, представляющих собой набор регуляторов трудового поведения, составленных на основе социокультурных норм профессиональных сообществ [1, с. 98]. Кодексы сплачивают профессиональные сообщества, служат основой для представления о профессии в массовом сознании, и помогают разрешать конфликтные ситуации.

Бытует мнение об унифицированном характере профессионально-этических кодексов [25, с. 7]. Однако, чтобы быть действенным и эффективным, каждый кодекс должен учитывать особенности профессиональных сообществ, отличаться гибкостью, ситуативностью, уникальностью, сочетанием принципов гуманизма и профессиональных норм и ценностей. Такой принцип построения кодекса позволяет поддерживать имидж профессии, но, в то же время, не лишает работников индивидуально-личностного начала [15, с. 22]. Кодексы предусматривают ограничения доступа к информации о личной жизни сотрудников ради конфиденциальности. Подобная тенденция вызвана переосмыслением рамок «допустимого» как для сотрудников, так и для партнеров с клиентами [6, с. 42]. Работник уже не воспринимается как инструмент [7, с. 8], лишенный эмоций и не способный к самостоятельному выбору. Иными словами, из современных кодексов исчезает механицизм.

«Абсолютно моральный» профессиональный кодекс с абстрактными формулировками, предусматривающий только негативные санкции, вряд ли будет жизнеспособным. Не имеет смысла этический кодекс, не предусматривающий кроме регуляции рабочих моментов построение межличностных отношений [8, с. 13]. Таким образом, излишне унифицированные кодексы уходят на второй план или меняются.

Специфика трудовой деятельности и иное восприятие ценностей новыми сотрудниками вынуждают составителей кодексов включать новые компоненты, например, экологическую этику. При разработке этических кодексов необходимо применять разработки практической и управленческой этики.

Профессиональные кодексы должны быть изоморфными ценностно-поколенческой структуре рабочей силы. Поэтому авторам кодексов стоит изучать трансформацию этической картины мира работников [18, с. 19], систематизировать и кодифицировать их профессиональные нормы, ценности и индивидуально-личностные предпочтения. Руководителя организаций должны давать возможность сотрудникам выражать пожелания и предложения в конструктивной форме, действо-

вать на опережение, а не только на основе сформировавшихся и дающих знать о себе рабочих прецедентов. Кроме того, руководителям организации и рядовым сотрудникам нужно выверить линию корректного взаимодействия с общественностью [21, с. 20]. Правила такого взаимодействия также требуется раскрыть в профессиональном кодексе.

Через декларирование в кодексах миссии профессии формируется её положительный имидж. Например, в кодексе ирландских полицейских, благодаря влиянию общественности, большое внимание уделяется профилактике преступлений [24, с. 145]. Это коренным образом изменило методы работы ирландских правоохранителей, образ их профессии и даже ритуал профессиональной инициации, который стал публичным. Профессия полицейского стала восприниматься с точки зрения, оказанной населению помощи, а не страха содействия криминальным структурам [24, с. 146].

Легализация кодексов происходит в рамках международного и национального законодательства. Так, например, типовой профессиональный этический кодекс государственного служащего Российской Федерации, составлен на основе международного права и Конституции РФ. Профессиональные кодексы, и законодательные акты включают в себя сходные ценностные категории, например аморальное поведение, определение которого расплывчато зафиксировано в Трудовом Кодексе РФ [17, с. 60]. Пункты профессиональных кодексов носят для работников рекомендательный характер [21, с. 55]. Систематическое нарушение пунктов кодекса может привести к исключению специалиста из профессии и из рядов организации.

Некоторые профессиональные кодексы не имеют правового статуса, а представляют собой неформальное соглашение профессионалов, содержащее правила внутренней и внешней коммуникации. Так, например, Международный олимпийский кодекс существует в форме негласного сотрудничества внутри спортивного сообщества [13, с. 34].

Новые только появившиеся профессии не имеют уже сложившихся профессиональных норм, а, следовательно, социокультурной основы внутри-профессиональной кодификации. В таком случае кодексы формируются ситуативно с учетом индивидуальных особенностей сотрудников, их личностных взглядов и понятий об автономии в сфере труда. Кодексы новых профессий гибки, поскольку не до конца сформированы и постоянно обновляются. Пример тому Международный профессиональный кодекс чести дизайнера [5, с. 190]. В его состав включаются правила относительно возникающих сейчас художественных специальностей.

Разработка кодексов с учетом мнения экспертов – перспективная область. В настоящее время есть минимум три схемы организации: создание советов по этике, участие профсоюзов, приглашение независимых специалистов со стороны, привле-

чение внимания общественных организаций [6, с. 39]. Привлечение нескольких сторон дает больше возможностей, чем четкое следование предписаниям «абсолютно моральных кодексов».

Подбор экспертов – сложный и неоднозначный процесс. Советы по этике помогают снизить субъективность при принятии решений. Иногда из той же профессиональной среды сообществом выбираются эксперты по этике, которым делегируются полномочия на разработку нового проекта профессионального кодекса, а также вынесение вердикта по поводу этичности отдельного сотрудника в спорной или сложной рабочей ситуации [14, с. 194]. При исполнении обеих задач эксперты несут личную и групповую ответственность за принятые решения [4, с. 42]. С их помощью новый случай, с большей вероятностью, получит отражение в новом пункте кодекса.

Формулировкой кодексов также могут заниматься общественные организации сотрудников (профсоюзы), комитеты по этике, отдельные независимые эксперты, руководители и рядовые инициативные сотрудники [12, с. 9]. Смена кодексов происходит по инициативе «сверху» и «снизу»: от руководства и профсоюзом и от рядовых сотрудников, соответственно. Оба варианта изменений имеют достоинства и определенные условия для реализации. Нисходящий путь возможен при знакомстве руководства с тем, какие нормы в сообществе уже считаются легитимными; восходящий путь требует от рядовых сотрудников активности, сознательности, умения нести ответственность за действия, учитывать косвенные и прямые последствия своих решений. Важен и возраст: чем моложе сотрудник, тем проще ему принять новый порядок [23, с. 167].

Для создания кодекса требуется высокий уровень этического самосознания сотрудников и профессиональная компетентность [13, с. 37]. Новые предписания должны вводиться последовательно, чтобы быть не только легальными, но и легитимными. Если резко попытаться сменить легитимные ценности в кодексе на другие, возможно наступление отторжения новых регуляторов сотрудниками. Если положения кодекса легальны, но не легитимны, их смену сотрудники воспримут легче вне зависимости от того, внедряются ли они постепенно «сверху» с помощью профсоюзов, работодателей и экспертов по этике или «снизу», по инициативе самих работников.

Профессиональные союзы гарантируют соблюдение прав и свобод сотрудников. Эти организации поддерживают сотрудников в необходимых им организационных изменениях и содержания кодексов. Профсоюзы склонны к лоббированию интересов группы и поиску компромиссов с работодателем. Существование таких объединений может присутствовать как формальность. В подобном случае просьба о помощи со стороны сообщества, адресованные профсоюзам, кончатся ничем, а спор с работодателем не разрешается [20, с. 23].

Независимые специалисты делают заключения об этичности поведения сотрудников, будучи автономными от группового давления профессионального сообщества [3, с. 69]. В то же время, эксперт может прийти к ложному заключению, не зная специфики ситуации. Специалист по этике должен сохранять беспристрастность, но, в то же время, должен находиться «внутри» проблем профессионального сообщества. В некоторых случаях необходимо обеспечение личной безопасности экспертов, например, в профессиях, связанных с уголовно-правовым профилем. Состав экспертов не должен быть постоянным, иначе у членов совета не будет стимула добросовестно работать. Эксперты не должны назначаться по рекомендации других людей, чтобы не стремиться соответствовать чужим ожиданиям. Эксперт не должен быть заинтересован в изменении социального или служебного положения участника разбирательства.

Эксперты должны выслушать все стороны конфликта, и только потом давать заключение об этичности чужого поведения. Механизм обжалования решений также должен получить развитие. Профессиональному сообществу необходимо создавать условия для дополнительной оценки случая второй группой экспертов в том случае, если у профессионального сообщества есть основания считать предыдущую комиссию действующей на основе личной антипатии или корыстных побуждений. Если эксперт замешан в подобном, его следует исключить из комиссии без права возвращения [19, с. 255]: решения об этичности поведения сотрудника не терпят ошибок, халатности или опрометчивости со стороны самого эксперта.

Все больший вес в обществе приобретают общественные организации, состоящие из сотрудников, членов их семей, знакомых и сторонних наблюдателей. Метод воздействия таких организаций заключается в создании широкого общественного резонанса. Информировав публику о происходящем и угрожая тем репутации работодателей, сотрудники вынуждают руководство изменять часть пунктов кодекса в свою пользу.

При игнорировании руководством вмешательства общественных организаций конфликт между сотрудниками и работодателями идет по эскалации. С течением времени собранная информация принимает систематический задокументированный характер. Так, последовательно становятся явными проблемы профессионального сообщества, список возможных мер и требований со стороны сотрудников.

Внимание общественности обращается на профессиональное сообщество тогда, когда некоторые сотрудники необоснованно и систематически нарушают кодекс [2, с. 149]. Сообщество вынуждено бороться с профанацией профессии, все четче определяя требования, согласно которым работник может быть исключен, а не имеющий отношения к профессии мошенник, потеряет «профессиональный статус». Это возможно при прозрачной структуре управления и отсутствии попытки скрыть внутреннюю «кухню» профессии. Не все профессиональные сообщества могут себе это позволить.

Число не регулируемых профессиональным этическим кодексом случаев из рабочей практики неуклонно возрастает. Отсюда появляется необходимость в создании правил, регулирующих поведение сотрудников в этих случаях. В случае, когда нарушение кодекса вредит сотрудникам или населению, оно может быть рассмотрено в судебном порядке. В результате, профессиональное сообщество вынуждено разработать ограничения, чтобы пресечь общественное осуждение. Примеры этого представлены в общемировой практике по отдельным профессиям.

В 1917–1928 годы в частной часовой мастерской корпорации «US Radium Corporation» часть сотрудников потеряла работоспособность [27, с. 249]. По неизвестным для работников цеха сборки причинам на их телах появлялись язвы, начались кровотечения из носа, нарушалось зрение, случались летальные исходы. Всех этих проявлений не было у недавно пришедших работников. Хозяином мастерской игнорировались жалобы на физическое состояние людей, а заболевшие сотрудники подвергались увольнению. Рабочие организовали забастовку и подали в суд, что вызвало общественный резонанс, однако, дело окончилось досудебным урегулированием конфликта. Выяснилось, что причиной полученных дисфункций стало облучение радием, содержащимся в светящейся краске, которой покрывали стрелки циферблатов. Владелец предприятия обязался выплатить компенсацию и пенсии, потерявшим трудоспособность сотрудникам. Так, из-за общественного резонанса в профессиональный этический кодекс предпринимателей под влиянием общественности и самих сотрудников был внесен новый пункт: работодатель обязан предупреждать о вещественном составе материалов на производстве и их возможном вредоносном воздействии [27, с. 251].

Вариант редактирования кодекса «снизу» иллюстрируют изменения в японских профессиональных этических кодексах. В этой стране смертность на рабочем месте, получившая название

кароси, представляла и представляет серьезную проблему [14, с. 116]. Каждый год из-за переработок, стресса от невозможности выполнить порученное задание в японских компаниях умирают от переутомления или кончают жизнь самоубийством в среднем двести человек в год, но есть и другие случаи, которые не попали в официальную статистику [26, с. 82]. В Японии на борьбу с кароси уделяется много средств.

Ранее подобная тема редко выносилась на обсуждение самими сотрудниками, поскольку в японском обществе неисполнение заданий в рамках работы воспринимается негативно. Внимание к кароси привлекли общественные организации и сами работодатели, не желающие терять ценные кадры. Это стимулировало составителей кодексов внести предложение о праве сотрудников брать дополнительные выходные дни и уходить раньше с работы, чтобы снизить уровень стресса [9, с. 43]. Такая мера вводится в большинстве «белых компаний» – организаций, придерживающихся политики «прозрачного» управления, в которых случаи переработки сотрудников четко отслеживаются государством.

Таким образом, профессиональный кодекс – это синтез научной рефлексии, социокультурных и правовых норм [10, с. 13], ментальных установок и профессиональных ценностей, личного трудового опыта сотрудников [15, с. 2; 10, с. 16]. Профессиональные этические кодексы позволяют профессиональному сообществу существовать не изолированно от внешней среды, в контакте с ней, и при этом сохранять самобытность регуляторов поведения. Кодексы упрощают жизнь рядовых сотрудников и интегрируют их не только в трудовую, но и общественную жизнь. Они же защищают индивидов от неуместных посягательств на честь и достоинство и немотивированных претензий со стороны.

Профессиональные этические кодексы облегчают настоящее профессиям и их дорогу в будущее.

Литература:

1. *Агеева А.Н.* Профессионально-этическая система социальной работы и структура профессионально-этического кодекса / А.Н. Агеева // *Инновационная наука.* 2016. № 3. С. 97–99.
2. *Бакштановский В.И.* Идея проектирования профессионально-этического кодекса: мировоззренческий ярус / В.И. Бакштановский // *Этическая мысль.* 2018. № 1. С. 146–157.
3. *Безручко Е.В.* О современных проблемах профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел: деонтологические и правовые аспекты / Е.В. Безручко, Е.В. Миллеров // *Философия права.* 2020. № 1. С. 67–71.
4. *Бойченко Н.М.* Этический кодекс преподавателя университета и современная эволюция общественной морали / Н.М. Бойченко // *Перспективы науки и образования.* 2013. № 5. С. 39–43.

Literature:

1. *Ageeva A.N.* Professional-ethical system of social work and the structure of the professional-ethical code / A.N. Ageeva // *Innovative science.* 2016. № 3. P. 97–99.
2. *Bakshtanovsky V.I.* The idea of designing a professional ethical code: worldview tier / V.I. Bakshtanovsky // *Ethical thought.* 2018. № 1. P. 146–157.
3. *Bezruchko E.V.* On modern problems of professional ethics of an employee of internal affairs bodies: deontological and legal aspects / E.V. Bezruchko, E.V. Millerov // *Philosophy of law.* 2020. № 1. P. 67–71.
4. *Boychenko N.M.* Ethical code of a university teacher and the modern evolution of public morality / N.M. Boychenko // *Prospects for science and education.* 2013. № 5. P. 39–43.

5. Быстрова Т.Ю. Этика проектной деятельности дизайнера / Т.Ю. Быстрова // Вестник Уральского федерального университета. 2014. № 4. С. 187–193.
6. Волков Ю.Г. Социологическая диагностика и экспертиза: потенциал «социологии для общества» / Ю.Г. Волков // Россия реформирующаяся. 2015. № 6. С. 37–50.
7. Гурылева М.С. Этический кодекс как основа профессиональной деятельности медицинского работника / М.С. Гурылева / В.В. Докторов // Вести научных достижений. 2018. № 1. С. 6–9.
8. Докторов В.В. Необходимость внедрения в организацию этического кодекса // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 2. С. 11–14.
9. Ирхин Ю.В. Роль этических кодексов в государственной службе Японии (сравнительный анализ) / Ю.В. Ирхин // Основы менеджмента и рынка. 2013. № 7. С. 40–56.
10. Ирхин Ю.В. Этические кодексы в современной государственной службе / Ю.В. Ирхин // Социология власти. 2011. № 4. С. 13–24.
11. Казбекова Т.Ф. Этический кодекс университета как ресурс социализации студентов / Т.Ф. Казбекова, С.А. Ляушева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: регионаловедение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4. С. 9–18.
12. Конджакулян К.М. Проблема этического кодекса в органах государственного управления / К.М. Конджакулян, М.П. Габриелян // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. С. 9–10.
13. Линдсей Д. Межнациональное регулирование этических вопросов и разработка мета-кодекса этики ЕФРА / Д. Линдсей // Национальный психологический журнал. 2012. № 3. С. 33–40.
14. Лебедева И.П. Японский феномен / И.П. Лебедева, С.Б. Маркарян, Э.В. Молодякова, Т.Н. Матрусова; Под. ред. К.О. Саркисова. М. : РИО Института Востоковедения РАН, 1996. 180 с.
15. Мухаметжанова В.С. Этический кодекс как механизм противодействия конфликту интересов на государственной и муниципальной службе / В.С. Мухаметжанова, Е.И. Васильчев // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2015. № 3. С. 191–195.
16. Назарова Ю.В. Аксиология профессии: пути определения и реализации современных профессиональных ценностей / Ю.В. Назарова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2015. № 3. С. 20–23.
5. Bystrova T.Yu. Ethics of design activities of a designer / T.Yu. Bystrova // Bulletin of the Ural Federal University. 2014. № 4. P. 187–193.
6. Volkov Yu.G. Sociological diagnostics and expertise: the potential of «sociology for society» / Yu.G. Volkov // Reforming Russia. 2015. № 6. P. 37–50.
7. Guryleva M.S. Ethical code as the basis for the professional activity of a medical worker / M.S. Guryleva // News of scientific achievements. 2018. № 1. P. 6–9.
8. Doktorov V.V. The need to introduce an ethical code into the organization / V.V. Doktorov // Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition. 2014. № 2. P. 11–14.
9. Irkhin Yu.V. The role of ethical codes in the public service of Japan (comparative analysis) / Yu.V. Irkhin // Fundamentals of management and the market. 2013. № 7. P. 40–56.
10. Irkhin Yu.V. Ethical codes in modern public service / Yu.V. Irkhin // Sociology of power. 2011. № 4. P. 13–24.
11. Kazbekova T.F. The Code of Ethics of the University as a Resource of Students' Socialization / T.F. Kazbekova, S.A. Lyausheva // Bulletin of the Adyge State University. Series 1: regional studies, philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2013. № 4. P. 9–18.
12. Konjakulyan K.M. The problem of the ethical code in government bodies / K.M. Konjakulyan, M.P. Gabrielyan // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2016. № 3. P. 9–10.
13. Lindsay D. International regulation of ethical issues and the development of a meta-code of ethics EFPA / D. Lindsay // National psychological journal. 2012. № 3. P. 33–40.
14. Lebedeva I.P. The Japanese phenomenon / I.P. Lebedeva, S.B. Markaryan, E.V. Molodyakova, T.N. Matrusova; Edited by K.O. Sarkisova. M. : RIO Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1996. 180 p.
15. Mukhametzhanova V.S. Code of Ethics as a mechanism to counteract conflicts of interest in the state and municipal service / V.S. Mukhametzhanova, E.I. Vasilchev // State and municipal management in the XXI century: theory, methodology, practice. 2015. № 3. P. 191–195.
16. Nazarova Yu.V. Axiology of the profession: ways to define and implement modern professional values / Yu.V. Nazarova // Humanitarian vedomosti TSPU im. L. N. Tolstoy. 2015. № 3. P. 20–23.

17. *Новикова Ю.А.* Нарушение работником норм морали как юридический факт в трудовом праве / Ю.А. Новикова // Трудовое право; право социального обеспечения. 2020. № 3. С. 59–64.
18. *Осьмук Л.А.* Использование социологических методов в общественной экспертизе деятельности учреждений социальной защиты / Л.А. Осьмук, И.А. Скалабан // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 17–31.
19. *Пронин М.А.* Регулирование технологий виртуальной реальности: к первому российскому кодексу этического поведения / М.А. Пронин // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. С. 6–22.
20. *Саркисян Г.А.* Особенности формуляра этического кодекса / Г.А. Саркисян // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 253–257.
21. *Сафонов К.Б.* Этические кодексы: проблемы создания и применения / К.Б. Сафонов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1. С. 21–25.
22. *Филатова Л.Б.* Роль этического кодекса в развитии профессиональной компетентности специалиста / Л.Б. Филатова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2012. № 3. С. 44–53.
23. *Финогентова О.Е.* Система этических кодексов в современной России / О.Е. Финогентова, Е.В. Полозков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2013. № 9. С. 15–21.
24. *Шипицына Г.М.* Этические кодексы современных российских банков и компаний / Г.М. Шипицына, Е.С. Полякова // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2011. № 2. С. 165–169.
25. *Щербаков Г.И.* Этические проблемы современной российской спортивной журналистики / Г.И. Щербаков // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. № 4. С. 180–187.
26. *Яблонская Л.М.* Этический кодекс полиции Северной Ирландии: значение в реформировании / Л.М. Яблонская // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 5–8.
27. *Marioka K.* Work Till You Drop / K. Marioka // New Labor Forum. 2004. № 1. P. 80–85.
28. *Mulner R.* Deadly Glow: The Radium Dual Worker Tragedy / R. Mulner // American Public Health Association. 1999. № 4. P. 242–254.
17. *Novikova Yu.A.* Violation of moral norms by an employee as a legal fact in labor law / Yu.A. Novikova // Labor law; social security law. 2020. № 3. P. 59–64.
18. *Osmuk L.A.* The use of sociological methods in public examination of the activities of social protection institutions / L.A. Osmuk, I.A. Skalaban // Bulletin of NSUEU. 2012. № 3. P. 17–31.
19. *Pronin M.A.* Regulation of virtual reality technologies: to the first Russian code of ethical behavior / M.A. Pronin // Horizons of humanitarian knowledge. 2018. № 5. P. 6–22.
20. *Sargsyan G.A.* Features of the formulary of the ethical code / G.A. Sargsyan // Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2013. № 3. P. 253–257.
21. *Safonov K.B.* Ethical codes: problems of creation and application / K.B. Safonov // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2013. № 1. P. 21–25.
22. *Filatova L.B.* The role of the ethical code in the development of professional competence of a specialist / L.B. Filatova // Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2012. № 3. P. 44–53.
23. *Finogentova O.E.* The system of ethical codes in modern Russia / O.E. Finogentova, E.V. Polozkov // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2013 № 9. P. 15–21.
24. *Shipitsyna G.M.* Ethical codes of modern Russian banks and companies / G.M. Shipitsyna, E.S. Polyakova // Bulletin of the Belgorod State Technological University. V.G. Shukhov. 2011. № 2. P. 165–169.
25. *Shcherbakov G.I.* Ethical problems of modern Russian sports journalism / G.I. Shcherbakov // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishcheva. 2019. № 4. P. 180–187.
26. *Yablonskaya L.M.* Ethical Code of the Police of Northern Ireland: Importance in Reforming / L.M. Yablonskaya // Theory and Practice of Social Development. 2011. № 2. P. 5–8.
27. *Marioka K.* Work Till You Drop / K. Marioka // New Labor Forum. 2004. № 1. P. 80–85.
28. *Mulner R.* Deadly Glow: The Radium Dual Worker Tragedy / R. Mulner // American Public Health Association. 1999. № 4. P. 242–254

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры региональной
социологии и моделирования
социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и социологи,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ МЕТОДИК В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются проблемы применения дистанционных методов обучения в системе современного российского высшего образования, определяются перспективы развития дистанционного обучения в отечественных вузах с учетом опыта их активного применения в период пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. Авторы указывают на достоинства и недостатки дистанционных методов обучения, выделяя их на основе результатов социологических исследований, включающих опросы профессорско-преподавательского состава и студентов вузов России. Отмечается, что опыт применения дистанционных методик в настоящее время нуждается в изучении и осмыслении, направленном на дальнейшее усовершенствование образовательных программ и информационных ресурсов российских вузов.

Ключевые слова: образовательный процесс, дистанционное образование, дистанционное обучение, цифровизация высшего образования, дистанционные образовательные технологии, электронная информационно-образовательная среда, образовательные инструменты, образовательная деятельность.

Petr S. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State
Economic University
samygin78@yandex.ru

Natalya Kh. Gafiatulina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student of the Department
of Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor Professor of the Department
of Management Staff and Sociologists,
Rostov State
University of Economics
darya.maksimovich@gmail.com

PROBLEMS AND PROSPECTS OF USING DISTANCE LEARNING METHODS IN THE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN HIGHER EDUCATION

Annotation. The article analyzes the problems of using distance learning methods in the system of modern Russian higher education, determines the prospects for the development of distance learning in domestic universities, taking into account the experience of their active use during the COVID-19 pandemic in 2020–2021. The author points out the advantages and disadvantages of distance learning methods, highlighting them on the basis of the results of sociological research, including surveys of the teaching staff and students of Russian universities. It is noted that the experience of using distance learning methods currently needs further study and understanding, aimed at further improving the educational programs and information resources of Russian universities.

Keywords: educational process, distance education, distance learning, digitalization of higher education, distance education technologies, electronic information and educational environment, educational tools, educational activities.

Пандемия COVID-19 и вынужденный перевод учебного процесса в большинстве российских вузов на удаленную или частично основу обусловили резкий рост как научного, так и практического интереса к дистанционным методам обучения, предусматривающим активный информационный обмен между преподавателями и студентами как основными субъектами образовательного процесса, который осуществляется на основе активного применения различных коммуникационных технологий [1]. Следует отметить, что в системе отечественного высшего образования имелся определенный опыт применения дистанционных методик и до событий 2020–2021 гг., однако, кризис, вызванный пандемией, обусловил практически полный перевод высших учебных заведений на работу на полностью удаленной основе [2]. Данный опыт является чрезвычайно полезным в плане определения основных достоинств и недостатков дистанционных методик, перспектив их дальнейшего использования в отечественной высшей школе.

Значимость дистанционных методов обучения для высших учебных заведений подчеркивается в текстах ряда нормативно-правовых актов, к числу которых относятся Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 г. [3], Закон «Об образовании в Российской Федерации» и ряд других. Так, в ст. 16 данного закона отмечается, что вузы вправе «применять дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ», однако при этом «должны быть созданы условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные и образовательные ресурсы, совокупность информационных и телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся [4].

Практика показывает, что такие условия имеются далеко не у всех организаций высшего образования в нашей стране. Реализация цели настоящей статьи, связанной с анализом проблем и перспектив дальнейшего использования дистанционных методов обучения в образовательном процессе в высшей школе, предусматривает обращение к материалам конкретных социологических исследований, проведенных в российских вузах и включающих опросы студентов и преподавателей по проблемам применения дистанционного обучения. Данные одного из таких опросов, проведенного в Уральском федеральном университете, показывают, что современные дистанционные методики имеют существенные недостатки, к числу которых респондентами были отнесены «низкое качество преподаваемого материала», «низкое качество контроля уровня полученных знаний», «ограничение в получении практических навыков», «отсутствие возможности учета индивидуальных особенностей обучающегося», «зависимость от технических средств». Интересно, что, с точки зрения студентов, наиболее существенными недостатками дистанционного обучения являются «недостаток общения», «высокая

отвлекаемость, проблема самоорганизации», а, с точки зрения преподавателей – «ригидность преподаваемого материала» [5].

Необходимо отметить, что студенты и преподаватели выделяют и достоинства дистанционных методик, включающих «возможность самому планировать время», «возможность обучаться, не выходя из дома или офиса», «доступность для людей с ограниченными возможностями здоровья» и т.д. Основные опасения субъектов образовательного процесса связаны с перспективами деиндивидуализации процесса образования, которая с точки зрения респондентов, является закономерным следствием широкого применения методов удаленного обучения. Использование дистанционных методик может быть эффективным в случае высокой самоорганизации обучающихся, однако, в России, как показывает практика, далеко не все студенты мотивированы на активную учебную деятельность. Результаты социологического исследования, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС свидетельствуют о том, что дистанционное обучение, несмотря на присущие ему положительные стороны, является неудобным для тех же преподавателей, а у студентов после перевода на удаленное обучение «стало меньше свободного времени». С точки зрения абсолютного большинства преподавателей (85,7 %), дистанционный формат работы способствовал существенному увеличению нагрузки, при этом не нравится работать дома большей половине педагогов (66 %), а у 34 % отсутствуют условия для того, чтобы комфортно проводить занятия [6].

Опрос более 30 тыс. преподавателей, проведенный сотрудниками ИНСАП РАНХиГС, позволил выявить как проблемы, так и возможности, связанные с применением дистанционных методик в системе современного российского высшего образования. Использованный данными исследователями метод контент-анализа, включивший подсчет форм, словосочетаний, использованных респондентами, позволил выявить наиболее частотные группы возможностей и угроз, высказываемых преподавателями отечественных вузов. Так, упоминания респондентами о негативных аспектах связанных с дистанционным обучением, чаще всего, оказываются связанными с опасением за снижение качества образования: в пятерку наиболее часто использованных слов вошли «образование», «студент», «качество», «снижение», «преподаватель». С точки зрения многих опрошенных экспертами преподавателей, активное использование дистанционных методов в вузах имеет следствием «снижение качества подготовки студентов и выпускников», способствует «утрате живого общения студентов и преподавателей», что, в свою очередь, приводит к «обезличиванию образовательного процесса». Важное значение имеют также такие негативные последствия, как «отсутствие возможностей для проведения воспитательной работы и «живого» обмена опытом [7].

Опасения преподавателей в связи с активным применением дистанционных методик связаны с

«возможным снижением качества из-за ограниченных возможностей контроля», а также «потерей специфических умений и навыков», которые могут вырабатываться у студентов только в процессе коллективного очного обучения, непосредственного общения с преподавателем и другими обучающимися. Наряду с недостатками, дистанционные методики имеют и несомненные достоинства, включающие, в первую очередь, более высокую доступность образовательных услуг: речь идет о возможностях получения образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья, студентов, проживающих в малых городах и сельских поселениях, испытывающих материальные, семейные и другие трудности. С точки зрения респондентов-преподавателей, внедрение дистанционных методик в систему вузовского образования будет способствовать «увеличению его доступности для массового потребителя из разных слоев общества и разных возрастных категорий, экономии средств и времени на получение качественного образования». Многими опрошенными отмечаются и такие позитивные аспекты дистанционного обучения, как «отсутствие привязки к географическому положению, сокращение затрат на транспорт и дорогу, возможность более демократичной доступности и повышения качества образования». Некоторые респонденты полагают, что активное внедрение дистанционных методик будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественных вузов на мировом уровне, омоложению профессорско-преподавательского состава, снижению потребности вузов в площадях, приведению системы вузовского образования в соответствии с потребностями современных студентов и т.д. [7]. В то же время, негативные оценки дистанционных методик в рамках данного опроса значительно преобладают над позитивными.

С нашей точки зрения, значимым недостатком дистанционных методик является отсутствие прямых контактов визуального характера со студентами, что сопровождается отсутствием возможности для преподавателей контролировать поведение обучающихся как время занятий, так и при проведении экзаменов и зачетов. Так, на семинарских занятиях студенты могут зачитывать учебники, а на экзаменах – активно использовать различные гаджеты, что не позволяет объективно оценивать знания обучающихся и уровень владения ими материалом.

Как видим, большую роль в рамках практической реализации дистанционного обучения играет ответственность самих студентов, уровень мотивации к учебе, степень неприятия нелегальных приемов прохождения промежуточных аттестаций, которые являются достаточно распространенными в студенческой среде. В соответствии с замечанием, сделанным главой российского государства во время проведения совещания, посвященного проблемам развития сферы образования в период пандемии, полная замена дистанционного обучения традиционным будет нецелесообразной: по мнению В.В. Путина, «телекоммуникации не могут заменить живого общения учителя и ученика» [8]. Как полагает Президент РФ, миссия системы образования состоит не только в

обучении, но и в воспитании подрастающего поколения, в передаче тех ценностей и традиций, которые лежат в основе функционирования общества.

Не вызывает сомнений тот факт, что при дистанционном обучении процесс воспитания обучающихся не может осуществляться эффективно, поскольку воспитание предусматривает, в первую очередь, прямой контакт между преподавателем и студентами, эмоциональное сотрудничество и взаимодействие между ними. Воспитательный процесс в высшей школе предусматривает в качестве неотъемлемого компонента привитие обучающимся определенных ценностных установок и ориентаций по отношению к семье, обществу, государству и т.д. Отсутствие возможности осуществления эффективного воспитательного воздействия является, таким образом, существенным недостатком дистанционных методов обучения. В целом, очевидно, что в ситуации пандемии отечественной системой высшего образования был приобретен уникальный опыт существования на частично или полностью удаленной основе, могущий быть использованным в процессе преобразований высшей школы в ближайшем будущем.

Сложившаяся ситуация фактически вынудила многие отечественные вузы активизировать в экстремальных условиях деятельность, направленную на практическое применение дистанционных методик, образовательных электронных площадок, что во многих отечественных высших учебных заведениях до начала пандемии практически не осуществлялось. Здесь важным направлением вузовской политики выступает обучение и переобучение профессорско-преподавательского состава, многие представители которого в силу присущей им консервативности не использовали до пандемии информационно-коммуникационные технологии в учебном процессе. Нецелесообразным является также переход на полностью дистанционную основу преподавания в высших учебных заведениях: на данном обстоятельстве было акцентировано внимание и В.В. Путиным, по справедливому заключению которого «все слухи о том, что дистанционное образование полностью заменит или вытеснит очное, что будут закрыты традиционные школы и университеты» являются «откровенной провокацией» [8].

Миссия дистанционных методик обучения состоит не в полном замещении, а в дополнении и обогащении традиционных методов обучения, успешно применяемых в учреждениях высшего образования в нашей стране. Эффективность учебного процесса может возрасти в случае развития дистанционного обучения, усовершенствования соответствующих методик, информационного ресурсного обеспечения, электронных образовательных площадок и платформ [9].

Здесь требуется определить оптимальное соотношение дистанционных и других обучающих методик: существует точка зрения, в соответствии с которой обучающемуся следует тратить до 40 % учебного времени на обучение в дистанционном формате, 40 % – на традиционное очное

образование, реализующееся в процессе непосредственного взаимодействия преподавателей и студентов, и 20 % на так называемое самообразование, различные виды самостоятельной работы, основные направления которой определяются рабочими программами дисциплин [8].

Дистанционные технологии, по мнению, И.А. Кислухиной, «это инструмент активного самостоятельного обучения, проходящего под чутким руководством со стороны опытных преподавателей» [10].

Литература:

1. *Gafiatulina N.* Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina [et al.] // In the collection: E3S Web of Conferences. 13. Сер. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020» 2020. P. 15031.
2. *Гафиатулина Н.Х.* Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 : монография / Н.Х. Гафиатулина [и др.]. М., 2020.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2765-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы. URL : http://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173677 (дата обращения 20.09.2020).
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 303 (5976). 31 декабря 2012 г.
5. *Ребышева Л.В.* Проблемы дистанционного образования на современном этапе развития / Л.В. Ребышева, Е.В. Васильченко // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL : www.science-education.ru/ru/article/view?id=22704 (дата обращения 20.09.2020).
6. *Померанцева Н.* Почему студенты и преподаватели невзлюбили дистанционное обучение / Н. Померанцева // Ведомости. 28 мая 2020 г.
7. *Рогозин Д.М.* Представления преподавателей вузов о будущем дистанционного образования / Д.М. Рогозин // Вопросы образования. 2021. № 1.
8. Совещание по текущей ситуации в системе образования. 21 мая 2020 г. URL : www.kremlin.ru/events/president/news/63376
9. *Гафиатулина Н.Х.* Специфика онлайн-обучения в российском образовательном пространстве высшей школы / Н.Х. Гафиатулина, Э.С. Абдулаева, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6.
10. *Кислухина И.А.* Использование дистанционных образовательных технологий в системе высшего образования: проблемы и перспективы / И.А. Кислухина // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 1.

Опыт применения дистанционных методик в настоящее время нуждается в комплексном изучении и осмыслении, направленном на дальнейшее усовершенствование образовательных программ и информационных ресурсов российских вузов. Необходимо понимать, что дальнейшее развитие систем дистанционного обучения предполагает обеспечение максимальной интерактивности.

Literature:

1. *Gafiatulina N.* Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina [et al.] // In the collection: E3S Web of Conferences. 13. Сер. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020» 2020. P. 15031.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Russian society in self-isolation. Social Effects and Consequences of the COVID-19 Pandemic : monograph / N.Kh. Gafiatulina [et al.]. M., 2020.
3. Decree of the Government of the Russian Federation № 2765-r of 29.12.2014 «On the Concept of the Federal Target Program for the Development of Education for 2016–2020». URL : www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173677 (date of application 20.09.2020).
4. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» // Rossiyskaya gazeta. Federal Issue № 303(5976). December 31, 2012.
5. *Rebysheva L.V.* Problems of distance education at the present stage of development / L.V. Rebysheva, E.V. Vasilchenko // Modern problems of science and education. 2015. № 2-2. URL : www.science-education.ru/ru/article/view?id=22704 (date of application 20.09.2020).
6. *Pomerantseva N.* Why students and teachers disliked distance learning / N. Pomerantseva // Vedomosti. May 28, 2020.
7. *Rogozin D.M.* Representations of university teachers about the future of distance education / D.M. Rogozin // Education issues. 2021. № 1.
8. Meeting on the current situation in the education system. May 21, 2020. URL : www.kremlin.ru/events/president/news/63376 (date of application 20.09.2020).
9. *Gafiatulina N.Kh.* Specificity of online learning in the Russian educational space of higher education / N.Kh. Gafiatulina, E.S. Abdulaeva, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 6.
10. *Kislukhina I.A.* The use of distance learning technologies in the system of higher education: problems and prospects / I.A. Kislukhina // Management of economic systems: an electronic scientific journal. 2017. № 1.

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Sociology, Law
and Work With Personnel,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА, РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА**

**MIGRATION PROCESSES
IN RUSSIA: GOVERNMENT POLICY,
RISKS AND BENEFITS**

Аннотация. В статье представлены основные страны – поставщики и приемщики рабочих мигрантов и рассмотрены причины подобной политики в этой сфере взаимодействия. Показано, что принимающие страны ориентированы на получение высококвалифицированных специалистов; страны отправители ориентированы на снижение безработицы и социальных издержек; страны третьего мира являются поставщиками дешевой рабочей силы. Рассмотрены неформальные сети, которые используются мигрантами для поездок на работу, а также, для переезда на постоянное место жительства в Россию. Основные проблемы и перспективы, выгоды и риски миграционной политики Российской Федерации рассмотрены в двух подходах – развитие и безопасность.

Annotation. The article presents the main countries, suppliers and receivers of migrant workers and considers the reasons for such a policy in this area of interaction. It is shown that the host countries are focused on obtaining highly qualified specialists; sending countries are focused on reducing unemployment and social costs; third world countries are suppliers of cheap labor. The article considers informal networks that are used by migrants to travel to work, as well as to move to a permanent place of residence in Russia. The main problems and prospects, benefits and risks of the migration policy of the Russian Federation are considered in two approaches - development and security.

Ключевые слова: трудовые мигранты, коренное население, миграционная политика, временная миграция, неформальная экономика, социальная адаптация, интеграция.

Keywords: labor migrants, indigenous population, migration policy, temporary migration, informal economy, social adaptation, integration.

Международная трудовая миграция, важный аспект развития многих обществ и международных отношений. Основным поставщиком рабочей силы являются развивающиеся страны, а принимающие (Европа, США, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Ближний Восток (добывающие нефть), Россия и т.д.). Также, следуют учитывать, что значительная часть движений происходят в рамках собственной страны. Попробуем выделить уровень участия отдельных государств в миграционных процессах.

– на привлечение самых лучших из числа студентов, проходивших обучение в их стране, и имеющих профессию, предоставлением им вида на жительство и прав на работу;

Все страны, участвующие в этом процессе, можно разделить на три группы: страны экспортеры, отправляющие мигрантов; страны импортеры, принимающие мигрантов; страны смешанного типа, то есть, принимающие и отправляющие трудовых мигрантов[1].

– на временную миграцию, предполагающую труд малоквалифицированных мигрантов выполняющих узкопрофильную работу на сложных и вредных участках, с последующей их репатриацией.

Принимающие страны ориентированы:

Страны, отправляющие мигрантов, обладают типичными чертами:

– на получение высококачественных специалистов;

– в целях снижения безработицы и социальных издержек, стимулирования оттока определенных сограждан за границу;

– контролем за утечкой граждан, представляющих государственный интерес, создание для них приемлемых условий существования в собственной стране, то есть, контроль за «утечкой мозгов».

Страны, в разной степени участвуют в глобальной миграционной политике, отправляя и принимая мигрантов.

Страны смешанного типа, так называемого, третьего мира, выступают поставщиками мало и низко квалифицированной рабочей силы.

Между развитыми странами, тоже сформировались потоки трудовой миграции в связи с углублением и расширением международного сотрудничества и специализации в условиях современной глобализации.

Что касается Российской Федерации, то ее можно отнести к странам смешанного типа: это – один из узлов миграции с ежегодно возрастающим потоком, главным образом, рабочего характера. Сложности в процедуре получения разрешения на работу в России были частично нивелированы возникновением дополнительных каналов легализации мигрантов: введение патентов и преференций для особой высококвалифицированной группы специалистов.

В последнее время существенно изменилась доля стран, отправляющих рабочую силу в Россию. Начиная с 2016 года, трудовая миграция из стран дальнего зарубежья, существенно сократилась, в это же время, количество мигрантов из СНГ увеличилось. Подобному положению дел способствовало введение нового миграционного порядка, которое предоставило преимущества странам СНГ: только они могли сами получать разрешение на осуществление трудовой деятельности без согласия работодателя. Страны Средней Азии выступили главным поставщиком рабочей силы во всех регионах Российской Федерации. Это способствовало возникновению широких сетей, которые используются мигрантами для поездок на работу, а для некоторых групп мигрантов – для переезда на постоянное место жительства в Россию.

Сети содержат все признаки неформального характера: они слабо организованы в сравнении с традиционными диаспорами, но, тем не менее, решают проблемы формальных услуг, работают более результативно, чем формальные миграционные институты.

Знакомые, друзья, родственники выступают поставщиками работы посредством неформальных сетей и связей. Посредники создают определенные риски, вероятность обмана высока и осознается самими мигрантами. По приблизительным оценкам, до 90 % мигрантов сталкиваются и проходят через теневую инфраструктуру. Оставшиеся 10 % обслуживают формальные службы и государственные каналы трудовой миграции.

Временная трудовая занятость, участь большинства трудовых мигрантов в частном секторе России. Мужчины составляют основной поток мигрантов, женщины не более 15 %, хотя в последнее время, по мнению экспертов, их доля выросла до 25 %. Невозможность контроля женской миграции посредством официальной статистики определяется тем, что они, в большинстве своем,

работают в неформальном секторе экономики, не легализуя свой род занятий.

Среди мигрантов преобладают жители Средней Азии, молдаване и граждане Украины, россияне (внутренняя миграция) 13–15 % и представители кавказских народов – 7 %. Если раньше мужчины составляли основную часть трудовых мигрантов, то в последнее время трудящиеся мигранты работают семьями; миграция рабочей силы ввиду наличия семей стала проектом долгосрочного пребывания в нашей стране [2].

Оценка потребности современного российского экономического пространства затруднена, минимум, по двум причинам:

- неполноте статистических данных по имеющимся вакансиям ввиду не предоставления работодателями данных официальным службам занятости;

- величиной уровня занятости в неформальном секторе экономики, что создает сложности в определении потребностей неформального сектора в работниках.

Оценка потребностей российской экономики в определенных профессиональных группах, уровне их квалификации крайне затруднена. Для ее прогнозирования необходима информация от структур, осуществляющих экономическую деятельность. Исключение составляют структуры, деятельностью которых выступает финансовая сфера, государственное управление, социальное обеспечение и безопасность.

Наибольшая потребность просматривается в группе с высоким уровнем квалификации. При условии развития российской экономики, количество работников сферы услуг будет возрастать, а потребность в специалистах такой категории увеличится. Это заставит российских работодателей нанимать трудовых мигрантов, так как 25 % организаций не в состоянии заполнить вакансии местными кадрами; вид деятельности, в данном случае, является определяющим. Местные ресурсы не в состоянии обеспечить строительную, сельскохозяйственную и транспортную отрасли.

Таким образом, в ближайшей перспективе будет наблюдаться сокращение трудоспособного местного населения и увеличение доли вакансий для трудовых мигрантов.

Причины обращения к мигрантам носят структурный характер ввиду нехватки работников и дисбаланса на рынке труда, так как россияне не хотят выполнять тяжелую и не квалифицированную работу.

Большинство организаций, нанимающих мигрантов, имеют для этого объективные причины, а прагматизм вступает в качестве основной.

Следующей серьезной основой для использования труда мигрантов является их ответственность и качество выполняемых работ, которое отличается в лучшую сторону в сравнении с результатом труда русских работников.

Физические причины составляют лишь третью часть обращения к труду мигрантов, как заявляют представители малого бизнеса. Представители крупных и средних организаций менее позитивны в своих прогнозах. Это можно объяснить сложностью экономической ситуации, заставляющей эти кампании экономить. Чем больше бизнес и финансовое состояние организации, тем менее важна для нее экономия на заработной плате мигрантов.

В целом, можно отметить, что финансовая составляющая не является главной в выборе работника россиянина и мигранта. Экономическое развитие России будет больше зависеть от ее возможностей в привлечении необходимого количества мигрантов и улучшении качества их подготовки. Условия современной экономики, определяющей эволюцию миграционной специфики, главным образом, находится в поле взаимодействия Россия – СНГ – страны Юго-Восточной Азии, которые до последнего времени развивались в прагматичном ключе. Однако такое положение дел бесперспективно, так как есть государства, конкурирующие с Россией за мигрантов, и их позиция, возможно, будет укрепляться. Следовательно, главная, стоящая перед российским обществом задача: сделать страну привлекательной, что требует разработки программы, направленной на сбалансированную миграционную политику, которая содержала бы в себе политику их приема, юридическое сопровождение и поддержку, возможности натурализации в случае их желания остаться и интегрироваться в российское общество.

Нормативные акты в сфере миграционного права должны учитывать интересы всех сторон – трудовых мигрантов, предпринимателей, российских граждан. Просматриваемая тенденция облегчения трудоустройства мигрантов, патентная система, используемая мигрантами в работе с физическими лицами, оказалась эффективной. Либерализация миграционного законодательства будет способствовать притоку мигрантов, что укрепит российскую экономику.

Следует определиться с количеством трудовых мигрантов, необходимых нашей стране на региональном и отраслевом уровнях. Количественные квоты должны сопровождаться показателями, определяющими качественный состав трудовых мигрантов.

В сравнении с западными странами, Россия отстает от них в плане привлечения квалифицированных кадров, ввиду отсутствия специальной программы:

- возвращения на родину высококвалифицированных граждан из-за рубежа;
- предоставления возможностей для самореализации талантливой молодежи;
- меры, направленные на ограничение потока миграции из научного потенциала.

Такая политика потребует серьезных финансовых издержек для оплаты их труда, решения

жилищных проблем, но они оправданы в перспективе.

Русскоязычным мигрантам из стран СНГ должны быть созданы самые комфортные условия, так как проблем с адаптацией в российском обществе у них не будет. Симптоматично, что именно объем этой категории мигрантов уменьшился в последнее время, а изменение ситуации в перспективе будет зависеть от миграционной политики России в будущем в отношении граждан из постсоветского пространства.

Выгоды и риски миграционной политики просматриваются в двух подходах – развитие и безопасность. Первые утверждают, что мигранты являются необходимой демографо-экономической составляющей российского общества; вторые акцентируют внимание на угрозах этнической однородности и стабильности общества.

Государство выступает главным игроком в миграционной политике, направленной, как на регулирование миграционных процессов, так и на борьбу с антимигрантскими настроениями. Соответственно, вопросы миграции, а также, ее риски и преимущества, в перспективе, будут зависеть от выбранной модели: авторитарной, либеральной, демократической, а также – от механизмов координации интересов государственной сферы, общественных институтов, которые определяют логику миграционной политики для федеральных властей.

Необходима корректировка государственной миграционной политики в отношении легальной и нелегальной миграции, так как официальная государственная социальная поддержка трудящихся-мигрантов направлена на решение проблем легальных мигрантов, работающих в государственных организациях или сфере услуг не интересующей местных жителей. Государственная миграционная политика в отношении нелегальных трудовых мигрантов ориентирована на контроль и отправку их в страну исхода.

Общественные структуры (фонды, организации) частично обеспечивают социально-правовое сопровождение помощи. Также, следует отметить роль национально-культурных организаций, оказывающих адресную поддержку трудовым мигрантам в процессе адаптации к жизни в нашей стране.

Следует признать, что государством проведен огромный объем работ для выработки эффективной миграционной политики, но, тем не менее, существует много проблем, одной из которых является необходимость повышения роли институтов гражданского общества в формировании и реализации государственной миграционной политики.

Таким образом, миграционная политика является неотъемлемой частью внешней и внутренней политики государства, важным элементом его национальной политики. Именно от нее зависит, станет ли миграция стабильным фактором, способствующим позитивному развитию или фактором, усугубляющим экономические и социальные проблемы российского социума.

Литература:

1. *Ивахнюк И.В.* Международная трудовая миграция: учебное пособие. М. : Экономический факультет МГУ, ТЕИС. 2005. С. 86–95.
2. Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. М. : МАКС Пресс. 2010. С. 37–38.
3. *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтное измерение. М. : Альфа. 2006. 432 с.
4. *Леденева В.Ю.* Социальная адаптация и интеграция мигрантов в современном российском обществе : дис. ... д-ра. соц. наук. 2014. 341 с.
5. *Бойков В.Э.* Внешняя и внутренняя миграция в российском обществе / В.Э. Бойков // Социология власти. РАГС. 2007. С. 75–79.
6. *Харькова В.А.* Особенности социальной адаптации беженцев с юго-востока Украины на территории Краснодарского края (по материалам интервью) / В.А. Харьков, В.Н. Муха // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-1. С. 97–100.

Literature:

1. *Ivakhnyuk I.V.* International Labor Migration: A Study Guide. M. : Faculty of Economics, Moscow State University, TEIS. 2005. P. 86–95.
2. Migration and the demographic crisis in Russia / Ed. Zh.A. Zayonchkovskaya, E.V. Tyuryukanova. M. : MAX Press. 2010. P. 37–38.
3. *Dmitriev A.V.* Migration: Conflict Dimension. M. : Alpha. 2006. 432 p.
4. *Ledeneva V.Yu.* Social adaptation and integration of migrants in modern Russian society : dis. ... doctor of social sciences. M., 2014. 341 p.
5. *Boykov V.E.* External and Internal Migration in Russian Society / V.E. Boykov // Sociology of Power. RAGS. 2007. P. 75–79.
6. *Kharkova V.A.* Features of the social adaptation of refugees from the southeast of Ukraine on the territory of the Krasnodar Territory (based on interview materials) / V.A. Kharkova, V.N. Mukha // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 12-1. P. 97–100.

Усова Любовь Викторовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
lyubov_soc@mail.ru

ИНВАЛИДНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье предпринята попытка теоретического анализа феномена инвалидности с позиции классиков и современников социологической мысли. Актуальность обращения к теме инвалидности в последние десятилетия стала актуальной и широко востребованной. Зарубежные и российские исследователи выработали большое количество подходов к изучению данного феномена. В современной науке происходит размывание и искажение взглядов на инвалидность. На основе представления основных социологических теорий делаются обобщения и выводы относительно дальнейших тенденций развития данного социального феномена.

Ключевые слова: инвалид, инвалидность, нетипичность, человек с ограниченными возможностями, социологические теории.

Формирование социального государства невозможно без развития культуры толерантности к людям с ограниченными возможностями. При этом важность исследования нетипичности актуализируется с каждым днем. Так, в последние годы наблюдается возрастающий интерес отечественных и зарубежных исследователей к проблеме инвалидности [1]. Несмотря на то, что проблема инвалидности имеет длительную историю, однако до сих пор существуют противоречия в методологическом плане.

В отечественной и зарубежной социологической науке уделяется значительное внимание проблеме инвалидности. Существует целый ряд терминологических определений близких по смыслу и содержанию к категории «инвалидность». В свою очередь, инвалидность можно интерпретировать через классические и современные подходы, например, как «больной», «чужой», «нетипичный», «стигматизированный». Изучением различных вопросов инвалидности занимались такие ученые как П. Бергер, Г. Зиммель, И. Гофман, Р. Мертон, Р. Парк, А. Шюц, Т. Лукман, Д. Зайцев, Г. Карпова, Э. Наберушкина, Е. Ярская-Смирнова и др.

Однако следует отметить, что каждый этап развития общества способствует появлению определенных отличий в интерпретации. Например,

Lyubov V. Usova
Candidate of Sociological Sciences,
associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State University
lyubov_soc@mail.ru

DISABILITY THROUGH A SOCIOLOGICAL LENS

Annotation. The article attempts a theoretical analysis of the phenomenon of disability sociological conceptions of classics and contemporaries. The applicability of addressing disability in recent decades has become relevant and widely sought after. Foreign and Russian sciences have many approaches to the study of this phenomenon. There are blurring and distortion of views on disability in modern science. All generalizations and conclusions regarding further trends in the development of this social phenomenon are based on the main sociological theories.

Keywords: disabled person, disability, atypicality, person with disabilities, sociological theories.

впервые термин инвалид используется в эпоху Петра Первого, называя так военнослужащих, которые получили ранения или увечья. В современном обществе это слово употребляется при определении сложного заболевания и наличия социальных льгот, предоставляемых конкретному человеку или человеку, имеющему серьезные проблемы со здоровьем. Данные дефиниции акцентируют внимание на обладание какого-либо заболевания, демонстрируя медицинскую модель в понимании инвалидности.

На современном этапе развития общества назрела необходимость в исследовании инвалидности сквозь призму социологической мысли. Инвалидность с точки зрения социологии представляет собой «ненормальную» норму или «нормальное» отклонение.

Традиционный взгляд на проблему нетипичности представлен, например, в рамках структурно-функционального подхода работами одного из представителей американской школы как Толкотт Парсонс [2]. Ученый рассматривал проблему инвалидности через особенное социальное состояние человека. Т. Парсонс пишет о норме как об «эфемерном образовании в потоке реальности», и именно «эфемерная реальность и регулирует всю социальную систему» [2, с. 9]. Представляя общество как равновесную систему, Парсонс

акцентирует внимание на значительной роли институционализированных стандартов нормативной культуры, которые влияют на поддержание равновесия социальной системы. Парсонс утверждает, что любая социальная система не может находиться в состоянии идеального равновесия. Равновесие нарушают «деструктивные факторы», приводящие к ценностно-нормативному конфликту.

В своей работе ученый предлагает модель «роли больного». Находясь в состоянии болезни, больной может рассчитывать на заботу, поправки и уклонения от выполнения социальных обязанностей.

Проблематика инвалидности может быть представлена через дихотомию «свой – чужой». О данной тенденции в своей работе «Мыслить социологически» касается Зигмунт Бауман. Он пишет: «Они ... – это та группа, к которой я не могу или не хочу принадлежать. Мое представление о происходящем в ней весьма смутно и отрывочно, я плохо понимаю ее поведение, поэтому ее действия для меня большей частью непредсказуемы и отпугивают» [3, с. 46–47], поэтому можно говорить о том, что к людям с инвалидностью и ОВЗ существует определенное предупреждение, которое выражается в существовании двойного стандарта.

В определенном смысле, тема инвалидности затрагивается французским социологом и философом Эмилем Дюркгеймом. В своей концепции он изображает нетипичность как форму социальных отношений (социальной нормы и девиации). Патология рассматривается им просто как обратная сторона социальной нормальности [4]. Ученый утверждает, что различие между нормой и отклонением существует объективно, не являясь результатом нравственного суждения, и социальная патология может быть измерена научно. Так, «болезнь определяется по отношению к среднему, норме, «паттерну», и так как в этом отклонении заключается вся сущность патологического: болезнь по природе маргинальна и имеет отношение к культуре лишь постольку, поскольку является поведением, которое в нее не включается» [5, с. 166–167].

В теориях символического интеракционизма (например, Дж.Г. Мид) феномен инвалидности представляется через символические значения, которые могут характеризовать социальную группу лиц с ограниченными возможностями. Мышление человека самостоятельно пользуется символами для социальных интеракций, а, с другой стороны, существует механизм отклика на жесты, звуки, которые вызывают реакции в акторе [6, с. 40]. По мнению представителей символического интеракционизма, становление социального «Я» человека с ОВЗ необходимо рассматривать через воспроизводимые стереотипы самих инвалидов и отношения к ним социального окружения. Основной принцип интеракционизма – личность становится для себя тем только через представления себя другими в сложной социальной среде.

Рассматривая проблему инвалидности, Мишель Фуко обращает внимание на то, что состояние «нормальности» предшествует болезни. Болезнь рассматривается сквозь призму правового регулирования. «Безумец признается таковым не в силу болезни, переместившей его на периферию нормы, но потому, что наша культура отвела ему место в точке пересечения общественного приговора об изоляции и юридического знания, определяющего дееспособность правовых субъектов» [7].

В книге «Психическая болезнь и личность» он сосредоточивает внимание на влиянии культуры, на создании определенного образа человека. «Каждая культура создает из болезни образ, характер которого очерчивается всеми вытесняемыми или подавляемыми ею антропологическими возможностями» [5, с. 166].

К слову, понимание человека с ограниченными возможностями в концепции Ирвинга Гоффмана базируется на теории стигматизации. В представлении И. Гоффмана, общество самостоятельно наделяет людей определенными нормальными и естественными характеристиками. Когда человек не соответствует, так называемой, категории нормальности, включается механизм стигмы [8]. Стигма выступает формой протеста определенной части общества для привлечения внимания к своим проблемам. Клеймо неполноценности становится фактором объединения стигматизируемых и нестигматизируемых. И борьба против стигмы превращает в смысл социального существования [9, с. 148].

Ю. Комлев в своих трудах развивает значение стигматизации, раскрывает возможности применения теории стигматизации в российских условиях с целью профилактики подростково-молодежной девиантности. Наклеивание ярлыков пагубно влияет на принятии девиантной идентичности и ее ролевом закреплении. «Клеймение» порождает и усиливает девиантность [10].

Немецкий социолог Георг Зиммель делает акцент на изучении внутреннего опыта и диффузности, прежде стабильных форм переживания времени, пространства и причинности. Он отмечает, что «у человека, чуждого стране, расе, городу, культуре, подмечаются и акцентируются окружающими не индивидуальные качества, а те общие с другими чужаками свойства, которые чужаки в реальности никогда не воспринимаются как индивидуальности, но лишь как определенные типы чужаков» [11].

Исследователь городской среды и межкультурного взаимодействия Роберт Парк сформировал представление о «пограничном» человеке или маргинальной личности. Маргинал прокладывает путь по границе двух культур и должен реализовать свой творческий потенциал, чтобы в одиночку преодолеть их социальное столкновение. Человек с инвалидностью как чужак в обществе должен жить в антагонистической культуре, вовлекаться в конфликт культур [12, с. 174].

Ученый отмечает, что разные группы представляют большую проблему для общества, но, как правило, «другой» «с более широким кругозором, с более тонким интеллектом ... более цивилизованный» [12, с. 175].

Проблематика инвалидности получила значительное отражение в классических социологических теориях. Однако для предметного понимания необходимо обратиться к современным концепциям инвалидности.

В современных социологических исследованиях российские ученые изучают различные стороны инвалидности. Большой вклад в теорию инвалидности внесла представитель саратовской социологической школы профессор Е.Р. Ярская-Смирнова, которая изложила свои взгляды в рамках теории социокультурной нетипичности. Суть инвалидности прослеживается в определенных смысловых конструктах. На людей с ограниченными возможностями наклеивается, так называемый, «ярлык», что влечет за собой негативную оценку, что приводит к причислению их к «особой» группе людей, которая отличается от других.

Литература:

1. Красуцкая О.В. Категории инвалидности и реабилитации в различных социологических концепциях / О.В. Красуцкая // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 132–141; Ерохина Л.Д. Этический анализ современных моделей инвалидности / Л.Д. Ерохина, В.В. Урядова, И.В. Андреева // Общество: философия, история, культура. 2019. № (65). С. 27–34; Усова Л.В. К вопросу об интерпретации понятий «инвалид» и «инвалидность» / Л.В. Усова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 98–100.
2. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс; Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М. : Академический Проект, 2002. 832 с.
3. Бауман З. Мыслить социологически. М. : Аспект Пресс, 1996. 255 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. 352 с.
5. Фуко М. Психическая болезнь и личность / М. Фуко; Пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. 320 с.
6. Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / Дж. Г. Мид; РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. 290 с.
7. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга. 1997. 144 с.
8. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность. Ч. 2. Контроль над инфор-

культура, а, именно, социокультурные предупреждения, могут приводить к эксклюзии инвалидов в обществе, их дискриминации [13].

Социокультурная политика, проводимая в РФ, способствовала формированию новой социокультурной парадигмы в отношении людей с инвалидностью, опирающейся на развитии международного опыта. Общественные организации стали применять принцип равных возможностей, участия во всех видах социальной и культурной активности людей с инвалидностью [14].

В заключении можем констатировать, что интерес к теме инвалидности в последние десятилетия значительно повысился. Об этом говорит рост количества социологических исследований, посвященных актуальным вопросам, связанным с нетипичностью, но все еще нет единой точки зрения на проблему инвалидности. Осознанное понимание и расширение дискурса инвалидности будет способствовать изменению отношения общества к людям с инвалидностью, формированию толерантности

Literature:

1. Krasutskaya O.V. Categories of disability and rehabilitation in various sociological concepts / O.V. Krasutskaya // Bulletin of the PNRPU. Socio-economic sciences. 2017. № 3. P. 132–141; Erokhina L.D. Ethical analysis of modern models of disability / L.D. Erokhina, V.V. Uryadova, I.V. Andreeva // Society: philosophy, history, culture. 2019. № 9(65). P. 27–34; Usova L.V. On the interpretation of the concepts of «disabled» and «disability» / L.V. Usova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 5. P. 98–100.
2. Parsons T. On social systems / T. Parsons; Ed. by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovsky. M. : Academic Project, 2002. 832 p.
3. Bauman Z. Think sociologically. M. : Aspect Press, 1996. 255 p.
4. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / E. Durkheim; Trans. from the French, compilation, afterword and notes by A.B. Hoffman. M. : Kanon, 1995. 352 p.
5. Foucault M. Mental illness and personality / M. Foucault; trans. from the French, preface. and comment. O.A. Vlasova. SPb. : IC «Humanitarian Academy», 2010. 320 p.
6. Mfa J.G. Izbrannoe: Sb. perevodov / J.G. Mid; RAS. INION. Center for Social Science-inform. research. Department of Sociology and Social Sciences. psychology; Comp. and translator V.G. Nikolaev. Ed. by D.V. Efremenko. M., 2009, 290 p.
7. Foucault M. The history of insanity in the Classical era. SPb. : University Book. 1997. 144 p.
8. Hoffman I. Stigma: Notes on the management of corrupted identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. Information Control and Social Identity

мацией т социальная идентичность (главы 3–6). URL : https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf

9. *Польская Н.А.* Психически больной в современном обществе: проблема стигмы / Н.А. Польская // Социологический журнал. 2004. №1–2. URL : <http://sj.obliq.ru/article/582?print=yes>

10. *Комлев Ю.Ю.* Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение / Ю.Ю. Комлев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2(24). С. 6–14.

11. *Simmel G.* The Stranger / G. Simmel; Ed. by D.L. Levine // Georg Simmel. On Individuality and Social Form. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1971. P. 148–149.

12. *Парк Р.Э.* Культурный конфликт и маргинальный человек / Р.Э. Парк // Социальные и гуманитарные науки. Социология. 1998. № 2. С. 172–175.

13. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов : СГТУ, 1997. 272 с.

14. *Карпова Г.* Социокультурная политика в отношении инвалидов: от законодательства к общественному мнению / Г. Карпова, Е. Ярская-Смирнова. URL : <https://www.hse.ru/data/2010/03/15/1231876516/Karplars.pdf>

(Chapters 3–6). URL : https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf

9. *Pol'skaya N.A.* Mentally ill in modern society: the problem of stigma / N.A. Pol'skaya // Sotsiologicheskii zhurnal. 2004. № 1–2. URL : <http://sj.obliq.ru/article/582?print=yes>

10. *Komlev Yu.Yu.* The theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, meaning / Yu.Yu. Komlev // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2(24). P. 6–14.

11. *Simmel G.* The Stranger / G. Simmel; Ed. by D.L. Levine // Georg Simmel. On Individuality and Social Form. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1971. P. 148–149.

12. *Park R.E.* Cultural conflict and marginal man / R.E. Park // Social and Humanitarian Sciences. Sociology. 1998. № 2. P. 172–175.

13. *Yarskaya-Smirnova E.R.* Sociocultural analysis of atypicality. Saratov : SSTU, 1997. 272 p.

14. *Karpova G.* Sociocultural policy in relation to disabled people: from legislation to public opinion / G. Karpova, E. Yarskaya-Smirnova. URL : <https://www.hse.ru/data/2010/03/15/1231876516/Karplars.pdf>

Федоров Николай Юрьевич

кандидат философских наук,
доцент,
кафедра политической социологии
и социальных технологий,
социологический факультет,
Российский
государственный университет
ninani@mail.ru

Nikolai Yu. Fedorov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Department of Political Sociology
and Social Technologies,
Faculty of Sociology,
Russian State University
ninani@mail.ru

**УПРАВЛЕНИЕ И ЕГО СУБЪЕКТЫ:
К РАЗВИТИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
ТРАКТОВКИ**

Аннотация. В системе понятий социологии управления важное место занимает понимание его субъектов. К ним относятся менеджер и государственный служащий. В литературе далеко не всегда между ними проводятся полные различия, которые часто лишь неявным образом подразумеваются. Автор статьи полагает, что между ними, с одной стороны, имеется значительное сходство (и тот, и другой являются личностями наемных управленцев, образуют социальные группы, институционализированы и организованы), а с другой – существенные различия по социальным качествам (самостоятельность управления и властность), в содержании отношений (сотрудничество и подчиненность) и деятельности (динамичность и зависимость). Основание для такого сходства и различий лежит в близости и, вместе с тем, в существенной самостоятельности понятий «власть» и «управление».

Ключевые слова: менеджер, государственный служащий, управление, власть, личность, социальные качества, управленческие отношения.

Социология управления рассматривает широкий круг проблем деятельности личностей и социальных групп, социальных институтов и организаций, отношений между ними в процессе управления и т.д. В качестве субъектов управления выступают, прежде всего, две фигуры управленцев – менеджер и государственный (муниципальный) служащий.

К сожалению, далеко не всегда эти центральные фигуры процесса управления занимают свое место в университетских курсах социологии управления. Так, Г.И. Большакова и Н.В. Тельных, описывая роль менеджера в социальном управлении, подчеркивают, что ему необходимо хорошо знать различные виды коммуникаций сотрудников управляемой организации (межличностной, функционально-ролевой и др.), тенденции групповой динамики и другие функции по управлению персоналом. Вместе с тем, они не рассматривают

**MANAGEMENT AND ITS SUBJECTS:
TOWARDS THE DEVELOPMENT
OF A SOCIOLOGICAL INTERPRETATION**

Annotation. In the system of concepts of the sociology of management, an important place is occupied by the understanding of its subjects. These include a manager and a civil servant. In the literature, complete distinctions are not always made between them; they are often only implicitly implied. The author believes that, on the one hand, there is a significant similarity between them (both are personalities of hired managers, form social groups, are institutionalized and organized), on the other hand, there are significant differences in social qualities (independence of management and authority), in the content of relations (cooperation and subordination) and activities (dynamism and dependence). The basis for such similarities and differences lies in the proximity and, at the same time, in the essential independence of the concepts of power and control.

Keywords: manager, civil servant, management, power, personality, social qualities, management relations.

самого менеджера как личность и менеджмент как социальную группу, вступающую в социально-трудовые отношения с наемными работниками [2, с. 65; 66; 68 и др.]. Группа авторов «Основ социального управления», подчеркивая, что социальное пространство менеджмента разворачивается, «когда социальное обустройство граждан, удовлетворение их социальных потребностей, утверждение достойного образа жизни становятся не только тенденцией общественного развития, но и нормой социального поведения государства (социального государства)», не показывает менеджеров и государственных служащих как субъектов социально-управленческой деятельности [3, с. 32]. Т.М. Баландина, указывая на усиление проявления социальной природы современного управления, отмечает: «...Высшее руководство (топ-менеджмент) превращается из органа, издающего приказы, в орган, способствующий принятию решений, использованию

среднего управленческого звена (мидл-менеджмента) как инициатора и движущей силы решения проблем, принятия решений, осуществляется на основе консенсуса, акцентируется повышенное внимание на потребности, а также уровень благополучия сотрудников» [1, с. 11]. Тем не менее, топ-менеджмент и другие группы не предстают предметом специального описания и анализа в учебном пособии этого автора. Х.З. Ксенофонтова, рассматривающего проблематику развития потенциала управленческого персонала в структуре социологии управления, ограничивающего ее обезличенной трактовкой, не подразумевающей субъектность управленческой деятельности [3, с. 169].

Принимая различные характеристики менеджмента и государственных служащих, представленные в литературе по проблематике управления и социологии управления, мы попытаемся теоретически показать значительное социальное сходство между ними и, вместе с тем, существенные различия. И то, и другое основано на сопредельных понятиях социологии, политологии и менеджмента, таких, как человек и личность, власть и управление и др., которые автор попытается интерпретировать через призму социологии.

Менеджер и госслужащий – это, прежде всего, личности. Социолог рассматривает личность во всей полноте ее социальных качеств, действий, обусловленных этими качествами, и соответствующих отношений, которые складываются между личностями в процессе совершения действий.

Менеджер представляет собой наемного работника, обладающего социальным качеством - способностью к руководящему труду и выполняющего управленческие функции в производственно-экономической организации. Управленческое качество рабочей силы менеджера определяется профессионализмом – конкретным содержанием его знаний и навыков, компетентностью в выполнении конкретных трудовых функций и затем – другими личными качествами (образованием, волей, лояльностью к своей организации, интересом, целеустремленностью, индивидуализмом, коммуникабельностью и др.).

С другой стороны, это содержание определено деятельностью и отношениями с работниками-исполнителями, с владельцем капитала, с другими менеджерами. В основе отношений между менеджером и другими работниками-исполнителями лежит общая конкретная цель организации по производству и реализации товаров и заинтересованность в ее достижении, между менеджером и владельцем организации (предприятия) – столь же общая для них цель возрастания капитала, между менеджерами – общая цель карьерного роста каждого из них, обусловленная достижением двух других целей.

Государственный (муниципальный) служащий – это тот же наемный работник, также обладающий тем же социальным качеством профессионализма и способный готовить, принимать и исполнять управленческие решения, для чего выполнять те же действия, что и менеджер. Отличие

заключается в том, что эти функции выполняются в структуре исполнительных органов государственной и муниципальной власти. Госслужащий столь же компетентен, как и менеджер, и также должен знать свою отрасль деятельности, т.е., управление конкретной отраслью народного хозяйства и межотраслевыми связями, регионами и т.д. Он также должен быть образован, коммуникабелен, целеустремлен и пр. Он также вступает в отношения с исполнителями своих решений, с вышестоящим руководством и со своими коллегами – госслужащими. В основе первых лежит общая цель:

- соблюдение принятых государственных решений (законов, постановлений и др.) и заинтересованность большинства граждан в ее достижении;
- между специализированным госслужащим и верховными (региональными) органами власти – столь же общая для них цель возрастания валового внутреннего (регионального) продукта;
- между коллегами-служащими – общая цель карьерного роста каждого из них, обусловленная достижением двух других целей.

Отношения и тех, и других личностей между собой образуют соответствующие социальные группы. И менеджмент, и госслужащие занимают равноценное социальное место каждый в своей структуре – в структуре государственного управления обществом и в структуре экономического управления организацией. Функционирование и той, и другой группы основано на социальных (моральных и правовых, политических и экономических и др.) нормах, которые признаны большинством общества и работников, в силу чего, эти группы и управление, которое они осуществляют, являются социальными институтами. Обе группы являются организациями, перед которыми стоят управленческие цели планирования, контроля, координации и пр., достижение (или недостижение) которых свидетельствует об адекватности (или неадекватности) применяемых методов управления и способности данной группы управлять.

Таким образом, здесь между менеджерами и государственными служащими не видно существенных различий. Однако эти различия весьма существенны и обусловлены доминирующим социальным качеством, содержанием действий и отношений этих личностей, различным содержанием деятельности соответствующих групп и организаций.

В чем же принципиальное различие между менеджером и государственным служащим? Оно обусловлено различием власти и управления. Разумеется, они тесно связаны. В социологической и управленческой науках нередки определения управленческой деятельности через властные понятия, а власти – через управленческие; и такая точка зрения широко распространена в зарубежной и отечественной науке. Однако теоретически управление и власть представляют собой два самостоятельных понятия и отнюдь не тождественны.

Власть – это отношения подчинения и принуждения: подвластный подчинен властному, один подчиняет другого своей воле и понуждает действовать в соответствии со своими интересами и целями. Властвующий может воздействовать на подвластного, подчиненного и, в том числе, управлять им, принуждать или на добровольных основаниях исполнять волю властвующего.

Управление же основано на сотрудничестве, это совместный труд руководителя и исполнителя. Руководитель знает и действует в соответствии с общими целями и особенными знаниями, интересами и другими качествами сотрудников, так или иначе включенных в управляемую группу (коллектив, население и т.п.), он действует в соответствии с закономерностями поведения управляемых людей и внешними условиями деятельности. А сотрудники действуют в соответствии со своими индивидуальными качествами, способностями и целями, а, вместе с тем, они опираются на опыт, знания, цели, обобщенные и применяемые руководителем.

Отметим, что власть привходит в управление в силу социально-исторических причин – чтобы, при необходимости, заставить группу людей взаимодействовать для достижения совместных целей. Поэтому на практике, в большинстве случаев, – но не в принципе,

- управление основывается на презумпции власти и полномочий руководителя;
- на подчинении нижестоящих вышестоящим;
- на явном или скрытом давлении одних на других;
- на неравенстве доступа к экономическим и социальным благам.

Иначе говоря, управление, по преимуществу, носит властный характер, но именно в силу социально-исторической практики, а не собственной логики, и поэтому управленческая альтернатива «руководитель – исполнитель» легко переводится во властную альтернативу «начальник – подчиненный». Управление превращается в функцию власти, а исполнитель изначально является подчиненным.

Такое различие власти и управления и, вместе с тем, их неразрывная взаимосвязь становится основанием для различий и взаимосвязи понятий «менеджер» и «государственный служащий». Включаясь во власть и управление, эти личности формируют и реализуют свои социальные качества, совершают действия и вступают в отношения. Это различие – весьма тонкое и деликатное и имеет, преимущественно, теоретический характер.

Литература:

1. *Баландина Т.М.* Социология управления : учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 39.03.01 «Социология». Саратов, 2016. 224 с.

Первое различие – это различие социальных качеств: у менеджера доминирует качество «руководство», «управление», профессиональная способность к управлению деятельностью людей и движением информации, товаров и пр., способность долгосрочного и, одновременно, ситуативного мышления и действий, способность к инновациям и т.п. Это требует такого качества, как самостоятельность в принятии и исполнении решений, автономности и др. Социальное качество «властность» у менеджера является одним из средств достижения цели, она вторична. А у госслужащего доминирует качество «властность» над способностью к управлению, управление – это одно из средств для того, чтобы сохранять и укреплять власть. При этом среди его управленческих качеств ведущим является «исполнительность»: четкое исполнение решений органов власти и вышестоящего начальника, а самостоятельность, автономность в принятии и исполнении решений играет второстепенную роль.

Второе различие коренится в социальных отношениях: менеджер включен в отношения сотрудничества, которые подкрепляются отношениями власти; госслужащий включен в отношения подчинения, во властные отношения подчиненности. Только в рамках подчинения постановлениям и другим решениям и включенности в систему правил, а прежде всего – подчинения своему начальству, между госслужащими складываются управленческие отношения.

Третье различие – деятельностное: менеджер действует динамично в реальности своей организации и рынка, в условиях более или менее высокого уровня неопределенности под влиянием меняющихся условий и ситуаций, он применяет правила управленческих функций в соответствии с изменяющейся ситуацией, и лишь для нормализации ситуаций использует властные полномочия. А госслужащий действует в зависимости от реальности установленных неизменяемых правил и указаний вышестоящего начальства, которые он должен исполнять так, как считает необходимым это начальство, и только под влиянием начальника он обращается к реальному положению дел (если это требуется). В своих действиях госслужащий реализует властные полномочия, исходит из принятых государственных решений и использует их для выполнения управленческих функций.

Таким образом, при всем сходстве менеджера и государственного служащего они существенно различаются по своим основным социальным качествам, содержанию деятельности и управленческих отношений. Такое различие позволяет, на наш взгляд, трактовать эти социальные фигуры управления в качестве совершенно самостоятельных субъектов и теоретических понятий.

Literature:

1. *Balandina T.M.* Sociology of management : manual for students studying in the direction of training 39.03.01 «Sociology». Saratov, 2016. 224 p.

2. *Большакова Г.И.* Социология управления : учеб. пособие / Г.И. Большакова, Н.В. Тельных. Ростов-н/Д., 2003. 262 с.

3. *Ксенофонтова Х.З.* Социология управления. Допущено Советом учебно-методического объединения вузов России по образованию в области менеджмента в качестве учебного пособия по специальности «Менеджмент организации».

4. Основы социального управления / Под ред. профессора В.Н. Иванова. Допущено Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. М. : «Высшая школа», 2001. 271 с.

2. *Bolshakova G.I.* Sociology of management : manual / G.I. Bolshakova, N.V. Telnykh. Rostov-on/D., 2003. 262 p.

3. *Ksenofontova Kh.Z.* Sociology of management. Approved by the Council of the educational and methodological Association of Russian Universities for Education in Management as a textbook for the specialty «Organization Management».

4. Fundamentals of social management / Edited by Professor V.N. Ivanova. Approved by the Ministry of Education of the Russian Federation as a textbook for students of higher educational institutions. M. : «High School», 2001. 271 p.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории,
методологии и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, Methodology
and Legal Support State
and Municipal Administration,
Ural Federal University
named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex

Классификация политических рисков государственных гражданских служащих

CLASSIFICATION OF POLITICAL RISKS OF PUBLIC CIVIL SERVANTS

Аннотация. В период социальных изменений, перехода от одного типа общественного развития к другому, неизбежно увеличение рисков во всех сферах жизни социума. В работе поднимается вопрос изучения политических рисков государственных гражданских служащих, так как именно они осуществляют государственную политику. Автор статьи разработала классификацию политических рисков данной социально-профессиональной группы. Здесь выделены риски групповые и индивидуальные. В первом случае – государственные служащие принимают и осуществляют государственные решения. Во втором – проявляют себя в сфере политических взаимодействий как обычные граждане. В первой группе рисков выделены риски международные и внутригосударственные. Кроме того, риски первой группы также поделены на политические риски, связанные с принятием политических решений, и риски, связанные с реализацией политических решений. К индивидуальным рискам относятся политические риски, связанные с руководством, с коллегами и политический риск государственного служащего как обычного гражданина.

Ключевые слова: классификация политических рисков, государственные гражданские служащие.

Annotation. During the period of social changes, the transition from one type of social development to another, an increase in risks in all spheres of society life is inevitable. The issue of studying the political risks of state civil servants is raised in the work, since it is they who implement public policy. The author of the article developed a classification of political risks of this socio-professional group. Here, group and individual risks are highlighted. In the first case, public servants make and implement public decisions. In the second, they show themselves in the field of political interactions as ordinary citizens. The first risk group identifies international and domestic risks. In addition, the risks of the first group are also divided into political risks associated with political decision-making and risks associated with the implementation of political decisions. Individual risks include political risks associated with leadership, with colleagues, and the political risk of a public servant as an ordinary citizen.

Keywords: classification of political risks, state civil servants.

В период социально-экономических трансформаций, происходящих в обществе и ставших следствием перехода к новому типу общества – постиндустриальному, неизбежна эскалация рисков в любой сфере жизнедеятельности социума. Особенно это касается государственного управления, так как последствия реализации любых политических решений сложнее просчитать в период социальных изменений.

Осуществлением государственной политики занимаются государственные гражданские служащие. В этой связи, становится актуальным исследование политических рисков данной социально-

профессиональной группы с позиций разных наук, в том числе, социологии, так как она изучает взаимодействия акторов в обществе: населения и властных структур, отдельных групп граждан и представителей государственных органов власти и т.д. Это позволяет прогнозировать поведение населения, своевременно корректировать те или иные политические решения, стабилизируя, таким образом, ситуацию в обществе и совершенствуя его развитие.

В статье рассматриваются политические риски социально-профессиональной группы государственных гражданских служащих. Однако прежде

чем перейти к их классификации, целесообразно рассмотреть понятие риска. Для данной работы можно использовать понятие «социальный риск», если разграничивать действия актора на две группы: действия, направленные на неодушевленный предмет, и действия в социуме, где последние приводят к рискам, связанными с социальными взаимодействиями. В статье приводится определение не риска, а социального риска, где термин «социальный» указывает на взаимодействие в социуме. «Социальный риск» – это «вероятность наступления (протекания или окончания) благоприятных или неблагоприятных обстоятельств в сети межличностных коммуникаций (на макро- и микроуровнях) для личности или социальной общности, группы, зависящая от правильности прогнозов, возможных на основе общих договоренностей и соблюдения их субъектами взаимодействия» [1, с. 29]. Это определение можно применить к рассмотрению рисков в сфере политических отношений представителей социальной общности государственных гражданских и муниципальных служащих. Тогда, политический риск – это вероятность наступления (протекания или окончания) благоприятных или неблагоприятных обстоятельств для актора в результате его действий, на основе правильности прогнозов, соблюдения договоренностей им и другими акторами в сети межличностных коммуникаций по поводу приобретения, использования или удержания власти в целях удовлетворения его потребностей.

В данной работе в качестве актора рассматриваются как социально-профессиональная общность государственных гражданских и муниципальных служащих, так и отдельный ее представитель. Политический риск государственных гражданских и муниципальных служащих – это вероятность наступления (протекания или окончания) благоприятных или неблагоприятных обстоятельств для представителей данной социально-профессиональной группы в результате (отдельного ее представителя) ее (его) действий, на основе правильности прогнозов, соблюдения договоренностей ею (им) и другими акторами в сети межличностных коммуникаций по поводу приобретения, использования или удержания власти в целях удовлетворения ее (его) потребностей.

Исследуя возможные риски данной социальной общности в сфере политики, можно говорить о рисках групповых (внешних по отношению к обществу) и индивидуальных. Данная классификация разработана применительно к государственным гражданским служащим, основываясь на классическом подходе к классификации политического риска – выделение двух его типов - микро- и макрориска. «Микрориск включает совокупность таких вероятных политических изменений, которые затрагивают интересы не всех, а лишь одного или нескольких субъектов. Макрориск связан с событиями, влияющими на деятельность всех субъектов, например зарубежных инвесторов, в стране размещения» [2, с. 124]. В основе классификации рисков, предложенных в данной работе, лежит принцип принятия политического

решения (группой или индивидуально) и последствия этого решения (для всей данной социальной группы или отдельного госслужащего). Внутрличностные риски здесь не рассматриваются, так как работа носит социологический характер. В качестве субъекта риска – государственные гражданские служащие как социальная группа и отдельный госслужащий.

Любые решения государственных структур, а значит и риски, определены влиянием социальных институтов. В рамках неинституционального подхода под социальными институтами понимают «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [3, с. 17]. И, как отметил в своих исследованиях Д.Норт, именно социальные институты влияют на выбор субъекта в той или иной ситуации: «...Конкретные институциональные ограничения образуют то пространство, в рамках которого действуют организации, и, тем самым, позволяют увидеть взаимодействие между правилами игры и поведением «актеров». Если организации – перечислим хотя бы некоторые: фирмы, профсоюзы, фермерские ассоциации, комитеты Конгресса – направляют свои усилия на непродуктивную деятельность, это значит, что институциональные ограничения создали такую структуру стимулов, которая поощряет именно такую деятельность [3, с. 141–142]. А тот или иной выбор влечет за собой определенный риск (или совокупность рисков).

На политические риски оказывают воздействие разные политические институты. Но, в первую очередь, это – институт культуры, а если точнее, то институт политической культуры. Ключевым компонентом любой культуры являются ценности. В зависимости от доминирования ценностно-нормативного образца в той или иной политической культуре делается политический выбор каждым отдельным актором.

Все отклонения, несоответствия в понимании политических действий представителей власти обществом связаны с несоответствием во взглядах, т.е., с различием в политических культурах: либо ввиду отсталости проводимой политики государством, либо слишком передовой.

Прежде чем более детально исследовать групповые политические риски, целесообразно рассмотреть процесс принятия политического решения. Оно делится на две составляющие: содержательная сторона и технологическая. Первая – это содержательная составляющая, она принципиальна. Она отвечает за содержание программ политических субъектов. Вторая составляющая отвечает на вопрос: при помощи каких методов, средств будет реализовываться содержательная сторона, достигаться ее цель. Она представляет собой определенную технологическую цепочку действий, направленную на конечный продукт, искомого политического решения, которое должно по крайней мере не ухудшить уже имеющуюся политическую ситуацию [4].

В этой связи, все политические риски можно разделить на две группы: риски связанные с принятием политического решения, и риски, связанные с реализацией политического решения. В начале, в статье речь пойдет о рисках, связанных с принятием политических решений. Сюда относятся риски, где решения принимаются относительно действий страны на международном уровне и на уровне внутригосударственном. Если следовать классическим классификациям риска, то нужно сказать о рисках макроуровня. Здесь речь пойдет только о принимаемых политических решениях лидерами государства на международном уровне. Но, последствия таких рисков руководство страны разделяет, в той или иной мере, вместе с населением. Риски могут быть различны для государственного деятеля, который принял такое решение, и для населения (разных его групп тоже риски могут быть разные), но последствия есть всегда. Сегодня очень часто политический риск понимается как «политическая нестабильность, где по-рядок, как на международном, так и на государственном уровне, заменяется хаосом или, где уверенность в своих гражданских правах и исполнении политической власти станет непредсказуемой. В связи с вышесказанным, крайняя степень политического риска часто ассоциируется с междоусобной войной, революцией, гражданской войной и с разрушением государства, в то время как наименее критичные формы политического риска на международном уровне, в основном, ассоциируются с дипломатической враждебностью, холодной войной, изоляцией, меркантилизмом и торговыми войнами, а на государственном уровне с гражданским неповиновением, низким уровнем легитимности власти, высоким уровнем государственной коррупции или с ослаблением государственного управления» [5, с. 31]. Как видно даже из определения, последствия наступают всегда. Они также делятся на риски, связанные с содержательной стороной, и риски, связанные с технической стороной политического решения. В данной работе рассматриваются политические риски государственных гражданских и муниципальных служащих, а не только политические риски высших должностных лиц государства, поэтому автор статьи не останавливается более подробно на международных политических рисках.

К этой же группе рисков можно относятся риски, связанные с отставанием этой социальной группы от общества в развитии своей политической культуры. Это означает наличие менее прогрессивных политических ценностей, взглядов, поведения, развития политического языка и т.д. И, как результат – снижение авторитета среди сограждан. Таких примеров в истории достаточно. Это – классический случай, когда «верхи не могут управлять по новому, а низы не хотят жить по старому». Это очень большой риск. Он может проявляться от высмеивания государственных служащих (рассказывания анекдотов о власти, падения их авторитета и т.д.) до полной утраты данной социальной группой своего положения в обществе.

Главной причиной февральской революции в России послужила затянувшаяся Первая мировая

война, «...революционный кризис 1917 года обусловлен прежде всего не поражением в Первой мировой войне, это только ускорило его приближение. Потери в войне, которая длилась более двух с половиной лет, составили 6 млн человек. Россия в тот период времени представляла собой страну с расстроеной экономикой, продовольственным голодом, топливным кризисом, практически разрушенной финансовой системой и, кроме того, с огромнейшим внешним долгом» [6, с. 84–85]. В Петрограде начались стачки, демонстрации. Стремительно падал уровень жизни населения. России остро нужен был мир с Германией, потому что на нее обрушились проблемы, решать которые царское правительство упорно не хотело. Лозунг царя и ура-патриотов: «Война до победного конца». Но солдаты не хотели воевать. Выше описанной ситуацией воспользовались большевики и меньшевики. Первые призывали обратить войну против царского правительства, вторые – прекратить войну. Царское правительство не сделало никаких решительных мер, чтобы стабилизировать ситуацию. Царь менял Председателей Совета Министров, был недоволен действиями чиновников. Но, ситуацию это не спасло [6, с. 84–85]. Так недалёковидные политические действия царского правительства привели к февральской революции 1917 года.

Другие риски могут быть связаны с непониманием слишком передовой политической культуры данной социальной общности населением, хотя политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих должна быть передовой в сравнение с уровнем развития культуры в обществе, в целом. Но, такое в отдельных случаях возможно. Отдельные социальные группы могут не понять слишком передовые ценности и взгляды, решения государственных органов власти. Риски, в этом случае – от раздражения населения против слишком передовых политических решений, которые могут ограничиться только разговорами, до саботажа, и даже открытых выступлений против таких решений. Таких примеров в истории предостаточно.

Как свидетельствует мировая практика, женщинам даже на высоком уровне управления предписаны общественным мнением свойственные только им сферы деятельности – это культура, здравоохранение, образование, т.е., гуманитарная сфера, что связано с меньшей властью и влиянием в обществе (в сравнение с постами в области бюджета, обороны, или высокой политики). Например, в СССР была определенная квота женщин во властных структурах. После развала СССР их доля во властных структурах существенно сократилась. Это можно объяснить не только способностями и желанием участвовать в политике. Так как любая политика имеет корни в обществе и отражает доминирующие культурные ценности, то политика в отношении женщин в нашей стране далека от «устоявшихся демократий», где мужчины и женщины имеют равные права и равные возможности [7, с. 99, 101].

Таким образом, передовое политическое решение времен СССР по увеличению участия женщин в управлении государством одобрялось не

всем обществом. Но, это не проявлялась в виде каких-то радикальных действий. Последствия – отсутствие со стороны общества широкой поддержки и одобрения процесса вхождения женщин во властные структуры.

Теперь – о технологической стороне политических решений. Сегодня принято выделять несколько основных типов реализации политических решений: популизм, элитизм, консерватизм, демократизм и радикализм.

Популистские решения имели место в политике и раньше, начиная с Древнего Рима. Но особенно активизировался этот процесс в период расцвета масс-медиа [8, с. 20–21]. Сегодня можно встретить в научной литературе работы, где поднимается вопрос о росте политического популизма в последние десятилетия. Таких примеров было много в постсоветской России. Это – деятельность представителей либеральной партии или правые. Все они претендовали на «абсолютную истину и на единственно правильный рецепт процветания России, ...» [9, с. 16]. Их идеи забыты. Начатое ими, не было закончено так, чтобы это принесло положительный эффект в стране [9, с. 19]. Популизм действует разлагающе, негативно и на социум, и на политику. Но, он и не может оказывать иное влияние. «Чаще всего, под популизмом понимается система действий политиков ради сохранения или получения власти эксплуатирующих недовольство граждан элитами, паразитирующих на общественных фобиях и обещающих легко решить проблемы, осознаваемые гражданами как наиболее серьезные» [8, с. 20]. Потом эти обещания нужно либо выполнять, либо снова обещать что-то другое, в результате чего, граждане забудут о предыдущих обещаниях. Популизм не безобиден. Он может впустую поглощать большое количество ресурсов государства – финансовых, материальных, человеческих. Он ведет к деградации политической системы, элит, населения, развивает массовые предрассудки и фобии, влечет за собой потерю времени и ориентиров, демодернизацию [8, с. 35].

Отличительная черта элитизма — стремление предотвратить сколько-нибудь значительное участие населения в политике. Это достигается путем поощрения посреднических форм взаимодействия с гражданами, недостаточное политическое информирование общественности, закрытый характер принятия политических решений.

Элитизм опасен препятствием развития демократии. Но, тем не менее, в странах, где демократические традиции развиты слабо, элементы элитизма до сих пор имеют место. Однако слишком интенсивное использование таких методов также приведет к рискам.

XXI век – век продвинутых технологий, гуманистических ценностей.

Применение элитических методов – пример, когда политика «верхов» носит более отсталый характер, чем хотели бы «низы»

Консерватизм предполагает доминирование в деятельности властей установки на сохранение структуры, функций властных структур, традиционных методов политического регулирования. Такие методы присущи стабильным политическим режимам, развивающим у населения приверженность традициям. В определенной мере, элементы консервативной политики необходимы для обществ, так как должна быть определенная преемственность развития. Чрезмерное же увлечение консервативными методами также приведет к недовольству населения, а значит – это риск.

Однако еще большие риски порождают радикальные методы правления. Нередко, ради достижения высоких целей происходит пренебрежение желаниями граждан. Социальные и политические последствия этих методов редко несут гражданский мир, стабильность и улучшение жизни общества. Здесь используется насилие, что всегда ведет к превращению власти в смертоносное оружие, влекущее массовую гибель граждан [4].

Наиболее прогрессивным методом является демократизм. Он ориентируется на сегодняшние потребности и интересы граждан, культивирует атмосферу взаимовыгодных отношений между рядовыми гражданами и элитой, старается налаживать «обратную связь» с населением.

Здесь соблюдаются права граждан, отсутствуют методы жесткого принуждения граждан. Сегодня элементы этого метода, чаще всего, можно встретить в странах с развитыми демократическими традициями. Но, и там встречаются элементы других вышеназванных методов. Это – наиболее прогрессивный метод. Он более всего способствует урегулированию интересов большей части населения в обществе и снижает политические риски.

Но, риски могут быть связаны не только с отставанием или более ускоренным развитием элиты чем развитие остального населения, здесь могут быть и «перегибы», которые не являются, на самом деле, чем-то нужным, передовым и необходимым стране. Политические реформы Петра Первого были необходимы России. «...Петр I жил в такое время, когда России невозможно было оставаться на прежней дороге и надо было вступить на путь обновления» [10, с. 190], т.е., в России существовала потребность в переменах. Однако эти реформы имели и перегибы, например, европеизация в быту, особенно, слоев общества [10, с. 190]. Петр I пытался модернизировать Россию, и ношение бороды было, по его мнению, аналог отсталости страны. Он издает ряд указов, предписывавших носить европейское платье, брить бороду. Были ряд указов по борьбе с ношением бороды. Это говорило о том, что это новшество не прививалось в русской среде. И спустя 50 лет этот обязательный закон был отменен.

В вышеприведенных примерах можно отметить степень риска. Здесь риски можно выделить на две группы: это риски с утратой статуса и риски без утраты статуса. Риск с возможной утратой статуса – это политические действия, проводи-

мые госструктурами, которые могут привести к социальным потрясениям, которые приведут к смене правительства. Второй риск без утраты статуса (в зависимости от степени можно эту группу дробить), это, когда социальная группа госслужащих остается на своих местах. Последствия неверных политических решений могут быть от утраты чего-то до неполучения ожидаемого результата без утраты уже имеющегося.

Если в случае групповых рисков госслужащий рискует со своей профессиональной группой, когда реализует госполитику (нужно сказать, что здесь он также делает выбор: осуществлять политику госструктур или нет, если она расходится с его политическими принципами), то, делая личный политический выбор, он рискует как отдельный гражданин. Здесь риски связаны с неверным политическим выбором, который он может сделать, не проводя госполитику, а участвуя в политической жизни как все остальное население (например, голосование на выборах). Последствия такого выбора обычно связаны с нестабильностью в обществе, ухудшением материального положения сделавших этот выбор, ужесточением политических юридических норм в обществе (ущемлением права на информацию, например). Можно приводить и другие примеры.

Политическая культура внутри самой социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих также неоднородна. Это естественно. Тогда можно говорить об индивидуальных рисках. Различия в политических культурах могут привести к ухудшению отношений внутри коллектива. Однако все внутригрупповые риски связаны с различием в уровнях развития политических культур представителей данной социальной общности, но теперь уже внутри данной группы.

Литература:

1. *Хорошкевич Н.Г.* Социальные риски молодежи в высшем профессиональном образовании : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. Екатеринбург, 2004.
2. *Быченков Д.В.* Политический риск: проблемы дефиниции и классификации / Д.В. Быченков // *Общественные науки и современность*. 2008.
3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «НАЧАЛА». М., 1997.
4. *Батурич В.К.* О технологии принятия политических решений: философский анализ / В.К. Батурич // *Электронное научное издание Альманах Пространство и время*. 2012. Т. 1. Вып. 2. URL : <https://file:///C:/Users/111/AppData/Local/Temp/o-tehnologii-prinyatiya-politicheskikh-resheniy-filosofskiy-analiz.pdf> (дата обращения 30.04.2021).
5. *Тогусаков О.А.* Анализ и оценка политических рисков / О.А. Тогусаков, У.А. Асаналиев //

Политическая культура государственных служащих неоднородна. У них могут быть отличия в политических ценностях, нормативных образцах, политическом знании. На политический выбор госслужащих влияют разные факторы. Как сегодня доказано в психологии, различия в ценностях могут привести к возникновению конфликта в коллективе. Это касается и коллективов госслужбы. Однако в научной литературе практически не отмечено таких конфликтов. Обычно выделяют политические конфликты между властными органами и населением, разными ведомствами и т.д.

На практике до сих пор имеют место случаи, когда на госслужащих оказывается давление со стороны их руководства в целях того, чтобы они голосовали на выборах за определенного кандидата и агитировали своих знакомых делать то же самое [11]. Последствия неподчинения – негативное отношение начальства. Чаще всего, такого конфликта сотрудники стараются избежать, но тогда возникает внутриличностный конфликт. Здесь риск состоит в вероятности наступления внутриличностного конфликта. Кроме того, в этом случае государственные служащие рискуют, как и остальные граждане: от неверного политического выбора дестабилизируется общество, что так или иначе негативно сказывается на каждом гражданине, в том числе и работающем в органах государственной власти.

Итак, нами были рассмотрены группы рисков государственных гражданских служащих в условиях неопределенного состояния общества. Это может быть темой дальнейших социологических исследований, целью которых станет снижение политических рисков данной социальной группы и всего общества в целом.

Literature:

1. *Khoroshkevich N.G.* Social risks of youth in higher vocational education : dis.... candidate of social sciences for the degree. Yekaterinburg, 2004.
2. *Bychenkov D.V.* Political risk: problems of definition and classification / D.V. Bychenkov // *Social sciences and modernity*. 2008.
3. *North D.* Institutions, institutional changes and the functioning of the economy / D. North; Per. from English A.N. Nesterenko. Foundation for the Economic Book «BEGINNINGS». M., 1997.
4. *Baturin V.K.* On technology for making political decisions: philosophical analysis / V.K. Baturin // *Electronic scientific publication Almanac Space and Time*. 2012. Vol. 1. Iss. 2. URL : <https://file:///C:/Users/111/AppData/Local/Temp/o-tehnologii-prinyatiya-politicheskikh-resheniy-filosofskiy-analiz.pdf> (date of application 30.04.2021).
5. *Togusakov O.A.* Political Risk Analysis and Assessment / O.A. Togusakov, W.A. Asanaliy //

International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 2. P. 28–27.

6. *Бижан А.Н.* Всеобщее недовольство царским правлением как главная причина победы февральской революции 1917 года в столичном Петрограде / А.Н. Бижан // Культура, духовность, общество. 2015. № 16. С. 83–87.

7. *Королева Т.А.* Проблема участия женщин в выборном процессе / Т.А. Королева // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 96–101.

8. *Петров Н.* Эволюция популизма в российской политике / Н. Петров // Вестник общественного мнения. 2017. № 3–4(125) июль-декабрь. С. 20–37.

9. *Тощенко Ж.Т.* «Эффективные менеджеры» в современном обществе / Ж.Т. Тощенко // Гуманитарий юга России. 2016. № 4. С. 10–28; С. 20–37.

10. *Швец Ю.П.* Петр I / Ю.П. Швец // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-4(60). С. 190–193.

11. Госслужба и выборы. URL : https://pikabu.ru/story/gossluzhba_i_vyiboryi_5659546 (дата обращения 03.03.2020).

International Journal of Humanities and Natural Sciences, Vol. 2. P. 28–27.

6. *Bijan A.N.* General dissatisfaction with tsarist rule as the main reason for the victory of the February Revolution of 1917 in the capital Petrograd / A.N. Bijan // Culture, spirituality, society. 2015. № 16. P. 83–87.

7. *Queen T.A.* The problem of women's participation in the electoral process / T.A. Queen // Central Russian Journal of Social Sciences. 2013. № 1. P. 96–101.

8. *Petrov N.* The evolution of populism in Russian politics / N. Petrov // Bulletin of Public Opinion. 2017. № 3–4(125) July-December. P. 20–37.

9. *Toshchenko J.T.* «Effective managers» in modern society / J.T. Toshchenko // Humanist of southern Russia. 2016. № 4. P. 10–28; P. 20–37.

10. *Shvets Yu.P.* Peter I / Yu.P. Shvets // Izvestia of Altai State University. 2008. № 4-4(60). P. 190–193.

11. Civil Service and Elections. URL : https://pikabu.ru/story/gossluzhba_i_vyiboryi_5659546 (date of application 03.03.2020).

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
t.sm.2019@bk.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ
УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА
В КОНТЕНТЕ САМОПОДГОТОВКИ**

Аннотация. В публикации представлены результаты исследования реализации учебной деятельности студентов медицинского университета в контенте самоподготовки. По результатам проведенного анкетирования было установлено, что при реализации учебного процесса в медицинском университете студенты младших курсов (девушки) более позитивно воспринимают самоподготовку и самостоятельную работу в отличие от юношей. Следует отметить, что наибольший процент одобрения и высокой мотивации был у студентов второго года обучения лечебного и педиатрического факультетов (девушки). Студенты стоматологического факультета (юноши) относятся, скорее, отрицательно к самоподготовке и считают, что обучение в медицинском вузе должно быть только аудиторным. По мнению авторов, необходимо при организации учебной деятельности студентов учитывать гендерную специфику.

Ключевые слова: учебная деятельность, медицинский вуз, студенты медицинского вуза, самоподготовка, самостоятельная работа, анкетирование, оценка качества.

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Physics, Mathematics
and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Alia S. Kubekova

Senior Lecturer of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

**IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL
ACTIVITIES OF STUDENTS
OF A MEDICAL UNIVERSITY
IN THE CONTENT OF SELF-TRAINING**

Annotation. The publication presents the results of a study of the implementation of educational activities of students of a medical university in the content of self-training. According to the results of the survey, it was found that during the implementation of the educational process at a medical university, junior students (girls) perceive self-training and independent work more positively, in contrast to boys. It should be noted that the highest percentage of approval and high motivation were among the second-year students of the medical and pediatric faculty (girls). Students of the Faculty of Dentistry (boys) are rather negative about self-study and believe that training in a medical university should only be classroom. It is necessary to take into account gender specificity when organizing student learning activities.

Keywords: educational activities, medical school, medical students, self-training, independent work, questioning, quality control.

Введение. Проблема организации самостоятельной работы и самоподготовки студентов в высшем учебном заведении в настоящее время является актуальной, поскольку при реализации образовательного процесса отводится большое количество часов, которые студенты должны посвятить самостоятельному изучению учебного материала [3]. В этой связи, перед профессорско-преподавательским составом встают задачи, каким образом построить процесс обучения, чтобы повысить качество образовательного процесса. Дополнительной проблемой также является специфика обучения в медицинских вузах, поскольку, студенты обучаются шесть лет в отличие от студентов других специальностей. Также, дополнительным фактором, по-прежнему, является продолжающаяся пандемия коронавирусной инфекции, которая влияет на психологическое здоровье личности.

Под самостоятельной работой подразумевается познавательная деятельность, которую необходимо организовать для усвоения учебного материала без помощи педагога [5]. В работе С.В. Коноваловой, А.Ф. Амирова [2; 7] было отмечено: большинство студентов медицинского вуза полагают, что для успешного освоения учебного материала и эффективной деятельности врача необходима правильная организация самостоятельной работы и самоподготовки. В работе А.А. Хусаеновой [10] по результатам анкетирования студентов было определено, что мотивация к самостоятельности является важной потребностью личности в саморазвитии студентов. Г.М. Могильная, А.А. Евглевский, Э.Г. Пейливаньян, Е.В. Фомичева, Г.Ф. Алифанова, И.В. Ковтуновская [8] отмечают, что отдельным разделом самостоятельной работы студентов следует признать индивидуальную работу в рамках студенческого научного кружка, где их творческий потенциал раскрывается максимально. Правильно организованная самостоятельная работа непременно сопровождается усложнением и увеличением трудоемкости, что обеспечивает её развивающий характер [1; 4]. Главной задачей в нашем исследовании является выяснение того, как студенты разных факультетов в медицинском университете относятся к самоподготовке для составления рекомендаций

при разработке учебных планов факультетов с целью развития стимула у студентов для самообразования, эффективности обучения и повышения мотивации. Понимание сущности различных видов самостоятельных работ, в зависимости от их функционального назначения, предоставляет возможность планировать и использовать самостоятельную деятельность студентов как оптимальное средство обучения и развития [7; 9].

Цель исследования заключается в оценке отношения студентов медицинского вуза к самоподготовке и самостоятельной работе при реализации учебной деятельности.

Материалы и методы исследования. В анкетировании приняли участие 400 студентов первого и второго курсов специальностей «Педиатрия», «Лечебное дело», «Стоматология» и «Фармация» Астраханского государственного медицинского университета. Средний возраст студентов составил 18,7. Анкета была разработана социологом и включала в себя 20 вопросов относительно реализации учебной деятельности студентов медицинского вуза в контенте самоподготовки. Результаты проведенного анкетирования позволили выявить отношение студентов медицинского университета к самостоятельной работе и самоподготовке, которые позволили оценить качество образовательного процесса. Статистическая обработка данных производилась с помощью пакета прикладных программ Statistica 20.1. Результаты анкетирования представлены в таблице 1.

Результаты исследования и обсуждение. Результаты проведенного социологического исследования показали, что студенты 1 курса лечебного факультета (девушки) в целом положительно воспринимают самоподготовку при обучении – 58,0 % (табл. 1). Юноши этого же года обучения лечебного факультета в меньшей степени воспринимают самостоятельное обучение – 46,0 %. В качестве сравнения было проведено анкетирование студентов второго года обучения этого же факультета, где также отмечается положительная динамика отношения к самоподготовке. Девушки положительно воспринимают самоподготовку – 87,0 %, а юноши 45,0 %.

Таблица 1

Реализация учебной деятельности студентов медицинского вуза в контенте самоподготовки (%)

Факультет	1 курс (%)		2 курс (%)	
	девушки	юноши	девушки	юноши
Лечебное дело	58,0	46,0	87,0	45,0
Педиатрия	67,0	42,0	89,0	61,0
Стоматология	43,0	31,0	74,0	46,0
Фармация	32,0	29,0	68,0	32,0

Можно предположить, что у девушек выше мотивационный компонент при обучении. Обработка анкет показала, что студенты педиатрического факультета (девушки) также положительно воспринимают самостоятельную подготовку и усвоение учебного материала. Юноши педиатрического факультета в меньшей степени воспринимают самоподготовку – 42,0 %. Аналогичная

тенденция со вторым курсом педиатрического факультета: девушки высоко оценивают самоподготовку – 89,0 %, юноши – 61,0 %. Юноши медицинского вуза считают невозможным освоение учебного материала без участия преподавателей. Студенты фармацевтического факультета скептически относятся к самоподготовке и считают, что форма организации самостоятельной

учебной деятельности без помощи преподавателя невозможна в медицинском университете (девушки – 32,0 %, юноши – 29,0 %).

Заключение. Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать вывод о

Литература:

1. *Агранович Н.В.* Изучение мотивации учебной деятельности студентов медицинских вузов и её роль в формировании готовности к будущей профессии / Н.В. Агранович, С.А. Кнышова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22799> (дата обращения 05.05.2021).
2. *Амиров А.Ф.* Профессиональная социализация и воспитание студентов медицинского вуза. Уфа : Изд-во Башкир. гос. мед. ун-та, 2003. 274 с.
3. *Бугай А.Ю.* Самостоятельная работа студентов вуза: современное состояние и проблемы / А.Ю. Бугай // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-rabota-studentov-vuza-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-1> (дата обращения 05.05.2021).
4. *Давыдова М.Л.* Самостоятельная работа студентов: формы и методы контроля, средства повышения эффективности / М.Л. Давыдова, А.А. Шанин // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2005. № 4. С. 10–12.
5. *Измайлова М.А.* Организация внеаудиторной самостоятельной работы студентов / М.А. Измайлова. М. : Дашков и К, 2009. 64 с.
6. *Коновалова С.В.* Самостоятельная работа как средство познавательной активности студентов медицинского вуза / С.В. Коновалова // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-rabota-kak-sredstvo-poznavatel'noy-aktivnosti-studentov-meditsinskogo-vuza> (дата обращения 05.05.2021).
7. *Коновалова С.В.* Самостоятельная работа студентов медицинского вуза / С.В. Коновалова, А.Ф. Амиров // Высшее образование в России. 2010. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-rabota-studentov-meditsinskogo-vuza> (дата обращения 04.05.2021).
8. *Могильная Г.М.* Самостоятельная работа студентов как форма учебного процесса / Г.М. Могильная [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4-1. С. 194–196. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11344> (дата обращения 05.05.2021).
9. *Ходжаян А.Б.* Особенности организации эффективной самообразовательной деятельности студентов в медицинском вузе / А.Б. Ходжаян, Н.В. Агранович // Фундаментальные исследо-

вом, что студенты медицинского университета (юноши) относятся скорее отрицательно к самоподготовке и считают, что обучение в медицинском вузе должно быть только аудиторным. Необходимо при организации учебной деятельности студентов учитывать гендерную специфику.

Literature:

1. *Agranovich N.V.* Studying the motivation of educational activity of students of medical universities and its role in the formation of readiness for the future profession / N.V. Agranovich, S.A. Knyshova // Modern problems of science and education. 2015. № 2-2. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22799> (date of application 05.05.2021).
2. *Amirov A.F.* Professional socialization and education of medical students. Ufa : Bashkir Publishing House. state honey. University, 2003. 274 p.
3. *Bugay A.Yu.* Independent work of university students: current state and problems / A.Yu. Bugay // Pedagogical education in Russia. 2014. № 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-rabota-studentov-vuza-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-1> (date of application 05.05.2021).
4. *Davydova M.L.* Independent work of students: forms and methods of control, means of increasing efficiency / M.L. Davydova, A.A. Shanin // Bulletin of the Volgograd State Technical University. 2005. № 4. P. 10–12.
5. *Izmailova M.A.* Organization of out-of-class independent work of students / M.A. Izmailova. M. : Dashkov & K, 2009. 64 p.
6. *Konvalova S.V.* Independent work as a means of cognitive activity of students of a medical university / S.V. Konvalova // Siberian Pedagogical Journal. 2010. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-rabota-kak-sredstvo-poznavatel'noy-aktivnosti-studentov-meditsinskogo-vuza> (date of application 05.05.2021).
7. *Konvalova S.V.* Independent work of students of a medical university / S.V. Konvalova, A.F. Amirov // Higher education in Russia. 2010. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-rabota-studentov-meditsinskogo-vuza> (date of application 05.04.2021).
8. *Mogilnaya G.M.* Independent work of students as a form of educational process / G.M. Mogilnaya [et al.] // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 4-1. P. 194–196. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11344> (date of application 05.05.2021).
9. *Khojayan A.B.* Features of the organization of effective self-educational activity of students in a medical university / A.B. Khojayan, N.V. Agranovich // Fundamental research. 2011. № 11-1. P. 149–153.

вания. 2011. № 11-1. С. 149–153. URL : <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=28963> (дата обращения 04.05.2021).

10. Хусаенова А.А. Самостоятельная работа студентов медицинских образовательных организаций высшего образования на основе требований ФГОС ВО / А.А. Хусаенова, А.Ф. Амиров, Л.М. Насретдинова, Р.Р. Богданов // Педагогика высшей школы. 2015. № 1(1). С. 28–29. URL : <https://moluch.ru/th/3/archive/3/73/> (дата обращения 04.05.2021).

URL : <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=28963> (date of application 04.05.2021)

10. *Khusaenova A.A.* Independent work of students of medical educational institutions of higher education based on the requirements of the Federal State Educational Standard of Higher Education / A.A. Khusaenova, A.F. Amirov, L.M. Nasretdinova, R.R. Bogdanov // Pedagogy of higher education. 2015. № 1(1). P. 28–29. URL : <https://moluch.ru/th/3/archive/3/73/> (date of application 05.04.2021).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авилова Оксана Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Алтайский государственный университет
avilova-oksana@rambler.ru

Маркин Владимир Васильевич

кандидат философских наук,
доцент,
Алтайский государственный
педагогический университет
fil-fik@altspu.ru

Авилов Сергей Александрович

магистрант,
Алтайский государственный
педагогический университет
avilov-1975@mail.ru

**СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ
КОРПОРАТИВНЫХ НОРМ**

Аннотация. На протяжении 1960–1970-х гг. советской юриспруденцией был накоплен основной материал, связанный с осмыслением норм общественных организаций (корпоративных норм) в том виде, в каком они представляли в условиях социалистического строя. В 1980-е гг. можно характеризовать преимущественно с позиции воспроизведения этого материала. В статье освещается вклад советских ученых в формулирование и разрешение проблем, связанных с пониманием качественного своеобразия корпоративных норм. В 1960–1970 гг. развития отечественной науки был накоплен основной теоретический материал, касающийся корпоративных норм, сформулировано их понятие и признаки.

Ключевые слова: корпоративные нормы, нормы общественных организаций, нормотворчество общественных организаций, советская юридическая наука, меры организационного воздействия.

Встретив в современных юридических публикациях словосочетание «корпоративные нормы» нельзя быть уверенным ни в чем, кроме того, что автор публикации, по всей видимости, имеет в виду нечто, связанное с нормотворческой активностью организаций. Что это за организации (некоммерческие, коммерческие либо те и другие)?, что представляет собой результат их нормотворческой активности (нормы права либо какие-то иные, не правовые нормы)? и каково место результата этой нормотворческой активности относительно системы права (он где-то внутри системы права либо находится за его пределами)? –

Oksana E. Avilova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Altai State University
avilova-oksana@rambler.ru

Vladimir V. Markin

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Altai State
Pedagogical University
fil-fik@altspu.ru

Sergey A. Avilov

Undergraduate,
Altai State pedagogical University
avilov-1975@mail.ru

**SOVIET LEGAL SCIENCE
ON THE CONCEPT AND FEATURES
OF CORPORATE NORMS**

Annotation. During the 1960s and 1970s, Soviet jurisprudence accumulated the main material related to the understanding of the norms of public organizations (corporate norms) as they presented themselves in the socialist system. In the 1980s, it can be characterized mainly from the position of reproduction of this material. The article highlights the contribution of Soviet scientists to the formulation and resolution of problems associated with understanding the qualitative uniqueness of corporate norms. In 1960–1970. In the development of domestic science, the main theoretical material has been accumulated concerning corporate norms, their concept and characteristics have been formulated.

Keywords: corporate norms, norms of public organizations, rule-making of public organizations, Soviet legal science, organizational measures.

вот вопросы, ответы на которые словосочетание «корпоративные нормы» в настоящее время само по себе не дает. Другими словами, разброс мнений о корпоративных нормах чрезвычайно широк – настолько широк, что данным понятием описываются разные по своей природе нормативные явления. И в этом отношении осмысление корпоративных норм современной отечественной юридической наукой как нельзя лучше иллюстрирует состояние последней, ее бегство из «тисков» советского марксистско-ленинского наследия и ее столкновение с новой, постсоциалистической правовой реальностью.

Однако без обращения к советскому юридическому наследию осознать причины настоящей неопределенности в понимании корпоративных норм не удастся. Для начала следует подчеркнуть, что словосочетание «корпоративные нормы» советская юридическая наука начала использовать в 1970-е годы (до этого в ходу было понятие «нормы общественных организаций»). Именно в это время советские ученые сочли, что в приложении к последним уместно использование понятия «корпоративность», указывающее на групповую замкнутость и обособленность.

На протяжении 1960–1970-х гг. советской юриспруденцией был накоплен основной материал, связанный с осмыслением норм общественных организаций (корпоративных норм) в том виде, в каком они представляли в условиях социалистического строя. 1980-е гг. можно характеризовать, преимущественно, с позиции воспроизведения этого материала.

Нормы общественных организаций фигурируют в большинстве научных и учебных изданий по теории государства и права 1960–1970-х гг. Дважды за это время нормы общественных организаций в их взаимодействии с правовыми нормами становятся предметом диссертационных исследований. Это – труды В.М. Корельского «Правовые нормы и нормы общественных организаций: их соотношение и взаимодействие в период развернутого строительства коммунизма» (работа была подготовлена под руководством профессора С.С. Алексеева и защищена в 1963 г.) и В.И. Шепелева «Советское право и нормы общественных организаций в их взаимодействии и развитии», написанный под руководством ростовского ученого М.Н. Кулажника и защищенный в 1972 г.

Нормы общественных организаций, чаще всего, упоминались среди четырех основных видов социальных норм (наряду с нормами права, нормами нравственности и обычаями) [4, с. 21; 5, с. 99; 6, с. 222]. Главное, что выражает такой подход – это признание особой регулятивной природы норм общественных организаций (и в духе господствующих представлений о структуре общества, осмысление их как определенной части надстройки).

Самостоятельность норм общественных организаций в системе социального нормативного регулирования доказывалась через их своеобразие по таким параметрам, как способ установления, форма выражения, сфера действия, характер обеспечения, выражаемая воля.

Что касается способа установления, то нормы общественных организаций издаются этими организациями самостоятельно; общественная организация принимает их от своего имени. Формой выражения норм общественных организаций являются нормативные акты организации (уставы, положения, решения). Действие норм общественных организаций обеспечивается самими этими организациями. У П.Е. Недбайло в этой связи речь идет о «формах воздействия (санкциях)», которые «определены Уставом в общих чертах и заранее известны» [4, с. 33]. У В.М. Корельского

формулировка чуть иная – «меры взыскания и воздействия, предусмотренных уставами общественных организаций» [2, с. 10]. У И.Я. Дюрягина это – «меры общественного воздействия» – замечание, предупреждение, выговор, исключение из членов организации [6, с. 230]. У С.С. Алексеева в 1960-е гг. тоже «меры общественного воздействия», затем «меры организационного воздействия» [1, с. 81]. Кстати, именно последняя формулировка оказалась наиболее удачной и была воспринята, в последующем, большинством теоретиков.

Нормы общественных организаций выражают волю лиц, объединившихся в ту или иную организацию. Эта коллективная воля воплощает в себе «общность целей и интересов всех членов данной организации» [7, с. 11]. Вступая в общественную организацию, индивид подчиняет свою индивидуальную волю коллективной воле.

Сфера действия норм общественных организаций самым непосредственным образом связана с принципом членства в организации (каждый вступающий в организацию ясно и добровольно высказывает желание соблюдать устав и все решения организации); этим, прежде всего, и предопределяется обязательность данных норм для членов данной организации [2, с. 9]. Нормы общественных организаций действуют в пределах той или иной общественной организации, что позволяет говорить об их локальности [1, с. 82]. Здесь, кстати, очевидно, использование слова «локальный» не в значении «местный», а в значении «не выходящий за определенные пределы», иначе, было бы очень непросто отнести эту формулировку к всесоюзным общественным организациям.

Некоторые разночтения возникали у исследователей при формулировании предмета регулирования норм общественных организаций. У большинства это – отношения, складывающиеся внутри данных общественных организаций. Так, С.С. Алексеев отмечал, что предмет их регулирования – организационные и иные отношения, складывающиеся внутри той или иной общественной организации или в системе общественных организаций, поддающихся внешнему контролю и обеспечению при помощи организационных мер и санкций; при этом он подчеркивал, что данные нормы способны опосредствовать такие отношения (внутрипартийные, внутрисоюзные), которые лежат за пределами предмета правового регулирования [1, с. 82]. Особняком стояло мнение тех авторов, которые считали, что нормы общественных организаций регулируют «внутриорганизационные и некоторые внешние отношения этих организаций» [7, с. 10].

Отмечалась и системность норм общественных организаций – внутри той или иной организации нормативный массив, ею созданный, структурирован и упорядочен.

При сравнении норм общественных организаций с нормами права, исследователи приходили к выводу о наличии между ними определенного сходства. В.М. Корельский указывал, в этой связи, на

то, что и те и другие имеют вид четко сформулированных правил поведения, выражаются в нормативных актах, обладают системностью. Именно элементы сходства позволяют, по мнению В.М. Корельского, при необходимости санкционировать нормы общественных организаций государством и, тем самым, придавать им юридический характер [2, с. 10]. Это – важное замечание, подчеркивающее, что нормы общественных организаций могут быть переведены в разряд правовых норм волей государства.

Итак, в советской науке считалось, что общественные организации от своего собственного имени могут издавать некие правила поведения (которые, как было только что отмечено, могут быть впоследствии переведены в разряд правовых норм в результате санкционирования их государственной властью).

За нормами общественных организаций в 1970-е гг. начинает утверждаться наименование «корпоративные нормы». Первопроходцами в этом вопросе стали авторы первого тома издания

Литература:

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций : в 2-х т. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права / С.С. Алексеев; Науч. ред.: Р.К. Русинов. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. 396 с.
2. *Корельский В.М.* Правовые нормы и нормы общественных организаций (их соотношение и взаимодействие в период развернутого строительства коммунизма) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. 21 с.
3. *Марксистско-ленинская общая теория государства и права : в 4 т. Т. 1: Основные институты и понятия / С.Н. Братусь, В.Е. Гулиев, А.И. Денисов, В.П. Казимирчук [и др.]; Редкол.: В.Е. Гулиев, Г.Н. Манов; Отв. ред. Н.П. Фарберов, Р.О. Халфина. М. : Юрид. лит., 1970. 622 с.*
4. *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы / П.Е. Недбайло; Отв. ред.: В.Г. Сокуренок. Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1959. 169 с.
5. *Общая теория советского права : учеб. пособие / Н.Г. Александров, С.Н. Братусь, П.С. Грацианский, О.Э. Лейст [и др.]; Под ред.: С.Н. Братусь, И.С. Самощенко. М. : Юридическая литература, 1966. 491 с.*
6. *Основы теории государства и права : учеб. пособие / С.С. Алексеев, П.Т. Васьков, И.Я. Дюрягин, С.Н. Кожевников [и др.]; Отв. ред.: С.С. Алексеев. М. : Юридическая литература, 1969. 384 с.*
7. *Шепелев В.И.* Советское право и нормы общественных организаций в их взаимодействии и развитии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 1972. 22 с.

«Марксистско-ленинская общая теория государства и права» 1970 г. [3, с. 361]. С.С. Алексеев в вышедшем в 1972 г. двухтомном курсе лекций «Проблемы теории права» отмечает терминологическую находку авторов первого тома «Марксистско-ленинской общей теории государства и права» как удачную и сам использует словосочетание «корпоративные нормы» в качестве равнозначного словосочетанию «нормы общественных организаций» (помимо этого, пользуется выражением «общественные (в узком смысле) нормы»). Сам С.С. Алексеев дает в этом труде следующее определение корпоративных норм (норм общественных организаций): это – правила поведения общего характера, установленные негосударственными общественными организациями, распространяющиеся на членов данной организации и поддерживаемые мерами организационного воздействия [1, с. 81]. В этом определении лаконично аккумулируется итог теоретического осмысления норм общественных организаций, предпринятого и свердловской юридической школой и всем отечественным правоведением.

Literature:

1. *Alekseev S.S.* Problems of the theory of law: a course of lectures : in 2 vol. Vol. 1: Basic questions of the general theory of socialist law / S.S. Alekseev; Scientific Editor: R.K. Rusinov. Sverdlovsk : Publishing House of Sverdlovsk Law Institute, 1972. 396 p.
2. *Korelskiy V.M.* Legal norms and norms of public organizations (their correlation and interaction in the period of the extensive construction of communism) : author. dis. ... cand. law sciences. Sverdlovsk, 1963. 21 p.
3. *Marxist-Leninist general theory of state and law : in 4 vol. Vol. 1: Basic institutions and concepts / S.N. Bratus, V.E. Guliev, A.I. Denisov, V.P. Kazimirchuk [et al.]; editorial board: V.E. Guliev, G.N. Manov G.N. (editor-in-chief), N.P. Farberov, R.O. Khalfina. M. : Jurid. lit., 1970. 622 p.*
4. *Nedbailo P.E.* Soviet socialist legal norms / P.E. Nedbailo; Responsible Editor: V.G. Sokurenko. Lviv : Lviv Publishing House. University, 1959. 169 p.
5. *General theory of Soviet law : manual / N.G. Alexandrov, S.N. Bratus, P.S. Gratsiansky, O.E. Leist, [et al.]; Ed.: S.N. Bratus, I.S. Samoshchenko. M. : Legal literature, 1966. 491 p.*
6. *Fundamentals of the theory of state and law : manual / S.S. Alekseev, P.T. Vaskov, I. Ya. Dyuryagin, S.N. Kozhevnikov and others; Responsible Editor: S.S. Alekseev. M. : Legal literature, 1969. 384 p.*
7. *Shepelev V.I.* Soviet law and norms of public organizations in their interaction and development : author. dis. ... cand. law sciences. Rostov-on/D., 1972. 22 p.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия,
г. Иркутск
barahevaev@bk.ru

Должикова Анастасия Витальевна

студентка,
Российский государственный
университет правосудия
89245011147@yandex.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ**

Аннотация. Данная статья дает общую характеристику административной ответственности, раскрывая сущность понятия «административная ответственность», ее целях, задачах; перечислены функции, принципы, виды административной ответственности (предупреждение, административный штраф, возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, дисквалификация, административное приостановление деятельности), а также – обстоятельства, исключающие административную ответственность.

Ключевые слова: административная ответственность, правонарушение, административное наказание.

Административная ответственность применяется более широко, чем уголовная или дисциплинарная, так как административные правонарушения совершаются чаще, чем преступления и дисциплинарные проступки.

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice,
Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Anastasia V. Dolzhnikova

Student,
Russian State University of Justice
89245011147@yandex.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**THEORETICAL ASPECTS
OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY
IN MODERN LAW**

Annotation. This article gives a general description of administrative responsibility, revealing the very concept of administrative responsibility, its goals, objectives, listed functions, principles, types of administrative responsibility (warning, administrative fine, paid seizure of an instrument of commission or an object of administrative law-violation, confiscation of an instrument of commission or an object of administrative offense, deprivation of a special right granted to an individual, administrative arrest, administrative expulsion from the Russian Federation of a foreign citizen or a stateless person, disqualification, administrative suspension of activity), as well as circumstances excluding administrative liability.

Keywords: administrative responsibility, offense, administrative punishment.

В настоящее время административная ответственность лежит в основе взаимоотношений гражданина и государства, в основе современного правового общества. Без ответственности невозможно стабильное состояние экономики и

государства, в целом, достижение процветания общества, поэтому знание основных положений об административной ответственности необходимо каждому гражданину Российской Федерации.

Переход к рыночным отношениям, появление хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм закономерно умножило сферы применения административной ответственности и упрочило ее значение. Процедуры применения административной ответственности упрощены по сравнению с уголовным производством. В отличие от гражданско-правовой ответственности административная ответственность применяется, преимущественно, во внесудебном порядке. Все это дает право считать административную ответственность достаточно оперативным средством реагирования на правонарушения, что подтверждает актуальность темы.

Четкого понятия «административная ответственность» в нормативно-правовых актах не указано. Его можно вывести, исходя из практики и определения административного правонарушения, данного в статье 2.1 КоАП РФ [1].

Таким образом, административная ответственность – это вид юридической ответственности, наступление которой связано с совершением нарушителем незаконных действий (бездействия), относящихся к сфере регулирования административного права, за которые данное лицо и (или) лица подвергаются мерам административного принуждения.

Целью административной ответственности служит преследуемый результат, на достижение которой направлены силы органов административной юрисдикции при подтверждении правонарушителя мерам административного принуждения в качестве меры административной ответственности. Данные цели выражают стремление к предупреждению и профилактике правонарушений. Этот вывод можно сделать, исходя из статьи 3.1 КоАП РФ [1], которая также указывает на то, что моральное унижение достоинства человека, неуважительное отношение к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, или доставление ему физических боли и страданий, а также, порча деловой репутации юридического лица не могут служить целями административного наказания.

Опираясь на данную цель, можно вывести и задачи административной ответственности [2]:

1. Защищать правопорядок в государстве.
2. Воспитывать граждан страны в духе уважения к закону.
3. Восстановить социальную справедливость.
4. Предупреждать совершение новых правонарушений.

Принципами административной ответственности являются: равенство перед законом, презумпция невиновности, обеспечение законности при

применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением, а также ответственность только на основании закона, действовавшего во время и по месту совершения административного правонарушения [3].

Административная ответственность выполняет следующие функции:

- превентивную (предупредительно-воспитательную) функцию;
- репрессивную (карательную/ штрафную) функцию;
- сигнализационную функцию,
- ограничительную функцию.

Данные функции связаны как друг с другом, так и с целями административной ответственности. Все эти функции взаимосвязаны и, в той или иной степени, проявляются во всех видах юридической ответственности.

Виды административной ответственности предусмотрены КоАП РФ; к ней могут привлечь обычных граждан, организации, ИП, военнослужащих. Ответственность предусмотрена за различные нарушения, например, требований санитарного законодательства, правил дорожного движения.

Виды административных взысканий определены в ст. 3.2 КоАП РФ.

За совершение административных правонарушений могут применяться следующие административные наказания [4]:

- предупреждение. Это выносимое официальное порицание уполномоченным органом в письменной форме, установленной законодательством;
- административный штраф. Это денежное взыскание, размер которого определяется в статье, устанавливающей ответственность за конкретное правонарушение;
- возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения. Принудительно изымаемая вещь продается, а бывшему собственнику вещи выплачиваются деньги, вырученные от ее продажи за вычетом расходов на реализацию изъятого предмета;
- конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения. Это аналогичное предыдущему принудительное изъятие без какой-либо компенсации;
- лишение специального права, предоставленного физическому лицу (права охоты, управления транспортным средством и т.п.);
- административный арест. Он подразумевает содержание нарушителя в условиях изоляции от общества на срок до 15 суток, а за нарушение требований режима чрезвычайного положения

или режима в зоне проведения контртеррористической операции – до 30 суток;

– административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства;

– дисквалификация. Это – лишение физического лица права занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, а также - управление юридическим лицом в иных случаях;

– административное приостановление деятельности.

Таким образом, всего предусмотрено 10 видов наказаний. Самое распространенное и известное, это штраф. Стоит обратить внимание, что за каждое конкретное нарушение предусмотрена своя ответственность.

Итак, виды ответственности:

1. Предупреждение.
2. Штраф.
3. Конфискация орудия или предмета нарушения (денег, контрафактной продукции, оружия и т.д.), то есть, безвозмездное их изъятие в государственную собственность.
4. Лишение специального права (на управление транспортом, хранение и ношение оружия и других).
5. Арест.
6. Выдворение иностранцев и лиц без гражданства за пределы страны за нарушения миграционного законодательства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.03.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. *Кокарева М.Е.* Административная ответственность: понятие и характерные черты / М.Е. Кокарева // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12(29). С. 297.
3. *Семёновых К.С.* Понятие административной ответственности / К.С. Семёновых, С.А. Рuzметов // Молодой ученый. 2019. № 51(289). С. 155.
4. *Абилова З.И.* Административные правонарушения: правовая характеристика / З.И. Абилова // Молодой ученый. 2020. № 43(333). С. 150.

7. Дисквалификация, то есть, запрет занимать определенные должности на государственной или муниципальной службе либо заниматься определенными видами деятельности (например, руководить организацией).

8. Приостановление деятельности предпринимателей или организаций, их филиалов, представительств, структурных подразделений и т.п. полностью или частично.

9. Обязательные работы, то есть, принудительное выполнение полезных для общества работ в свободное от учебы или работы время.

10. Запрет на посещение спортивных мероприятий.

11. Освобождение от юридической ответственности представляет собой предусмотренное действующим законодательством устранение неблагоприятных правовых последствий для лица, совершившего правонарушение.

12. Выделяют полное и частичное освобождение от правовой ответственности. Понятие «освобождение от юридической ответственности» надо отличать от понятия «исключение юридической ответственности», а также – от понятия «освобождение от наказания».

13. Различие между понятиями состоит в том, что, если освобождение от правовой ответственности предполагает снятие обязанности претерпевать меры государственно-принудительного воздействия за совершенное правонарушение, то с исключением правовой ответственности связывается недопустимость правовой ответственности. Нетождественность освобождения от правовой ответственности и исключение ее состоит в том, что в первом случае правонарушение имеет место в действиях лица, тогда как во втором – состав правонарушения отсутствует.

Literature:

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 24.03.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 14.04.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. *Kokareva M.E.* Administrative responsibility: concept and characteristic features / M.E. Kokareva // Modern scientific research and development. 2018. № 12(29). P. 297.
3. *Semenovych K.S.* The concept of administrative responsibility / K.S. Semenovych, S.A. Ruzmetov // Young scientist. 2019. № 51(289). P. 155.
4. *Abilova Z.I.* Administrative offenses: legal characteristics / Z.I. Abilova // Young scientist. 2020. № 43(333). P. 150.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
barahevaev@bk.ru

Макарова Дарья Сергеевна

студентка,
Российский государственный
университет правосудия
makarovads11@gmail.com

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ**

Аннотация. В данной статье рассмотрены принципы функционирования органов исполнительной власти Российского государства, в частности, функции (исполнительная (правоприменительная), «правозащитная», социально-экономическая функция обеспечения законности и соблюдения конституционного порядка в стране, регулирующая, нормотворческая, охранительная (юрисдикционная) и цели исполнительной власти. Рассмотрен вопрос о соотношении исполнительной власти и государственного управления, а также, перечислены виды и система органов исполнительной власти. Основопологающим вопросом, по мнению авторов, является изучение основных проблем в развитии исполнительной власти.

Ключевые слова: исполнительная власть, государственная власть, система, государственное регулирование, проблемы.

Исполнительная власть представлена ветвью государственной власти, обладающая всеми признаками её, но при этом имеет свои особенности, складывающиеся из своей юридической природы. Все это отражается в связи с практической повседневной деятельностью специальных субъектов в данной области. Данный вид государственной власти имеет двух-

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice
barahevaev@bk.ru

Darya S. Makarova

Student,
Russian State University of Justice
makarovads11@gmail.com

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**PRINCIPLES OF THE FUNCTIONING
OF EXECUTIVE AUTHORITIES
IN ADMINISTRATIVE LAW**

Annotation. This article examines the principles of the functioning of the executive authorities of the Russian state, in particular, the functions (executive (law enforcement), «human rights», socio-economic, the function of ensuring the rule of law and compliance with the constitutional order in the country, regulatory, normative, protective (jurisdictional) and the goals of the executive power. The question of the relationship between executive power and public administration is considered, and the types and system of executive authorities are listed. The fundamental issue is the study of the main problems in the development of the executive branch.

Keywords: executive power, state power, system, state regulation, problems.

уровневую систему: федеральная исполнительная власть и исполнительная власть субъектов Российской Федерации [1].

Первоочередным вопросом является раскрытие понятия «исполнительная власть», в целом. Исполнительная власть — ветвь государственной власти, представленная системой органов исполнительной власти, осуществляющих госу-

дарственное управление делами общества, обеспечивая его поступательное развитие на основе законодательства Российской Федерации и самостоятельной реализации государственно-властных полномочий исполнительно-распорядительного характера [2].

В данном ключе необходимо выделить цели исполнительной власти в связи, с которыми и осуществляется сама власть:

- 1) обеспечение безопасности личности, общества, государства;
- 2) создание условий, способствующих благополучию личности, общества, государства;
- 3) создание условий для реализации субъектами социальных отношений их прав, свобод, законных интересов;
- 4) защита человека от противоправных посягательств.

Принципы организации и функционирования исполнительной власти закреплены в Конституции Российской Федерации (РФ) [3]. Таковыми являются:

- принцип народовластия;
- принцип социальной справедливости;
- принцип демократизма;
- принцип верховенства закона;
- принцип разграничения предметов ведения, функциональной самостоятельности ветвей государственной власти, ее баланса;
- принцип разграничения предметов ведения и полномочий; принцип законности; принцип приоритета прав человека и гражданина;
- принцип легитимности; принцип гласности;
- принцип федеративного устройства Российской Федерации;
- принцип централизации; принцип децентрализации;
- принцип объективного учета национальных особенностей.

Можно выделить следующие основные функции современной исполнительной власти [4]:

- 1) исполнительная (правоприменительная) функция;
- 2) «правозащитная» функция;
- 3) социально-экономическая функция;
- 4) функция обеспечения законности и соблюдения конституционного порядка в стране;
- 5) регулирующая функция;
- 6) нормотворческая функция;

7) охранительная (юрисдикционная) функция.

В рамках исполнительной власти правильно, по мнению авторов, подчеркнуть необходимость соотношений её с государственным управлением. Говоря об этих двух категориях, стоит отметить, что оба эти определения тесно связаны с государственной и исполнительной властью непосредственно. С помощью государственного управления осуществляется вся исполнительная деятельность в государстве, а также, используется государственное управление и другими ветвями власти [5].

Субъекты исполнительной власти являются важными субъектами административного права, потому что именно они обеспечивают исполнение законов, общественный порядок и безопасность, права и свободы граждан, осуществляют управленческие действия, государственное управление, принимают административные акты [6].

С учетом федеративного устройства России выделяются следующие субъекты исполнительной власти в Российской Федерации:

1) На уровне Российской Федерации как демократического федеративного государства, в котором суверенитет распространяется на всю территорию РФ.

2) Уровень субъектов РФ: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа.

С точки зрения осуществления государственного управления или организационно-правовой деятельности субъектами исполнительной власти в Российской Федерации являются:

- 1) Президент РФ;
- 2) Правительство РФ;
- 3) Федеральные органы исполнительной власти (федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства);
- 4) Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти;
- 5) Высшие должностные лица субъектов РФ (губернаторы, главы администраций);
- 6) Правительства субъектов РФ;
- 7) Иные органы исполнительной власти субъектов РФ.

Как следствие из данного вида системы органов исполнительной власти является то, что субъектами исполнительной власти могут быть как федеральные, так и региональные органы государственного управления, то есть, на уровне субъектов Федерации.

Современная конституционная система России содержит в себе определённый ряд принципов и особенностей, которые задают объективные проблемы в построении и функционировании системы исполнительной власти, в осуществлении ее модернизации.

Первой и наиболее главной проблемой является двойственность системы исполнительной власти. Другим негативным аспектом сложившейся ситуации является односторонняя ориентация Правительства РФ на Президента РФ, ослабление политической ответственности представительной власти в лице Государственной Думы РФ и Совета Федерации Федерального Собрания РФ за результаты проводимой экономической политики [7].

На данный момент институт Президента загружен большим объемом дел в сфере исполнительной власти, что неизбежно отделяет функции Правительства, что является также проблемой в сфере исполнительной власти. Изменение акцента деятельности позволит главе государства в большей мере заниматься стратегическими вопросами государственной политики, функционирования системы органов исполнительной власти и взаимоотношений федеральных органов и органов

Литература:

1. *Стахов А.И.* Административно-процедурная регламентация деятельности органов исполнительной власти в России : учебное пособие / А.И. Стахов. М. : РГУП, 2016. С. 7–8. URL : <https://znanium.com/catalog/product/1007100> (дата обращения 22.04.2021).
2. *Бачило И.Л.* Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / И.Л. Бачило, А.А. Гришковец, И.С. Мелюхин, Н.Г. Салищева, [и др.]; Отв. ред.: Бачило И.Л. М. : Юристъ, 1998. С. 31.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.03.2021)
4. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/ (дата обращения 18.03.2021).
5. Исполнительная власть: понятие, признаки. Соотношение исполнительной власти и государственного управления. URL : <https://infopedia.su/13xcfd.html>
6. *Алехин А.П.* Административное право России : учебник / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий; Отв. ред. А.П. Алехин. М. : ИКД «Зерцало-М», 2013. С. 105. (Классический университетский учебник). URL : <https://znanium.com/catalog/product/1182454> (дата обращения 12.04.2021).
7. *Орехова К.С.* Современные проблемы функционирования исполнительной власти. Юридический журнал «Юридическая книга». URL : <https://legalbook.ru/administrativnoe-pravo/215-sovremennye-problemy-funkcionirovanija-ispolnitelnoj-vlasti.html>

субъектов Федерации. Правительству РФ удастся концентрировать свои усилия на решении основных экономических и социальных задач, на руководстве звеньями исполнительной власти, координации и контроле их деятельности.

Если вести речь проблеме об административных процедурах, то здесь можно говорить о том, что в России до настоящего времени не принят федеральный закон, который устанавливал бы правовые формы принятия индивидуальных административных актов.

Как следствие всех вышеперечисленных проблем, решение можно найти в принятии процессуального акта об административных процедурах в сфере исполнительной власти, а также освоить новые изменения и перейти на международные стандарты в данной отрасли, как административного права, так и непосредственно, исполнительной власти.

Literature:

1. *Stakhov A.I.* Administrative and procedural regulation of the activities of executive authorities in Russia : textbook / A.I. Stakhov. M. : RSUP, 2016. P. 7–8. URL : <https://znanium.com/catalog/product/1007100> (date of application 22.04.2021).
2. *Bachilo I.L.* Executive power in the Russian Federation. Problems of development / I.L. Bachilo, A.A. Grishkovets, I.S. Melyukhin, N.G. Salishcheva [et al.]; Ed.: I.L. Bachilo. M. : Yurist, 1998. P. 31.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (date of application 04.03.2021)
4. Federal Constitutional Law № 4-FKZ of 06.11.2020 «On the Government of the Russian Federation» // Legal reference system Consultant Plus http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/ (date of application 18.03.2021).
5. Executive power: concept, features. The ratio of executive power and public administration. URL : <https://infopedia.su/13xcfd.html>
6. *Alyokhin A.P.* Administrative law of Russia : textbook / A.P. Alyokhin, A.A. Karmolitsky; Ed. by A.P. Alyokhin. M. : ICD «Zertsalo-M», 2013. P. 105. (Classical University textbook). URL: <https://znanium.com/catalog/product/1182454> (date of application 12.04.2021).
7. *Orekhova K.S.* Modern problems of functioning of executive power. Legal journal «Legal Book». URL : <https://legalbook.ru/administrativnoe-pravo/215-sovremennye-problemy-funkcionirovanija-ispolnitelnoj-vlasti.html>

Боднарук Юлия Михайловна
аспирантка,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
jbodnaruk@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ К ПРОГРАММЕ ДЛЯ ЭВМ КАК ОБЪЕКТУ АВТОРСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ норм российского и зарубежного законодательства, устанавливающих критерии охраноспособности компьютерной программы. Автор рассматривает существующие в доктрине права подходы к оценке достижения необходимого минимального уровня творчества, поднимается вопрос о пересмотре концепции авторства и предоставлении авторско-правовой охраны компьютерным программам, созданным искусственным интеллектом, без прямого участия человека. Поднимается проблема оценки творчества в параллельно созданных и производных компьютерных программах.

Ключевые слова: программа для ЭВМ, компьютерная программа, оригинальность программы для ЭВМ, творческий характер программы для ЭВМ, критерий охраноспособности, искусственный интеллект, авторство, параллельные произведения, производное произведение.

Представляя собой специфический объект авторского права, программа для ЭВМ по смыслу статьи 2 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений лишь для удобства охраны, приравнена к литературному произведению, не являясь им, по своей сути. Существенное отличие её от литературных и от любых иных произведений заключается в том, что способность любой программы для ЭВМ вызвать определенную реакцию аппаратного устройства обуславливает ее технический, а не художественно-эстетический характер, следовательно, в программе содержание (алгоритм) имеет безусловный приоритет над формой (алгоритм, изложенный языком программирования).

Закрепленная в законодательстве (части четвертой ГК РФ) система авторского права, *косвенно* основана на парадигме субъективного подхода к оценке объекта авторского права как результата творческой деятельности, что подтверждается следующими нормами:

– автором произведения признается лицо, творческим трудом которого оно создано (п. 1 ст. 1228, ст. 1257, ст. 1258 ГК РФ);

Yulia M. Bodnaruk
Postgraduate Student,
Russian State Academy
of Intellectual Property.
jbodnaruk@rambler.ru

FEATURES OF APPLICATION OF CRITERIA OF PROTECTION TO COMPUTER PROGRAM AS COPYRIGHT OBJECT

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of Russian and foreign legislation that establish the criteria for the computer program copyright. The author examines the approaches existing in the doctrine of law to assess the achievement of the required minimum level of creativity, raises the question of revising the concept of authorship and granting copyright protection to computer programs created by artificial intelligence without direct human participation. The problem of evaluating creativity in parallel created and derived computer programs is raised.

Keywords: computer program, computer program, originality of the computer program, creative nature of the computer program, criterion of protectability, artificial intelligence, authorship, parallel works, derivative work.

– права на результат творческой деятельности первоначально возникают у автора (п. 3 ст. 1228 ГК РФ) и другие.

Отечественная судебная практика также исходит из того, что наличие творческого вклада автора в создание произведения презюмируется [1]. Можно сделать вывод о том, что предоставление авторско-правовой охраны произведениям осуществляется независимо от объективной формы их выражения исключительно в силу факта создания их творческим трудом человека. Такая же общая концепция охраноспособности принята в Европейском Союзе и США, когда устанавливаются только критерии, которым должна соответствовать работа в целях получения авторско-правовой охраны, а перечень произведений является открытым, в отличие, например, от Великобритании, где установлен закрытый перечень охраноспособных объектов, а критерии охраноспособности закреплены в судебных прецедентах.

В отечественной доктрине гражданского права существуют два принципиально разных взгляда на оценку творческого вклада в создание охраноспособного произведения. Первая группа авторов

придерживается субъективного подхода, сущность которого заключается в следующем: произведение должно отражать в себе личность и индивидуальность автора, его уникальный авторский стиль [2, с. 5]. Вторая группа авторов выступает за объективность – для возникновения правовой охраны само произведение должно быть новым, оригинальным, и в этом будет выражаться его творческая сущность как объективный признак, присущий объекту [3, с. 97].

Несмотря на то, что в российской доктрине превалирует подход к творчеству через его связь с оригинальностью и неповторимостью произведения, судебная практика, которая изначально, в целом, придерживалась такого же подхода, исходящего сегодня из того, что «само по себе, отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» [4]. Можно констатировать, что теория и практика права разошлись по этому вопросу в разные стороны.

Долгое время в отечественной науке считалось, что творческая составляющая в произведении выражается именно в новизне и, по мнению А.В. Кашанина, указанный подход не преодолен до сих пор: и в российской науке, и в судебной практике отсутствует единая позиция о предпочтительности критерия новизны или оригинальности, часто они смешиваются, что приводит к одновременному применению несовместимых критериев [3]. Такого же взгляда на соотношение понятий «новизна» и «оригинальность» придерживается Э.П. Гаврилов, который считает, что признаки оригинальности и новизны не просто разные, а диаметрально противоположны друг другу и, главное, альтернативны, то есть, определенный результат интеллектуальной деятельности может обладать либо оригинальностью (если охраняется авторским правом), либо новизной (если охраняется патентным правом) [5]. Зарубежные авторы во многом разделяют такой подход при сравнении этих двух понятий применительно к компьютерным программам: «оригинальность, необходимая для охраны авторским правом, просто требует независимого создания, а не новизны: оригинальное произведение – это произведение, которое не имеет того же выражения, что и ранее существовавшее произведение; идентичная, но независимо созданная работа не приводит к нарушению авторских прав» [6].

Оригинальность не тождественна новизне; произведение может быть оригинальным, даже, если оно очень похоже на другие произведения, но только в том случае, пока такое сходство является случайным, а не результатом копирования. Таким образом, оригинальность по смыслу, принятому в авторском праве, означает, прежде всего, то, что произведение было, во-первых, создано автором самостоятельно (не скопировано) и, во-вторых, обладает хотя бы какой-то минимальной степенью творчества. Статья 2 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 23 апреля 2009 года

№ 2009/24/ЕС «О правовой охране компьютерных программ» отражает эту же мысль: «Компьютерная программа охраняется, если она является оригинальной в том смысле, что она является *собственным интеллектуальным творением* автора. Никакие другие критерии не должны применяться для определения её права на защиту» [7]. В Японии компьютерная программа, как и другие объекты авторского права, охраняется в том случае, если в ней проявилась *индивидуальность программиста*, а новизна и изобретательский уровень не имеют никакого значения [8]. Кодекс интеллектуальной собственности Франции защищает права авторов на все произведения, являющиеся *результатом умственной деятельности* («работы ума»), независимо от их вида, формы выражения, ценности или цели [9]. Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что иностранные законодатели также придерживаются субъективного подхода и считают, что творческий характер компьютерной программы проявляется через оригинальность и обусловлен личным интеллектуальным вкладом автора в её создание.

В отношении программы для ЭВМ на уровне Европейского Союза последовательно реализуется норма, согласно которой запрещено при оценке оригинальности компьютерной программы проводить какие-либо тесты на качественные или эстетические достоинства программы [7]. При этом отсутствие единого стандарта оригинальности для всех потенциально охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, «размытость» этого критерия являются одной из центральных проблем авторского права, что приводит к увеличению роли судов в оценке охраноспособности объекта, преуменьшая значение нормативных источников права. Отсутствие понимания оригинальности не помогает, а только дискредитирует роль и функцию авторского права.

Оригинальность часто отождествляется с уникальностью произведения, которая, по мнению некоторых ученых, подразумевает невозможность создания разными авторами, работающими параллельно, независимо друг от друга, двух одинаковых произведений [5]. Эта идея о принципиальной неповторимости, строгой индивидуальности и «даже уникальности» объекта авторского права традиционно высказывалась отечественными учеными, несмотря на то, что они, в основном, придерживались концепции новизны произведения [10, с. 467]. По мнению автора, если бы речь шла исключительно о литературных произведениях или других объектах авторского права, имеющих ярко выраженную художественную составляющую (например, картинах, скульптурах и т.д.), можно было бы согласиться с тем, что независимое создание двух идентичных произведений (мы не имеем в виду копирование) невозможно. Но, принимая во внимание функциональный характер программы для ЭВМ и тот факт, что части кода (даже самые небольшие), которые могут быть использованы в отрыве от программы для ЭВМ, охраняются как самостоятельные произведения, мы можем утверждать, что независимое создание двух одинаковых компьютерных программ совершенно разными авторами представляется вполне допустимым.

В российской доктрине ранее преваляло мнение, что в случае, если параллельно создано два абсолютно идентичных произведения, правовая охрана не должна предоставляться ни одному, и такая позиция также подтверждалась судебной практикой [11]. Указанный подход не прижился в практике арбитражных судов и Суда по интеллектуальным правам и, в целом, представляется устаревшим. В США, например, правовая охрана авторским правом предоставляется каждому произведению, созданному параллельно, при условии соблюдения иных критериев охраноспособности [12]. Как нам представляется, концепция предоставления независимой правовой охраны двум идентичным программам для ЭВМ должна учитывать случаи, когда авторско-правовая охрана невозможна по причине отсутствия оригинальности созданного произведения, недостижения минимального уровня творчества.

Понятие «минимальный уровень творчества» является универсальным для различных право порядков, в том числе и для российского, в той мере, в какой в них используются понятие «оригинальность». Определить минимально необходимый уровень для программы для ЭВМ возможно, если отталкиваться от функциональной направленности программы. В процессе создания программы автор, руководствуясь утилитарными целями, стремлением к достижению заданной цели, может оказаться в ситуации, когда определенная задача решается ограниченным количеством вариантов (или одним), вследствие чего, автор неизбежно будет лишен выбора в выражении исходного кода. С нашей точки зрения, в таких обстоятельствах творческий вклад в создание программы будет отсутствовать, так как написание кода будет представлять собой выполнение «механической» работы. А.В. Кашанин также придерживается мнения о том, что в том случае, когда существуют ограниченные возможности по созданию произведения, необходимо не просто установить факт создания произведения собственными действиями автора, но и доказать, что автор выработал некое индивидуальное творческое решение, не обусловленное только соображениями функциональности, технической применимости или имеющимися в распоряжении художествен-

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право : в 3 т. Л., 1965. Т. 3.
3. *Кашанин А.В.* Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве / А.В. Кашанин // Вестник гражданского права. 2007. № 2.
4. Пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ными либо техническими средствами» [7]. Таким образом, если исходный текст (код) в целях достижения определенной функциональности невозможно написать иначе, то уровень творчества программы для ЭВМ должен признаваться не достигшим минимально необходимого «незначительного» уровня.

Авторско-правовая охрана, как уже было сказано выше, обеспечивает защиту выраженного в компьютерной программе кода (текста), но не защищает идеи, лежащие в основе компьютерных программ, которые и представляют собой основную ценность. Вот почему, если функциональность двух разных программ совпадет, но при этом они будут выражены разным языком программирования, авторско-правовой охране будут подлежать оба произведения; при этом особенности правовой охраны будут зависеть от конкретной ситуации.

В том случае, если две (или более) программы для ЭВМ пишутся параллельно на разных языках программирования на основании одних и тех же подготовительных материалов (единого технического задания), аудиовизуальные отображения программ и пользовательский интерфейс также могут быть идентичными (если это применимо), например, одно и то же мобильное приложение для разных операционных систем (как вариант, для Android и iOS), то обе написанные программы для ЭВМ, являясь, по существу, равнозначными по функциональности исходного (объектного) кода, представляют собой разные произведения. Использование разных языков программирования при создании компьютерных программ подразумевает наличие творческой составляющей в интеллектуальном труде программистов, соответственно, в процессе параллельно создаются разные, оригинальные результаты интеллектуальной деятельности, которые охраняются как независимые произведения. Авторские права на отдельные составные части программы для ЭВМ (визуализацию интерфейса, статические или движущиеся изображения и т.д.) охраняются при этом как самостоятельные объекты авторского права.

Literature:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.04.2019 N 10 «On the implementation of part IV of the Civil code of the Russian Federation» // SPS «KonsultantPlyus».
2. *Ioffe O.S.* Soviet civil law : in 3 vol. L., 1965. Vol. 3.
3. *Kasanin A.V.* Creative nature as a condition for eligibility artworks of Russian and foreign copyright / A.V. Kasanin // Bulletin of civil rights. 2007. № 2.
4. Item 80 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 № 10 «On the application of Part four of the Civil Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

5. *Гаврилов Э.П.* В патентном праве - новизна, в авторском – оригинальность. «Патенты и лицензии». 2007. № 12.

6. *Melvin B. Nimmer.* Nimmer on Copyright (New-York NY : Matthew Bender, 1982). Vol. 1. Sec. 201(A). cited in U.S. Congress.

7. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 23 апреля 2009 года № 2009/24/ЕС «О правовой охране компьютерных программ».

8. Drafting Program Case, Tokyo District Court, 31 January 2003, Hanrei Jiho № 1820: 127.

9. Кодекс интеллектуальной собственности Франции 1992 г. официальный сайт ВОИС. URL : <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/5563>

10. *Красавчиков О.А.* Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) / О.А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. (серия «Классика российской цивилистики»). М. : Статут, 2005. Т. 2. С. 467.

11. *Гаврилов Э.П.* Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 19 июня 2006 г. П. 68 / Э.П. Гаврилов // СПС «КонсультантПлюс».

12. *Lee A. Hollaar* «Legal Protection of Digital Information». URL : <http://digital-law-online.info/lpdi1.0/treatise60.html>

5. *Gavrilov E.P.* In patent law – novelty, in copyright- originality. «Patents and Licenses». 2007. № 12.

6. *Melvin B. Nimmer.* Nimmer on Copyright (New-York NY : Matthew Bender, 1982). Vol. 1. Sec. 201(A). cited in U.S. Congress.

7. Directive № 2009/24/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the Legal Protection of Computer Programs.

8. Drafting Program Case, Tokyo District Court, 31 January 2003, Hanrei Jiho № 1820: 127.

9. The French Intellectual Property Code of 1992. Official website of WIPO. URL : <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/5563>

10. *Krasavchikov O.A.* Creativity and civil law (concept, subject and composition of the sub-sector) / O.A. Krasavchikov // Categories of science of civil law. Selected works : in 2 vol. (series «Classics of Russian Civil Studies»). M. : Statut, 2005. Vol. 2. P. 467.

11. *Gavrilov E.P.* Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 19. 2006. P. 68. / E.P. Gavrilov // SPS «ConsultantPlus».

12. *Lee A. Hollaar* «Legal Protection of Digital Information». URL : <http://digital-law-online.info/lpdi1.0/treatise60.html>

Боровских Роман Николаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и процесса,
Сибирский институт управления РАНХиГС,
профессор кафедры уголовного права
и национальной безопасности,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления
Milena.555@mail.ru

Бабичева Ульяна Николаевна

сотрудница,
Научно-образовательный центр,
Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
Milena.555@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

**Типичные
судебные экспертизы
по уголовным делам
о мошенничестве
в сфере ОСАГО и КАСКО**

■ ■ ■

Аннотация. Одним из наиболее эффективных средств выявления и раскрытия мошеннических посягательств, совершаемых в сфере автострахования, является использование специальных знаний в ходе судебно-экспертных исследований. В предлагаемой статье рассмотрены возможности различных видов экспертных исследований по уголовным делам о мошенничестве в сфере автомобильного страхования (ОСАГО, КАСКО). На примере показательных кейсов из опубликованной судебной практики по уголовным делам демонстрируются особенности назначения отдельных видов судебных экспертиз, их исследовательский потенциал.

Ключевые слова: мошенничество в сфере автострахования, расследование, судебные экспертизы, особенности назначения судебных экспертиз.

■ ■ ■

Roman N. Borovskikh

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Process,
Siberian Institute
of Management of the RANEPA,
Professor of the Department of Criminal
Law and National Security,
Novosibirsk State University
of Economics and Management
Milena.555@mail.ru

Ulyana N. Babicheva

Employee,
Scientific and Educational Center,
Siberian Institute of Management
Russian Academy of National Economy
and Public Service
in the President of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

Vadim A. Ryabchikov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
Milena.555@mail.ru

**TYPICAL
FORENSIC EXAMINATIONS
IN CRIMINAL CASES OF FRAUD
IN THE FIELD OF CTP AND CASCO**

■ ■ ■

Annotation. One of the most effective means of detecting and disclosing fraudulent assaults in the field of motor insurance is the use of expertise in forensic research. The article considers the possibilities of various types of expert research on criminal cases of fraud in the field of automobile insurance (CTP, CASCO). On the example of illustrative cases from the published judicial practice in criminal cases, the features of the appointment of certain types of forensic examinations, their research potential are demonstrated.

Keywords: fraud in the field of auto insurance, investigation, forensic examinations, features of the appointment of forensic examinations.

■ ■ ■

Одним из наиболее эффективных средств выявления и раскрытия мошеннических посягательств, совершаемых в сфере автострахования, является использование специальных знаний в ходе судебно-экспертных исследований.

Судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Судебная экспертиза может быть назначена на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства по уголовному делу.

Практика показывает, что наиболее традиционными, типичными для категории дел о мошенничествах в сфере автострахования являются автотехническая, транспортно-трасологическая и почерковедческая экспертизы.

Производство автотехнической экспертизы направлено на установление соответствия механизма образования повреждений транспортных средств (ТС) обстоятельствам ДТП, заявленным в материалах административного дела. Экспертом проводится исследование технического состояния ТС, обстоятельств ДТП (скорости и траектории движения ТС, мест расположения ТС в определенный промежуток времени и др.), действий водителей ТС, причастных к ДТП (соблюдение ПДД, установление возможности предотвратить ДТП и др.), исследование участка дороги в месте ДТП[1].

Объектами исследования автотехнической экспертизы являются транспортные средства, части транспортных средств, отделившиеся в процессе ДТП, фотографии транспортных средств, места ДТП, следы, образовавшиеся на месте ДТП, материалы административного дела (протокол об административном правонарушении, схема места ДТП, объяснения участников и очевидцев ДТП, протокол осмотра места происшествия и др.), при необходимости – материалы уголовного дела (проведенных ранее экспертиз, протоколов следственных действий).

Рассмотрим показательный пример. Так, приговором Благовещенского гарнизонного военного суда [2] гр. К признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.5 УК РФ (мошенничества в сфере страхования), совершенного при следующих обстоятельствах.

К. с целью хищения имитировал дорожно-транспортное происшествие (ДТП) с участием принадлежащего ему автомобиля и автомобиля своего знакомого А. Прибывшими на место происшествия сотрудниками ГИБДД, введенными в заблуждение К., были оформлены документы, содержащие недостоверные сведения об обстоятельствах ДТП. После предъявления документов в страховую организацию К. получил выплату страхового возмещения.

Поскольку обстоятельства ДТП вызвали подозрение у сотрудников службы безопасности страховой организации, по результатам обращения в

следственные органы в отношении К. было возбуждено уголовное дело о мошенничестве. При проведении предварительного расследования была назначена судебная автотехническая экспертиза. В экспертном заключении указывалось, что при исследовании контактных поверхностей транспортных средств (по характеру образования, высоте от опорной поверхности дорожного полотна, выступающих частей деталей транспортных средств относительно вертикальной плоскости, механизму образования повреждений) не установлены контактные пары объектов исследования, которые могли взаимодействовать при обстоятельствах исследуемого происшествия. Экспертом был сделан категорический вывод о том, что механизм образования повреждений данных транспортных средств не соответствует заявленным обстоятельствам происшествия, изложенного в справке о ДТП. Таким образом, данное экспертное заключение послужило одним из основных средств выявления и раскрытия совершенного К. мошенничества.

Еще одним типичным видом экспертиз, проводимых при расследовании мошенничества в сфере автострахования, является судебно-трасологическая экспертиза.

Производство судебно-трасологической экспертизы направлено на исследование следов на транспортных средствах и месте ДТП. Как обоснованно указывает Р.К. Гитинов, судебно-трасологическая экспертиза направлена на установление механизма ДТП путем исследования следов и позволяет определить траекторию, скорость и характер движения транспортных средств, как в момент столкновения, так и после него, вплоть до полной остановки ТС[3].

Объекты исследования судебно-трасологической экспертизы являются идентичными объектам, предоставляемым для производства автотехнической экспертизы.

При проведении судебно-трасологической экспертизы по указанной категории дел перед экспертом, в первую очередь, ставится вопрос: Могли ли повреждения на автомобилях образоваться в ходе вышеуказанного ДТП при обстоятельствах, заявленных участниками ДТП?

Так, приговором Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону [4] М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 3 ст. 159.5 УК РФ – мошенничества в сфере страхования в крупном размере.

Способ совершения преступления был типичным: М. совершил инсценировку ДТП с участием принадлежавшего ему автомобиля, путем подлога документов незаконно получил страховой возмещение, чем причинил страховой организации ущерб в крупном размере. В ходе расследования уголовного дела была назначена судебно-трасологическая экспертиза. Перед экспертом был поставлен вопрос: Могли ли повреждения на автомобилях образоваться в ходе вышеуказанного ДТП при обстоятельствах, заявленных участниками ДТП?

Экспертом было проведено исследование контактирующих поверхностей транспортных средств, участвовавших в ДТП. В экспертном заключении указывалось на то, что сопоставление и совмещение повреждений автомобилей «П.» и «ГАЗ» позволяют говорить о том, что указанные повреждения не могли быть образованы как при заявленных участниками обстоятельств происшествия, так и при иных обстоятельствах, так как расположение контактирующих поверхностей в указанном случае не соответствует друг другу, в том числе, по направлению динамического воздействия и по расположению относительно опорной поверхности. На основании этого, экспертом был сделан вывод о том, что все обнаруженные и зафиксированные повреждения на автомобиле «П.» не могли быть получены в результате ДТП.

Производство автотехнической и судебно-производственной экспертиз, в большинстве случаев, позволяет установить, были ли повреждения транспортных средств получены при ДТП, указанном в материалах дела и, следовательно, зафиксировать содержание умышленных действий лиц, направленных на фальсификацию обстоятельств ДТП и незаконное получение страхового возмещения.

Как указывает А. Колмыков [1], опыт экспертной практики показывает, что производство именно автотехнических и трасологических экспертиз позволяет успешно бороться с таким видом мошенничества, как фальсификация и инсценировка дорожно-транспортных происшествий с целью получения незаконных выплат от страховых организаций, или свести их к минимуму.

Проведенное нами изучение правоприменительной практики показывает, что наряду с проанализированными выше видами судебными экспертизами по данным уголовным делам, как правило, назначается почерковедческая экспертиза. В

качестве объектов исследования выступают подписи и рукописные записи в административном материале (схема ДТП, объяснительные участников ДТП и очевидцев, подписи свидетелей-понятых в материалах дела) и в материалах страхового дела (заявление о страховой выплате, о наступлении страхового случая и др.)

Почерковедческая экспертиза позволяет установить факт фальсификации страхового случая, в совокупности с иными доказательствами по делу, когда, например, в схеме ДТП в качестве понятых расписались иные лица.

Подводя итог, отметим, что назначение и производство типичных судебных экспертиз по уголовным делам о мошенничествах в сфере автострахования позволяет, в подавляющем большинстве случаев, выявлять и раскрывать факты преступных инсценировок и пресекать мошеннические посягательства. Укажем также, что научное обеспечение данного направления судебно-экспертной деятельности постоянно совершенствуется.

Хотим подчеркнуть, что помимо типичных экспертиз по делам о мошенничестве в сфере автострахования практике известны случаи назначения таких видов экспертиз, как экспертиза маркировочных обозначений, технико-криминалистическая экспертиза документов, судебно-медицинская, пожарно-техническая, фоноскопическая, фототехническая экспертизы, экспертиза видеоматериалов и некоторые иные.

В целях успешной организации расследования уголовных дел о преступлениях в сфере автострахования, необходимо широко применять возможности различных видов экспертиз, которые позволяют решить комплекс ключевых для расследования задач и в совокупности с иными доказательствами должны быть положены в основу судебных решений.

Литература:

1. Колмыков А. Автотехническая экспертиза / А. Колмыков // ЭЖ-Юрист. 2006. № 14. С. 33–34.
2. Приговор Благовещенского гарнизонного военного суда от 15.09.2017 года по делу № 1-41/2017 // Сайт судебных решений «РосПравосудие». URL : <https://inlnk.ru/be32z> (дата обращения 30.03.2021).
3. Гитинов Р.К. Особенности назначения и производства экспертиз по делам о мошенничестве в сфере автострахования / Р.К. Гитинов // Российский следователь. 2017. № 19. С. 24.
4. Приговор Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 1-388/2015 от 24 февраля 2016 г. // Сайт судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/GSXzXSdu8vL4/> (дата обращения 30.03.2021 года).

Literature:

1. Kolmykov A. Autotechnical expertise / A. Kolmykov // EZH-Yurist. 2006. № 14. P. 33–34.
2. The verdict of the Blagoveshchensk garrison military Court of 15.09.2017 in case № 1-41/2017 // Website of judicial decisions «RosPravosudie». URL : <https://inlnk.ru/be32z> (date of application 30.03.2021).
3. Gitinov R.K. Features of the appointment and production of expert examinations in cases of fraud in the field of auto insurance / R.K. Gitinov // A Russian investigator. 2017. № 19. P. 24.
4. The verdict of the Kirovsky District Court of Rostov-on-Don in case № 1-388 / 2015 of February 24, 2016 // Website of judicial decisions «Judicial and regulatory acts of the Russian Federation». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/GSXzXSdu8vL4/> (date of application 30.03.2021).

Боровских Роман Николаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и процесса,
Сибирский институт управления РАНХиГС,
профессор кафедры уголовного права
и национальной безопасности,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления
borovskih80@yandex.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kurlak09@rambler.ru

**ПРОБЛЕМЫ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
СТАТЕЙ 159.1–159.6 УК РФ**

Аннотация. Обобщение практики применения норм уголовного законодательства РФ об ответственности за преступления, предусмотренные статьями 159.1–159.6 УК РФ, теоретико-прикладной анализ полученных результатов свидетельствуют о существовании серьезных проблем уголовно-правовой квалификации рассматриваемых преступных деяний. В статье авторы рассматривают проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159.1–159.6 УК РФ, высказывают мнение относительно эффективности применения указанных правовых норм.

Ключевые слова: мошенничество, специальные виды мошенничества, проблемы квалификации, уголовная политика.

Roman N. Borovskih

Doctor of Law,
Assistant Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Process,
Siberian Institute of Management RANEPА,
Professor of the Department of Criminal Law
and National Security,
Novosibirsk State University
of Economics and Management
borovskih80@yandex.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Head of Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
daniilzykov@mail.ru

Sergey A. Semyonov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
kurlak09@rambler.ru

**PROBLEMS
OF EFFECTIVE APPLICATION
OF ARTICLES 159.1–159.6
OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. Generalization of the practice of applying the norms of criminal law of the Russian Federation on responsibility for crimes provided by Articles 159.1–159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, the theoretical and applied analysis of the results show the existence of serious problems of criminal qualifications of the criminal acts in question. In the article, the authors consider the problems of criminal-legal qualification of crimes under Articles 159.1–159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, express their opinion on the effectiveness of the application of these legal norms.

Keywords: fraud, special types of fraud, qualification problems, criminal policy.

Обобщение практики применения норм уголовного законодательства РФ об ответственности за преступления, предусмотренные статьями 159.1–159.6 УК РФ, теоретико-прикладной анализ полученных результатов свидетельствуют о существовании серьезных проблем уголовно-правовой квалификации рассматриваемых преступных деяний.

Вышеуказанные проблемы обуславливаются как системными недочетами нового института УК РФ об ответственности за самостоятельные виды мошенничества, так и недостатками юридической техники отдельно взятых положений данного института.

Основным негативизмом системно-правового характера следует признать рассогласованность положений, закрепленных в статьях 159.1–159.6 УК РФ, что находит выражение, в частности:

1) в отсутствии единых критериев классификации «новых» видов мошенничества (в одном случае таковым выступает мошенничество в сфере экономической деятельности (ст. 159.1, 159.4, 159.5 УК РФ), в другом – средства или способ совершения преступления (ст.ст. 159.3, 159.6 УК РФ), в третьем – предмет преступления (ст. 159.2 УК РФ);

2) в искусственной «привязке» признаков составов «новых» видов мошенничества к признакам родовых понятий «мошенничество» и «хищение» (так, признаки мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), которое определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, могут оказаться трудно сочетаемыми с таким признаком мошеннического обмана как введение физического лица в заблуждение, а также с материальным признаком предмета хищения);

3) в дублировании отдельных положений УК РФ (например, нормы об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежей (ст. 159.3 УК РФ) способны дублировать положения об ответственности за мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.2 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6) и др.);

4) в неадекватном определении степени общественной опасности рассматриваемых деяний, что отражается на сбалансированности законодательно установленных пределов наказуемости преступлений, предусмотренных статьями 159 и 159.1–159.6 УК РФ.

Системная рассогласованность положений института УК РФ об ответственности за самостоятельные виды мошенничества, приводит к существованию трудноразрешимых проблем конкуренции норм, закрепленных в статьях 159.1–159.6 УК РФ, как между собой, так при отграничении от

смежных преступлений (предусмотренных, в частности, статьями 158, 159, 176, 183, 187, 198–199.1, 272, 273, 274 УК РФ).

Анализ судебно-следственной практики указывает на наличие недостатков юридической техники отдельно взятых положений института УК РФ об ответственности за самостоятельные виды мошеннических посягательств, что обуславливает ряд проблем уголовно-правовой квалификации данных преступных деяний.

Статья 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования» предусматривает ответственность за хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Закон не формирует четкого представления об отличии таких способов данного преступления, как «представление заведомо ложных сведений» и «представление недостоверных сведений».

При расследовании уголовных дел рассматриваемой категории обнаруживают себя проблемы квалификации действий лиц, которые организовали получение кредитов в коммерческих банках по подложным документам. Состав преступления, предусмотренного статьей 159.1 УК РФ, содержит указание на специального субъекта преступления, коим признается заемщик. Сущность данного понятия в уголовном законодательстве не раскрывается.

Гражданское законодательство определяет в качестве заемщика исключительно лицо, являющееся стороной договора займа либо кредитного договора. В ряде случаев совершения рассматриваемых преступлений заемщики (лица, непосредственно заключающие договоры) действуют в соучастии с иными лицами, которые могут выступать в роли подстрекателей (подыскивают потенциальных заемщиков), пособников (представляют подложные документы) либо соисполнителей (вводят сотрудников банка в заблуждение). В подобных случаях актуальными являются проблемы квалификации действий виновных лиц при установлении их юридической роли, вменении соответствующего квалифицирующего признака рассматриваемого преступления (совершенного группой лиц по предварительному сговору), а также юридическая оценка действий лиц по статьям 159.1 либо 159 УК РФ.

Статья 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат» предусматривает ответственность за хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно, путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Закон не определяет сущность понятия «выплата», в результате чего отсутствует четкое представление о том, могут ли предметом

данного преступления выступать социальными пособиями, выделяемые в натуральной форме (например, автомобиль для перевозки инвалида и т.п.).

Мониторинг судебно-следственной практики показывает, что подавляющее большинство уголовных дел расследуется по фактам хищений средств материнского (семейного) капитала путем «обналичивания», а также, путем сообщения заведомо ложных сведений для получения сертификата (о рождении ребенка, сокрытие факта лишения родительских прав и т.п.).

Среди правоприменителей нет единства мнений относительно привлечения к уголовной ответственности лиц, которые имеют законные основания на получение средств материнского (семейного) капитала, но прибегают к различным схемам фальсификации документов для «обналичивания» данных средств. В ряде случаев такие действия квалифицируются по статье 159.2 УК РФ, в других – по статье 159 УК РФ. Это связано с неясностью признаков субъекта преступления, предусмотренного статьей 159.2 УК РФ (общий либо специальный субъект преступления).

Статья 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежей» предусматривает ответственность за хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

Практика испытывает некоторые сложности, связанные с разрешением конкуренции норм, предусмотренных статьями 159.3, 158 и 159 УК РФ. Состав преступления, предусмотренный статьей 159.3 УК РФ, характеризуется предметом его совершения – поддельной или принадлежащей другому лицу платежной картой. Использование платежных карт с целью хищения имущества надлежит квалифицировать по рассматриваемой статье лишь в тех случаях, когда преступник путем обмана или злоупотребления доверием ввел в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации. В случае хищения денежных средств без участия уполномоченного работника кредитной организации такие действия виновного лица следует квалифицировать как кражу (ст. 158 УК РФ) либо как мошенничество (ст. 159 УК РФ).

Статья 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования» предусматривает ответственность за хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно, размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

В основном, данную категорию уголовных дел составляют хищения денежных средств страховых организаций в рамках договорных отношений ОСАГО и КАСКО.

Закон не содержит четкого указания на специального субъекта мошенничества в сфере

страхования, коими на практике могут выступать страхователь, выгодоприобретатель, застрахованное лицо, страховой агент, сотрудники, в том числе, руководители подразделений, страховых организаций и другие лица. Данное обстоятельство порождает сложности, связанные с квалификацией мошеннических действий различных участников отношений страхования по статьям 159.5 и 159 УК РФ, а также, при квалификации по статье 159.5 УК РФ преступлений, совершенных в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы.

Кроме этого, законодателем не сформулированы четкие параметры разграничения преступлений, предусмотренных статьями 159.5 и 159.2 УК РФ (например, при совершении мошеннических посягательств, предметом которых выступают денежные средства в виде социальных выплат, компенсаций, пособий, выделяемых из бюджетных и внебюджетных фондов, формируемых посредством механизмов социального страхования).

Статья 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» предусматривает ответственность за хищение или приобретение права на чужое имущество, сопряженное с преодолением компьютерной защиты имущества и осуществляется путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Ранее, при совершении данных преступлений, действия виновных лиц, как правило, квалифицировались по совокупности статей 272 либо 273 и 158 или 159 УК РФ. В настоящее время, уничтожение, блокирование и модификация компьютерной информации, то есть, действия, указанные в диспозициях норм статей 272 и 273 УК РФ, если они совершены с целью хищения чужого имущества, охватываются диспозицией статьи 159.6 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют.

Перечисленные выше проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьями 159.1–159.6 УК РФ, позволяют сформулировать ряд предложений по устранению возникающих при этом вопросов.

1. Необходимо провести более четкое определение пределов действия рассматриваемых уголовно-правовых норм. Прежде всего, это востребовано практикой для целей отграничения преступлений, предусмотренных статьями 159.1–159.6 УК РФ, как между собой, так и от смежных преступлений.

В частности, видится возможной законодательная корректировка дефинитивного оформления диспозиций указанных норм в той части, которая касается установления сферы их практического применения (например, при описании признаков мошенничества в сфере страхования, следует сделать указание на применение/неприменение данной нормы при совершении мошеннических посягательств в сфере обязательного меди-

цинского, пенсионного и иного социального страхования).

2. В отдельных случаях (ст.ст. 159.1, 159.2, 159.5 УК РФ) требуется уточнить содержание отдельных признаков составов рассматриваемых преступлений (непосредственного объекта и предмета преступления, способа совершения преступления, специального субъекта преступления).

3. Для целей правильной квалификации преступлений, предусмотренных статьями 159.1, 159.5, следует определить условия квалификации данных преступлений при их совершении в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы.

4. На официальном уровне важно сформулировать разъяснения относительно правил квалификации преступления, предусмотренного статьей 159.6 УК РФ, по совокупности с иными «сопутствующими» преступлениями.

5. Целесообразно рассмотреть вопрос о сбалансированности пределов наказуемости преступлений, предусмотренных статьями 159.1–159.6 УК РФ, и преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ.

На основании вышеизложенного, представляется возможным выразить мнение относительно эффективности применения положений УК РФ, предусмотренных статьями 159.1–159.6 УК РФ, в целях исключения возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования.

Литература:

1. *Боровских Р.Н.* Современное состояние института уголовной ответственности за мошенничество / Р.Н. Боровских, Д.А. Зыков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10.
2. *Шеслер А.В.* Проблемы квалификации мошенничества / А.В. Шеслер // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2013. № 1.

Законодателем предпринята попытка провести четкую грань между, так называемым, «бытовым» мошенничеством общеуголовного характера и интеллектуальными видами мошеннических посягательств в сфере бизнеса. Центральная идея данных законодательных новаций – в нейтрализации возможностей использования положений УК РФ об ответственности за преступления в сфере экономики в качестве коррупционного инструмента разрешения хозяйственных споров, «рычага» давления при незаконном перераспределении собственности.

В целом, замысел законодателя представляется возможным оценить положительно. Анализ современных уголовно-политических реалий в России, тенденций развития организованной преступности и иных параметров актуальной криминологической ситуации, а также, нормативно закреплённый приоритет мер антикоррупционной профилактики, имеющийся позитивный опыт законодательства развитых зарубежных стран (Германия, Голландия, Греция, Швейцария, Польша, Дания, Австрия, Китай) позволяют заключить о целесообразности рассматриваемых законодательных решений и необходимости коррекции на их основе соответствующей правоприменительной практики.

Однако степень эффективности применения положений УК РФ, предусмотренных статьями 159.1–159.6 УК РФ, в рассматриваемом направлении, представляется возможным оценить, как недостаточную, что обусловливается системными недочётами института УК РФ об ответственности за самостоятельные виды мошенничества, так и недостатками юридической техники отдельных взятых положений данного института.

Literature:

1. *Borovskikh R.N.* Modern state of the Institute of criminal responsibility for fraud / R.N. Borovskikh, D.A. Zykov // Humanities, socio-economic and Social Sciences. 2020. №10.
2. *Shesler A.V.* Problems of fraud qualification / A.V. Shesler // Bulletin of Vladimir law Institute. 2013. № 1.

Веселов Валерий Владимирович

аспирант кафедры
уголовного права и уголовного процесса
юридического факультета,
Забайкальский
государственный университет
paper@lenta.ru

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
СОБСТВЕННОСТИ, СВЯЗАННЫХ
С ХИЩЕНИЕМ, КРАЖЕЙ
И МОШЕННИЧЕСТВОМ**

Аннотация. Категория «имущество» не в полном объеме отражает характеристику кражи, так как в соответствии со ст. 128 ГК РФ, имущество – это предметы материального мира, в которые был вложен человеческий труд и имеют денежное выражение. В качестве предмета кражи могут выступать предметы, которые не являются производством человеческого труда, но которые изъяты из гражданского оборота и находятся на участке земли частного лица. Конституционное право граждан на неприкосновенность жилища является дополнительным непосредственным объектом кражи, которая была совершена путем проникновения в жилище.

Ключевые слова: кража, хищение, право владения, собственность, квалификация преступлений, материальный ущерб.

Н аличие объективного и субъективного признака определяет тайность хищения. Объективным фактором кражи является способ тайного хищения чужого имущества. Объективным признаком кражи является отношение иных лиц к совершенному хищению.

Хищение является тайным, если очевидцы не могли предположить, что данные действия могут являться хищением в силу психического слабости, сильного опьянения, малолетнего возраста или сна.

Любое обращение чужого имущества в личное владение виновного всегда проводится в независимости от воли потерпевшего.

В соответствии с ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицирующие признаки кражи это [4]:

- кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение;
- кража с причинением значительного ущерба;

Valery V. Veselov

Postgraduate Student of the Department
Criminal Law and Criminal Procedure
Faculty of Law,
Transbaikal State University
paper@lenta.ru

**PROBLEMS OF CHARACTERIZATION
OF CRIMES AGAINST PROPERTY
RELATED TO THEFT, THEFT AND FRAUD**

Annotation. The category of property does not fully reflect the characteristics of theft, since in accordance with Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, property – is objects of the material world in which human labor was invested and have monetary value. The object of theft may be items that are not the production of human labor, but which are withdrawn from civil circulation and are located on a plot of land of a private person. The constitutional right of citizens to inviolability of the home is an additional direct object of theft, which was committed by entering the home.

Keywords: theft, theft, right of ownership, property, qualification of crimes, material damage.

– кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору;

– кража, совершенная из ручной клади или одежды потерпевшего.

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ, уголовная ответственность группы лиц за кражу наступает после предварительной договоренности, когда один из них осуществляет кражу имущества [2].

Распределение ролей соучастников кражи будет являться соисполнительством, которое направлено на оказание содействия в совершении кражи, которой, в свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 34 УК РФ, не требуется дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ.

Пособничеством, в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ, является содействие в совершении преступления путем оказания помощи посредством предоставления советов, указаний, либо заблаговременных обещаний, связанных с сокрытием следов, устранения препятствий.

Лицо, принимающее участие в совершении кражи вместе с другими лицами, но которое не состояло с ними в предварительном сговоре, несет уголовную ответственность исключительно только за те действия, которые были совершены именно им.

Противоправное вторжение в помещение с целью совершения кражи будет являться незаконным проникновением. Но кража может совершаться без вхождения в помещение, а осуществляться посредством различных приспособлений и механизмов. От того, правомерно ли лицо, совершившее кражу, находилось в помещении, зависит наличие или отсутствие признака незаконного проникновения.

Незаконное проникновение в помещение путем взлома решеток, замков и дверей, необходимо квалифицировать, согласно ст. 158 УК РФ, дополнительной квалификации ст. 167 УК РФ в данном случае не требуется. Дополнительно по данной статье будут квалифицироваться деяния, направленные на умышленное уничтожение имущества, которые на относятся к предметам хищения (например, бытовая электроника, вещи, мебель и т.п.) [5].

При квалификации судами действий лиц, совершивших преступления по признакам причинения значительного ущерба гражданам, необходимо руководствоваться примечанием 2 к ст. 158 УК РФ, учитывая при этом, что сумма значительного ущерба составляет не менее 5000 рублей, а максимальный размер определяется с учетом его материального положения. При определении стоимости украденного имущества в судах, учитывается его значение для потерпевшего, материальное положение, а также и другие факторы, наличие иждивенцев в семье и совокупный размер дохода.

Пункт «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ – ответственность за кражу совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади потерпевшего. Кража из сумки, одежды или ручной клади свидетельствует о высокой общественной опасности преступления, так, кража происходит из вещей (куртки или другой ручной клади, барсетки, клатча и. т.п.), которые находились при потерпевшем.

В соответствии с ч. 3 ст. 158 УК РФ, определены особо квалифицирующие признаки кражи:

- а) кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище;
- б) кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода;
- в) кража, совершенная в крупном размере.

В соответствии со ст. 139 УК РФ – жилищем является индивидуальный жилой дом с входящими в него нежилыми и/или жилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, пригодное для постоянного или временного проживания, которое включено в жилищный фонд, а равно, иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

В том случае, если лицо признано виновным в совершении хищения путем проникновения в чужое жилище, дополнительной квалификации по статье 139 УК РФ не требуется, так как данное действие уже является квалифицирующим признаком хищения.

Понятия «нефтепровод», «нефтепродуктопровод», «газопровод» в нормативно-правовых документах уголовного законодательства РФ не уточнено. Все это – система транспортировки нефтепродуктов и газа до потребителя посредством трубопроводных сооружений. В соответствии с решением Пленума Верховного Суда от 2002 года, совершение хищения нефтепродуктов и газа из трубопровода путем врезки необходимо квалифицировать по совокупности совершенных преступлений в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215.3 УК РФ.

Крупным размером кражи будет являться похищенное имущество, стоимостью более 250000 рублей. Оценочная стоимость имущества определяется в соответствии со среднерыночными ценами на определенный вид товара, который складывается в определенном субъекте РФ на момент совершения преступления. Оценку стоимости имущества дает товароведческая экспертиза, учитывающая его состояние и товарный вид с точки зрения износа и амортизации.

В том случае, когда оценочная стоимость отсутствует в виду невозможности оценки имущества, цену стоимости товара определяют эксперты. Стоимость определяется судом на основании фактических расходов, понесенных на приобретение, производство вещи [6].

В соответствии с ч. 4 ст. 158 УК РФ, определены особо квалифицирующие признаки совершения кражи:

- а) кража, совершенная организованной группой;
- б) кража, совершенная в особо крупном размере.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ под организованной группой понимается устойчивая группа лиц, которая объединилась для совершения различных преступлений. Организованная группа, в отличие от группы лиц, имеет в своем распоряжении заранее договорившихся членов группы для совместного совершения преступления, наличия в ней руководителя (организатора), а также, составленного заранее плана с распределением функций каждого из члена организованной группы на всех этапах подготовки и совершения преступления [8].

Особо крупным размером кражи будет являться имущество стоимостью больше 1000000 рублей (примечание 4 к ст. 158 УК РФ).

В соответствии со статьей 159 УК РФ, «материнский состав» мошенничества может охватывать несколько общественно опасных деяний, касающихся хищения или приобретения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Как раз, именно обман и злоупотребление

доверием являются основным критерием отличия мошенничества от других преступлений против собственности. Статьи 159.1–159.6 УК РФ являются производными от общего «материнского состава» статьи 159 УК РФ, отличающиеся по способу совершения преступления, предмету посягательства или пострадавшему. Если отсутствует хоть один из признаков преступления по статье 159.1–159.6 УК РФ, лицо за совершенное мошенничество будет нести ответственность согласно норме статьи 159 УК РФ. Согласно ст. 159.1–159.6 УК РФ, мошенничество представлено в виде приобретения права на чужое имущество путем хищения, за исключением статьи 159.3 – «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» и статьи 159.6 – «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Мошенничество в виде получения права проживания в квартире не будет являться мошенничеством в форме приобретения права на имущество. Данное деяние необходимо квалифицировать согласно статье 165 УК РФ, так как приобретение права на имущество будет окончено с момента получения права распоряжаться имуществом, причиняя ущерб владельцу.

Переход права на имущество обязательно должен быть документально зафиксирован в различных реестрах, так как это дает возможность лицу распоряжаться имуществом [7].

Уникальность мошенничества заключается в том, что владелец добровольно отчуждает имущество и передает его преступнику.

Обман, как способ хищения или приобретения права на чужое имущество, заключается в предоставлении ложных сведений, в умолчании об истинных фактах, в других умышленных действиях, направленных на введение в заблуждение владельца имущества или иного лица [9].

К ложным сведениям, сообщаемым мошенником, относятся любые сведения, юридические факты, события или полномочия.

Обман, направленный на облегчение доступа к чужому имуществу, а не на завладение им, должен квалифицироваться по статье 158 или 161 УК РФ в зависимости от способов хищения.

Злоупотребление доверием при совершении мошенничества будет являться использование доверительных отношений в корыстных целях с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества. Оно может быть обусловлено служебными или личными отношениями.

Мошенничество будет признано оконченным, когда имущество поступает в незаконное владение виновных лиц, и они получают возможность пользоваться и распоряжаться им. При хищении безналичных денежных средств, электронных денежных средств, преступление будет считаться оконченным после снятия денег со счета.

Мошенничество, совершенное в форме приобретения права на чужое имущество, можно считать

оконченным с момента регистрации, заключения договора или, другими словами, возникновения юридических оснований для вступления в законную силу права владеть и распоряжаться имуществом.

В качестве субъекта мошенничества выступает физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона выражена корыстной целью и прямым умыслом.

Статья 159 УК РФ предусматривает следующие квалифицирующие признаки:

– преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 159 УК РФ);

– преступление, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3 ст. 159 УК РФ);

– преступление, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ);

– преступление, сопряженное с пред намеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба, совершенное в крупном и в особо крупном размере (ч. 5, 6, 7 ст. 159 УК РФ).

Под действие ч. 5–7 ст. 159 УК РФ подпадают все случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда в качестве сторон договора выступают коммерческие организации или индивидуальные предприниматели.

Значительным ущербом, в соответствии с ч. 5 ст. 159 УК РФ, является ущерб, составляющий не меньше 10000 рублей. Крупным размером, согласно ч. 6 ст. 159 УК РФ, является стоимость, превышающая 3000000 рублей. Особо крупным размером, согласно ч. 7 ст. 159 УК РФ, признается стоимость имущества более 12000000 рублей.

При совершении мошенничества, под лицами, использующими свое служебное положение, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, муниципальных или государственных служащих, которые не являются должностными лицами, и других лиц, предусмотренных примечанием 1 к ст. 201 УК РФ.

При анализе квалифицирующего признака лишения права на жилое имущество необходимо знать, что речь идет о не фактическом лишении жилого имущества, а о лишении права на него.

Объективные и субъективные признаки составов мошенничества «специализированных» типов почти всегда совпадают с «материнским» (ст. 159 УК РФ.), но иногда специфическим элементам этих составов необходимы пояснения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // «Собрание законодательства РФ». 17.06.1996. № 25. Ч. 1. Ст. 2. Ч. 2. Ст. 8.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 14.06.2012) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. П. 4. Ст. 212.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 18.03.2019 № 34-ФЗ).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018).
6. *Иванов Н.Г.* Парадоксы уголовного закона / Н.Г. Иванов // Государство и право. 1998. № 3. С. 53.
7. *Винокуров В.* Право на имущество и имущественное право, как способы описания предмета преступления против собственности / В. Винокуров // Уголовное право. 2011. № 11. С. 35.
8. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: Комментарий / Под ред. Г.М. Резника. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 26–30.
9. Обзорной судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.10.2018).

Literature:

1. The Constitution of the Republic of the Russian Federation (adopted by the plan by popular vote on 12.12.1993) (with bibliographic account of the amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation № 6-FKZ of 30.12.2008, № 7-FKZ of 30.12.2008). 26.01.2009. № 4.
2. Criminal Municipal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 04.03.2013) // Collection of the Russian Federation Legislation Agency. 17.06.1996. № 25. Part 1. Article 2. Part 2. Art. 8.
3. Additional civil code of the Russian Federation considers (part convicted of second) from 26.01.1996 № 14-FZ (as amended on 14.06.2012) // Sobranie onctwo legislation of the Russian Federation". 29.01.1996. № 5. Paragraph 4. Art. 212.
4. Civil Code of the Russian Federation № 51-FZ of November 30, 1994 (as amended by № 34-FZ of 18.03.2019).
5. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 12.11.2018).
6. *Ivanov N.G.* Paradoxes of the criminal law / N.G. Ivanov // State and Law. 1998. № 3. P. 53.
7. *Vinokurov V.* The right to property and property law, as ways of describing the subject of a crime against property / V.Vinokurov // Criminal law. 2011. № 11. P. 35.
8. The practice of applying the Criminal Code of the Russian Federation: Commentary / Edited by G.M. Reznik. M. : Volters Kluwer, 2005. P. 26–30.
9. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2013 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 4, 2014) // SPS «ConsultantPlus» (date of application 02.10.2018).

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ И МЕРЫ ПО ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

DETERMINANTS OF SEXUAL VIOLENCE AND MEASURES TO NEUTRALIZE IT

Аннотация. В статье рассмотрены детерминанты сексуального насилия и предложены меры по ее нейтрализации. Кроме того, в ней показано значение криминологического прогноза личности потенциального сексуального преступника и его поведения, который является важным элементом индивидуальной профилактики сексуальных преступлений. Основываясь на нем можно сделать предположения, а из них - выводы о необходимости принятия не карательных мер (социальных, психологических, медицинских и т.п.) в отношении того вида правонарушений.

Annotation. The article examines the determinants of sexual violence and suggests measures to neutralize it. In addition, it shows the importance of criminological prognosis of the personality of a potential sexual offender and his behavior, which is an important element of individual prevention of sexual crimes. Based on it, you can make assumptions, and from them conclusions about the need to take non-punitive measures (social, psychological, medical, etc.).

Ключевые слова: криминология, виктимология, сексуальное насилие, криминологическое прогнозирование, профилактика сексуального насилия.

Keywords: criminology, victimology, sexual violence, criminological forecasting, prevention of sexual violence.

Криминологическое прогнозирование определяется как процесс научного предсказания изменений тенденций, количественных и качественных характеристик сексуально-насильственной преступности, ее детерминант, типологий личности преступника, деятельности по предупреждению таких преступлений в будущем, а также – перспектив развития самой криминологической науки. Следовательно, прогнозирование сексуального насилия – это попытка проникнуть в будущее состояние указанного комплексного явления.

Некоторые авторы сходятся в мнении о том, что, все же, более точным является метод моделирования, который предполагает прогнозирование количественных характеристик сексуально-насильственной преступности, отражающий ее зависимость от воздействия социально-экономических, политических, идеологических, правовых и других факторов.

Известно, что в криминологическом прогнозировании используются определенные методы. С. Иншаков выделяет среди них методы экстраполяции, экспертных оценок и моделирования [1].

Практическое значение криминологического прогнозирования состоит в обеспечении целенаправленной деятельности по борьбе с сексуальной преступностью, выборе адекватных средств противодействия. Проявления криминогенных качеств в виде «спящей» сексуальной агрессивности (она есть у каждого человека в минимальных процентах в нормальной жизни), которые превышают «нейтральный» уровень и могут, при определенных условиях, привести к реализации агрессивного нападения, то есть, спрогнозировать вероятность совершения определенным лицом преступления сексуального характера. С.В. Лаврухин подчеркивает, что если криминогенных качеств не больше трех, прогноз должен быть осторожным – «сексуальное преступление маловероятно». Если от 3-х до 10-ти, то «сексуальное преступление вероятно». При установлении более 10-ти криминогенных признаков – «сексуальное преступление достаточно вероятно» [4].

Сущность метода экстраполяции по определению Т. Варчук, заключается в сравнении прошлого и настоящего состояний исследуемого объекта и переносе в будущее выявленных закономерностей его развития [2]. В. Новичков считает, что прогноз, основанный на экстраполяции, не учитывает некоторые существенные объективные и субъективные факторы, в связи с чем, в разработанные прогнозы необходимо внести определенные коррективы [3].

В целом, прогноз преступного сексуального насильственного поведения базируется на установлении принадлежности (или непринадлежности) признаков конкретному лицу к указанным моделям. Поэтому прогнозирование возможного преступного поведения позволяет своевременно предотвратить сексуальное преступление, в чем, по нашему мнению, его главное социальное значение.

Итак, прогноз личности потенциального сексуального преступника и его поведения является важным элементом индивидуальной профилактики сексуальных преступлений и, основываясь на нем, можно сделать предположения, а из них – выводы о необходимости принятия не карательных мер (социальных, психологических, медицинских и т.п.).

Предупреждение сексуальных преступлений заключается в существенном ограничении проявлений или в устранении криминогенного объекта на микроуровне. Поэтому система индивидуального предупреждения насильственных преступлений, совершаемых на сексуальной почве, должна строиться, исходя из специфики криминогенных межличностных конфликтов. В большинстве случаев, конфликты, приводящие к совершению сексуальных насильственных преступлений, развиваясь во времени, проходят последовательные стадии:

- а) передконфликтную;
- б) конфликтное взаимодействие;
- в) разрешение конфликта.

Каждая из этих стадий отличается степенью эмоционально-психологического напряжения, динамикой развития событий, поведением участников, этапом возникновения, осознанием и реализацией преступной решимости. Поэтому этапы конфликтного цикла совпадают со следующими стадиями развития преступного посягательства:

- а) возникновение преступного намерения;
- б) приготовление и покушение на преступление;
- в) окончание преступления.

Поэтому предотвратить преступное посягательство необходимо на стадии разрешения криминогенного конфликта. Индивидуальная профилактика предшествует названным этапам конфликтного цикла и должна осуществляться на передконфликтной стадии, когда только появляется предмет конфликта и зарождается мотивация.

В профилактическом плане ликвидация (нейтрализация) факторов, способных вызвать мотивы совершения сексуальных приступов, ведет к внутренней перестройке потенциального нападающего и изменению его поведения, в котором сведена к минимуму возможность активации агрессивного компонента, имеющего решающее значение для реализации приступа.

С этой целью изучение детерминант целесообразно проводить на двух уровнях:

- 1) на уровне факторов, которые непосредственно касаются дефектов социализации личности и формирования ее агрессивно-сексуальных свойств;
- 2) на уровне внутреннего процесса мотивации и решении совершить преступление.

Они оба равны, отдельно или в комбинации, обусловлены социальными и естественными особенностями лица (генно-биологические последствия). Для этого нужна доктрина целенаправленной сексуальной политики, которая позволила бы изменить нормативно-репрессивные структуры традиционных форм социальности и государственности, способствовала бы изгнанию из политических институтов и культурных форм духа репрессивности [5].

Активное противодействие сексуальному насилию вызывает потребность в использовании возможности моделирования совершения преступления и преступного поведения, составлении психологического портрета сексуального преступника. Психологический портрет представляет собой систематизированный, составленный по определенной схеме перечень важной психологической информации о личности сексуального преступника.

Основная предпосылка, на которой базируется метод «психологического профиля (портрета)», заключается в создании виртуального описания, отражающего существенные для характеристики личности и поведения преступника признаки. Теоретическая основа этого метода базируется на утверждении, что личность преступника проявляется в его поведении, а сущность заключается в том, что на основе полученных данных составляют примерное описание преступника, в котором указывается прогнозируемый возраст, раса, пол, семейное положение, служебный статус, сексуальная зрелость, психосексуальная ориентация, криминальное прошлое, взаимоотношения с жертвой, вероятность совершения преступления в будущем. Особое место в реализации программы моделирования социально-психологического портрета предполагаемого сексуального преступника занимают вопросы определения пространственного расположения преступника, то есть, определение тех мест, где он может проживать или где он может совершить новое преступление [6].

Задача составления психологического «профиля личности» заключается в том, чтобы на основе анализа преступной деятельности сделать выводы о психологических особенностях преступника, определив предварительно его личностные характеристики.

Методика разработки профилей преступников, совершающих сексуальные преступления, остается малоизученной и недостаточно используется правоохранительными органами в борьбе с сексуальной насильственной преступностью [7].

Российская автоматизированная экспертная система «Маньяк» содержит пять типологических групп сексуальных преступников с постоянными криминально значимыми признаками:

- 1) лица с болезненными расстройками;
- 2) лица с отклонениями в сексуальной сфере;
- 3) атипичные маньяки;
- 4) несовершеннолетние лица, которые в основном могут действовать в группе.

Учитывая то, что серийный сексуальный убийца никогда не останавливается по собственной внутренней «команде», две последние группы из названных типов представляют наиболее существенные сложности в разоблачении преступника и в раскрытии преступления.

Нейрофизиологические исследования подтвердили верность концепций, согласно которым, у млекопитающих и у человека имеются в области лимбической системы мозга пункты, которые под воздействием электрического тока способны создавать агрессивные реакции. Эти пункты представляют собой элементы специализированной анатомно-функциональной системы, которая генерирует агрессивно-оборонительное поведение и способна импульсивно возбуждаться и разряжаться. Но, имея конкретный повод для разрядки, она перевозбуждается. В результате, возникает возможность всплеска агрессивности по любому поводу.

Возвращаясь к проблеме формирования мотивации девиантного поведения как основного фактора в детерминации сексуальных преступлений, отметим, что соотношение между производными базовыми мотивациями и побуждениями, из которых они возникают (сексуальные), носит исторический характер, а не непрерывный или функциональный. Поэтому от мотивации, все же, стоит отличать мотивирование, то есть, высказывания, оправдывающие то или иное действие путем указания на объективные и субъективные обстоятельства, побудившие личность к уголовному поступку. Мотивировки могут не совпадать с действительными мотивами преступления или даже сознательно маскировать другие глубинные мотивы. Вместе с тем, если в процессе социализации, особенно на ее раннем этапе, неблагоприятные (например, психопатические) тенденции и склонности совпадут с соответствующими социокультурными образцами, то шансы на возникновение любого варианта девиантного поведения будут возрастать [8].

А. Сперлинг отмечает, что значение сексуальной активности при контроле ее природы и частоты для субъекта гораздо более важно, чем сила этого влечения [9]. Другими словами, интенсивность этого влечения может быть ослаблена в результате конфликта с другими мотивами. При этом обеспечивается взаимосвязь положительных и отрицательных мотиваций. Избегание одного стимула почти всегда означает приближение к какому-то другому. Двумя этапами в этом процессе обучения являются:

- а) предотвращение телесной потребности поиска всего того, что может ее удовлетворить;
- б) поддержка такого удовольствия становится эквивалентным предотвращению всего, что может этому помешать.

В этом отношении положительные и отрицательные мотивации становятся неразделимыми [10], поскольку эмоции втянуты во внутреннюю и внешнюю работу тела, ибо они тесно связаны с мотивацией. В важности эмоций для мотиваций можно убедиться после исчезновения внешнего стимула, поскольку, вызываемые эмоцией внутренние изменения, некоторое время сохраняются, подкрепляя первоначальный стимул и продолжая обеспечивать мотивацию индивидуума. Эмоциональное возбуждение привлекает и пролонгирует влияние стимула [11]. Привычки, выработанные для удовлетворения конкретных мотивов, нередко приобретают собственную мотивационную силу. После того, как привычка к агрессии усваивается, избавиться от нее довольно сложно.

Зарубежные психоаналитики предлагают стерилизовать людей, которых подозревают в серьезных сексуальных отклонениях [12], но такая предупредительная деятельность носит односторонний характер и не учитывает особенностей совершения определенных видов этой группы сексуальных преступлений.

Психология вооружила криминологию психодиагностическими и психометрическими методами, где большое значение имеет специальное тестирование сексуальных преступников. В психологическом портрете должны отображаться психологические качества лица, которое представляет оперативный интерес, и, основываясь на этом, интерпретироваться психологом поведенческие особенности такого лица, делаться прогностические выводы о возможных вариантах реагирования.

Личность представляет собой систему, которая состоит из многочисленных сфер (участков). Каждая из них отвечает определенным потребностям, квазипотребностям (намерениям), желаниям и мотивам субъекта. Отдельные сферы, в зависимости от расположения (расстояния) друг от друга, имеют разную степень сходства. Две сферы максимально похожи, если имеют общий предел (границу). Со структурными особенностями границ между сферами связан динамический компонент модели личности, который определяется напряжением. Отдельные сферы структуры личности могут различаться по состоянию напряжения, а для напряженной сферы характерна тенденция к уравниванию напряжения с соседними областями. Уравнивание может осуществляться двумя путями:

- 1) напряженная система разряжается, если находит доступ к сенсомоторной зоне, определяя в данном случае поведение, которое продолжается до тех пор, пока система не разрядится;

2) если напряженная система находит доступ к сенсомоторной зоне, то ее энергия направляется на собственные границы, и, в таком случае, равновесие напряжения достигается путем диффузии (рассеивания, перехода) в соседние сферы, что зависит от прочности границ. То есть, второй вид уравнивания напряжения через диффузию, и дает возможность объяснения феномена сексуального насилия: удовлетворение половой потребности и реализации намерения невозможности снять напряжение путем замещения, как выход в уголовно-запрещенный сектор реальной жизни.

Итак, как мы видим, общая эффективность борьбы с сексуальными преступлениями зависит от своевременного выявления негативных стимулов (мотивов) поведения лиц, потенциально склонных к совершению насильственных

Литература:

1. *Иншаков С.М.* Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000.
2. *Варчук Т.В.* Криминология. М. : ИНФРА-М, 2002.
3. *Новичков В.* Некоторые закономерности количественно-качественных показателей преступности в судебной практике / В. Новичков // Уголовное право. 2004. № 2.
4. *Лаврухин С.В.* Криминалистическое моделирование поведения преступника в стадии возбуждения уголовного дела / С.В. Лаврухин // Правоведение. 2001. № 4.
5. *Бачинин В.А.* Философия: Энциклопедический словарь / В.А. Бачинин. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2005.
6. *Донцов В.В.* Теоретические и методические основы установления лица, совершившего убийство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М. : МГУ, 1989.
7. *Синеокий О.В.* Психологический профиль сексуального преступника / О.В. Синеокий // Влада. Человек. Закон. 2005. № 8.
8. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2006.
9. *Сперлинг А.П.* Психология / А.П. Сперлинг; Пер. с англ. С.И. Ананина. ООО Попурри, 2002.
10. *Сперлинг А.П.* Психология / А.П. Сперлинг; Пер. с англ. С.И. Ананина. ООО Попурри, 2002.
11. *Сперлинг А.П.* Психология / А.П. Сперлинг; Пер. с англ. С. И. Ананина. ООО Попурри, 2002.
12. *Abrahamsen D.* Who are guilty? N.Y., 1955.

сексуальных преступлений, разработки и внедрения соответствующего комплекса мер противодействия для устранения (нейтрализации) негативных факторов преступной мотивации, что будут действовать «на опережение».

Таким образом, мы предлагаем разделить индивидуальную профилактику сексуального насилия на два относительно самостоятельных, но взаимосвязанных между собой объекта:

- 1) на среду определенного лица (правовые, социальные и социально-психологические задачи, такие как запрет пропаганды нетипичных сексуальных перверсий с ограничением информационно-демонстрационного распространения и др.;
- 2) на личность, которая выявляет девиантные наклонности.

Literature:

1. *Inshakov S.M.* Criminology : textbook. M. : Yurisprudentsia, 2000.
2. *Varchuk T.V.* Criminology. M. : INFRA-M, 2002.
3. *Novikov V.* Some patterns of quantitative and qualitative indicators of crime in judicial practice. 2004. № 2.
4. *Lavrukhin S.V.* Criminalistic modeling of the criminal behavior at the stage of initiation of a criminal case / S.V. Lavrukhin // Jurisprudence. 2001. № 4.
5. *Bachinin V.A.* Philosophy: An encyclopedic dictionary. SPb. : Mikhailova V.A. Publishing House, 2005.
6. *Dontsov V.V.* Theoretical and methodological foundations of establishing the person who committed the murder : author's abstract. dis. ... cand. law. sciences: 12.00.09. M. : MSU, 1989.
7. *Sineokiy O.V.* Psychological profile of a sex offender / O.V. Sineokiy // Vlada. Person. The Law. 2005. № 8.
8. *Ilyin E.P.* Motivation and motives. SPb. : Piter, 2006.
9. *Sperling A.P.* Psikhologiya / A.P. Sperling; Translation from English S.I. Ananina. ООО Potpourri, 2002.
10. *Sperling A.P.* Psikhologiya / A.P. Sperling; Translation from English S.I. Ananina. ООО Potpourri, 2002.
11. *Sperling A.P.* Psikhologiya / A.P. Sperling; Translation from English S.I. Ananina. Medley LLC, 2002.
12. *Abrahamsen D.* Who are guilty? N.Y., 1955.

Гасанов Турал Качаевич
аспирант кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
2ralkubinka@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В данной статье проведен анализ уголовной ответственности за доведение до самоубийства в различных странах; рассмотрена статистика смертности по данному социальному явлению, определены некоторые причины и факторы, являющиеся причинами, приведшими лицо к такому деянию. На основании данного анализа, государства сгруппированы в формальный список стран по уровню назначения уголовной ответственности за доведение до самоубийства; предложены направления снижения негативной статистики на государственном уровне.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, санкция, смертность, уголовная ответственность, либерализация, психическое заболевание.

Случаи самоубийства известны на протяжении всей истории человечества. Оно было известно и обсуждалось в древнегреческой и римской цивилизациях; оно было отмечено в иудейской и христианской религиях и упоминается в классических индуистских книгах. Самоубийство или хакари является частью древнего японского кодекса чести и отмечается в азиатских культурах. Это не ограничивается западной цивилизацией и даже встречается в странах с мусульманским большинством, хотя хорошо известно, что это – нечто явно запрещенное в исламе. В Коране есть санкции против самоубийства. Однако доведение до самоубийства – это новая уголовно-правовая категория, ставшая предметом исследования и применения исключительно в последнее время.

Самоубийства стали, воистину, одной из основных проблем современного общества. Они входят в двадцатку ведущих причин смертности во всем мире. Около 800000 человек ежегодно умирают от самоубийств.

К примеру, за последние шесть десятилетий, по данным ВОЗ, Япония, Венгрия и Литва возглавили список стран мира по уровню самоубийств, но, если нынешние тенденции сохранятся, Южная Корея через несколько лет обгонит все остальные страны [3]. Сердцевина проблемы

Tural K. Gasanov
Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law,
Kazan (Volga) Federal University
2ralkubinka@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR INCITEMENT TO SUICIDE IN MODERN FOREIGN LEGISLATION

Annotation. This article analyses criminal liability for suicide in various countries; the statistics of mortality on this social phenomenon are considered, some causes and factors are identified, which are the causes that led the person to such an act. Based on this analysis, States are grouped into a formal list of countries by the level of criminal responsibility for suicide; proposed directions for reducing negative statistics at the state level.

Keywords: bringing to suicide, sanction, mortality, criminal liability, liberalization, mental illness.

смертности от самоубийств переместилась из Западной Европы в Восточную Европу и теперь, похоже, перемещается в Азию. Китай и Индия вносят наибольший вклад в абсолютное число самоубийств в мире.

Изменение указанной тенденции требует комплекса правовых и организационных мер на государственном уровне. Одним из направлений снижения статистики является правовая борьба с субъектами, которые склоняют жертву к акту самоубийства. Противодействие таким незаконным действиям основывается на установлении уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства. Такие деяния могут выражаться в различных формах, одной из которых можно назвать запугивание и издевательство над личностью. Запугивание означает многократную физическую или психическую травму человека. Оно включает в себя любое действие, которое имеет тенденцию влиять на сознание жертвы, как любые угрозы, слухи, физическое или словесное действие или невежество.

С течением времени, один из наиболее распространенных видов издевательств также включает кибер-издевательства, которые привели к гибели многих жертв. Некоторые издевательства легко распознать, как физические пытки, в то время, как некоторые происходят тихо и скрытно через

социальные сети, личные комментарии о касте, телосложении, которое наносит эмоциональный ущерб человеку.

Все эти деяния могут привести к самоубийству. Так, например, суровая реальность самоубийств в Индии очевидна: уровень самоубийств составляет 16,3 на 100000 населения по сравнению с 10,5 на 100000 во всем мире [4]. Сегодня Индия – лидер в списке стран по количеству самоубийств. При этом статья 309 Уголовного кодекса страны определяет, что за какие-либо действия с целью совершения такого преступления наказываются лишением свободы на срок до года или штрафом. В стране с 2017 года идет политика либерализации данной статьи, согласно которой ответственность за исследуемое преступление не наступает. То есть, в стране действует презумпция психического заболевания. Соответственно, действия лица, которое совершало действия, нацеленные на доведение до самоубийства, не квалифицируются как деяния, имеющие уголовную сущность.

В Китае ежегодно происходит более 300000 самоубийств; это делает самоубийство одной из самых важных причин смерти в стране, и делает число самоубийств в Китае одним из самых высоких в мире [3]. В Китае самоубийство рассматривается психиатрическими специалистами, общественностью, в целом, как реакция на социальные стрессы, причем, это не считается результатом психического заболевания. Поэтому указанные специалисты не рассматривают самоубийство как проблему, которая должна решаться, в первую очередь, системой психического здоровья.

Вместе с тем, анализ научных публикаций и законов Китая выявил, что ответственности за доведение до самоубийства как отдельной уголовно-правовой санкции за исследуемое деяние не предусмотрено. В стране действуют только превентивные меры, например, эволюционирующая политика Цин одним из законов установила, что непристойные комментарии по отношению к женщине считаются равносильными изнасилованию, если она позже покончила с собой из-за этих комментариев [5].

В 1950-х годах в Японии был высокий уровень самоубийств, с тех пор этот показатель стабилизировался. Это, несмотря на сохраняющиеся социальные проблемы, такие как, рост числа разводов, крах ранее существовавших семейных систем, изменения в традиционных ценностях, рост числа случаев злоупотребления наркотиками и преступности, усиление конкуренции в обществе и увеличение разрыва между богатыми и бедными. В настоящее время в Японии ежегодно совершается около 21000–22000 самоубийств, что составляет около 17 самоубийств на 100000 человек [3].

Следует отметить, что за совершенное самоубийство могут назначить наказание семье погибшего, при этом ответственность за доведение до самоубийства, в принципе, отсутствует.

В период с 1960 по 2000 годы в подавляющем большинстве лет уровень самоубийств в Венгрии был самым высоким в мире. Причина столь высокой смертности от самоубийств в Венгрии до конца не ясна [3]. Высокая распространенность аффективных (особенно биполярных) расстройств в венгерском населении может быть одним из наиболее важных факторов, способствующих заметно высокому уровню самоубийств в Венгрии. В этой стране уголовный состав доведения до самоубийства не формирует.

В довоенной независимой Литве (1924–1939) уровень самоубийств составлял 5–10 самоубийств на 100000 граждан. В период советской оккупации он постоянно увеличивался, пока в 1984 году не достиг 35,8 на 100000 человек. Изменения, происшедшие в сторону демократизации общества, привели к снижению уровня самоубийств (до 25,1 на 100000 в 1986 году); те же процессы происходили и в других странах бывшего Восточного блока. В период нынешних экономических трудностей уровень самоубийств в Литве увеличился до 42,0 на 100000 человек (в 2015 году) [3]. Социальные и финансовые проблемы в Литве считаются важными факторами, обуславливающими высокий уровень самоубийств.

Уголовный кодекс Литвы разделяет два преступных деяния: склонение к самоубийству и доведение до самоубийства, однако, они находятся в одной статье документа, при этом, обладая разной степенью общественной опасности [1]. Санкция за эти деяния: лишение права выполнять определенную работу либо заниматься определенной деятельностью, либо публичными работами, или арест, или лишение свободы на срок до четырех лет.

Интересен опыт регулирования ответственности за доведение до самоубийства в США. Следует отметить, что количество самоубийств в Соединенных Штатах растет, увеличившись на 33 % с 1999 по 2020 годы. В 2016 году самоубийства заняли 10-е место среди ведущих причин смерти среди американцев. Это – вторая по значимости причина смерти среди лиц в возрасте до 35 лет. Ежегодный уровень самоубийств в США составляет более 14 смертей на 100000 населения. Почти 47000 человек умерли от самоубийства в 2017 году. Статистика показывает, что в США каждые 11 минут от самоубийства умирает один человек [6].

В США предусмотрены длительные максимальные сроки тюремного заключения за содействие самоубийству: от 2 до 10 лет и более. Срок наказания, в целом, зависит от тяжести преступления [2].

Суровые наказания за доведение до самоубийства предусмотрены также в Республике Шри-Ланка, в Республике Кения, в ОАЭ, в Саудовской Аравии, в Исламской Республике Иран. В этих странах политика установления ответственности за доведение до самоубийства формируется, исходя из сложившихся в стране идеологии и веры. По мнению верующих исламистов, Бог поддерживает святость жизни как универсальный принцип.

«И не убивайте друг друга, ибо Аллах поистине милостив к вам», – говорится в Коране (4:29). Ислам рассматривает убийство и как преступление по закону в этом мире, и как главный грех, наказуемый в загробной жизни. Это соответствует лучшим мусульманским традициям, которые ненавидят террор и насилие.

Большая часть исследований суицидального поведения в мусульманских странах представляла собой простые описательные исследования образцов завершенных и попыток самоубийств. Несмотря на это, и, несмотря на возможное занижение информации о суицидальном поведении в странах, где такое поведение является незаконным, уровень самоубийств у мусульман, по-видимому, ниже, чем у представителей других религий, даже в странах, население которых принадлежит к нескольким религиозным группам.

Таким образом, проведенный анализ позволяет проранжировать страны по уровню ответственности за доведение до самоубийства:

– 1-ая группа государств характеризуется наличием строгого уголовного законодательства за исследуемые преступления;

Литература:

1. *Малетина М.А.* Преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран СНГ и Балтии / М.А. Малетина // Уголовная юстиция. 2018. С. 141–144.
2. *Сеидли Х.Ш.* Ответственность за доведение до самоубийства по законодательству США / Х.Ш. Сеидли. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 24(262). С. 263–265.
3. Количество самоубийств по странам. URL : <https://openbase.online/ctatistika-samoubijstv-po-stranam/>
4. Снижение смертности от самоубийств: коллективная ответственность. URL : <https://www.hindustantimes.com/analysis/reducing-suicide-deaths-a-collective-responsibility/story-EeaoDslQs8WxM12d8qUtrL.html>
5. Suicide and Social Change in China. URL : https://www.researchgate.net/publication/12910160_Suicide_and_Social_Change_in_China
6. Rates and Statistics for Suicide in the United States. URL : <https://www.verywellmind.com/suicide-rates-overstated-in-people-with-depression-2330503>

– 2-ая группа государств характеризуется наличием уголовного законодательства за исследуемые преступления, но в пределах не суровых санкций в форме штрафа, лишения свободы на небольшой срок. Для таких государств ответственность, все-таки, носит формальный характер как акт, порицающий исследуемое деяние;

– 3-я группа государств характеризуется отсутствием уголовного законодательства за исследуемые преступления.

Важно отметить, что юридическое закрепление уголовной ответственности за доведение самоубийства прямо пропорционально фактическому уровню совершенных деяний в стране. То есть, при закреплённой в уголовном праве страны уголовной ответственности за доведение самоубийства уровень самоубийств – низкий, в среднем, в странах, тогда как, в ней, где выявлено ее отсутствие в уголовном законодательстве, уровень смертности от суицида выше среднестатистических показателей.

Таким образом, в целях сокращения уровня смертности от суицидальных преступлений, в стране необходимо ужесточать ответственность за доведение до самоубийства и делать такие разборательства публичными.

Literature:

1. *Maletina M.A.* Criminal involvement in the suicide of minors: a comparative legal analysis of the legislation of Russia, the CIS and the Baltic states / M.A. Maletina // Criminal justice. 2018. P. 141–144.
2. *Seidley H.S.* Responsibility for bringing to suicide under US law / H.S. Seidley. Text: direct // Young scientist. 2019. № 24(262). P. 263–265.
3. Number of suicides by country. URL : <https://openbase.online/ctatistika-samoubijstv-po-stranam/>
4. Reducing suicide mortality: collective responsibility. URL : <https://www.hindustantimes.com/analysis/reducing-suicide-deaths-a-collective-responsibility/story-EeaoDslQs8WxM12d8qUtrL.html>
5. Suicide and Social Change in China. URL : https://www.researchgate.net/publication/12910160_Suicide_and_Social_Change_in_China
6. Rates and Statistics for Suicide in the United States. URL : <https://www.verywellmind.com/suicide-rates-overstated-in-people-with-depression-2330503>

Дергунов Александр Алексеевич
заместитель директора
по учебной работе,
Институт
правоохранительной деятельности,
Саратовская государственная
юридическая академия
a.dergunov89@mail.ru

Alexander A. Dergunov
Deputy Director
on Educational Work,
Institute Law Enforcement,
Saratov State
Law Academy
a.dergunov89@mail.ru

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН И ПРАВОВОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО КАК ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

PREEMPTIVE LAW AS A LEGAL TERM AND LEGAL ADVANTAGE AS A LEGAL CONCEPT: CORRELATION ISSUES

Аннотация. В статье освещается сущность такого неоднозначного словосочетания как «преимущественное право». Отмечается, что оно представляет собой юридический термин, отражающий такое правовое понятие как правовое преимущество. Указывается, что преимущественное право, наряду с другими терминами, олицетворяющими правовое преимущество, составляет особую терминологическую систему. Называются отличительные признаки преимущественного права, раскрывается его сложная и неоднозначная природа.

Ключевые слова: преимущественное право, правовое преимущество, правовое понятие, юридический термин, терминосистема, привилегия, льгота, иммунитет, особая правовая процедура, преимущество.

Annotation. The article highlights the essence of such an ambiguous phrase as "preemptive right". It is noted that it is a legal term that reflects such a legal concept as a legal advantage. It is indicated that the preemptive right, along with other terms embodying the legal advantage, constitutes a special terminological system. The distinctive features of the preemptive right are named, its complex and ambiguous nature is revealed.

Keywords: preemptive right, legal advantage, legal concept, legal term, terminology, privilege, privilege, immunity, special legal procedure, advantage.

Преимущественное право – словосочетание, находящее свое доминантное выражение только в парадигме нормативного правовопонимания, основанного на теории позитивного права, интегрирующего права (как совокупность юридических норм) и его внешнего объективирования (форма).

Присутствие в законодательных предписаниях данного фразеологического оборота детерминирует мысль о том, что оно представляет собой словосочетание, в котором базовым доминантным понятием выступают слова «право» и «преимущество», поскольку именно они наиболее верно характеризуют его сущность, обуславливающую наличие у какого-либо субъекта юридически закреплённого преимущества одних субъектов перед другими. В том, что преимущественное право определяется как нормативно закреплённое словосочетание, как нами думается, никак не умаляет значения данного правового феномена. «Юридическая словосочетаемость, – как верно отмечает Н.А. Власенко, – одно из величайших достижений правового языка, одна из его главных ценностей. Благодаря фразеологическим и иным устойчивым словосочетаниям, появляется

возможность адекватной языковой формы выражения юридических норм» [1, с. 166].

Именно преимущественное право позволяет интегрировать в себе две языковые единицы: «преимущество» и «право», показывая в нормативном тексте зафиксированную возможность обладания преимуществом. Так, например, в ч. 6 ст. 42 Жилищного кодекса РФ установлено, что преимущественным правом покупки комнаты в коммунальной квартире обладают собственники остальных комнат, имеющих в этой квартире.

Само слово «право» в данном контексте указывает не на совокупность норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе. Здесь речь идет о субъективном праве, то есть, о правовой возможности осуществить (либо не осуществить) определенные действия. «Субъекту права дана возможность по своему усмотрению использовать или не использовать то положение, какое ему обеспечено правом, и как угодно в отведенных ему пределах» [2, с. 199].

Тем самым, преимущественное право является правом субъективным; однако, и в этом –

определенного рода парадокс, оно существует и может быть реализовано, только когда имплементировано в нормы объективного права, которые, в свою очередь, выражаются во внешнем реальном, в признаваемых государством формах. Как нам думается, никакого противоречия здесь нет; преимущественное право – яркий пример гармоничного синтеза естественного и позитивного права, о необходимости и достижимости которого писал М.И. Байтин, обоснованно полагающий, что «...естественное право практически неосуществимо без позитивного, а духовная основа, нравственная сила позитивного права коренятся в праве естественном» [3, с. 137].

В свою очередь, преимущество – это качество, свойство, обозначающее выгоду, превосходство над кем или над чем либо [4, с. 472].

«Правовое преимущество – это юридическая категория, характеризующаяся правомочной возможностью субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающаяся как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям» [5, с. 13].

А.Г. Репьев предложил систему правовых преимуществ, в которую, по его мнению, входят иммунитет, привилегия, льгота, особая правовая процедура. При этом три последних также стратифицируются ученым. В частности, разновидностями привилегии выступает преференция, субсидия, квота, властная prerogative; льгота включает в себя компенсации и пособия (последние в свою очередь делятся на субвенции и дотации); особая правовая процедура подразделяется на преимущественное право и особый правовой порядок [5, с. 17–18].

В целом, разделяя предложенный А.Г. Репьевым концепт классификации правовых преимуществ, хотелось бы отметить, что она, все же, далеко не бесспорна. Но не совсем понятно, почему не проведена сегментация иммунитета, интегрирующего в себе правовую неприкосновенность и иммунитет [6, с. 37–47]?

Еще больше вопросов вызывает особая правовая процедура. В отличие от иммунитета, привилегии, льготы, олицетворяющих собой как преимущества, так и исключения, особая правовая процедура исключением не является [7, с. 27–38]. В еще большей степени сложно согласиться с тем, что преимущественное право (дефиниция которого, предложенная А.Г. Репьевым также не является безукоризненной [5, с. 35]) служит лишь подвидом особой правовой процедуры.

Действительно, реализация преимущественного права в доминанте своей (однако не всегда) проходит в рамках особой правовой процедуры. Но, по нашему мнению, подобное положение вовсе не означает в отказе преимущественному праву быть в системе правовых преимуществ в качестве самостоятельного правового феномена.

Надо отметить, что преимущественное право также представляет собой комплексную категорию, интегрируя в себе такие относительно автономные подвиды, как внеочередное право и первоочередное право. Наряду с преимущественным правом, названные разновидности последнего вместе встречаются в нормативных актах [8, п. 24, 26], подтверждая в очередной раз наличие сигнально-информационной функции юридической практики [9, с. 8].

Наша принципиальная позиция заключается в том, что преимущественное право, без сомнения, входит в систему правовых преимуществ, занимая в ней свое отдельное место.

Доказательством выдвинутой апории является освещение соотношения правового преимущества и преимущественного права (а, равно, иных элементов системы правовых преимуществ) с точки зрения правового понятия и нормативного термина.

«Значение понятий в праве трудно переоценить. В законодательстве, как и правотворчестве, в целом, правовые понятия играют роль первоисточника материала, «кирпичиков» в создании нормативного правового документа» [1, с. 195]. Как уже было отмечено, правовое преимущество служит той самой детерминантой, посредством которой происходит имплементация исходящих от нее компонентов (иммунитета, привилегии, льготы, особой правовой процедуры, преимущественного права) в юридические нормы. При этом все названные правовые феномены обладают определенными общими качествами (в первую очередь, возможности обладания преимуществом), экстраполированными базовым понятием «правовое преимущество». В этой связи, можно утверждать, что содержание правового преимущества как понятия соответствует требованию учета его объема, который составляет «совокупность предметов (объектов) обладающих его признаками» [1, с. 195].

Иллюстрацией того, что обозначенные термины аккумулированы в систему магистральным понятием «правовое преимущество», служит то, что каждый из юридических терминов в определенном, присущим только ему ракурсе, олицетворяет наличие преимущества – блага, которое есть (или может быть) у одного субъекта (либо субъектов) по сравнению с другими.

Таким образом, правовое преимущество – это правовое понятие, а иммунитет, привилегия, льгота, особая правовая процедура, преимущественное право выступают в качестве юридических терминов, которые непосредственно и фиксируются в нормах права.

То, что названные лексические единицы представляют собой именно юридические термины, обусловленные правовым понятием, подтверждается их соответствием генеральным признакам юридического термина [10, с. 8].

В частности, преимущественное право как юридический термин точно обозначает воплощаемое

им правовое понятие («правовое преимущество»); однозначно воспринимается в рамках юридического языка (как нормативно закрепленная возможность обладания преимуществом); наличие определения.

Проблема дефинирования как преимущественного права непосредственно, так и многих юридических терминов реально существует. По нашему мнению, дефиниция термина должна быть предложена юридической наукой (в особенности, общей теории права), а затем воспринята участниками правотворческого процесса, после чего апробирована в ходе правореализации.

Юридические термины, отражая правовое понятие, составляют определенного рода терминосистему. В.Ю. Туранин очень точно назвал признаки правовой терминосистемы, среди которых им выделяются следующие: связь терминов с юридическим языком, множественность юридических терминов, структурная упорядоченность элементов системы, взаимосвязь и взаимозависимость юридических терминов, цикличность в развитии самой системы [10, с. 8].

Как мы полагаем, все названные качества характерны и для системы правовых преимуществ (в том числе, и цикличность, проявляющаяся в том, что в разные временные периоды начинает доминировать тот либо иной термин).

Подобного рода позиция относительно соотношения правового понятия и нормативного термина достаточно часто встречается в общей теории права, адекватно отражая тенденции юридической практики.

В качестве примера можно привести точку зрения С.Ю. Суменкова, предпринявшего удачный, на наш взгляд, анализ корреляции словосочетания «исключение в праве» с лексическими единицами, фигурирующими в нормативных текстах. «Правовые понятия, – отмечает ученый, – такие как «исключение в праве», объективируются во внешнем мире в фонетически-знаковой форме юридических терминах. ... Понятие «исключение в праве», в плане юридической техники, отражают, прежде всего, такие термины, как «за исключением случаев», «исключительный случай», «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения» [11, с. 72].

При этом необходимо понимать, что при всей близости, аналогия терминосистем об исключениях в праве и преимуществах в праве не может быть абсолютной.

Прежде всего, это касается характеристики самих понятий «исключение в праве» и «преимущество в праве». «Правовые понятия, – указывает Н.А. Власенко, – следует подразделять на «понятия права», выраженные в текстах законов и иных нормативных правовых актов, и «понятия науки права» [1, с. 196].

Исключение в праве представляет собой органичный синтез понятия «право» и понятия «наук права». Не случайно, как мы полагаем, С.Ю. Суменков, вначале воспринимавший исключение в

праве сугубо как научное понятие, которое «прямо не употребляется ни в процессе правотворчества, ни в текстах правоприменительных актов» [11, с. 72], затем изменил свое мнение, отметив достаточно редкие случаи использования слова «исключение» в качестве нормативно-правовой единицы [12, с. 135].

В свою очередь, понятие «правовое преимущество» не встречается в нормативных текстах, выступая тем самым только в качестве «понятия науки права».

При этом на роль юридического термина и, возможно, автономного элемента системы правовых преимуществ, может претендовать слово «преимущество». Именно оно употребляется наряду с термином льготы в ст. 4.12 Закона Краснодарского края от 23 июля 2003 г. № 608-КЗ «Об административных правонарушениях» [13]. Данное преимущество, в том числе, то, о котором говорит субъект регионального правотворчества, не синонимично понятию «правовое преимущество». По нашему мнению, здесь наблюдается определенного рода омонимия слов в языке права. Омонимии выступают «правовое преимущество», с одной стороны, и «преимущество», с другой. «Наш взгляд, омонимия в языке – явление объективное, способное не только украшать язык, но и нести прагматические функции. Все это требует более глубоких исследований, в том числе, правовой стилистикой» [1, с. 148]. Равным образом требует своего исследования и юридический термин «преимущество», понимаемый именно в узком, конкретизированном смысле.

В проекции к «преимущественному праву» названный термин отличается тем, что не олицетворяет собой правовую возможность, подразумеваемая лишь предоставляемое благо, поэтому вполне целесообразно в названиях различных нормативных актов вести речь именно о предоставлении преимуществ (курсив наш – А.А.) различным субъектам, будь то учреждения и предприятия уголовно-исполнительной системы [14], либо организации инвалидов [15]. Момент возможности, о котором пишут Н.И. Матузов и Н.В. Ушанова применительно к субъективному праву, характерен, соответственно, и для преимущественного права, но отсутствует у преимущества как специфического термина [16, с. 226].

Преимущественное право отличается не только от названного термина, но и всех остальных терминов, нормативно отражающих понятие «правовое преимущество».

Так, от привилегии преимущественное право стратифицировано генезисом происхождения и формой выражения.

Привилегия как преимущество имеет более длительный эволюционный путь по сравнению с правом. Это, прежде всего, половозрастные привилегии, детерминированные, как считает Г.В. Горланов, объективными факторами [17, с. 4–5]. Привилегии находили и находят свое отражение в социальных нормах, возникших раньше норм права;

юридическое оформление многих привилегий – лишь фиксация реально сложившегося положения [18, с. 88–96].

Преимущественное право существует лишь в правовых нормах, находящихся свое отражение в юридически значимых формах. С некоторой долей условности преимущественное право можно считать законодательной категорией, понимая под законодательством всю совокупность нормативных актов, выступающих в качестве основной формы права в романо-германской правовой семье вообще и в России, в частности. Вне рамок нормативного текста преимущественного права не существует.

Различие между льготой и преимущественным правом коренится в круге субъектов, на которые распространяется их юридическая сила. Льготы предназначены, прежде всего, для социально уязвимых слоев населения, нуждающихся в социальной защите [19, с. 68–70]; диапазон субъектов, которые могут обладать преимущественным правом значительно шире, охватывает более чем разнородный субъектный состав.

Сфера действия выступает стратификационным критерием разграничения преимущественного права и иммунитета. Последний наделяет своих обладателей преимуществами при привлечении к юридической ответственности или (и) выполнении процессуальных обязанностей [20, с. 127]. В этой области законодательством не предусмотрено никаких преимущественных прав.

Отличительным признаком, о котором уже говорилось выше, подчеркивающим разделение между привилегией, льготой, иммунитетом и преимущественным правом, служит то, что первые три термина подразумевают собой одновременно как преимущество, так и исключение.

Литература:

1. *Власенко Н.А.* Избранное. М. : Норма, 2015. 672 с.
2. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права : в 2 т. М. : СПАРК, 1995. Т. 2. 840 с.
3. *Байтин М.И.* Единство естественного и позитивного права – основа обеспечения прав и свобод человека / М.И. Байтин // Вопросы общей теории государства и права. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1987. 750 с.
5. *Репьев А.Г.* Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : автореф. дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2020. 50 с.
6. *Терехин В.А.* Правовой иммунитет как необходимый элемент статуса судей / С.Ю. Суменков,

Особая правовая процедура, равно как и преимущественное право, исключением не является.

Различие между ними заключается в том, что преимущественное право относится к статике, а особая правовая процедура – к динамике. Если, все же, согласиться с А.Г. Репьевым с включением особой процедуры в систему правовых преимуществ, то она обуславливает преимущество именно в процессе, в деятельности. Этого не скрывает и сам А.Г. Репьев, дефинируя особую правовую процедуру как специальный нормативно установленный порядок совокупного применения правил и способов, ставящих субъекта в более выгодное положение относительно других [5, с. 18].

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы отметить следующее.

Преимущественное право является одним из юридических терминов, сконцентрированных вокруг понятия «правовое преимущество».

Преимущественное право имеет как общие свойства, характерные для всех терминов, отражающих понятие «правовое преимущество», так и специфические качества.

Преимущественное право представляет собой нормативно закрепленную возможность обладать благом, которого нет у иных субъектов.

Преимущественное право существует только при выражении его в нормах объективного права.

Особыми разновидностями преимущественного права выступают внеочередное право и первоочередное право.

Преимущественное право нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и научном изучении.

Literature:

1. *Vlasenko N.A.* Favorites. M. : Norma, 2015. 672 p.
2. *Shershenevich G.F.* General theory of law : in 2 vol. M. : SPARK, 1995. T. 2. 840 s.
3. *Baytin M.I.* The unity of natural and positive law is the basis for ensuring human rights and freedoms / M.I. Baytin // Questions of the general theory of state and law. Saratov: Publishing house of «Saratov State Academy of Law», 2006.
4. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language: Ok. 57,000 words / S.I. Ozhegov; Ed. N.Yu. Shvedova. 19th ed., Rev. M. : Rus. yaz., 1987. 750 p.
5. *Repyev A.G.* Advantages in Russian law: theory, methodology, technique : author. dis. ... Dr. law sciences. Saratov, 2020. 50 p.
6. *Terekhin V.A.* Legal immunity as a necessary element of the status of judges / S.Yu. Sumenkov,

- В.А. Терехин; Под ред. М. И. Байтина // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы современного Российского государства и права : межвузовский сборник научных трудов. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2006. Вып. 5 (14). С. 37–47.
7. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения / С.Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4(129). С. 27–38.
8. Порядок приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования (утв. Приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 02 сентября 2020 г. № 458 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 11.05.2021).
9. *Палагина Е.Н.* Функции юридической практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 27 с.
10. *Туранин В.Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 46 с.
11. *Суменков С.Ю.* Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения / С.Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 1. С. 71–83.
12. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М. : Юрлитинформ, 2016. 376 с.
13. Закон Краснодарского края от 23 июля 2003 г. № 608-КЗ «Об административных правонарушениях» // Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края. 2003. № 11(82). Ч. I. С. 61.
14. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 649 «О порядке предоставления учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы преимуществ в отношении предлагаемых ими цены контракта, суммы цен единиц товара, работы, услуги» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 29. Ст. 4153.
15. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 341 «О предоставлении преимуществ организациям инвалидов при определении поставщика (подрядчика, исполнителя) в отношении предлагаемых ими цены контракта, суммы цен единиц товара, работы, услуги» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (Ч. IV). Ст. 2184.
16. *Матузов Н.И.* Возможность и действительность в российской правовой системе / Н.И. Матузов, Н.В. Ушанова. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. 392 с.
- V.A. Terekhin; Ed. M.I. Baitin // Questions of the theory of state and law. Actual problems of the modern Russian state and law: interuniversity collection of scientific papers. Saratov : Publishing house of GOU VPO «SGAP», 2006. Iss. 5 (14). P. 37–47.
7. *Sumenkov S.Yu.* Exceptions in law and advantages in law: critical analysis of the assessment of co-relationship / S.Yu. Sumenkov // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 4(129). P. 27–38.
8. The procedure for admission to study in educational programs of primary general, basic general and secondary general education (approved by Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated September 02, 2020 № 458 // Official Internet portal of legal information. URL : <http://pravo.gov.ru> (date of access 05/11/2021).
9. *Palagina E.N.* Functions of legal practice: author. dis. Cand. jurid. sciences. Saratov, 2003. 27 p.
10. *Turanin V.Yu.* Legal terminology in modern Russian legislation : author. dis. ... Dr. law sciences. Belgorod, 2017. 46 p.
11. *Sumenkov S.Yu.* The concept of «exclusion in law» and the problems of its terminological expression / S.Yu. Sumenkov // Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence. 2011. № 1. P. 71–83.
12. *Sumenkov S.Yu.* Exceptions in Law: An Instrumental-Theoretical Analysis. M. : Yurлитinform, 2016. 376 p.
13. Law of the Krasnodar Territory of July 23, 2003 № 608-KZ «On Administrative Offenses» // Information Bulletin of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory. 2003. № 11(82). Part I. P. 61.
14. Decree of the Government of the Russian Federation of July 14, 2014 № 649 «On the procedure for granting institutions and enterprises of the penal system of advantages in relation to the contract prices they offer, the sum of prices for units of goods, work, services» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 29. Art. 4153.
15. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 341 «On the provision of benefits to organizations of persons with disabilities when determining the supplier (contractor, performer) in relation to the contract prices they offer, the sum of prices for units of goods, work, services» // Collected Legislation of the Russian Federation 2014. № 18 (Part IV). Art. 2184.
16. *Matuzov N.I.* Possibility and reality in the Russian legal system / N.I. Matuzov, N.V. Ushanova. Saratov : Publishing house of GOU VPO «Saratov State Academy of Law», 2010. 392 p.

17. *Горланов Г.В.* Экономические привилегии. Источники и формы проявления. М. : Экономика, 1990. 111 с.

18. *Суменков С.Ю.* Привилегия как правовое преимущество / С.Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3(51). С. 88–96.

19. *Морозова И.С.* Основы теории правовых льгот. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. 260 с.

20. *Малько А.В.* Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения / А.В. Малько, С.Ю. Суменков. Пенза : Информационно-издательский центр ПГУ, 2005. 180 с.

17. *Gorlanov G.V.* Economic privileges. Sources and forms of manifestation. M. : Economics, 1990. 111 p.

18. *Sumenkov S.Yu.* Privilege as a legal advantage / S.Yu. Sumenkov // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2019. № 3 (51). P. 88–96.

19. *Morozova I.S.* Foundations of the theory of legal benefits. Saratov : Publishing house of GOU VPO «Saratov State Academy of Law», 2007. 260 p.

20. *Malko A.V.* Privileges and Immunities as Special Legal Exceptions / A.V. Malko, S.Yu. Sumenkov. Penza : Information and Publishing Center PSU, 2005. 180 p.

Зяблова Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

Мамчун Владимир Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
vladimir_mamchun@mail.ru

**ПРАВОВАЯ МАКСИМА
КАК ЛОГИКО-ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН**

Аннотация. Статья посвящена уточнению понятия «правовая максима», ее соотношению со смежными явлениями. Максима рассматривается как явление, подразумевающее неразрывное единство правового содержания с логической и литературной формами ее организации и выражения. Авторами рассматривается соотношение максим с принципами и аксиомами в праве, а также, со смежными литературными формами выражения правового содержания: афоризмами, сентенциями и паремиями. Делается вывод о самостоятельности и оригинальности правовой максимы как логико-языкового феномена.

Ключевые слова: правовая максима, правовой принцип, аксиома в праве, римское правовое наследие, юридическая практика, правовые закономерности, правовые афоризмы, сентенции и паремии, логико-языковой феномен.

Правовые максимы – лаконичные, емкие словесные формулы, преимущественно на латыни, предельно точно выражающие мысль, фиксирующую соответствующую государственно-правовую закономерность, своим происхождением восходят к римскому праву. На протяжении многих столетий они активно использовались в юридической практике, выступая в качестве особого нормативного средства – сначала в римском, а затем, и в романо-германском праве. Однако по мере развития последнего, максимы утрачивают свое регулятивное значение, не утрачивая при этом своей привлекательности для зарубежных и

Tatyana E. Zyablova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Theory
and the History of the State and law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
Penitentiary Service of Russia

Vladimir V. Mamchun

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Theory
and the History of the State and Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
vladimir_mamchun@mail.ru

**LEGAL MAXIM
AS A LOGICAL-LINGUISTIC
PHENOMENON**

Annotation. This article is devoted to clarifying the concepts of the legal maxim and its relation to related phenomena. The maxim is considered as an inseparable unity of the legal content with the logical and literary forms of its organization and expression. The article considers the correlation of maxims with principles and axioms in law, as well as with related literary forms of expression of legal content: aphorisms, maxims and paroemias. The conclusion is made about the independence and originality of the legal system of the maxim as a logical-linguistic phenomenon.

Keywords: legal maxim, legal principle, axiom in law, Roman legal heritage, legal practice, legal regularities, legal aphorisms, maxims and paroemias, logical-linguistic phenomenon.

отечественных юристов, хотя и в ином, чем прежде, качестве.

Чаще всего, использование максим в юридических текстах – это апеллирование к авторитету римского права, стремление придать вес собственным идеям, созвучным с правовыми формулами, выраженными в максимах. И для этого имеются определенные основания, о которых речь пойдет ниже.

Сегодня понимание правовых максим в отечественной юриспруденции весьма неоднозначно.

Спектр значений, вкладываемых в это словосочетание, достаточно широк: принцип, аксиома, сентенция, афоризм, паремия (пословица, поговорка). В связи с этим, возникает вопрос о том, может ли одно и то же явление пребывать в качестве перечисленных, поскольку простое признание их синонимами способно привести к выводу о том, что правовой принцип – это не более чем поговорка о праве.

В содержательном плане максима описывает проявленную и обоснованную юридической практикой закономерность. В логическом плане максима представляет собой логическую модель оптимального состояния различных элементов и сторон самой юридической практики: целей права (*salus populi est suprema* – благо народа есть высший закон), свойств самого закона (*ubi jus incertum, ibi nullum* – если закон не определен, закона нет), юридической силы доказательств (*testes de visu praerponderat alius* – очевидец перевешивает других свидетелей), гарантий справедливого решения юридического дела (*ea quae fiunt a iudice si ad eius non spectant officium non subsistunt* – все, что судья делает за пределами своей должности, не имеет юридической силы, *in propria causa nemo iudex* – никто не может быть судьей в собственном деле) и др. С точки зрения родовой принадлежности, максимум можно рассматривать в качестве особой разновидности афоризмов [1, с. 72; 3, с. 14–17]. В этом смысле, она выступает в качестве литературной формы, способной зафиксировать и артикулировать определенное правовое содержание предельно емко и лаконично в художественной метафорической форме. При этом к максимами относятся не все афоризмы о праве, а только те, которые связаны с римским правовым наследием и выражены на латыни.

Значительная часть авторов отождествляет максимум с правовыми принципами, однако, это – скорее, дань традиции, вызванная терминологической практикой, связанной с отсутствием соответствующего термина для ее обозначения. Ни в римском, ни в средневековом праве не было принципов в их современном понимании; они появляются позже. максимами в XII в. стали называть общие правила – нормы с более высоким уровнем нормативного обобщения по сравнению с казусами и обычными *regulae*, содержащимися в титуле XVII 50 книги Дигест Юстиниана [2, с. 140–143]. Сегодня в позитивном праве потребности в подобных нормативных средствах нет ввиду технико-юридической развитости средств нормативно-правовой регламентации. В то же время, их нельзя отождествлять с современными принципами права, так как последние характеризуются точностью формулировок, более высоким уровнем абстракции и способностью к развертыванию содержания в нормативных положениях менее высокого уровня. максимами, в отличие от принципов, предполагают необходимость истолкования, установления связи с соответствующим контекстом. По словам А.Ф. Черданцева: «Афоризмам не следует придавать значения обязательных принципов или каких-то методологических правил» [6, с. 175], поскольку буквальное их истолкование способно привести к абсурду, как

например, афоризм *ponderantur testes, non numerantur* (свидетелей взвешивают, а не считают), выступающий правилом оценки доказательств [6, с. 176–177]. В то же время, нельзя отрицать наличия определенной связи между ними – максимами способны выступать средствами «раскрытия» содержания принципов, через них может быть развернут тот или иной принцип в процессах познания или изучения права.

При сопоставлении максимум и аксиом в праве также можно говорить о наличии определенной связи, отрицая при этом постановку вопроса о тождестве рассматриваемых явлений. Аксиома, как и максима, фиксирует определенный юридический опыт, при этом ее особенность состоит в том, что она выступает формой существования положений, воспринимаемых как безусловно истинные. Признавая то, что ряд максимум со временем может приобретать свойство аксиоматичности, следует указать на то, что сегодня далеко не все максимами, созданные как римскими, так и средневековыми юристами, могут претендовать на обладание подобным свойством, вследствие утраты ими актуальности, и, кроме того, в ряде случаев сопоставление противоположных по содержанию афоризмов способно привести к их взаимоисключению (что не является редкостью особенно для римских максимум) [6, с. 177]. Ряд аксиом в праве отражают не собственно юридический опыт, а результат его современного доктринального осмысления, фиксируя наиболее общие правовые закономерности, как например, аксиома, согласно которой, уровень правового развития общества не может быть выше уровня его социально-экономического развития, в то время, как максимами описывают закономерности частного порядка.

Сопоставление правовых максимум с близкими литературными формами, в частности, с правовыми сентенциями и паремиями (пословицами и поговорками), позволяет говорить об их близости, но не тождестве. максима, как сентенция в праве, нередко и вполне обоснованно связывается с деятельностью римских юристов. Общим для них является то, что это высказывание на латыни, как правило, с установленным авторством. Однако в отличие от сентенции, в результате многовекового использования максима утрачивает связь с конкретным автором. Различие проявляется также и в их объеме. Возникновение некоторых максимум является результатом «извлечения» их из сентенций, выраженных в большем объеме текста, в то время, как максимами нередко входят в их состав [3, с. 14–17].

Наглядное представление об этом дает титул 50.17 Дигест, содержащих фрагменты комментариев известных римских юристов, где одни фрагменты выражены одной фразой, которая впоследствии становится максимумой (D. 50.17.162.), в то время как другие включают в себя несколько предложений и предполагают выделение из него максимум логическим путем (D. 50.17.161.).

В части соотношения максимум с паремиями – поговорками и пословицами, нужно обратить внимание на то, что, будучи разновидностями

афоризма [4, с. 66], они имеют существенные различия, в то время, как авторство максимы, при необходимости можно выявить, пословицы и поговорки анонимны. Правовые максимы и паремии – явления идеальные, их сферой бытия является правосознания, однако при этом, максима – элемент профессионального и доктринального правосознания, в то время как паремии – обыденного. Отличие между ними заключается в глубине, объеме и точности отражения закономерных связей права. В основе максим лежит осмысление опыта профессиональной юридической деятельности, фиксирующее правовые закономерности, а паремий – непосредственный опыт правореализации и внешние, поверхностные представления о праве и юридической деятельности.

Различие заключается также и в том, что максимы фиксируют и транслируют сгустки положительного опыта, обеспечивающего устойчивость, стабильность правового регулирования, в то время как паремии нередко несут негативный, нигилистический заряд: «закон что дышло – куда

повернул, туда и вышло», или описывают возможность неправовых социальных практик: «закон что столб – перепрыгнуть нельзя, отойти можно» [5, с. 193]. Различие проявляется и в их эстетических свойствах. Максимы эмоционально нейтральны, их эстетика рационально постигаема – она выражается в логичности построения и точности выражения правового содержания, в то время как паремии экспрессивны [5, с. 193] и воздействуют на уровне правовой психологии. Немаловажно и то, что максимы преимущественно являются переводом с латыни, в то время как паремии изложены исключительно на русском языке.

Таким образом, правовая максима, хотя и связана с правовыми принципами и аксиомами, тем не менее, является самостоятельным правовым явлением. Она относится к числу оригинальных логико-языковых феноменов, представляющих единство правового содержания, логической формы его организации и литературной формы выражения, выступающих средством профессионального и доктринального правового мышления.

Литература:

1. Бай Ю. Признаки афоризма как литературного жанра в русском языке / Ю.Бай // Грани познания. 2014. № 5(32). С. 70–73.
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования М. : Изд-во МГУ : Издательская группа ИНФРА-М-NORMA, 1998. 225 с.
3. Наличникова И.А. К вопросу отличий афоризмов от родственных жанров (литературных цитат, сентенций и максим) / И.А. Наличникова // Интеграция наук. 2018. № 7(22). С. 14–17.
4. Ольшанский И.Г. Афористика как объект филологических исследований / И.Г. Ольшанский, О.В. Мельникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 559. С. 63–81.
5. Сидоров А.И. Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа / А.И. Сидоров // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3(24). С. 193–198.
6. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. 192 с.

Literature:

1. Bai Yu. Signs of aphorism as a literary genre in the Russian language / Yu.Bai // Facets of knowledge. 2014. № 5(32). P. 70–73.
2. Berman G.J. The Western tradition of law: the Epoch of Formation M. : MSU Publishing House: INFRA-M-NORM Publishing Group, 1998. 225 p.
3. Nalichnikova I.A. On the question of differences between aphorisms and related genres (literary quotations, maxims and maxims). 2018. № 7(22). P. 14–17.
4. Olshansky I.G. Aphoristics as an object of philological research / I.G. Olshansky, O.V. Melnikova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 559. P. 63–81.
5. Sidorov A.I. Yuridicheskie proverbs and sayings in the legal practice of the Russian people. Wednesday. Development. 2012. № 3(24). P. 193–198.
6. Cherdantsev A.F. Logico-linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg : UIF «Nauka», 1993. 192 p.

Лебедев Семен Яковлевич
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина
lebesem@yandex.ru

Джафарли Вугар Фуад оглы
кандидат юридических наук,
доцент,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина
nizami.66@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются перспективы уголовно-правового обеспечения криминологической безопасности в сфере информационных технологий, оценивается роль и место уголовно-правового ресурса в системе обеспечения криминологической кибербезопасности, обосновываются предпосылки цифровизации уголовного закона и определяются условия встраивания уголовно-правовых норм в существующую систему обеспечения кибербезопасности, предлагаются уголовно-правовые меры, направленные на предупреждение инновационных преступлений, совершаемых в киберпространстве, а также традиционных уголовно наказуемых деяний, совершаемых с использованием современных информационных технологий.

Ключевые слова: киберпреступность, криминологическая безопасность, кибербезопасность, цифровой уголовный закон.

Очевидно, что воздействие на криминогенные явления и, как их следствие, – уголовно наказуемые деяния лишь тогда обретет требуемую государством и обществом социально-правовую осмысленность и соответствующую ему результативность, когда оно будет осуществляться системно и комплексно посредством адекватных по степени своего антикриминогенного потенциала и оптимальных по своим ресурсам криминологических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-разыскных и уголовно-исполнительных средств обеспечения социально-правовой защиты личности, общества, государства от преступности. Современная цифровая эпоха, безусловно, добавляет к этому, до недавнего

Semyon Ya. Lebedev
Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Doctor of Law,
Professor,
Russian State University
named after A.N. Kosygin
lebesem@yandex.ru

Vugar F. Jafarli
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Russian State University
named after A.N. Kosygin
nizami.66@mail.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW INNOVATIONS IN THE SYSTEM OF ENSURING CRIMINOLOGICAL CYBERSECURITY

Annotation. The article analyzes the prospects of criminal-legal provision of criminological security in the field of information technologies, assesses the role and place of criminal-legal resources in the system of ensuring criminological cybersecurity, substantiates the prerequisites for digitalization of criminal law and defines the conditions for embedding criminal-legal norms in the existing system of ensuring cybersecurity, suggests criminal-legal measures aimed at preventing innovative crimes committed in cyberspace, as well as traditional criminal acts committed using modern information technologies.

Keywords: cybercrime, criminological security, cybersecurity, digital criminal law.

времени, обычному антикриминальному арсеналу, собственные информационно-технологические условия и ресурсы, без которых традиционные средства предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а равно, обращения с преступниками, становятся, мягко говоря, малоэффективными. Потому в условиях беспрецедентного нарастания процессов цифровизации, стремительно поглощающих своим развитием привычные для человека типажи его повседневной деятельности, вполне понятной и обоснованной становится насущная потребность в адекватной современным цифровым угрозам социально-правовой защите существующих и будущих общественных отношений.

Следуя логике цифрового развития систем управления обществом, как нам представляется, в перспективе, любое противоправное деяние должно быть обречено на подверженность адекватной ему форме цифрового правоохранительного реагирования. Можно предположить, что в будущем каждое правонарушение с момента его обнаружения, фиксации и вплоть до снятия или погашения судимости виновному в его совершении лицу, то есть, в течение всего времени, относимого к периоду реализации уголовного судопроизводства, может и должно сопровождаться различными оцифрованными правоохранительными процедурами. На наш взгляд, это максимально приблизит уголовное право и реализующий его уголовный процесс к актуальным информационно-технологическим стандартам социального управления в сфере обеспечения криминологической безопасности.

В данном случае имеется в виду, что каждая стадия, через которую «пропускается» факт правонарушения, должна быть *объективизирована путем цифровизации*. Тем самым, она будет лишена, проявляющейся сегодня повсеместно в правоохранительной практике субъективно-предвзятой интерпретации реально существующих юридических фактов и событий в чьих-либо, к примеру, личных либо корпоративных корыстных или прочих неправовых интересах.

Подобная цифровая, лишенная тенденциозной человеческой предвзятости, как модель уголовно-правового воздействия на преступления будет способствовать формированию в обществе принципиально новой правовой ментальности. Следуя ей, всякий человек будет стремиться к правопослушному поведению, по максимуму избегая нежелательного контакта с законом, поскольку будет осознавать, что любой его негативный, социально предосудительный шаг отслеживается и юридически должным образом оценивается автоматически. Именно так объективизируется главное, провозглашенное некогда известным итальянским юристом-просветителем Чезаре Беккариа в его бессмертном труде «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.): правовое средство удержания от совершения преступления, заключающееся «...не в жестокости наказаний, а в их неизбежности... Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания приведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность» [1].

Разумеется, реализация предлагаемой идеи сопряжена с множеством сомнений, уже получивших в общественном мнении свое протестное звучание в виде, так называемого, «цифрового концлагеря», дискуссии о котором сегодня становятся в обществе самостоятельным источником нового социального конфликта, главным образом, между правозащитниками и инновационно-информационными технологами [2]. Возможно, в данном случае необходим некий «здоровый» макиавеллизм [3], когда под страхом обнаружения и изобличения со стороны «всевидящего ока», к примеру, видеокамеры, оборудованной функцией искусственного интеллекта, в полной мере будет

реализовываться превентивный эффект. Такой вид психологического воздействия нам представляется совершенно необходимым, поскольку для немалого числа сограждан именно страх изобличения при совершении преступления – самый действенный и эффективный способ на пути к правопослушному поведению, как в настоящем, так и в будущем. Но этого явно мало, поскольку недостаточно рассчитывать лишь на страх перед неизбежным наказанием. Ведь нельзя забывать о том, что существует извечное «высшее мерило» – социальная справедливость, к достижению которой должна стремиться всякая власть. Между тем, обеспечить пусть не идеальный, но все же достаточно высокий уровень справедливости при отправлении правосудия в расширяющемся цифровом пространстве традиционным уголовно-правовым правоприменением явно не удастся.

Образно понимая выражение Нила Геймана «Куда бы ты ни поехал, ты берешь с собой себя», мы приходим к выводу: нет и не может быть идеального, абсолютно справедливого следователя или судьи, лишённого всяческого пристрастия, ибо субъективизм – в самой природе человека [4].

Получается, что добиться достижения социальной справедливости «всегда и везде» посредством задействования исключительно человеческого «мерила» вряд ли возможно. Перспектива масштабного решения такой проблемы, на наш взгляд, заключена в разумном и взвешенном применении технологии искусственного интеллекта, способной «выключить» субъективный ресурс и максимально реализовать объективный подход к юридической оценке фактов социальной действительности.

Следовательно, исходя из изложенного и учитывая правоохранительные интересы и чаяния общества, нуждающегося в объективной уголовно-правовой защите от преступных посягательств, сопровождаемой соответствующими объективно настроенными механизмами уголовно-правового судопроизводства, представляется целесообразным формирование такой системы уголовно-правового контроля над преступностью, которая будет способна не только укреплять, прежде всего, в криминогенно ориентированных субъектах ощущение неизбежности наказания за совершение ими преступлений, но, что более важно, способствовать реализации социально значимого принципа справедливости, обеспечиваемого, опять-таки, неотвратимостью наказания.

Разумеется, обеспечение криминологической безопасности связано с комплексом социально-правовых ресурсов, каковые создают систему антикриминального контроля, реализуемого государством и обществом посредством:

- определения закономерностей и тенденций преступности, ее состояний в прошлом, настоящем и будущем, применительно к разным пространствам и временам своих проявлений;
- установления и нейтрализации криминогенных источников правонарушений;

– обнаружения самих фактов правонарушений и, совершающих их правонарушителей, применения в отношении них мер профилактического, административно-правового, уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного воздействия;

– осуществления постпенитенциарного контроля;

– предупредительной деятельности в отношении потенциальных и реальных потерпевших от преступных посягательств (виктимологической профилактики).

В то же время, учитывая всеобъемлющую информационно-технологическую перспективу развития государственного контрольного ресурса в системе социального управления, весь социально-правовой контроль над преступностью, безусловно, должен предопределяться и сопровождаться, в первую очередь, адекватным объективным, суть – цифровым – уголовно-правовым реагированием на инновационные криминогенные и криминальные проявления, представляющим базовую правовую основу для системного обеспечения криминологической безопасности, в том числе, и в киберпространстве. Воплощение такой идеи предполагает первостепенное решение следующих научно-практических задач:

1. Формирования, развития и реализации концепции взаимосвязей, взаимозависимостей и взаимодействий международного, правового, правоприменительного, криминологического, информационно-технологического, научно-практического, коммерческого и прочих ресурсов, направленных на обеспечение состояния защищенности личности, общества и государства от посягательств, культивируемых, прежде всего, в киберпространстве с помощью информационных технологий.

2. Оптимизации посредством криминологического и информационно-технологического потенциалов инновационного уголовно-правового ресурса как правовой основы криминологической кибербезопасности, причем, охватывающей полем своего правового контроля не только инновационную преступность в киберпространстве, но и традиционную преступность, культивируемую в обычной (не виртуальной) социальной среде, однако так или иначе связанную с цифровыми технологиями.

3. Встраивания в цифровой потенциал существующего специализированного бизнес-ресурса [5], доказавшего свою результативность в нейтрализации киберугроз, цифровой программы-фильтра, содержащей в качестве контента диспозиции норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, позволяющей не просто обнаруживать факты преступлений в киберпространстве, но и одновременно производить их оценку по критерию преступности/непреступности и, соответственно, подвергать таковые объективной уголовно-правовой регистрации.

4. Формирования цифрового ресурса обнаружения и фиксации правонарушений, для чего возможно использование стационарных видеокамер,

мобильных цифровых устройств с искусственным интеллектом, беспилотных летательных аппаратов (дронов), оборудованных видеокамерами с функцией распознавания лиц и эмоций, способных не только передавать оперативную картинку, но и преследовать, фиксировать преступников, не исключая, при необходимости, применения инновационных средств обездвиживания таковых до прибытия наряда полиции.

5. Формирования инновационной системы выявления, пресечения и раскрытия преступлений с использованием в оперативно-разыскной деятельности современных цифровых криминологических средств (форензики), специальных цифровых инструментов негласного получения оперативно-разыскной информации.

6. Формирования инновационной системы предварительного расследования преступлений с применением оцифрованного уголовно-правового ресурса, приобщением к уголовным делам актуальных данных с цифровой диагностической карты (ЦДК), установлением всех объективных обстоятельств по уголовному делу, включая свойства и качества личности обвиняемого.

7. Формирования инновационной системы объективной квалификации и оценки уголовно наказуемых деяний в приговорах с использованием оцифрованного уголовно-правового ресурса, персональных социально-криминологических данных правонарушителей, цифровой системы определения оптимальной меры наказания - «электронные весы правосудия», технологий «блокчейн» в уголовном процессе, иных инновационных технологий в сфере уголовного судопроизводства.

8. Формирования инновационной системы контроля над осужденными во время отбывания ими наказания, при условно-досрочном освобождении, в период судимости, в том числе, в рамках административного надзора с применением видеокамер с функцией распознавания лиц, инновационных средств дистанционного контроля над преступностью.

9. Формирования, развития и постоянной поддержки разнообразных информационных социально-правовых взаимосвязей, взаимозависимостей и взаимодействий на международном и национальном, государственном, общественном и личностном, правовом и правоприменительном, кадровом и образовательном, а также, иных уровнях, способных обеспечивать охрану общественных отношений, а также «на дальних подступах» предвидящих и прогнозирующих криминологические риски и угрозы, в результате чего будет достигнут достаточно высокий уровень предупреждения как инновационной, так и традиционной преступности.

Как нам представляется, решение этих задач предопределено предварительным созданием оптимизированного, в том числе, посредством информационно-технологической трансформации (цифровизации), уголовного закона (*цифрового уголовного кодекса*). По сути, это может быть

первым этапом формирования и развития системы криминологической кибербезопасности. В свою очередь, процесс такой инновационной трансформации обуславливает решение собственных соответствующих ему теоретических и практических задач:

1. Формулирование понятийного аппарата системы криминологической кибербезопасности.

2. Характеристики и оценки перспектив оптимизации использования уголовно-правового ресурса в обеспечении криминологической кибербезопасности с учетом историко-правового и сравнительно-правового опыта уголовно-правовой охраны общественных отношений от преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий.

3. Характеристики и оценки состояния теории и практики уголовно-правовой квалификации преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, а, равно, адекватности уголовно-правовых наказаний за их совершение.

4. Цифрового анализа текста действующего Уголовного кодекса РФ посредством существующих (и специально разрабатываемых) программ искусственного интеллекта на предмет:

а) выявления и устранения в нем несоответствий между уголовно-правовыми запретами и установленными за их нарушения санкциями, с вероятными общими рекомендациями по поводу оптимального вида и срока уголовного наказания;

б) выявления и устранения логических ошибок, связанных с несоответствиями между утратившими силу и новыми законами;

в) выявления и устранения несоответствий между «материнскими» и специальными составами;

г) выявления и устранения уголовно-правовой тавтологии между различными смежными нормами;

д) выявления и устранения норм-«клонов»;

е) выявления и устранения нечетких понятий;

ж) полноценного учета криминологических свойств и качеств личности преступника при назначении наказания;

з) криминологической обоснованности криминализации и декриминализации преступлений.

5. Обоснования криминологических и информационно-технологических предпосылок оптимизации уголовно-правовой охраны общественных отношений от преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, путей и средств совершенствования соответствующих ей норм уголовного закона.

6. Характеристики современных угроз криминологической кибербезопасности как объектов адекватного и оптимального уголовного-право-

вого контроля и обоснования предпосылок к выработке оптимизированного уголовно-правового ресурса, способного эффективно противостоять как киберпреступности, так и традиционным криминальным посягательствам.

7. Обоснования перспектив информационно-технологической модернизации (цифровизации) уголовного закона и практики его применения в обеспечении криминологической кибербезопасности.

Очевидно, что осуществление процесса «оцифровки» уголовно-правового (кстати, как и иного правового или криминологического) ресурса невозможно без специалистов в области информационных технологий (IT-специалистов). В то же время, ясно, что инициатива подобной цифровизации, безусловно, должна исходить от специалистов в области уголовного права и криминологии. Вместе с тем, существует вполне зримая проблема, заключающаяся в том, что как законодатель, так и рядом специалистов в области уголовного права недооценивается значимость такого феномена, как криминологическая информация, тогда как криминологический материал, связанный с изучением закономерностей киберпреступного поведения, получаемый с помощью таких цифровых технологий, как «большие данные» и «искусственный интеллект», помогающий реализовать познавательный потенциал путем криминологического кибермониторинга [6], позволяет объемнее и целенаправленнее создавать актуальные и адекватные существующим криминологическим реалиям системы уголовно-правовых запретов и соответствующих им санкций.

Вторым предварительным этапом формирования и развития системы криминологической кибербезопасности, целью которого является всесторонний анализ криминологических средств предупреждения преступности в сфере информационных технологий, должна стать оптимизация информационно-технологического и криминологического ресурсов, актуализирующая формирование цифрового уголовного закона и цифровых средств предупреждения преступлений в киберпространстве. На этом этапе предполагается:

1. Изучение закономерностей, тенденций и состояний преступности и отдельных преступлений в сфере информационных технологий, включая криминологическое прогнозирование киберпреступности.

2. Анализ криминологической (криминогенной и антикриминогенной) детерминации преступности в сфере информационных технологий.

3. Криминологическое моделирование киберпреступлений.

4. Криминологическая характеристика и оценка личности преступника, совершающего уголовно-наказуемые деяния в сфере информационных технологий, а также, оценка места и роли таких преступников в механизмах совершения киберпреступлений.

5. Виктимологическая характеристика и оценка личности потерпевшего от преступлений в сфере

информационных технологий, а также оценка места и роли таких потерпевших в механизмах совершения киберпреступлений.

6. Исследование перспектив оптимизации формирования адекватных развитию криминологической ситуации в сфере информационных технологий предметных информационных ресурсов и предметного использования криминологической информации, направленных на обеспечение криминологической кибербезопасности, в том числе с помощью цифровизации предметного для обеспечения криминологической кибербезопасности уголовно-правового ресурса, а именно:

а) осуществление сбора, анализа и определение оценки криминологической информации о состоянии преступности с использованием цифровых технологий и модернизированных с их помощью предметных криминологических и информационно-технологических ресурсов;

б) цифровое оформление информации по уголовным делам, материалам об административных правонарушениях, материалам об отказах в возбуждении уголовных дел, иным материалам (в том числе, по возможности, оперативно-разыскным) и направлением их в единую информационную базу данных о преступности;

в) создание в отношении лиц, склонных к устойчивому антиобщественному поведению, цифровой диагностической карты (ЦДК), формирование и предметное информационное наполнение которой будет осуществляться на всех стадиях допреступного, преступного и постпреступного (в том числе, после отбытия наказаний за совершение преступлений) поведения личности из информационных источников правоохранительных, судебных и иных органов, деятельность которых связана с индивидуально-профилактическим воздействием в отношении такой личности;

г) цифровизацию информации правового характера, прежде всего, конституционных норм, решений и предписаний Конституционного Суда РФ, рекомендаций международных и отечественных правозащитных организаций, всего массива данных в сфере национального и зарубежного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, как актуального, так и действовавшего ранее;

д) регулярную оптимизацию формирования, инновационного изменения и дополнения цифровых ресурсов уголовного закона посредством использования технологий больших данных и искусственного интеллекта, с инициацией соответствующих рекомендаций законодателю.

Помимо этого, следует учесть, что, сама по себе, цифровая оптимизация уголовно-правового и криминологического ресурсов является явно недостаточной, поскольку мало создать совершенные цифровые законодательные ресурсы и разработать совершенные, опять-таки, цифровые механизмы их реализации. На наш взгляд, в процесс формирования и развития системы криминологической кибербезопасности необходимо

обязательно интегрировать уже существующие или же находящиеся на стадии перспективной разработки иные важные антикриминогенные ресурсы, активно и, главное, результативно реализуемые в современной правоохранительной практике. Таким образом, создается комплексный междисциплинарный ресурс криминологической безопасности (в том числе, кибербезопасности), в котором найдут свое правоохранительное воплощение как специализированные антикриминогенные и антикриминальные, так и иные социально-правовые средства предупреждения преступности. В результате можно вплотную подойти к созданию такого механизма уголовного правоприменения, с помощью которого степень защищенности личности, общества, государства от традиционной или же информационно-технологической преступности будет способна достигнуть желаемого обществом и государством социально приемлемого уровня.

Отмеченное диктует необходимость в реализации *третьего предварительного этапа формирования и развития системы криминологической кибербезопасности – совершенствование комплекса антикриминальных ресурсов*, в рамках которого нам представляется важным произвести:

1. Анализ состояния адекватности и оптимальности соответствия существующих мировых систем правоохранения и позиционируемых ими перспектив своей антикриминогенной деятельности целям криминологической безопасности в сфере информационных технологий, аспектов обеспечения всемерного и полноценного развития предметного международного сотрудничества в этой сфере.

2. Оценку с правовой и информационно-технологической позиций российских отраслевых нормативных правовых ресурсов обеспечения криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

3. Изучение научно-практических и инновационно-технологических предпосылок формирования и развития общих нормативных правовых основ системы криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

4. Анализ состояния научных, информационно-технологических и коммерческих ресурсов, а также, перспектив привлечения общественного ресурса к обеспечению криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

5. Исследование перспектив создания общенациональной системы защиты наиболее важных «сетевых» объектов, образующих критическую информационную инфраструктуру, в качестве которых должны выступать компьютерные группы реагирования на чрезвычайные ситуации - CERT (Computer Emergency Response Team).

6. Инициацию модернизации образовательных стандартов и их реализацию в подготовке, переподготовке и повышении профессиональной квалификации юристов и иных специалистов

правоохранительных органов для системы криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

7. Оценку перспектив совершенствования предметных антикриминальных (уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминалистической, оперативно-разыскной и уголовно-исполнительной) нормативных правовых ресурсов, так или иначе связанных с предупреждением преступлений в сфере информационных технологий.

Литература:

1. *Беккариа Чезаре*. О преступлениях и наказаниях / Беккариа Чезаре; Пер. с фр. А. Хрущов. СПб. : Тип. И. Глазунова, 1806. URL : <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/57757-bekkaria-ch-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah-spb-1806>

2. См. подр.: Цифровой концлагерь или цифровая утопия. Почему нам всем нужно меняться, чтобы справиться с новыми технологическими вызовами? – Такие дела, 07 марта 2021 г. URL : <https://takiedela.ru>

3. См.: *Макиавелли Н.* Государь: «Что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх». URL : <https://eksmo.ru/interview/20-tsitat-iz-gosudarya-nikkolo-machiavelli-ID5829868/> (дата обращения 03.01.2020).

4. См.: *Гейман Н.* История с кладбищем: «Они как те люди, которые думают, что будут счастливы, если переедут в другое место, а потом оказывается: куда бы ты ни поехал, ты берёшь с собой себя». URL : <https://www.livelib.ru/book/1001504334/quotes-istoriya-s-kladbischem-nil-gejman> (дата обращения 10.01.2020).

5. В перспективе, в аналогичный потенциал специализированного государственного ресурса.

6. Более подробно см.: *Джафарли В.Ф.* О созвучности тезиса «Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс» теории криминологической безопасности в сфере информационных технологий / В.Ф. Джафарли // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4(55). С. 47–54.

8. Создание системы мониторинга реализации самих цифровых ресурсов обеспечения криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

Как нами предполагается, решение перечисленных теоретических и практических задач создаст в перспективе надежную научную основу развития и укрепления системы криминологической кибербезопасности, так необходимой обществу и государству в эпоху цифровых трансформаций общественных отношений.

Literature:

1. *Beccaria Cesare*. On crimes and punishments / Beccaria Cesare; Translation from French A. Khrushchev. St. Petersburg: I. Glazunov Type, 1806. URL : <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/57757-bekkaria-ch-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah-spb-1806>

2. See sub-section: Digital concentration camp or digital utopia. Why do we all need to change to meet the new technological challenges? Such Matters, March 07, 2021. URL : <https://takiedela.ru>

3. See: *Machiavelli N.* The Sovereign: «Which is better: to love the sovereign or to be afraid of him. They say that it is best to be afraid and love at the same time; however, love does not get along well with fear, so if you have to choose, it is safer to choose fear». URL : <https://eksmo.ru/interview/20-tsitat-iz-gosudarya-nikkolo-machiavelli-ID5829868/> (date of application 03.01.2020)

4. See: *Gaiman N.* The story of the cemetery: «They are like those people who think be happy if I moved to another place, and then it turns out: wherever you go, you take yourself with you». URL : <https://www.livelib.ru/book/1001504334/quotes-istoriya-s-kladbischem-nil-gejman> (date of application 10.01.2020).

5. In the long term, in a similar capacity of the specialized state of the resource.

6. For more information, see: *Jafarli V.F.* On the consonance of the thesis «Digital security – digital criminal law resource» of the theory of criminological security in the field of information technologies / V.F. Jafarli // Criminology: yesterday, Today, Tomorrow. 2019. № 4(55). P. 47–54.

Леонтьев Максим Игоревич
аспирант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
maxim.leontiev2014@yandex.ru

Левушкин Анатолий Николаевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
maxim.leontiev2014@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ С СУБЪЕКТАМИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. К субъектам малого предпринимательства относятся юридические лица, индивидуальные предприниматели и самозанятые, отвечающие таким требованиям как: численность сотрудников менее 250, годовой доход меньше 2 млрд рублей, другие критерии, прописанные в Федеральном законе № 209-ФЗ. Больших различий в порядке прекращения договора аренды между субъектами предпринимательства нет, но есть особенности, характерные именно для субъектов малого предпринимательства, в основном, касающиеся прекращения срочных договоров (договоров заключенных на определенный срок). Авторами в статье рассмотрены некоторые особенности прекращения договора аренды с субъектами малого предпринимательства.

Ключевые слова: договор аренды, субъекты малого предпринимательства, арендатор, арендодатель.

При заключении договора аренды большое значение имеет обоюдный баланс интересов. Договор аренды выступает в этом случае неким гарантом беспроблемного расторжения отношений между сторонами сделки в случае такой необходимости.

Договор аренды может быть заключен на какой-то определенный срок, или, иначе, срочный договор аренды, или быть заключен на неопределенный срок (бессрочный договор аренды).

Договор аренды, заключенный на определенный срок, по истечению оговоренного срока прекращает свое действие, при этом арендатор, исправно исполняющий свои обязанности, имеет преимущественное право на заключение нового договора аренды [1]. Для использования своего преимущественного права арендатор должен заявить о своем желании письменно и уведомить

Maxim I. Leontiev
Graduate Student,
Moscow financial and industrial
University «Synergy»
maxim.leontiev2014@yandex.ru

Anatoly N. Levushkin
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department,
Moscow Financial and Industrial
University «Synergy»
maxim.leontiev2014@yandex.ru

FEATURES OF TERMINATION OF THE LEASE AGREEMENT WITH SMALL BUSINESSES

Annotation. Small business entities include legal entities, individual entrepreneurs and the self-employed who meet such requirements as: the number of employees is less than 250, the annual income is less than 2 billion rubles, other criteria are prescribed in Federal Law № 209-FZ. There are no major differences in the procedure for terminating a lease agreement between business entities, but there are features that are specific to small businesses, mainly concerning the termination of fixed-term contracts (contracts concluded for a certain period of time). The author considers some features of the termination of the lease agreement with small businesses.

Keywords: lease agreement, small business entities, tenant, landlord.

арендодателя. Однако бывают случаи, когда субъекты малого предпринимательства продолжают использовать арендованное имущество и после срока истечения договора, в этом случае, происходит переход срочного договора в разряд бессрочных. До истечения срока действия договора аренды его прекращение происходит по требованию одной из сторон в судебном порядке при наличии нарушений другой стороны. Условия досрочного расторжения договоров аренды установлены в ст. 619 ГК РФ для арендодателя и в ст. 620 ГК РФ для арендатора.

В отличие от срочного договора, бессрочный договор аренды, согласно п. 2 ст. 610 ГК РФ, подразумевает возможность прекращения договора аренда в любой момент (но обязательно предварительно об этом за три месяца). Договор аренды прекращается после составления акта приема-передачи с описанием арендуемого

возвращаемого имущества и возврата имущества арендодателю.

В результате пандемии коронавируса возникла основная особенность прекращения договора аренды с субъектами малого предпринимательства. В 2020 году был принят закон «О принятии неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» [2], на основании которого, субъекты малого и среднего предпринимательства могут задействовать облегченный порядок прекращения договора аренды в случае, если они относятся к наиболее пострадавшим отраслям экономики в пандемию. Список пострадавших отраслей определяло правительство (постановление 434 Правительства РФ) [4]. Арендатор, в лице субъекта малого предпринимательства, согласно данного закона, может без штрафов и в упрощенном порядке расторгнуть срочный договор аренды, если соблюдены следующие условия [3]:

- в регионе расположения рассматриваемой недвижимости был введен ЧС или режим повышенной готовности, заключение договора аренды при этом было осуществлено до введения указанных режимов;
- отказ арендодателя в предоставлении арендатору скидки по аренде;
- договор аренды был заключен относительно нежилых зданий, помещений, сооружений, их частей; арендатор использовал рассматриваемое имущество для осуществления своей деятельности (пострадавшей во время пандемии);
- уведомление о прекращении договора аренды субъект малого предпринимательства направил арендодателю не позднее 1.10.2020.

При этих условиях, обеспеченный платёж, уплаченный арендатором, не возвращается, как и не является возможным вытребовать у арендатора возмещение упущенной выгоды, взыскать штраф или другие денежные суммы, прописанные в договоре аренды за односторонний отказ арендатора (п. 3 с. 310 ГК РФ).

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021). Ст. 621. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/c22a45bebe759e5aесса241се6е591612а842еb2/
2. Федеральный закон от 08.06.2020 № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006080011>

Согласно данного закона, прекращение договора аренды с субъектами малого предпринимательства происходит в порядке ст. 450.1 ГК РФ, а именно, во внесудебном порядке путем направления уведомления об отказе от договора аренды. Прекращение договора аренды начинается со дня получения уведомления арендодателем или с момента, когда уведомление будет считаться доставленным. Форма данного уведомления не установлена законом, но, если брать традиционный деловой оборот уведомление надо делать в письменной форме с указанием принятого закона. В виду того, что данная форма прекращения договора аренды все-таки иногда носит спорный характер желательно сохранение всех отчетных документов по отправке уведомления. При возникновении спора именно наличие документов по отправке поможет доказать, что арендатор отправил уведомление и отказ состоялся.

В целом, если рассматривать порядок прекращения договоров аренды с субъектами малого предпринимательства можно отметить основные моменты. Большинство спорных вопросов возникает относительно срочных договоров, так как расторжение бессрочного договора возможно в любое время по уведомлению (за 1 месяц договор аренды, за 3 месяца – договор аренды недвижимости, если иное не обговорено законом или договором). Досрочное расторжение договора возможно в судебном порядке с инициативы арендатора (ст. 620 ГК РФ) при условии, что арендатор создает препятствия для пользования арендуемым имуществом или имущество в силу обстоятельств оказывается в непригодном состоянии. Кроме этого, в договоре могут быть дополнительно прописаны условия досрочного прекращения договора аренды по требованию одной из сторон. При одностороннем расторжении договора со стороны арендатора арендодатель вправе удержать обеспеченный платеж. В договоре не могут быть прописаны условия, исключающие любую возможность немотивированно от него отказаться. Как уже было отмечено в статье, в 2020 году был принят закон, позволяющий отказываться от договора аренды субъектам малого предпринимательства во внесудебном порядке, отвечающим всем прописанным в законе условиям.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part two)» of 26.01.1996 № 14-FZ (ed. of 09.03.2021). ARTICLE 621. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/c22a45bebe759e5aесса241се6е591612а842еb2
2. Federal Law № 166-FZ of 08.06.2020 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to take urgent measures aimed at ensuring sustainable economic development and preventing the consequences of the spread of a new coronavirus infection». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006080011>

3. Федеральный закон от 01 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (с изменениями и дополнениями). П. 4. Ст. 19. П. 4. URL : http://base.garant.ru/73828134/95ef042b11da42ac166eeedeb998f688/#block_19

4. Постановление Правительства РФ от 03 апреля 2020 г. № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» (с изменениями и дополнениями). URL : <http://base.garant.ru/73846630>

3. Federal Law № 98-FZ of April 01, 2020 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the prevention and elimination of emergency situations" (with amendments and additions). item 4 of Article 19. Item 4. URL : http://base.garant.ru/73828134/95ef042b11da42ac166eeedeb998f688/#block_19

4. Decree of the Government of the Russian Federation № 434 of April 03, 2020 «On Approval of the List of Sectors of the Russian Economy Most Affected by the deterioration of the situation as a result of the spread of a new coronavirus infection» (as amended). URL : <http://base.garant.ru/73846630>

Петрик Анжелика Сергеевна
аспирантка,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
petrik.yurist.irk@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросам теоретической характеристики каждого элемента механизма правового саморегулирования. Поскольку, сам институт правового саморегулирования относительно новый для отечественной правовой действительности, многие его аспекты малоизучены, в связи с чем, автор статьи при описании механизма правового саморегулирования использует сравнение его с механизмом правового регулирования. Таким образом, в статье сформулированы тезисы о составе механизма правового саморегулирования, а также приведены результаты его сравнения с механизмом правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование; саморегулирование; правовое саморегулирование; механизм правового саморегулирования; предмет правового саморегулирования; метод правового саморегулирования; пределы правового саморегулирования; цели правового саморегулирования.

Уровень современного развития общественных отношений вызывает необходимость их урегулирования динамичными нормами, учитывающими волю и инициативность субъектов. Таким требованиям соответствуют нормы правового саморегулирования.

Саморегулирование закреплено в стандартах и правилах СПО, содержащих требования к осуществлению их профильному виду экономической деятельности [1, с. 45].

Современное саморегулирование базируется на принципах коллективной ответственности членов саморегулируемой организации; принципе единства отрасли; принципе ответственности субъектов саморегулирования за нарушения законодательства и др. [2, с. 12].

Однако для более эффективного применения правового саморегулирования на практике, требуется его детальная теоретическая проработка.

Наиболее полная теоретическая характеристика института правового саморегулирования может быть достигнута путем описания элементов его механизма. Такое описание может быть

Angelika S. Petrik
Graduate Student
Irkutsk Institute (branch)
of the All-Russian
State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
petrik.yurist.irk@mail.ru

FEATURES OF THE MECHANISM OF LEGAL SELF-REGULATION

Annotation. The article is devoted to the theoretical characteristics of each element of the mechanism of legal self-regulation. Since the institution of legal self-regulation itself is relatively new for domestic legal reality, many of its aspects are poorly studied, in connection with which the author of the article, when describing the mechanism of legal self-regulation, uses its comparison with the mechanism of legal regulation. Thus, the article formulates theses on the composition of the mechanism of legal self-regulation, and also presents the results of its comparison with the mechanism of legal regulation.

Keywords: legal regulation; self-regulation; legal self-regulation; mechanism of legal self-regulation; subject of legal self-regulation; method of legal self-regulation; limits of legal self-regulation; goals of legal self-regulation.

осуществлено через аналогию с теорией правового регулирования в силу следующего.

Правовое регулирование включает в себя два самостоятельных вида: нормативное и индивидуальное правовое регулирование, при этом индивидуальное регулирование включает в себя автономное, координационное и субординационное регулирование. В виду наличия у первых двух видов такого признака, как возможность его субъектов самостоятельно определять линию своего поведения, они, объединяясь, образуют правовое саморегулирование, что позволяет определить место правового саморегулирования в системе правового регулирования как подвид одного из двух основных видов правового регулирования.

Так, механизм правового регулирования включает в себя все характеристики и правовые средства, которыми осуществляется правовое регулирование общественных отношений.

Относительно правового саморегулирования понятие «механизм» можно определить по аналогии, как совокупность всех теоретических характеристик правового саморегулирования, а также правовых средств, за счет которых оно осуществляется.

Указанная совокупность теоретических характеристик позволяет правовому саморегулированию оказывать воздействие на общественные отношения, а также, формирует его как самостоятельный социальный регулятор.

К элементам механизма правового саморегулирования относятся предмет, методы, типы, пределы правового саморегулирования.

Также, в качестве характеристик правового саморегулирования можно назвать стадии создания и действия норм правового саморегулирования, цели правового саморегулирования.

Первым критерием для сравнения служат цели правового регулирования и правового саморегулирования.

Правовое регулирование призвано упорядочивать общественные отношения в различных их сферах. Целью правового саморегулирования в свою очередь, является регулирование общественных отношений в определенной сфере, где субъекты вправе самостоятельно определять линию своего поведения, не ограничиваясь нормами, установленными правом.

Кроме того, специалисты называют дополнительные и/или сопутствующие цели правового саморегулирования – представление интересов определенной категории лиц-субъектов саморегулирования, совершенствование нормативно-правовых актов в указанной сфере общественной жизни, а также обеспечение связи органов государственной власти и общественности.

Цели правового регулирования и правового саморегулирования совпадают в том, что оба явления призваны упорядочить общественные отношения, при этом их существенным различием является круг участников таких правоотношений.

Предмет правового регулирования и правового саморегулирования совпадает, включая в себя общественные отношения, урегулированные соответствующими нормами.

Следующий элемент механизма правового саморегулирования – методы регулирования.

Под методами правового регулирования понимается система приемов, способов, средств воздействия на предмет правового регулирования путем придания общественным отношениям юридической формы.

Также, следует трактовать и методы правового саморегулирования, с тем отличием, что в данном случае воздействие оказывается на общественные отношения, составляющие предмет правового саморегулирования.

Правовое регулирование использует методы субординации и автономии воли сторон (метод координации). Их ключевое отличие – отношение субъектов-участников правоотношения.

Метод автономии воли сторон наоборот, предполагает равенство субъектов и выбор ими вариантов поведения.

Для правового саморегулирования наиболее актуальным методом является метод координации, что обусловлено правовой природой саморегулирования. В отношениях саморегулирования отсутствует отношение вертикали, субъекты находятся в равном положении и посредством правового саморегулирования находят подходящий им вариант взаимодействия.

В научной литературе высказывается мнение о том, что метод координации, равно как и институт саморегулирования, должен применяться не только частноправовыми субъектами, но и субъектами публичного права [3, с. 11].

Таким образом, методы, используемые правовым саморегулированием, входят в систему методов правового регулирования.

Следующим критерием для сравнения правового саморегулирования и правового регулирования выступают типы регулирования.

Правовое регулирование включает в себя типы правового дозволения, обязывания и запрета.

Правовое дозволение устанавливает такую модель поведения, когда для субъекта нет четко установленной модели поведения, она определена как возможность совершить определенное действие или воздержаться от его совершения.

Обязывание не ставит субъект перед выбором совершать ему то или иное действие или нет. Обязанность – это строго предписанная модель поведения субъекта, при уклонении от которой наступает определенная ответственность. Обязанность предполагает активное действие со стороны обязанного субъекта.

Запрет, в свою очередь, не предполагает активных действий, напротив, предписывает субъекту воздержаться от совершения определенных действий под угрозой наступления ответственности.

По сути, нормы правового саморегулирования могут использовать все те же типы регулирования, но с тем ограничением, что действие таких дозволений, обязываний и запретов будет актуально лишь для субъектов саморегулирования.

Нормами саморегулирования вполне может быть установлена свобода действий их субъектов, в рамках которой они самостоятельно определяют свое поведение. Так, это актуально для договорного регулирования, где стороны прописывают свои права в договоре, но могут и воздержаться от их реализации. Также, для субъектов саморегулирования актуальны обязывания и запреты.

Следует отметить, что ключевым отличием будут выступать методы обеспечения исполнения обязанностей и соблюдения запретов. В случае с правовым регулированием – это методы государственного принуждения. Правовое саморегулирование не использует такие методы, и располагает лишь собственными мерами воздействия и ответственности.

В то же время, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в тех случаях, где правовое саморегулирование подкреплено нормативными актами, допускается властное государственное вмешательство в соответствующие отношения.

Также, в систему механизма правового саморегулирования входят его пределы.

Под пределами правового регулирования подразумеваются границы государственного вмешательства в общественные отношения. Специалисты выделяют несколько видов таких пределов: в зависимости от воли субъекта выделяют объективные и субъективные пределы. Объективные не зависят от воли субъекта правового регулирования, субъективные пределы возникают по зависящим от воли субъектов сторон обстоятельствам.

В зависимости от регулируемых отношений, границы правового регулирования делятся на внутренние и внешние. Внутренние устанавливаются непосредственно в связи с правовым регулированием, внутренние границы также включают в себя предметные и инструментальные пределы.

Внешние пределы правового регулирования отграничивают правовое регулирование от иных видов социальных регуляторов. Таких, как, например, религия и мораль.

Границы правового саморегулирования значительно уже, чем границы правового регулирования в целом, поскольку разграничение данного института с иными социальными регуляторами более строго определено.

Границы правового саморегулирования могут быть внешними, в том числе, введенными правовым регулированием, наряду с другими социальными регуляторами. Так, если присутствует определенная правовая норма, обеспеченная влиянием государства и упорядочивающая определенные общественные отношения, говорить о саморегулировании в данной сфере не приходится, за исключением случаев, когда правовое (если быть более точными, нормативное регулирование) оставляет место для саморегулирования, либо специально устанавливает его применение, в результате чего границы саморегулирования сдвигаются. В данном случае правовое регулирование выступает не только непосредственным пределом саморегулирования, но и определяет этот предел.

Внутренние границы правового саморегулирования также возможно определить, поскольку саморегулирование возможно выделить как на различных уровнях (местный, региональный, национальный и международный), так и в различных сферах общественной деятельности (предпринимательские отношения, отношения, связанные с публичными субъектами и т.д.).

В зависимости от проявления воли субъекта пределы правового саморегулирования могут быть объективными, где в силу не зависящих от воли таких субъектов обстоятельств, не может быть

применено саморегулирование. Второй вид пределов по заданному критерию – субъективные, то есть зависящие от воли субъектов саморегулирования.

Следует отметить, что субъективные пределы в данном случае имеют особую актуальность, поскольку саморегулирование возникает исключительно по воле его субъектов, обеспечивая их цели и интересы.

Таким образом, пределы правового регулирования и саморегулирования имеют схожие определения и одинаковую систему, объединяя два сравниваемых института с точки зрения теоретических характеристик.

Еще одним критерием для сравнения двух институтов выступают стадии правового регулирования и стадии саморегулирования.

В научной литературе стадии саморегулирования не обсуждаются, но, исходя из правовой природы саморегулирования они могут быть выделены. Для их выделения следует использовать аналогию широкого подхода к определению стадий правового регулирования, поскольку она позволяет исследовать вопрос детально и дает исчерпывающий результат.

Так, согласно выбранному подходу, в качестве первой стадии правового саморегулирования следует рассмотреть стадию правотворчества. Прежде чем любой акт саморегулирования начнет самостоятельно действовать, он должен быть сформулирован, исходя из общественной потребности. Саморегулирование само по себе возникает как результат инициативной и самостоятельной деятельности его субъектов, то есть по запросу соответствующей группы лиц, которые создают для себя соответствующие нормы и акты правового саморегулирования. После их создания реализуется стадия правовой регламентации отношений субъектов правового саморегулирования, когда на основании вышеупомянутых норм возникают взаимные права и обязанности сторон.

Дополнительная стадия – применение права также характерна для правового саморегулирования, только осуществляется данная стадия в этом случае силами самих субъектов правового саморегулирования, в отличие от правового регулирования, где обязательным условием применения права является наличие властных полномочий.

С другой стороны, осуществление применения норм правового саморегулирования может быть реализовано и органами государства в том случае, когда речь идет не о полностью автономном саморегулировании, а о тех отношениях, где применение саморегулирования установлено на нормативном уровне.

Таким образом, отличия характеристик механизма правового регулирования и правового саморегулирования отсутствуют в отношении предмета, способов внешнего выражения норм правового регулирования и саморегулирования, а также порядка действия таких норм.

В иных критериях для сравнения присутствует ряд отличий. Так, к ключевым отличиям целей правового регулирования и саморегулирования относится то, что саморегулирование призвано обеспечить представление отдельных групп субъектов, распространено лишь в отдельных сферах общественной жизни или их частях.

Субъекты правового саморегулирования в обязательном порядке являются субъектами правового регулирования в иных правоотношениях. Правовое саморегулирование расширяет действие правового регулирования, но при этом остается его видом.

Результаты сравнительного анализа характеристик механизма названных институтов подтверждают, что правовое саморегулирование является частью правового регулирования.

Характер трактовки категорий «часть» и «целое» и вытекающей отсюда проблемы целостности

Литература:

1. *Кинжалкина А.Б.* Принципы саморегулирования / А.Б. Кинжалкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. № 4. С. 43–49.
2. *Мхиторян Ю.И.* Саморегулирование – правовой режим, предмет и принципы правового регулирования / Ю.И. Мхиторян // Электронный научный журнал «Век качества». 2017. № 2. С. 4–22.
3. *Максуров А.А.* Координация в праве : монография / А.А. Максуров, И.И. Макаров. Ярославль : ЯФ МФЮА. 2012. 320 с.
4. *Поплавская Т.Н.* Категории «целое» и «часть» в современной философии / Т.Н. Поплавская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2012. № 4. С. 382–390.

определяет общую стратегию научного познания, способ решения кардинальных научно-философских проблем, а также норм, регулирующих мировоззренческую и ценностную сферы человеческой деятельности [4, с. 382].

Частью является всякая величина, входящая в другую величину, что распространяется и на составные части понятия (род и вид в определении).

Комплексный анализ всех приведенных выше положений и характеристик правового саморегулирования, позволяет сделать вывод о том, что правовое саморегулирование есть самостоятельный социальный регулятор, являющийся видом правового регулирования в виду общности многих элементов их механизмов, но также имеющий собственные теоретические характеристики элементов правового саморегулирования, что выделяет его как обособленный правовой институт.

Literature:

1. *Kinzhalina A.B.* Principles of self-regulation / A.B. Kinzhalina // Bulletin of SUSU. Series «Right». 2019. № 4. P. 43–49.
2. *Mkhitorean Yu.I.* Self-regulation – legal regime, subject and principles of legal regulation / Yu.I. Mkhitorean // Electronic scientific journal «Age of Quality». 2017. № 2. P. 4–22.
3. *Maksurov A.A.* Coordination in law : monograph / A.A. Maksurov, I.I. Makarov. Yaroslavl : YaF MFYuA. 2012. 320 p.
4. *Poplavskaya T.N.* Categories «whole» and «part» in modern philosophy / T.N. Poplavskaya // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2012. № 4. P. 382–390.

Пикин Иван Викторович

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний,
полковник внутренней службы
milena.555@mail.ru

Тараканов Илья Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний,
полковник внутренней службы
milena.555@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЖЕНЩИН В ОТЕЧЕСТВЕННОМ
И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей уголовно-правовой защиты и уголовной ответственности женщин в отечественном и зарубежном законодательстве. Авторами исследуется содержание статей кодексов зарубежных стран и Уголовного кодекса РФ, где в качестве потерпевших или субъектов преступлений выступают женщины. В результате проведенного исследования сделан обобщенный вывод об особенностях учета женского пола при конструировании составов преступлений и привлечении к уголовной ответственности, а также, высказаны соображения о перспективах совершенствования уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: женщина, преступление, уголовная ответственность, потерпевший, субъект преступления, состав преступления, квалифицирующий признак, наказание.

Конституция РФ в ч. 2 ст. 19 гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других

Ivan V. Pikin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences,
Colonel of Internal Service
milena.555@mail.ru

Ilya A. Tarakanov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Criminal Law and Criminology
Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences,
Colonel of Internal Service
milena.555@mail.ru

**FEATURES OF CRIMINAL
LEGAL PROTECTION AND CRIMINAL
LIABILITY OF WOMEN IN DOMESTIC
AND FOREIGN LEGISLATION**

Annotation. The article is devoted to the consideration of the features of criminal legal protection and criminal liability of women in domestic and foreign legislation. The authors study the content of articles of the codes of foreign countries and the Criminal Code of the Russian Federation, where women act as victims or subjects of crimes. As a result of the conducted research, a generalized conclusion is made about the peculiarities of taking into account the female sex in the construction of crimes and bringing to criminal responsibility, as well as suggestions are made about the prospects for improving criminal legislation in this area.

Keywords: woman, crime, criminal liability, victim, subject of crime, corpus delicti, qualifying attribute, punishment.

обстоятельств. В ч. 3 указанной статьи еще раз обращено внимание на равенство представительных обоих полов: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». В то же время, следует отметить, что в силу исторических, социальных, культурных, идеологических, физиологических

предпосылок в законах, в том числе уголовных, практически любой страны мира содержится ряд указаний на особенности учета пола лица при применении тех или иных правовых норм.

В связи с этим, для нас представляет интерес рассмотрение специфики уголовно-правовой защиты женщин в отечественном уголовном праве, а также, особенностей уголовной ответственности и наказания лиц женского пола.

Следует заметить, что законы большого числа зарубежных стран предполагает закрепление в нормах права защиту женщины как субъекта различного рода правоотношений, в том числе и уголовно-правовых. Российское законодательство в данном отношении исключением не является. Отметим, что зарубежное законодательство, как и УК РФ, относит гендерную принадлежность к определенным обстоятельствам, смягчающим уголовную ответственность.

Так, УК Болгарии содержит гл. 4 «Преступления против брака, семьи и молодежи» [18], статьи которой предусматривают ответственность за склонение кого-либо насильственным путем к вступлению в брак, вследствие чего он будет объявлен недействительным, что влечет лишение свободы до 3 лет (ст. 176–179). Во главу угла законодатель ставит в качестве потерпевших женщин. Статьи 181–183 криминализуют деяния, связанные с невыполнением обязанностей по содержанию семьи. Так, в ст. 181 указано: «Кто не выполнит свои обязанности в отношении супруга, восходящего или нисходящего родственника, не способного позаботиться о себе, чем поставит его в крайне затруднительное положение, если содеянное не представляет более тяжкого преступления, наказывается исправительными работами, а также общественным порицанием». Здесь в качестве потерпевшей подразумевается также именно женщина.

В Уголовном кодексе Голландии [17] нет специально предусмотренной главы, в которой в качестве субъекта или потерпевшего законодатель упоминал бы лицо женского пола, однако, в ряде составов присутствует конкретное указание на женщину как субъекта уголовно-правовых правоотношений. Так, ст. 151b УК Голландии предусматривает наказание в виде заключения на срок не более 1 года за умышленную организацию или поощрение переговоров между суррогатной матерью или женщиной, которая хочет быть суррогатной матерью, и другим лицом или организацию встречи для того, чтобы одна женщина могла осуществить намерение родить ребенка для другой женщины, желающей приобрести родительские права на ребенка или иным образом на постоянной основе заботиться о ребенке и воспитывать его. Статьи 240–242 содержат прямое указание на потерпевшую женского пола, предусматривая похищение и куплю-продажу именно женщин. В ст. 260 речь идет о жестоком обращении с женщиной и иными членами семьи. Таким образом, законодатель обращает внимание на жестокое обращение в отношении именно лиц женского пола. В ст. 259 указывается, что сожительство или вступление в брак с женщиной, заведомо

являющейся супругой лица, находящегося на действительной военной службе, наказываются лишением свободы на срок до 3 лет.

УК Швейцарии содержит разд. 6 «Преступления и проступки против семьи» [19], при этом ст. 213 предусматривается ответственность за инцест. Определяя потерпевшего, законодатель делает акцент на лицах женского пола.

Одним из ключевых элементов криминализации подобных деяний, на наш взгляд, выступает охрана от преступных посягательств семейных ценностей и лиц женского пола от насилия в какой бы то ни было форме.

Что касается составов преступлений, предусмотренных российским законодательством, в которых женщина непосредственно указывается в качестве специального субъекта или потерпевшего, то их сравнительно не много. Так, субъектом убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) может быть только лицо женского пола, являющееся именно матерью того новорожденного, которому во время или после родов, а также – в силу психотравмирующих обстоятельств, вызванных родами, причинена смерть. Указанные обстоятельства объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, позволяют относить его к привилегированному составу. Как отмечают В.А. Казакова и С.М. Иншаков, смягчающее обстоятельство связано с физиологическим состоянием матери и психологической обстановкой родов [5, с. 124].

На специфику эмоционального состояния женщины при совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, обращали внимание О.Г. Пимакова и А.С. Колесова: «Ведь на сознание и поведение роженицы существенное влияние оказывает ее напряженное эмоциональное состояние, которое обусловлено наличием особой психотравмирующей ситуации. При наличии такого состояния женщина не может адекватно оценивать характер своих действий, существенно ограничивает способность контролировать эмоции, что во многом свидетельствует об аффективном поведении роженицы. Среди причин напряженного эмоционального состояния роженицы необходимо выделить субъективные и объективные факторы. Так, в качестве субъективных факторов выступают такие личностные качества, как застенчивость, зависимость от мнения окружающих людей, социопатия... При усвоении социальных норм о недопустимости добрачной половой связи с партнером, женской чести возникает конфликт внутренних интересов личности между желанием родить ребенка и желанием избавиться от последнего как от причины всеобщего осуждения. С другой стороны, не менее слабое влияние оказывают объективные факторы: прямое требование со стороны близких родственников избавиться от нежелательного ребенка, отказ врачей сделать аборт по причине пропуска срока для безопасного прерывания беременности» [11, с. 51–55].

Противоположного мнения придерживается В.Б. Хатуев, утверждая, что особое психо-

физиологическое состояние, в котором находится женщина в процессе родов, – это естественное явление, в котором пребывают все роженицы (за исключением случаев осложнения родов). В связи с этим, он полагает, что рассматриваемая статья сконструирована весьма неудачно: «Статья 106 УК РФ нарушает принципы равенства всех граждан перед законом (ст. 4) и справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ), противоречит требованиям закона об учете как квалифицирующих признаков убийства малолетнего и беспомощного (п. «в» ч. 2 ст. 105) и в качестве отягчающих наказание обстоятельств – совершения преступления в отношении малолетнего, беспомощного или зависимого лица, предусмотренных в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также, противоречит наметившимся тенденциям усиления уголовно-правовой охраны жизни малолетних и несовершеннолетних... С учетом изложенного, исходя из истории российского, а также - зарубежного опыта уголовно-правовой борьбы с убийством матерью своего новорожденного ребенка, считаем целесообразным исключение из УК РФ ст. 106 и квалификацию данного деяния по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [14, с. 96].

Однако беременность может выступать не только признаком специального субъекта преступления, но и признаком потерпевшего. На это обращают внимание А.М. Багмет и С.Ю. Скобелин: «С другой стороны, законодатель, заботясь о демографической обстановке в стране, в ст. 38 Конституции России закрепил, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Так, совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности ... является в силу п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание. В силу п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, относится к квалифицированному виду убийств. Аналогично, в случае, если потерпевшей является беременная, к составам с отягчающим обстоятельством относятся такие преступления, как истязание (п. «в» ч. 2 ст. 117), похищение человека (п. «е» ч. 2 ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (п. «е» ч. 2 ст. 127 УК РФ), торговля людьми (п. «и» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), захват заложника (п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ)» [1, с. 49–51].

По мнению К.В. Дядюн, все эти составы «относятся к преступлениям против личности, причиняющим вред правам личности, равно как и возможность наличия соответствующего отягчающего обстоятельства. Собственно, повышение характера и степени общественной опасности деяния в отношении беременной женщины обусловлено именно содержанием объекта посягательства: жизни и здоровья беременной женщины и будущего ребенка» [4, с. 38].

Заслуживает внимания мнение, высказанное А.М. Багметом и С.Ю. Скобелиным: «По непонятным причинам данный квалифицирующий признак отсутствует в составах преступлений против здоровья (ст. 111, 112, 115 УК РФ). Не предусмотрена повышенная ответственность за побои беременной женщины (ст. 116 УК РФ), доведение ее

до самоубийства (ст. 110 УК РФ), угрозу ей убийством (ст. 119 УК РФ) или использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ). Нам представляется, что данный пробел нуждается в устранении» [1, с. 51].

Заслуживает отдельного внимания рассмотрение женщины в качестве потерпевшей от преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, где в качестве признака тяжкого вреда здоровью названо прерывание беременности. По смыслу законодательной формулировки потерпевшим может быть только беременная женщина. По этому поводу К.В. Дядюн замечает, что «ч. 1 ст. 111 УК РФ предусматривает прерывание беременности в качестве одного из криминообразующих признаков данного преступления» [4, с. 38]. Данное утверждение является справедливыми для ст. 123 УК РФ. В большинстве случаев, ею предусмотренных, женщина (потерпевшая) является инициатором производства незаконного прерывания беременности, давая добровольное на это согласие, то есть, исходя из уголовно-правовой доктрины, – подстрекателем к такому деянию. Так, например, в период запрета аборт с 27.06.1936 г. по 05.08.1954 г. субъектом соответствующего преступления признавались как лица, не имеющие специального медицинского образования (ч. 3 ст. 140 УК РСФСР 1926 г.), так и врачи соответствующего профиля, производившие аборт при отсутствии медицинских показаний (ч. 1 ст. 140 УК РСФСР 1926 г.), вне больниц или родильных домов (ч. 2 статьи), либо в антисанитарной обстановке [16].

Однако согласно действующему законодательству, женщина не может являться ни подстрекателем, ни организатором данного преступления.

Следует согласиться с мнением А.М. Багмета и С.Ю. Скобелина, что «особое социальное положение беременной женщины в обществе, ее экзистенциальная ценность и репродуктивная функция, направленная на рождение и воспитание детей, являются общепризнанными в истории, религии, искусстве и праве. Уголовным законом беременная женщина, с одной стороны, защищается как потенциальная жертва преступления, а с другой – находится в более привилегированном положении как субъект преступления» [1, с. 49].

В качестве потерпевшей от преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ (изнасилование), может выступать только женщина. При этом признаки объективной стороны данного состава предполагают применение насилия, угрозу его применения или использование беспомощного состояния потерпевшей. Понятия «сексуальное насилие» и «сексуальная эксплуатация в отношении женщин» не упоминается в первых уставах международных трибуналов, ни в Нюрнбергском, ни в Токийском. Впервые запрет на совершение изнасилования и принуждение к проституции в отношении гражданского населения во время военных конфликтов был закреплен в Женевской конвенции от 12.08.1949 г. В дальнейшем, запрет на совершение изнасилования появляется в Уставе международных трибуналов по Югославии и Руанде, а, затем, в Римском статуте между-

народного уголовного суда (ст. 7), где четко формулируется запрет на изнасилование, сексуальное рабство, принуждение к проституции и любые другие формы сексуального насилия (принудительная стерилизация, принудительная беременность, гендерно обусловленные преследования).

Действующее уголовное законодательство достаточно жестко карает виновных за посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность. Так, преступления, предусмотренные ст. 131–132 УК РФ, уже в ч. 1 признаются тяжкими, а максимальное наказание за их особо квалифицированные составы – пожизненное лишение свободы. При этом, как отмечает А. Киселев, «ничто не мешает привлечь мужчину к уголовной ответственности за изнасилование супруги – статья 131 УК РФ никаких исключений для семейных отношений не делает. Женщина, вступив в брак, то есть, формально выбрав партнера, вовсе не лишена права на отказ от вступления с ним в интимную связь» [7].

В качестве потерпевшей женщина выступает и в таком преступлении, как необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3 лет. В качестве конструктивного признака субъективной стороны преступления выступает мотив его совершения – дискриминационный. По данному обстоятельству Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 25.12.2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснил, что в случае, если трудовой договор с работником был расторгнут по его инициативе, однако, по делу имеются доказательства того, что работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию именно в связи, в том числе, с беременностью или наличием у женщины детей в возрасте до 3 лет, такие действия также образуют состав преступления, предусмотренного ст. 144.1 или 145 УК РФ соответственно [15]. В данном случае мы также видим охрану государством трудовых прав женщин. Как отмечают В.Н. Винокуров и Е.А. Федорова, признаки потерпевшего в ст. 145 УК РФ описаны указанием на пол, где женщина выступает субъектом трудовых правоотношений [2, с. 110–118].

Кроме того, в гл. 25 УК РФ законодатель предусмотрел такие преступления, как вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Как правило, в качестве потерпевших выступают женщины, которых вовлекают в занятие проституцией или используют при организации последней. На наш взгляд, охрану нравственного поведения женщин обеспечивает и ст. 242 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, где потерпевшими также чаще всего выступают лица женского пола.

Следует заметить, что понятие проституции толковалось учеными по-разному. Так, С.Н. Красуля считал, что проституцией «можно назвать продажу женщиной тела за деньги каждому желающему для удовлетворения его половой потребности» [8, с. 10]. Критикуя это мнение, Г.Т. Пачулия отмечал, что характерной чертой этого определения является указание на женщину как на субъект проституции, но такое толкование является чрезмерно узким [10, с. 30], в связи с чем, им поддерживается утверждение Э.Х. Надысеовой, что занятие проституцией не предполагает конкретный пол субъекта [9, с. 118].

Следует также остановиться на особенностях назначения уголовных наказаний лицам женского пола. Согласно ч. 4 УК РФ, лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности и т.п. В то же время, УК РФ предусматривает ряд особенностей при назначении наказания в отношении женщин. Эти особенности, к примеру, касаются таких видов наказания, как обязательные, исправительные и принудительные работы. Они не назначаются беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53.1 УК РФ). Обращая на это внимание, С.В. Тасаков отмечает, что «в целом же, уголовно-правовые санкции соответствуют нормам общественной нравственности» [12, с. 20]. Что касается принудительных работ, то они не назначаются женщинам, достигшим 55 лет. В ч. 2 ст. 54 УК РФ закреплен запрет на назначение ареста беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет.

Однако, по мнению К.В. Дядюн, ограничения в применении наказаний влекут за собой невозможность их назначения, что может быть чревато весьма негативными последствиями: «В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ, при назначении наказания в числе прочего учитывается влияние избранного вида на условия жизни семьи осужденного. Однако при существующем запрете назначения отдельных видов наказания для женщин у суда фактически отсутствует альтернатива выбора. Если же в санкции статьи отсутствует штраф как вид наказания, ситуация становится еще более печальной: в силу установленных ограничений женщине, имеющей ребенка, зачастую может фактически быть назначено только наказание в виде лишения свободы... В отношении же женщин, имеющих детей, установленные ограничения могут повлечь за собой последствия, обратные целям создания соответствующих норм» [3, с. 196–197].

Что касается наиболее строгих видов наказания, таких как пожизненное лишение свободы и смертная казнь, то к женщинам они не применяются вообще (ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ). Дискриминационный характер этих положений отмечает Д.Т. Караманукян: «Справедливости ради необходимо отметить, что уголовный закон также запрещает назначение наказания «мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора

шестидесятипятилетнего возраста». Данное допущение является вполне приемлемым, так как представляет собой проявление принципа гуманизма, но запрет на назначение смертной казни женщинам – проявление дискриминации в отношении мужчин» [6, с. 7–8].

Беременность и наличие малолетних детей – обстоятельства, смягчающие наказание (п. «в», «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ), в отношении этой категории лиц предусмотрена отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) [1, с. 49–53].

Исходя из положений ст. 58 УК РФ, следует подчеркнуть, что виды исправительных учреждений, которые могут быть назначены женщинам, также ограничены. В соответствии с ч.1 и 2 ст. 58 УК РФ, женщинам, осужденным к лишению свободы, может быть назначена либо колония-поселения, либо исправительная колония общего режима. На явные отличия в отбывании лишения свободы женщинами и мужчинами обращает внимание Д.Т. Караманукян: «Показательным также является то, что женщины отбывают наказание только в колониях общего режима в соответствии со ст. 58 УК РФ... Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации должно исходить из принципа гендерного равенства – порядок содержания осужденных мужчин и женщин должен быть одинаковым. Вопреки этому, некоторые нормы предусматривают учет половых особенностей, предоставляя женщинам особые льготы и привилегии по сравнению с осужденными мужчинами [6, с. 8].

Литература:

1. *Багмет А.М.* Уголовно-правовая охрана материнства и детства / А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин // Юридический мир. 2015. № 3. С. 49–53.
2. *Винокуров В.Н.* Потерпевший от преступления как признак состава преступления: квалификация деяний, конструирование норм и пределы уголовной ответственности / В.Н. Винокуров, Е.А. Федорова // Современное право. 2019. № 6. С. 110–118.
3. *Дядюн К.В.* Назначение наказания женщинам с точки зрения принципов равенства граждан перед законом, гуманизма и справедливости / К.В. Дядюн // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 196–207.
4. *Дядюн К.В.* Совершение преступления в отношении беременной женщины как обстоятельство, отягчающее наказание / К.В. Дядюн // Адвокат. 2014. № 6. С. 38–42.
5. *Казакова В.А.* Коррекция юридической терминологии в механизме обретения уголовным законом правовой сущности / В.А. Казакова, С.М. Иншаков // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 120–133.
6. *Караманукян Д.Т.* Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации / Д.Т. Караманукян // Вестник Омской юридической академии. 2019. № 1. С. 6–12.

Как нам представляется, на сегодняшний день существует необходимость внести поправки в отдельные статьи УК РФ для поддержания условий жизни и морального состояния женщин, преступивших закон. Так, на наш взгляд, следует законодательно ограничить назначение такого вида наказания, как штраф в отношении беременной женщины и женщины, имеющей ребенка в возрасте до 3 лет. Подобного мнения придерживается и К.В. Дядюн, указывая, что назначение штрафа женщине, имеющей ребенка, отразится, в том числе, и на его интересах, которые всегда требуют дополнительных расходов [3, с. 197].

Мы полагаем, что следует внести изменения в ст. 73 УК РФ, предусматривающие дополнительную возможность назначения условного осуждения женщине в случае наличия у нее детей в возрасте до 3 лет, включая случаи, когда, согласно ч. 1 статьи, условное осуждение не применяется. Изменения, касающиеся льготных сроков фактически отбытого наказания не только за преступления небольшой тяжести, но и других категорий, представляются уместными для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ).

В заключение следует отметить, что обеспечение уголовно-правовой защиты женщин, а также, дифференциации и индивидуализации их уголовной ответственности имеет весьма важное значение, поскольку в полной мере соответствует таким принципам уголовного права, как справедливость и гуманизм.

Literature:

1. *Bagmet A.M.* Criminal law protection of maturest Islands and child / A.M. Bagmet, S.Y. Skobelina // of the Legal world. 2015. № 3. P. 49–53.
2. *Vinokurov V.N.* The Victim of the crime as a symptom of a crime: the qualification of the acts, the construction of norms and limits of criminal responsibility / V.N. Vinokurov, E.A. Fedorova // Modern law. 2019. № 6. P. 110–118.
3. *Dyadyun K.V.* Sentencing women in terms of the principles of equality of citizens before the law, humanism and justice / K.V. Dyadyun // Leningrad Law Journal. 2017. № 2. P. 196–207.
4. *Dyadyun K.V.* Commission of a crime against a pregnant woman as a circumstance aggravating the punishment. 2014. № 6. P. 38–42.
5. *Kazakova V.A.* Correction of legal terminology in the mechanism of acquiring the legal essence by criminal law / V.A. Kazakova, S.M. Inshakov // Journal of Russian Law. 2020. № 6. P. 120–133.
6. *Karamanukyan D.T.* Legislative prerequisites for gender discrimination in the Russian Federation / D.T. Karamanukyan // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2019. № 1. P. 6–12.

7. *Kiselev A.* О перспективах иска о возмещении морального вреда, причиненного супружеской изменой. Подготовлен для системы КонсультантПлюс / А. Киселев // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2021).
8. *Красуля С.Н.* От жриц любви до обитательниц борделей / С.Н. Красуля // Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. М. : Юридическая литература, 1991. С. 10–36.
9. *Надысева Э.Х.* Актуальные вопросы интерпретации вовлечения в занятие проституции в доктрине уголовного права / Э.Х. Надысева // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 116–119.
10. *Пачулия Г.Т.* Уголовно-правовая характеристика сексуальной эксплуатации человека в форме использования для занятия проституцией / Г.Т. Пачулия // Российский следователь. 2017. № 3. С. 30–33.
11. *Пимакова О.Г.* Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые аспекты / О.Г. Пимакова, А.С. Колесова // Российский следователь. 2019. № 12. С. 51–55.
12. *Тасаков С.В.* Нравственные основы уголовного наказания / С.В. Тасаков // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 18–20.
13. *Хатуев В.Б.* Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих признаков преступлений / В.Б. Хатуев // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 177–193.
14. *Хатуев В.Б.* Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка / В.Б. Хатуев // Lex russica. 2019. № 1. С. 8.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/
16. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
17. Уголовный кодекс Голландии. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2001.
18. Уголовный кодекс Республики Болгария. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2001.
19. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.
7. *Kiselev A.* About the prospects of a claim for compensation for moral damage caused by adultery. Prepared for the ConsultantPlus system / A. Kiselev // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.03.2021).
8. *Krasulya S.N.* From the priestesses of love to the inhabitants of brothels / S.N. Krasulya // Forgive-tutia and crime. Problems, discussions, proposals. M. : Yuridicheskaya literatura, 1991. P. 10–36.
9. *Nadyseva E.Kh.* Actual issues of interpretation of involvement in prostitution in the doctrine of criminal law / E.Kh. Nadyseva // Gaps in Russian legislation. 2011. № 4. P. 116–119.
10. *Pachulia G.T.* Criminal-legal characteristics of sexual exploitation of a person in the form of use for prostitution / G.T. Pachulia // Russian investigator. 2017. № 3. P. 30–33.
11. *Pimakova O.G.* Murder of a newborn child by a mother: criminal-legal aspects / O.G. Pimakova, A.S. Kolesova // Russian investigator. 2019. № 12. P. 51–55.
12. *Tasakov S.V.* Moral foundations of criminal punishment / S.V. Tasakov // Russian justice. 2020. № 1. P. 18–20.
13. *Khatuev V.B.* Criminal-legal significance of the special properties of the victim of a crime as the main or qualifying signs of crimes / V.B. Khatuev // Actual problems of Russian law. 2019. № 3. P. 177–193.
14. *Khatuev V.B.* Evolution of the criminal legislation of Russia on responsibility for the murder of a newborn child by a mother / V.B. Khatuev // Lex russica. 2019. № 1. P. 8.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 46 of 25.12.2018 «On certain Issues of Judicial Practice in cases of Crimes against the Constitutional Rights and Freedoms of Man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Criminal Code of the Russian Federation)» // SPS «ConsultantPlus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/
16. The Criminal Code of the RSFSR of 1926 // SU RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.
17. The Criminal Code of the Netherlands. SPb. : Law Center-Press, 2001.
18. Criminal Code of the Republic of Bulgaria. SPb. : Law Center-Press, 2001.
19. Swiss Criminal Code. SPb. : Law Center-Press, 2002.

Попов Алексей Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова,
старший научный сотрудник
лаборатории правовых проблем
недропользования и экологии,
Институт проблем экологии
и недропользования
Академии наук Республики Татарстан
Popov.A@rea.ru

Alexey A. Popov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law Disciplines,
Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov,
Senior Researcher
Laboratories of Legal Problems
Subsoil Use and Ecology,
Institute of Environmental Problems
and Subsoil Use Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan
Popov.A@rea.ru

**Эластичное взаимодействие
экономики и права
при регулировании
правоотношений
на интегративном этапе
его развития**

**ELASTIC INTERACTION
OF ECONOMICS AND LAW
IN THE REGULATION
OF LEGAL RELATIONS
AT THE INTEGRATIVE STAGE
OF ITS DEVELOPMENT**

Аннотация. В данной статье представлен авторский взгляд на взаимодействие экономики и права. Обоснована необходимость выработки продуктивных и научно-обоснованных подходов к данной проблематике на интегративном этапе развития системы права. Аргументировано положение о том, что для концепций правопонимания в XXI веке материалистический экономический детерминизм становится малопродуктивным научным постулатом, поскольку экономика и право находятся в более сложном взаимобусловленном взаимодействии.

Annotation. The author's view on the interaction of economy and law is presented. The necessity of developing productive and scientifically-based approaches to this problem at the integrative stage of the development of the legal system is justified. It is argued that for the concepts of legal understanding in the XXI century, materialistic economic determinism becomes an unproductive scientific postulate. Since the economy and law are in a more complex mutually dependent interaction.

Ключевые слова: исторический материализм, экономический детерминизм, система права, интегративное развитие, юридический позитивизм.

Keywords: historical materialism, economic determinism, legal system, integrative development, legal positivism.

Текущее положение дел с эффективностью реализации прав и интересов граждан, коммерческих и некоммерческих юридических лиц при их непосредственном участии в экономической деятельности, а, в необходимых случаях, успешная и результативная защита участников оборота, без сомнения, является одним из главных показателей национальной правовой системы и, одновременно, ключевым «индикатором» сложного комплекса общественных отношений. Интересы многих исследователей, занимающихся самыми разнообразными направлениями и научными проблемами в сфере социологии, психологии, политологии и др., находят своеобразное пересечение, когда речь идет о связанности и взаимной обусловленности экономических отношений с нормами права и их практическим применением. Это с неизбежностью порождает значительное и едва ли уменьшающееся число вопросов и спектров мнений по ним. С

очевидностью и неизбежностью, в топ ключевых и остро дискуссионных выходит вопрос о причинно-следственных связях между текущим экономическим состоянием общественных отношений и характеристиками правовой системы. Для российской экономики, которая из кризиса и переходного периода 1990-х и 2000-х годов вышла и находится в фазе «постреволюционной стабилизации» (умеренно пессимистично), либо уже даже – в весьма стабильной фазе развитой экономики, но с отдельными характеристиками «догоняющего развития» (умеренно оптимистично), этот вопрос весьма актуален и требует внятности и в доктрине, и в практике законодательства, и в долгосрочном государственном стратегическом планировании.

В течение длительного исторического периода времени полемика о соотношении экономики и права не просто не поднималась и не

допускалась, даже отделённый намёк на дискуссионность воспринимался как нечто непочтительно кощунственное и, с большей или меньшей враждебностью, отторгался научным сообществом. Единообразное консолидированное мнение не выходило за буквально высеченную на граните методологическую основу исторического материализма, заложенную, как известно, с середины XIX века.

Суть материалистического понимания, по К. Марксу, выражалась в том, что «производительные отношения, соответствуют определенной ступени развития производительных сил», а их «совокупность составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка» [1, с. 335–336]. А, в имеющем всемирную историческую известность «Манифесте Коммунистической партии, было дано классическое безальтернативное определение: «...право есть лишь, возведенная в закон, воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [2, с. 122]. И в «Критике Готской программы» мы снова обнаруживаем, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и, обусловленное им, культурное развитие общества» [1, с. 336].

Приведенные мнения классиков стали своеобразными «краеугольными камнями» социалистической идеологии и сущность права, а его цели и роль в обществе стали определяться, характеризоваться и толковаться исключительно с указанных мировоззренческих рубежей.

В этот самый сложный исторический период времени, наполненный неразрешимыми социальными противоречиями, как нам представляется, права и свободы человека и гражданина были загнаны в рамки идеологии, а ценность права «девальвирована» и признавалась весьма ограничено, не допуская самой возможности полемики и широкого спектра мнений в научной среде.

Праву на долгие годы «было отказано» в самостоятельном бытии, т.к. оно неизбежно следует за качественными характеристиками экономики (производительные силы, производительные отношения и пр.). В этом контексте, нельзя не упомянуть подход Е.Б. Пашуканиса [3], убежденного последовательного марксиста и учёного-юриста, который, аргументировано отвергая возможность формирования и развития «пролетарского права», пришел к научно аргументированным выводам о том, что пролетариат не создаёт принципиально новой правовой системы, поскольку право, как и государство, сохраняются, согласно марксистской теории, при социализме как пережитки буржуазного общества и как издержки переходного периода; оно имеет во многом буржуазный характер; в своем развитии социализм должен изжить как государство, так и право (по марксистскому тезису об отмирании государства) [3].

Следует, однако, отметить, что ещё задолго до трагического 1917 г. в марксизме уже отмечалась

и обратная активная роль надстройки по отношению к экономике, что давало возможность и для надстройки юридической влиять на состояние и развитие базиса. Однако пределы этой способности всегда задавались строгими рамками – системной совокупностью производственных отношений. При этом суждения К. Маркса и Ф. Энгельса о соотношении экономики и права полностью разделялись и Г.В. Плехановым и В.И. Лениным, а особый акцент делался всегда на прямой зависимости права от государственной власти и его аппарата. Эти философские и социальные установки о том, что «право, государственный строй и нравственность всякого народа непосредственно и прямо обуславливаются свойствами ему экономическими отношениями» [4, с. 247], а особенно о том, что государственная воля «должна быть выражена как закон, установленный властью» [5, с. 240], определяли на протяжении нескольких десятилетий принципиальные подходы со стороны российских юристов к проблеме соотношения экономики и права.

Стремление создать непротиворечивую теоретическую модель при полном консенсусе ученых-теоретиков и практиков вылилась в то, что роль более «последовательного марксиста» досталась А.Я. Вышинскому, а судьба Е.Б. Пашуканиса трагически оборвалась в 1938 г., тем самым, разрешив и прекратив на будущее спор о «пролетарском праве».

Типичное мнение о строгой субординационной связи, существующей между экономическим базисом и идеологической надстройкой и весьма ограниченным обратным влиянием [5], остается весомым и значимым в российской юридической науке и сегодня [6, с. 135–136].

При определении соотношения государства и права в наиболее основательной и авторитетной учебной литературе утверждается, что «нашей отечественной науке присуща ориентация на материалистический подход» [7, с. 13]. Однако в стремлении уйти от прежнего ортодоксального проблем соотношения экономики, политики и права, в большинстве источников (в принципиальном отличии от эпохи 1980–90-х гг.), марксистские прямо и аксиоматично не отражаются, но и ничего иного плодотворно-позитивного всё ещё не предлагается [8; 9; 10]. Экономика, тем не менее, полагается ими первопричиной и основой правовой системы в любой стране.

По мере развития техники и технологий, в человеческом обществе XXI века экономические потребности объективно и неуклонно отходят на второй план и обретают роль некой уже решенной для человеческого духа в понимании Н.А. Бердяева [12, с. 235] задачи. При этом развитие экономики, её стабильность и устойчивость сохраняют свою значимость, да и экономические проблемы не везде и полностью решены. Современное состояние развитых экономик демонстрирует, что экономика никогда, по своей истинной сути, не была первичной и не определяла все или большинство сфер общественной жизни.

В таком случае, и право не должно рассматриваться как явление, предопределяемое экономической и может претендовать на истинность самостоятельного бытия и динамичное опережающее развитие.

С оптимизмом и особым воодушевлением сторонникам отказа от догматического детерминизма следует воспринимать монографию профессора В.В. Ершова «Регулирование правоотношений» [12], подвергнувшего научно-обоснованной критике многие догматические подходы в правовой науке и давшего максимально развернутое научное обоснование концепции интегративного понимания права, представляющей ценность для всех стран и всех правовых систем. Научно обоснованная необходимость отказа от юридического позитивизма, приводящего к «к бесконечным пробелам и коллизиям в национальных правовых системах» [12, с. 12], и прежних аксиом правового понимания, доминировавших в мире в XIX и XX веке, в полной мере относится и к детерминизму, который с наступлением XXI века все более представляется теоретически дискуссионным и малопродуктивным.

Одновременно, как нам представляется, такой феномен, как «правовая цивилизация» [12, с. 533] не может быть уместен в прокрустово ложе прежнего марксистского понимания права, а, свойственное ему, непрерывное движение от меньшей степени определённости права к большей степени его определённости [12, с. 544], продолжается, несмотря на экономические спады,

Литература:

1. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Маркс К. Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1970. Т. 1. С. 335–336.
2. *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии. К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные произведения. М., 1970. Т. 1. С. 122.
3. См.: *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. Изд. 3-е. М. : Изд-во Коммунистической Академии, 1929.
4. *Плеханов Г.В.* О материалистическом понимании истории / Г.В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 247.
5. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 32. С. 340.
6. См. напр.: *Денисов А.И.* Теория государства и права. М., 1948. С. 12–13.
7. См.напр.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. М. : Изд. Зерцало-М; 2011. Т. 1. С. 135–136.
8. Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М. : Инфра-М, 2002. С.13.

циклическое катастрофическое падение биржевых индексов, изменение внешнеторговых балансов стран и т.п.

Выводы.

В подавляющем большинстве наиболее экономически развитых стран, заинтересованных в долгосрочном устойчивом и гармоничном развитии, выходят на передний план гуманитарные ценности, среди которых право, его ценности, механизмы обеспечения определяются как важнейшие составляющие.

Зрелое продуктивное социальное прогнозирование развития общества требует определения целей и путей развития системы права в масштабах отдельных стран и мирового сообщества.

Для продуктивного результативного движения вперед следует, в первую очередь, отказаться от аксиом и постулатов о причинно-следственных связей в развитии экономических и правовых систем и принять идею о возможности приоритетного инициативного и опережающего развития права в сопоставлении с экономикой и её показателями. Такой подход позволит претендовать на самую возможность модификации и модернизации производственных отношений на основе совершенствования системы права, которая определяется не столько показателем ВВП на душу населения, а интеллектуальным духовным потенциалом общества.

Literature:

1. *Marx K.* To the Critique of Political Economy. Preface // K. Marx, F. Engels. Selected works. Vol. 1. M., 1970. P. 335–336.
2. *Marx K.* Manifesto of the Communist Party / K. Marx, F. Engels. Selected works. M., 1970. Vol. 1. P. 122.
3. See: *Pashukanis E.B.* General theory of Law and Marxism. 3th ed. M. : Publishing House of the Communist Academy, 1929.
4. *Plekhanov G.V.* On the materialistic understanding of history / G.V. Plekhanov Selected philosophical works. M., 1956. Vol. 2. P. 247.
5. *Lenin V.I.* Complete collection of works / V.I. Lenin; In-t marxism-Leninism at the Central Committee of the CPSU. 5th ed. M. : Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 32. P. 340.
6. See for example: *Denisov A. I.* Theory of State and Law. - Moscow, 1948. p. 12-13.
7. See for example: Theory of State and Law. Course of lectures / Ed. by M.N. Marchenko. M. : publishing house Zertsalo-M., 2011. Vol. 1. P. 135–136.
8. Theory of State and Law / Edited by V.M. Korelsky and V.D. Perevalov. 2nd ed., ed. and add. M. : Infra-M, 2002. P. 13.

9. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М., 2019.

10. Общая теория права / Под общей ред. А.С. Пиголкина. М. : Из-во «Юрайт», 2016.

11. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 235.

12. *Ершов В.В.* М. : Издательство РГУП, 2020. С. 12–13, 533, 544.

9. *Khropanyuk V.N.* Theory of State and Law. M., 2019.

10. General theory of law / Under the general editorship of A.S. Pigolkin. M. : publishing house «Yurayt», 2016.

11. *Berdyayev N.A.* Philosophy of inequality. M., 1990. P. 235.

12. *Yershov V.V.* M., Publishing House of RSUP, 2020. P. 12–13, 533, 544.

Савин Андрей Александрович
преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний,
аспирант кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский государственный
университет,
адвокат
Aasavin33@mail.ru

Мешков Денис Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный
университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
meshkov33@mail.ru

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОСТАВА УГОЛОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Преступление как уголовно-правовое понятие отличается от криминалистического, которое рассматривает его как явление действительности со всеми присущими ему элементами, связями, отношениями и процессами, а также своей структурой, состоящего из ряда взаимосвязанных элементов и подчиняющихся объективным закономерностям. Законодатель приводит в ч. 1 ст. 14 УК РФ определение преступления, указывая, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, что и предопределяет выделение в науке уголовного права четырех элементов его состава, таких как: объект, субъект, объективная сторона и субъективная сторона. Авторами предпринята попытка более углубленного изучения одного из указанных выше элементов.

Ключевые слова: состав преступления, вина, отношение к деянию.

Преступление как уголовно-правовое понятие отличается от криминалистического, которое рассматривает его как явление действительности со всеми присущими ему элементами, связями, отношениями и процессами, а также своей структурой, состоящего из ряда взаимосвязанных элементов и подчиняющихся объективным закономерностям. Преступление в любом

Andrey A. Savin
Lecturer of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences,
Postgraduate Student of the Department
Criminal Law Disciplines,
Vladimir State University,
Lawyer
Aasavin33@mail.ru

Denis N. Meshkov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Financial Law
and Customs Activities,
Vladimir State University named
after A.G. and N.G. Stoletovs University
meshkov33@mail.ru

THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME AS AN ELEMENT OF THE COMPOSITION OF A CRIMINAL OFFENSE

Annotation. Crime as a criminal concept differs from the criminal concept, which considers it as a phenomenon of reality with all its inherent elements, connections, relationships and processes, as well as its structure consisting of a number of interconnected elements and subject to objective patterns. The legislator cites the definition of a crime in Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, indicating that a crime is recognized as a culpable socially dangerous act prohibited by the Criminal Code under threat of punishment, which determines the allocation in the science of criminal law of four elements of its composition, such as: object, subject, objective side and subjective side. The authors made an attempt to study one of the above elements in more depth.

Keywords: corpus delicti, guilt, attitude to the act.

случае влечет наказание, которое, в свою очередь, является частью уголовно-правового воздействия.

Согласимся с мнением О.А. Крестовикова, полагающего, что понятия «преступление» и «состав преступления» не отражают всей сути понятия «преступная деятельность», поскольку фиксирует

лишь признаки, необходимые для его квалификации с точки зрения уголовно-правовой науки, не учитываяая всего содержания деятельности преступника [1]. Как и любая система, преступление включает в себя элементы, характеризующие его внутреннее строение.

Научная литература не содержит достаточно полного и единого мнения относительно структуры преступления. Ряд исследователей считает, что к ним относятся: объект посягательства, субъект или виновный, физическая деятельность виновного, психическая деятельность, факты-последствия, вызванные действием (бездействием) виновного, место посягательства, общественная опасность и противоправность посягательства.

Другие же полагают, что в системе преступной деятельности выделяются следующие структурные элементы: субъекты преступления, участники преступления, цель и мотив преступления, действия и методы, приемы, способы совершения, предмет преступного посягательства, результат преступления, место, время и обстановка [2].

Каждое совершаемое преступление индивидуально, как и личность лица, его совершившего, что также говорит и о многогранности способов его раскрытия. В целом, преступная деятельность всегда обусловлена характером и направленностью совершаемых лицом действий (бездействия) и процесс ее формирования раскрывается не только через систему внешних обстоятельств совершения преступления, но и через личностные качества субъекта в разные периоды времени и при разных обстоятельствах, проявляющихся по-разному. Однако не все явления психического характера образуют субъективную сторону, а лишь те, которые имеют уголовно-правовое закрепление. К содержанию субъективной стороны относится вина в форме умысла и неосторожности, а также мотив, цель преступления и эмоциональное состояние лица во время его совершения.

Субъективная сторона преступления, имеющая значение при квалификации конкретного состава преступления, является одним из критериев уголовно-правовой классификации преступлений в науке уголовного права и некоторыми исследователями положена в основу классификации преступлений.

Согласно классической школе уголовного права, наказание без вины невозможно. Обратное противоречило бы самой сути закона в непосредственном его понимании. Таким образом, если какое-либо лицо не могло или не должно было предвидеть наступление вредных последствий своего деяния, то, как бы ужасны ни были эти последствия, вопроса об уголовной ответственности нет. Состав преступления это – совокупность, включающая четыре элемента: объект преступления, его объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Все эти элементы совокупно образуют целостную систему, в присутствии которой преступление приобретает форму и содержание. Если отсутствует хотя бы один из признаков

преступления, отсутствует и оно как противоправное деяние.

Определения объекта, объективной стороны и субъекта преступления представляются очевидными. Что же касается субъективной стороны, здесь мы сталкиваемся с определенными противоречиями. Согласно энциклопедической трактовки определения, субъективность является выражением представлений человека (мыслящего субъекта) о мире вокруг него, его точке зрения, чувствах, убеждениях и желаниях. В философии этот термин обычно противоположен объективности.

В процессе своей жизни человек, совершая определенные действия, достигая различных результатов, испытывает, в связи с этим, различные эмоции: радость, безразличие, обиду. Это результат достижения определенных целей и полностью относится к преступным деяниям человека [3]. Только тогда лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, когда оно осознавало поступка, являющегося негативным к общественным интересам.

Итак, субъективная сторона преступления - внутренняя сторона преступления [4], то есть, психическое отношение лица к совершаемому им поступку, характеризующееся конкретной формой вины, мотивом и целью.

Осознание общественной опасности характера своего проступка предполагает осознание социальной значимости объекта посягательства, вредности действия (бездействия) для системы общественных отношений. Лицо осознает, как оно заранее видит совершение преступления в определенное время, в определенном месте, при определенных обстоятельствах, определенным образом. Это намерение не обязательно подразумевает признание преступной противоправности деяния. Незнание закона не оправдание, однако, понимание социальной опасности акта, в какой-то степени, связано с идеей правового запрета действия. Стремление к последствиям означает стремление к достижению результата. Это происходит, когда последствия есть цель преступления, являющегося либо промежуточным, но необходимым этапом в ее достижения, либо необходимым средством достижения.

Сознательное допущение последствий (косвенный умысел) означает, что виновному данные последствия не нужны, они ему безразличны, они – та цена, которую он готов заплатить за достижение определенных целей. Умысел – наиболее опасная форма вины, так как лицо осознанно руководит своими действиями, направленными на причинение вреда. Умышленные преступления занимают большую часть всех совершаемых противоправных деяний.

Неосторожность – не менее опасная форма вины. В современном мире увеличивается количество источников повышенной опасности, что влечет рост неосторожных преступлений. Причины небрежности – недостаточная важность возможных последствий и как следствие – недос-

таточная внимательность, легкомыслие, чрезмерная самооценка. Часто преступная неосторожность возникает из-за физической усталости, замедленной реакции. Современными людьми, особенно лицами молодого возраста, со свойственной им активностью, недооцениваются факторы, прямо влияющие на безопасность.

Анализируя определение субъективной стороны, очевидно, что это – внутреннее, психическое состояние человека. Возможно, это ключевой момент, на котором необходимо остановиться чуть более подробно. Человек – это не только внешний облик мужчины или женщины, рабочего или бизнесмена, это – самый глубокий океан мыслей, чувств, переживаний. Восприятие одной и той же ситуации может оцениваться разными людьми совершенно по-разному. Каждый человек индивидуален. Чтобы понять, почему человек сделал так, а не иначе, необходимо «проникнуть в его душу» и увидеть, что мотивировало его, совершив тот или иной поступок. Но, к сожалению, не всегда это получается, и мы можем только надеяться на опыт специалистов [5].

И так, везде и во всем – совершение преступных деяний не является исключением. Видов преступлений достаточно много, и в каждом из них субъективная сторона определяется индивидуально.

Литература:

1. *Крестовиков О.А.* Механизм и способ преступления в составе расследуемого события / О.А. Крестовиков // Юридические записки. 2013. № 2. С. 107–108.
2. *Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 15.
3. *Олейник А.А.* Вина в уголовном праве России как психическое отношение лица к содеянному / А.А. Олейник // В книге: Перспективы государственно-правового развития России в 21 веке. 2016. С. 105–108.
4. Доктринальные и законодательные понятия в современном уголовном праве России : в 7 т. Т. 6 (С–Т) / Под ред. Г.И. Чечеля. Ростов-н/Д., 2016. С. 321.
5. *Хасанов А.А.* Понятие вины в уголовном праве / А.А. Хасанов // Евразийский научный журнал. 2016. № 11. С. 67–68.

Нередки случаи применения насилия по небрежности, когда нет субъективной стороны, например, совершается оно в состоянии аффекта и т.д. Что касается привилегированных элементов преступления, нельзя не согласиться с законодателем, который классифицировал такие составы преступлений, как смягчающие ответственность. Полагаем, ответственность за такие деяния может быть еще смягчена. Так, при доказанности отсутствия умысла, при наличии совокупности смягчающих обстоятельств, вопрос освобождения от ответственности должен носить приоритетный характер и рассматриваться уполномоченным субъектом, в первую очередь.

При определении субъективной стороны преступления очень тщательно должны рассматриваться все аспекты совершенного преступления, прибегая к помощи других специальных наук, таких как психология, криминология и т.д., чтобы изучить человека, его внутреннее состояние, биографию и другие всевозможные стороны его личной и общественной жизни. Это, в частности, требуется для соблюдения принципов назначения справедливого наказания и соблюдения конституционных прав привлеченных к ответственности лиц.

Literature:

1. *Krestovikov O.A.* Mechanism and method of crime as part of the investigated event / O.A. Krestovikov // Legal Notes. 2013. № 2. P. 107–108.
2. *Samygin L.D.* Investigation of crimes as a system of activity. M., 1989. P. 15.
3. *Oleinik A.A.* Guilt in the criminal law of Russia as a mental attitude of a person to the deed / A.A. Oleinik // In the book: Prospects of state and legal development of Russia in the 21st century. 2016. P. 105–108.
4. Doctrinal and legislative concepts in the modern criminal law of Russia : in 7 vol. Vol. 6 (S–T) / Ed. by G. I. Chechel. Rostov-on/D., 2016. P. 321.
5. *Khasanov A.A.* The concept of guilt in criminal law / A.A. Khasanov // Eurasian Scientific Journal. 2016. № 11. P. 67–68.

Савицкий Алексей Анатольевич

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра судебных экспертиз,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина
savitscky@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье определены актуальные проблемы судебных экономических экспертиз, обосновано решение указанных проблем с опорой на положения судебной экспертологии. Определены и разработаны основы частной теории судебной экономической экспертизы, в частную теорию входят описание предмета, объектов, задач, классификации, методологии судебной экономической экспертизы, разработка и описание которых в настоящее время отсутствует. В статье представлена частная теория судебной экономической экспертизы на основе положений судебной экспертологии на основании теоретических, правовых, организационных закономерностей осуществления судебных экономических экспертиз на основе судебной экспертологии и специальных экономических знаний, с использованием единого унифицированного понятийного аппарата, в условиях постоянной интеграции и дифференциации в экспертной деятельности научного знания и разрабатываемое на основе познания этих закономерностей правовое, организационное и методическое обеспечение, стандарты компетенций экспертов-экономистов независимо от видов судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертология, экономические экспертизы, теория судебной экономической экспертизы, методология судебной экономической экспертизы, специальные знания, предмет судебной экспертизы, объект судебной экспертизы, классификация экспертиз.

Теоретические и прикладные проблемы судебной экономической экспертизы во многом сходны с проблемами иных классов и родов экспертиз, как давно существующих, так и новых формирующихся. Решение указанных проблем связано с опорой на судебную экспертологию, которая завершила свое формирование в конце нулевых годов двадцатого века и является теоретической и методологической основой развития судебной экономической экспертизы. Современный этап развития научной и практической основ экспертной деятельности характеризуется станов-

Alexey A. Savitsky

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Forensic Examinations,
Moscow State University
named after O.E. Kutafina
savitscky@mail.ru

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE PRIVATE THEORY OF FORENSIC ECONOMIC EXPERTISE

Annotation. The article identifies topical problems of forensic economic expertise, substantiates the solution of these problems based on the provisions of forensic expertise. The foundations of the private theory of forensic economic examination have been determined and developed, the private theory includes a description of the subject, objects, tasks, classification, methodology of forensic economic examination, the development and description of which is currently absent. The article presents a private theory of forensic economic expertise based on the provisions of forensic expertology on the basis of theoretical, legal, organizational patterns of the implementation of forensic economic examinations on the basis of forensic expertise and special economic knowledge, using a single unified conceptual apparatus, in conditions of constant integration and differentiation in expert activity scientific knowledge and legal, organizational and methodological support developed on the basis of knowledge of these laws, standards of competence of expert economists, regardless of the types of legal proceedings.

Keywords: forensic expertise, economic expertise, theory of forensic economic expertise, methodology of forensic economic expertise, special knowledge, subject of forensic expertise, object of forensic expertise, classification of expertise.

лением судебной экспертологии как самостоятельной области научного знания, на основе которого осуществляется формирование теоретических основ разных классов и родов судебных экспертиз [3, с. 30].

Недостаточность научных исследований судебных экономических экспертиз с учетом современных достижений судебной экспертологии обусловлены отсутствием родовых (видовых) частных теорий судебных экономических экспертиз, в том числе, судебной финансово-экономической

экспертизы. Необходимость выделения такой частной теории зависит от высокой специфики круга типичных задач и, как следствие, требует разработки теоретических положений об особенностях их производства, выделения общих методических подходов к процессу судебно-экспертного исследования. Тем самым, к числу задач частной теории судебной экономической экспертизы можно отнести разработку понятия ее предмета, уточнение базовых понятий, определение места в классификации судебных экономических экспертиз, систематизацию методов, которые могут быть применены при исследовании экономической информации в разрешении возникающих вопросов в сфере финансов и экономики по конкретным делам, с целью унификации методического обеспечения экспертного исследования.

Современное состояние судебной экономической экспертизы характеризуется переходом на иной, качественно новый виток своего совершенствования. Наблюдается тенденция к формированию родов (видов) судебных экономических экспертиз. Движущим фактором приращения нового знания представляются научные достижения судебной экспертологии. Е.Р.Россинская подчеркивает, что на настоящем этапе развития наука о судебной экспертизе переходит на качественно новый этап [4].

Основой большинства проблем судебной экономической экспертизы можно считать отсутствие единой классификации судебных экономических экспертиз. Отсутствие единой теории судебной экономической экспертизы обуславливает различные классификации ее родов, видов, подвидов в различных ведомствах. Согласно теории судебной экспертологии, экспертиза является сформировавшейся только при наличии разработанной частной теории. В настоящее время отсутствует единая теория судебной экономической экспертизы, разработанная на основе положений судебной экспертологии. Согласно концепции судебной экспертологии, в частную теорию входят описание предмета, объектов, задач, классификации, методологии судебной экономической экспертизы, разработка и описание которых в настоящее время отсутствует.

Первоначальной проблемой судебной экономической экспертизы является отсутствие четкой регламентации основных теоретических понятий. Понятия предмета, объекта, целей и задач судебной экономической экспертизы в нормативно-правовых актах не могут быть регламентированы в силу специфики, однако данные понятия можно встретить в современных научно-методических публикациях, в том числе и в интерпретации автора. Не определено само понятие класса судебной экономической экспертизы, которое, по нашему мнению, представляет собой процессуальное действие, проводимое в установленном законом порядке, основывающееся на специализированном исследовании финансово-экономических операций и их отражения на счетах бухгалтерского учета, на основании документации финансово-хозяйственной деятельности и данных бухгалтерского учета, осуществляемого с

использованием специальных познаний в области экономики, финансов, бухгалтерского учета с целью выявления фактически данных о финансово-хозяйственной деятельности организации. Однако научная деятельность не исключает наличие различных трактовок основных понятий судебной экономической экспертизы. В настоящее время в рамках единой теории необходима разработка и унификация основных понятий судебной экономической экспертизы, единой классификации на основе судебной экспертологии.

В статье представлена частная теория судебной экономической экспертизы на основе положений судебной экспертологии.

Предметом теории судебной экономической экспертизы являются теоретические, правовые, организационные закономерности осуществления судебных экономических экспертиз на основе судебной экспертологии и специальных экономических знаний, с использованием единого унифицированного понятийного аппарата, в условиях постоянной интеграции и дифференциации в экспертной деятельности научного знания и разрабатываемое на основе познания этих закономерностей правовое, организационное и методическое обеспечение, стандарты компетенций экспертов-экономистов независимо от видов судопроизводства.

Объектом теории судебной экономической экспертизы является судебная экспертная деятельность по производству судебных экономических экспертиз различных родов и видов.

Методология теории судебной экономической экспертизы представляет собой совокупность общих и прикладных подходов на основе специальных экономических знаний, на базе которых формируются методики судебно-экспертного исследования.

В систему теории судебной экономической экспертизы входят:

- общие положения теории судебной экономической экспертизы, в т.ч. предмет, объекты, методология;
- учение о специальных знаниях при производстве судебных экономических экспертиз;
- учение о предмете, задачах и понятийном аппарате судебной экономической экспертизы;
- учение об объектах судебной экономической экспертизы;
- учение о классификации судебных экономических экспертиз.

На основании вышеизложенного можно сформулировать учение о специальных знаниях при производстве судебных экономических экспертиз.

Предметом учения о специальных знаниях при производстве судебных экономических экспертиз является совокупность закономерностей

формирования экспертно-процессуальных специальных знаний, экономических специальных знаний (общеекономических, учетно-экономических, расчетно-аналитических, контрольно-ревизионных, финансово-кредитных специальных знаний, а также, специальных знаний в области налогообложения, международных экономических отношений, экономики предприятий (организаций) по отраслям, оборота ценных бумаг, оборота цифровых финансовых активов (экономико-цифровые)), необходимых для производства судебных экономических экспертиз и возможности их использования в процессуальных действиях.

Необходимо отметить утверждение Е.Р. Росинской о том, что судебный эксперт, являющийся специалистом двойной компетенции, должен, помимо знаний в базовой науке (например, в экономике, филологии, естествознании) и судебной экспертологии, обладать глубокими юридическими знаниями, владеть современными экспертными технологиями, сертифицированными и утвержденными методиками экспертного исследования [2, с. 38].

Объектом учения о специальных знаниях при производстве судебных экономических экспертиз являются практика применения видов специальных знаний, используемых в процессуальных действиях.

Понятие «объект судебной экспертизы» имеет важное значение для разрешения как теоретических и практических вопросов общей теории судебной экспертизы, так и судебной экономической экспертизы в частности.

Предметом учения об объектах судебных экономических экспертиз являются закономерности собирания, исследования, оценки и использования объектов судебных экономических экспертиз в доказывании с учетом их многообразия и особенностей, основанных на научных подходах судебной экспертологии.

Объектом учения является практика собирания, исследования и использования объектов судебных экономических экспертиз при назначении и производстве судебных экономических экспертиз.

На основе ранее разработанных положений учения об объектах, к объектам судебной экономической экспертизы можно отнести, документально подтвержденную информацию, классифицируемую на следующие группы с учетом содержащейся в них информации:

– первично-учетная информация: о факте осуществления экономической операции-сделки (первичные учетные документы) и о параметрах операции-сделки (стоимость, дата);

– сводно-учетная информация: о группах экономических операций, объединенных общими признаками (регистры бухгалтерского и налогового учета), обобщающих первично-учетные данные. Не используются без первичных учетных документов;

– оценочно-экономическая информация: об условиях экономических операций (сделок) (договоры с документальным подтверждением факта их исполнения);

– организационно-учредительная информация: о формировании уставного капитала организации (устав, учредительный договор с документами, подтверждающими формирование или изменение капитала организации);

– хозяйственно-инвентаризационная информация: о наличии и динамике активов организации на отчетные даты (актив бухгалтерского баланса с правоустанавливающими документами, подтверждающими законность владения и распоряжения активами организации, карточки учета основных средств и карточки аналитического учета материалов по номенклатуре);

– балансово-регулирующая информация: о начисленной амортизации основных средств и нематериальных активов, а также обесценении стоимости товарно-материальных ценностей;

– отчетно-обязательственная информация: о наличии и динамике обязательств организации на отчетные даты (пассив бухгалтерского баланса с документами, подтверждающими факт возникновения обязательств организации);

– Финансово-результативная информация: о финансовых результатах деятельности организации за отчетный период (отчет о финансовых результатах);

– калькуляционная информация: о формировании расходов организации по отдельным видам деятельности (отраслевой сегмент), региональный сегмент, калькуляции по видам продукции;

– локально-нормативная: информация об организации учетного процесса и особенностях расчетов с персоналом, принятых на предприятии;

– справочно-статистическая информация: о среднерыночных данных об условиях однородных операций, обладающих единичными параметрами, а также официально-информационные данные, необходимые для проведения экономического исследования (курс рубля, информация о котировках акций на фондовых биржах и прочее);

– неофициальная учетная информация: об операциях реализации готовой продукции или выдаче заработной платы сотрудникам, не отраженных в официальном учете («черновые учетные записи»).

Предметом учения о классификации судебных экономических экспертиз являются закономерности и критерии систематизации и обобщения родов (видов) экономических экспертиз на основании общности решаемых задач, используемых специальных знаний и объектов исследования.

Объектами учения о классификации судебных экономических экспертиз является роды и виды экономических экспертиз.

Судебные экономические экспертизы являются одним из наиболее часто назначаемых классов судебных экспертиз в современных процессуальных действиях (в том числе в уголовном, арбитражном и гражданском процессах). При этом справедливым является утверждение Е.Р. Россинской о том, что, поскольку, свидетельства на

Литература:

1. *Россинская Е.Р.* Теория судебной экспертизы : учебник для вузов / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; Под. ред. д-ра юрид. наук, профессора Е.Р. Россинской. М. : НОРМА, 2008. С. 365.
2. *Россинская Е.Р.* Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования. М. : Закон, 2019. С. 38.
3. *Россинская Е.Р.* Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; Под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2016. С. 384.
4. *Россинская Е.Р.* О предмете и системе теории судебной экспертизы – судебной экспертологии в современных условиях / Е.Р. Россинская // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, 30–31 января 2013 г.). М. : Проспект, 2013. С. 3–10.

право производства судебных экспертиз (так называемые, допуски) даются обычно на род или вид судебной экспертизы, принципы объединения экспертиз в классы не так важны при оценке и использовании заключения эксперта субъектом, назначившим экспертизу [1, с. 132].

Literature:

1. *Rossinskaya E.R.* Forensic theory : textbook for universities / E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina, A.M. Zinin; Under. ed. Doctor of Law, Professor E.R. Rossinskaya. M. : NORMA, 2008. P. 365.
2. *Rossinskaya E.R.* Modern forensic expert activity and directions of its improvement. M. : Law October 2019.
3. *Rossinskaya E.R.* Theory of forensic examination (Forensic expertise) : textbook / E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina, A.M. Zinin; Ed. E.R. Rossinskaya. 2nd ed., Rev. and add. M. : Norma : Infra-M, 2016. P. 384.
4. *Rossinskaya E.R.* On the subject and system of the theory of forensic examination – forensic expertise in modern conditions / E.R. Rossinskaya // Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference «Theory and Practice of Forensic Science in Modern Conditions» (Moscow, January 30–31, 2013 .). M. : Prospect, 2013. P. 3–10.

Степаненко Алексей Сергеевич
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия,
г. Иркутск
barahevaev@bk.ru

Радкевич Дарья Валентиновна
студентка,
Российский государственный
университет правосудия
radkeviiich@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих в Российской Федерации. Проведен анализ и исследованы проблемы, которые возникают в процессе применения мер административной и дисциплинарной ответственности в отношении государственных гражданских служащих. Особое внимание уделено вопросам устранения тех пробелов в данной области законодательства, которые существуют на сегодняшний день и обуславливают необходимость совершенствования законодательной базы данного института. Рассматривается необходимость конкретизации и законодательного закрепления составов правонарушений, связанных с несоблюдением государственным гражданским служащим запретов (ограничений). Предлагается детализация норм, затрагивающих вопросы альтернативного применения наказаний административного и дисциплинарного характера на нарушения, совершаемые государственными гражданскими служащими.

Ключевые слова: государственная служба, государственный гражданский служащий, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок.

■ ■ ■

Alexey S. Stepanenko
Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

Eleva V. Barasheva
Candidate of Economic Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
State Legal Disciplines,
Russian State University of Justice,
Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Darya V. Radkevich
Student,
Russian State University of Justice
radkeviiich@mail.ru

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the issues of administrative and disciplinary responsibility of civil servants in the Russian Federation. The analysis and study of the problems that arise in the process of applying measures of administrative and disciplinary responsibility in relation to civil servants. Particular attention is paid to the issues of eliminating those gaps in this area of legislation that exist today and necessitate the improvement of the legislative framework of this institution. The necessity of concretization and legislative consolidation of the offenses related to non-observance of prohibitions (restrictions) by a civil servant is considered. The article proposes a specification of the norms concerning the issues of alternative application of administrative and disciplinary punishments for violations committed by public civil servants.

Keywords: civil service, civil servant, administrative responsibility, disciplinary responsibility, disciplinary offense.

■ ■ ■

Институт государственной службы в Российской Федерации на сегодняшний день подвергся реформированию, и одной из целей совершенствования данного института является научное обоснование методов совершенствования дисциплины для более эффективного управления поведением государственного служащего. Одним из наиболее эффективных правовых средств, способствующих повышению уровня дисциплины, является применение мер ответственности на допущенные служащими нарушения.

Несмотря на существование различных взысканий и наказаний, применяемых в отношении государственного служащего, конечная цель государственного принуждения состоит в том, чтобы добиться позитивного варианта государственного управления без применения каких-либо административных мер. Искоренить нарушения невозможно, но задачей законодателя является совершенствование институтов административной и дисциплинарной ответственности для наиболее эффективного воздействия на служащих.

«Дисциплина» как юридическая категория подразумевает подчинение обязанностям, регламентированным нормативными, правоприменительными актами, социальными предписаниями, направленными на упорядочение общественных отношений, существующих в институте государственной службы. В рамках государственной гражданской службы дисциплина является особой категорией, которая включает в себя совокупность таких факторов, как профессионализм кадров в совокупности с культурой и эффективностью их управленческого труда.

Дисциплинарной ответственностью является вид юридической ответственности, реализуемый в рамках охранительных правоотношений. Ее отличительной чертой является то, что применение к виновному государственному служащему гражданской ответственности такого рода ответственности возможно в порядке подчиненности вышестоящим государственным органом, т.е., должностным лицом, уполномоченным назначить служащего на государственную должность.

Под упоминанием у М.Б. Добробабы отмечается, что «значение данного вида юридической ответственности для государства, общества и отдельных государственных служащих трудно переоценить, поскольку с помощью дисциплинарной ответственности могут быть решены как некоторые проблемы обеспечения функционирования эффективной системы государственного управления создания административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы, так и обеспечена защита прав и законных интересов государственных служащих» [1].

Несмотря на такие преимущества применения дисциплинарной ответственности, как простота и оперативность применения, гибкость мер воздействия на нарушителя, а также, наглядность для других служащих, институт дисциплинарной ответственности требует реформирования [1].

Причиной тому, на сегодняшний день, является неэффективность применения дисциплинарных санкций к проступкам, которые законодателем не отнесены к категории преступлений. Так, довольно давно существует проблема массовости коррупционных поступков, не являющихся преступлениями. Применение мер дисциплинарной ответственности за такие проступки на протяжении уже довольно долгого времени показывает свою неэффективность. Следовательно, такие проступки необходимо криминализировать в ранг административных правонарушений, что не однократно предлагалось учеными-правоведами и практиками. Решение данной проблемы представляется в том, что «коррупционные проступки, не являющиеся преступлениями, должны быть возведены в ранг административных правонарушений, которые, например, могут предусматриваться Кодексом поведения государственных служащих» [2].

Дисциплинарная и административная ответственности довольно часто перекликаются и, в рамках института государственной гражданской службы, чаще применяются именно дисциплинарные меры. Хотя, меры административной ответственности – более объективны, государственные служащие зачастую ограничиваются лишь дисциплинарными взысканиями. А возможность применения альтернативного наказания обусловлена неясностью положений законодательства.

Статья 2.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3] указывает на то, что административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

А из положений статьи 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» следует, что за совершение дисциплинарного проступка, т.е., за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине, возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя имеет право применить одно из дисциплинарных взысканий:

1. Замечание.
2. Выговор.
3. Предупреждение о неполном должностном соответствии.
4. Увольнение.

Применение как дисциплинарной и как административной ответственности за нарушение зависит от должностного лица, его применяющего, что не может свидетельствовать об эффективности наказания, в связи с чем, необходимо ввести государственного гражданского служащего в категорию субъектов гражданского служащего, в категорию субъектов административной ответственности в КоАП РФ, а также, определить перечень составов правонарушений, связанных с несоб-

людением отдельных запретов государственным гражданским служащим.

Таким образом, в рамках реализации мер ответственности, применяемых в отношении государственных служащих, назрел вопрос о конкуренции, существующей между административными и дисциплинарными мерами воздействия на нарушителей.

Особым аспектом вопроса о соотношении административной и дисциплинарной ответственности в обеспечении законности на государственной и муниципальной службе является способность каждого из этих видов ответственности не только покарать правонарушителя, но и выполнить превентивную функцию недопуска лиц, совершивших достаточно серьезные правонарушения (проступки), на государственную (муниципальную) службу [5].

Приоритетностью применения мер дисциплинарного характера обусловлено тем, что применение мер административной ответственности влечет более существенные последствия. Однако на сегодняшний день законодательно не определено, какой именно вид юридической ответственности более подлежит применению при исполнении/неисполнении возложенной на государственного гражданского служащего обязанности, что дает возможности работодателю оценивать проступок индивидуально. Однако такой подход не всегда способен обеспечить справедливое и эффективное воздействие на нарушителя. Собственное усмотрение работодателя в вопросе привлечения к тому или иному виду ответственности не всегда соответствует признакам объективности и допускает некую избирательность, из чего следует необходимость огласки решений, выносимых в рамках применения института дисциплинарной ответственности. В таком случае, при реализации своих полномочий властный субъект не сможет проявлять лояльность к одним нарушителям и быть чрезмерно строгим с другими.

И административная, и дисциплинарная ответственность необходимы как механизмы, реализуемые в рамках института государственной гражданской службы, каждый из которых имеет определенные цели и последствия применения. На сегодняшний день механизм дисциплинарной ответственности требует конкретизации, о чем свидетельствует:

1. Отсутствие специального нормативного акта, регламентирующего вопросы дисциплинарной ответственности государственных служащих в Российской Федерации, влечет проблему правприменения механизма такой ответственности.

Литература:

1. *Добробаба М.Б.* Служебно-деликтные дисциплинарные правоотношения (административно-правовое исследование) / М.Б. Добробаба; Под ред. А.Ю. Соколова. М., 2016. С. 3–4.

2. Возможность реализации субъектом дисциплинарной власти своих полномочий через применение альтернативного вида наказания влечет необъективность применяемых санкций, и, как следствие, малозффективность такого рода наказания.

3. Отсутствие элементов публичности при применении властным субъектом мер дисциплинарного характера в отношении нарушителя – государственного гражданского служащего.

4. Отсутствие законодательно закрепленных принципов дисциплинарной ответственности государственных служащих, включая принцип законности, гуманизма, индивидуализации дисциплинарной ответственности государственных служащих и наказания, целесообразности дисциплинарной ответственности, недопустимости двойной ответственности за одно и то же правонарушение, неотвратимости дисциплинарной ответственности.

5. Отсутствие закрытого перечня дисциплинарных поступков, а также, положения о материальной ответственности государственных гражданских служащих.

6. Отсутствие нормативно закрепленной процессуальной процедуры привлечения государственного гражданского служащего к дисциплинарной ответственности, лишаящей нарушителя права на исчерпывающую, объективную и всестороннюю оценку обстоятельств дисциплинарного дела.

7. Отсутствие законодательно закрепленного перечня оснований для отказа в возбуждении дисциплинарного дела или его прекращения.

Таким образом, рассмотрев проблемы применения мер ответственности за нарушения в рамках институтов административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих, можно сделать вывод о необходимости нормативного совершенствования данных институтов. Прежде всего, нововведения необходимы в части применения механизма дисциплинарной ответственности служащих, включая расширение перечня дисциплинарных взысканий и детализацию дисциплинарной процедуры. Административная и дисциплинарная ответственность не должны противопоставляться, однако, при реализации мер ответственности властный субъект должен иметь объективное нормативно обоснованное представление о разделении видов проступков и нарушений, попадающих под те или иные меры воздействия.

Literature:

1. *Dobrobaba M.B.* Official-tort disciplinary legal relations (administrative-legal research) / M.B. Dobrobaba; Ed. by A.Yu. Sokolov. M., 2016. P. 3–4.

2. Административная ответственность: вопросы теории и практики (восьмые «Лазаревские чтения») // Государство и право. 2005. № 1. С. 9–10.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

5. Чаннов С.Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности / С.Е. Чаннов // Журнал российского права. 2018. № 2(254). С. 59–69.

2. Administrative responsibility: questions of theory and practice (eighth «Lazarev readings») // State and Law. 2005. № 1. P. 9–10.

3. The Code of the Russian Federation on administrative offenses of 30.12.2001 № 195-FZ // Reference and legal system «ConsultantPlus».

4. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ // Reference and legal system «ConsultantPlus».

5. Channov S.E. Disciplinary and administrative responsibility of state and municipal employees: questions of efficiency / S.E. Channov // Journal of Russian Law. 2018. № 2(254). P. 59–69.

Упоров Иван Владимирович
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
popov-52@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

СВОБОДА СЛОВА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

■ ■ ■

Аннотация. Современный мир справедливо характеризуется как информационное общество, поскольку объемы всевозможной информации воспроизводятся и потребляются в геометрической прогрессии и невиданных ранее масштабах, что обусловлено, прежде всего, стремительным развитием цифровых технологий. В этих условиях важнейшее значение приобретает более четкое регулирование права на свободу слова – с тем, чтобы реализация этого права служила не во зло, а во благо человеку и обществу в целом. Особенно актуально это для России с ее относительно небольшим опытом демократии (в масштабе всей страны представительный орган в виде первой Государственной Думы начал работать только в 1906 г.). Соответственно объектом исследования является свобода слова в контексте ее реализации в России. Цель исследования определяется как анализ правового регулирования и состояния дел с реализацией права на свободу слова в России и выработка на этой основе предложений по его улучшению. Делается вывод о том, что реального права на свободу слова не было ни в Российской империи, ни в СССР; в новейшей России такое право закреплено в Конституции России в ст. 29, которая, в целом, отвечает международным стандартам, но требует более четкой формулировки с учетом ст. 55 Конституции России. Требует совершенствования также вопрос об ответственности СМИ за злоупотребление свободой слова, и это в равной степени к интернет-пространству.

Ключевые слова: свобода мысли и слова, право, Конституция, общество, Российская империя, советское государство, закон, ответственность, средства массовой информации, интернет.

■ ■ ■

Ivan V. Uporov
Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
popov-52@mail.ru

Mikhail U. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

FREEDOM OF SPEECH AS A SOCIAL VALUE: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION IN RUSSIA

■ ■ ■

Annotation. The modern world is rightly characterized as an information society, since the volumes of all kinds of information are reproduced and consumed in geometric progression and on an unprecedented scale, which is primarily due to the rapid development of digital technologies. In these conditions, a clearer regulation of the right to freedom of speech is of paramount importance so that the implementation of this right serves not for evil, but for the benefit of a person and society as a whole. This is especially important for Russia with its relatively small experience of democracy (on a national scale, a representative body in the form of the first State Duma began to work only in 1906). Accordingly, the object of the study is freedom of speech in the context of its implementation in Russia. The purpose of the study is defined as an analysis of legal regulation and the state of affairs with the implementation of the right to freedom of speech in Russia and the development of proposals for its improvement on this basis. It is concluded that there was no real right to freedom of speech either in the Russian Empire or in the USSR; in modern Russia, such a right is enshrined in the Russian Constitution in Art. 29, which generally meets international standards, but requires a clearer wording, taking into account Art. 55 of the Constitution of Russia. The issue of responsibility of the media for abuse of freedom of speech also requires improvement, and this applies equally to the Internet space.

Keywords: freedom of thought and speech, law, Constitution, society, the Russian Empire, the Soviet state, law, responsibility, the media, the Internet.

■ ■ ■

Становление свободы мысли и слова как общественно-политической ценности и конституционное закрепление права на ее реализацию. Если сделать краткий ретроспективный анализ истории человеческого сообщества с точки зрения свободы слова, то обнаружится, что только с периода буржуазных революций (то есть, с конца XVII–XVIII вв.) эта свобода стала провозглашаться как приоритетная для общества. Так, в известном английском Билле о правах 1689 г. указывалось, что «свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может подать повода к преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте кроме парламента» [1].

Несколько позже в первой поправке американского Билля о правах (1791 г., то есть, через 4 года после принятия Конституции США), указывалось, что «Конгресс не будет издавать законов, ... ограничивающих свободу слова или печати» [2, с. 49]. Затем, и другие страны стали включать гарантии свободы слова и печати в свои конституции, определяя ее, тем самым, как важнейшую составляющую в жизни общества. Это был чрезвычайно важный рубеж в развитии цивилизации с учетом того обстоятельства, что несколько веков в условиях абсолютистских монархий при безусловном диктате религиозных идеологий о свободе слова (а затем, с появлением печатного дела, и свободе печати) не могло быть и речи, и все инакомыслящие (прежде всего, еретики, а также – критики властей) подвергались преследованиям. Но время двигало мир вперед, он совершенствовался, и постепенно права человека как институт стали востребованы в ведущих странах.

Сложившиеся в Новое время принципы организации общества и государства в виде демократии, по своей сути, остаются неизменными и до сих пор. Это подтверждается, в частности, тем, что международное сообщество гарантии рассматриваемого права включает в основополагающие правовые акты. Так, в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [3] имеется самостоятельная статья – «Право на свободу выражения». Данная свобода, наряду с другими фундаментальными общественно-политическими ценностями (выборная власть, независимость правосудия, неприкосновенность личности), составляет каркас демократических отношений, характеризует современную цивилизацию. И, более того, значимость свободы информации в начале XXI в., в сравнении с другими демократическими признаками, непрерывно повышается, учитывая информационную революцию последних двадцати лет в виде Интернета.

В нашей стране становление свободы слова и печати происходило и происходит очень противоречиво с отставанием от западных государств, которые по-прежнему, несмотря на предсказываемый закат Европы [4], определяют вектор цивилизационного развития. Например, в монархической России действовали жесткие цензурные правила, а первое независимое от власти русскоязычное печатное издание стало выходить только к середине XIX в., да и то не в России, где действовали запреты, а за границей («Колокол» Герцена и

Огарева). А свобода слова и печати законодательно впервые была закреплена только в 1906 г. в обновленной редакции Основных государственных законов Российской империи. Так, в ст. 37 указывалось, что «каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а, равно, распространять их путем печати или иными способами» [5]. Однако в условиях жесткого противостояния царизма и революционных организаций и последующего военного времени (Первая мировая война), связанного с повышенной цензурой, свобода мысли и слова как институт не сложилась.

Равным образом это можно говорить и о советском периоде нашей истории. В СССР также предусматривались конституционные нормы о свободе слова и печати. Так, в сталинской Конституции СССР 1936 г. в ст. 125 указывалось, что «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова;
- б) свобода печати...» [6].

В последней советской Конституции 1977 г. содержалась аналогичная норма. Однако нельзя не видеть, что советский законодатель гарантировал лишь ту свободу слова и печати, которая соответствовала «интересам трудящихся» и только «в целях укрепления социалистического строя». Здесь сразу отсекались те граждане, которые имели иные, а не социалистические убеждения; не учитывались интересы «нетрудящихся», которые составляли значительные социальные группы (студенты, пенсионеры, инвалиды, домохозяйки), то есть, провозглашение свободы слова и печати в данном случае имело заведомо «одностороннее движение», а все попытки инакомыслящих (диссидентов) добиться обнародования своих идей пресекались на корню с применением уголовных и административных мер. Так, писатель А.И. Солженицын за антисоветские высказывания был осужден к лишению свободы в ИТЛ, а позже за распространение рукописи «Архипелаг ГУЛАГ» был лишен советского гражданства и выдворен за пределы страны. Ученый-ядерщик А.Н. Сахаров за свои критические высказывания в отношении партийно-советской системы был отправлен в административную ссылку. И, в целом, в советский период отечественной истории свобода слова и печати была существенно ограничена, если иметь в виду политическую составляющую и религию; за пределами этих сфер общественной жизни в целом свобода мысли и слова выдерживалась, однако нужно иметь в виду, что свобода слова оценивается, прежде всего, как раз, в этих сферах.

После распада СССР ситуация существенным образом изменилась. Был провозглашен европейский путь развития российского государства, в его рамках были сняты цензурные ограничения. Стали издаваться многочисленные газеты и журналы различной политической направленности. Был принят достаточно либеральный и действующий поныне Закон РФ «О средствах массовой

информации» 1991 г. [7]. В Конституции России 1993 г. такое положение было закреплено в ст. 29, которая, в числе немногих статей имеет больше всего частей – пять, что свидетельствует о важности данной конституционной нормы. Содержание этой статьи вполне соответствует международным стандартам. Однако этого недостаточно для общественных ожиданий – не забудем, что в законодательстве поздней Российской империи и в СССР также содержались красивые конституционные формулировки, однако, когда дело касалось реализации свободы мысли и слова, то возникали большие сложности. Современная Россия в этом отношении, хотя, безусловно, и сделала большой шаг вперед, однако, в части реализации права на свободу мысли и слова еще остается немало проблем. К некоторым из них мы обратимся позже. А пока обратим внимание на терминологию. В Конвенции 1950 г. говорится о «свободе выражения мнения», в Конституции России – о «свободе мысли и слова», «свободе массовой информации», в Российской империи шла речь о свободе «мысли» и «печати», в СССР – о «свободе слова и печати». Принципиальных противоречий между этими терминами в контексте рассматриваемой темы нет [8, с. 96]. Другое дело, что в практике мы имеем дело, в абсолютном большинстве случаев, со свободой слова, на которой и делается акцент в данной статье. Такой подход обосновывается и тем, что «свобода мысли» ведет к «свободе слова», которую, в свою очередь, можно реализовать через «свободу печати» («свободу массовой информации»), и эта логическая триада информационных «свобод», как нам представляется, в современных условиях наиболее емко отражает сущность рассматриваемого института, ставшего фундаментальной общественно-политической ценностью современной цивилизации, к которой относится и Россия, хотя и с известными оговорками.

Проблема независимости СМИ при осуществлении права на свободу слова. Итак, свобода слова реализуется, прежде всего, через СМИ, независимость которых в России провозглашается в Конституции России и более подробно закрепляется в Законе РФ «О средствах массовой информации». Независимость, в данном случае, означает, что не может быть цензуры при выработке конкретным СМИ своей информационной политики, выражении журналистом, государственным и общественным деятелем и вообще любым гражданином своего мнения. И формально цензуры действительно нет, но проблема независимости СМИ имеется. Об ее остроте свидетельствует тот факт, что Россия по многим рейтингам занимает низкие позиции в международном сообществе (в 2020 г. – 150 место по данным организации «Репортеры без границ») [9]. Такая оценка, однако, нам представляется чрезмерно негативной. Мы проанализировали ряд сайтов СМИ и выявили, что наблюдается самый разный спектр мнений и суждений. Так, на радиостанции «Эхо Москвы», в «Новой газете», журнале «Итоги» можно видеть публикации с довольно жесткой критикой властей, включая высших должностных лиц, особенно, в сфере борьбы с коррупцией, системе правосудия и др.

Вместе с тем, ситуация действительно далека от благополучной. Корни проблем уходят в начало 1990-х гг., когда с вступлением России в рыночные отношения СМИ оказались перед драматическим выбором, связанным с материально-финансовым обеспечением. Многие СМИ пытались перейти на самоокупаемость, но большинству этого сделать не удалось, и эти СМИ были, просто-напросто, ликвидированы. И к настоящему времени СМИ финансируются из бюджета либо коммерческими структурами, а полностью самоокупаемыми являются лишь несколько крупнейших СМИ, например, «Московский комсомолец», но такие случаи являются исключительными. Бюджетные СМИ проводят свою политику и не склонны, как показывает практика, выражать мнения, негативно характеризующие своих учредителей (органы власти). В других СМИ информационная политика определяется во многом субъективной позицией самого собственника. В этих случаях журналисты вынуждены изготавливать информационный продукт даже вопреки собственным убеждениям. Но при этом Закон РФ «О средствах массовой информации», на наш взгляд, выдержан, как ни парадоксально, слишком «европейски». Дело в том, что в России еще продолжается переходный период, и накладывать на нашу сегодняшнюю действительность те принципы, которые выработались в Старом свете столетиями, вряд ли правильно. Например, на Западе уже давно сформировался класс легальных крупных собственников, и для них финансирование СМИ есть, своего рода благотворительность, осознание важности участия в социально значимых процессах, что является престижным делом, создает определенную позитивную репутацию в обществе, которая не позволяет диктовать СМИ свою точку зрения, то есть, собственник финансирует, а СМИ действует самостоятельно. В России такой подход еще не сложился, поэтому мы полагаем, что в указанном законе о СМИ должна быть норма о том, что органы власти на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) должны содействовать появлению независимых СМИ. Это может быть сделано, например, в виде грантов, которые на конкурсной основе могут предоставляться журналистским коллективам. При этом не обязательно речь должна идти о самостоятельном издании – можно, например, издавать приложения к официальным СМИ, которые будут выпускаться независимым журналистским коллективом без права вмешательства в его информационную политику.

Чрезвычайно важно здесь подчеркнуть, что деятельность независимых СМИ – необходимое условие общественно-политического прогресса, это обязательный элемент структуры гражданского общества [10, с. 395], при отсутствии таких СМИ любая власть рано или поздно начинает «бронзоветь», и это очень хорошо видно по периодам истории, как Российской империи, так и СССР. Высвечивание недостатков в разных сферах жизни, разоблачение коррупционеров, обсуждение прочих актуальных событий и явлений позволяют обществу и власти лучше знать реальное положение дел о происходящем, а, значит,

наметить более эффективные пути по улучшению ситуации, помогает сформировать нормальную морально-психологическую атмосферу, которой так не хватает в современной России.

Ответственность за необоснованное ограничение права на свободу слова и злоупотребление этим правом по российскому законодательству. Разумеется, независимость СМИ не может быть абсолютной – ведь в любом обществе есть законы, и их не позволено нарушать никому, и СМИ тут не исключение. Поэтому не менее важной является проблема ответственности в деятельности СМИ. Такую ответственность несут, по меньшей мере, два субъекта информационных правоотношений: с одной стороны, тот, кто имеет полномочия правомерно ограничивать свободу слова, и, с другой стороны, тот, кто реализует свое право на свободу. Что касается ограничений, то применительно к основополагающим правам человека (к ним относится и свобода слова) таковые определены в ст. 55 Конституции России и обусловлены наиболее значимыми общественно-государственными интересами. Вместе с тем, в ч. 2 ст. 29 Конституции России указаны ограничения применительно к СМИ: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти запреты не могут охватить всех случаев, когда свобода слова должна быть ограничена (нельзя например, пропагандировать преступную деятельность, измену Родине и т.д.), и, в этом смысле, наличие ч. 2 ст. 29, на наш взгляд, является лишним, поскольку, повторим, ограничения определены в ст. 55 нашего Основного закона, а вытекающие из нее конкретные ограничения следует раскрывать в соответствующих федеральных законах.

Если иметь в виду правоприменение, то предусматривается административная (ст. 13.16, 13.18, 13.21 и др. КоАП РФ [11]) и уголовная (ст. 144 УК РФ [12]) ответственность лиц, необоснованно ограничивающих свободу слова. Эти отношения относятся к разряду публично-правовых, и это правильно, поскольку речь идет об интересах всего общества. Мы полагаем, что регулирование данного вида ответственности не вызывает серьезных нареканий.

С другой стороны, сами распространители информации также должны быть ответственны за злоупотребление свободой словом – ведь слово, как известно, может ранить, и наверняка любой человек в своей жизни испытывал неприятные чувства от обидных высказываний в свой адрес. Но одно дело – семейная или бытовая ситуация, а совсем другое, когда речь идет о публичном оскорблении или клевете. В этом смысле, нужно отметить некоторое противоречие в части уголовной ответственности за их совершение. Так, составы оскорбления и клеветы в УК РФ в 2011–2012 гг. были полностью декриминализованы (переведены из уголовной в административную

ответственность), а затем, спустя буквально несколько месяцев, законодатель вновь вернул состав клеветы в УК РФ в виде ст. 128.1, введенной летом 2012 г., причем в последующем ответственность усиливалась. Такие «зигзаги» законодателя свидетельствуют об его нечеткой позиции по вопросу о виде юридической ответственности за клевету как наиболее тяжелой формы злоупотребления свободой словом.

Следствием такой поспешности стал небезупречный вариант состава клеветы в ст. 128. 1 УК РФ: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [12]. Между тем, понятия «честь», «достоинство», «репутация» исключительно субъективны и оценочны [13, с. 47]. И действительно, один человека заведомо ложные сведения о себе переживает чрезвычайно болезненно, а другому, с иной моральной установкой, это может быть безразлично, поэтому, очевидно, решающим должно быть мнение самого потерпевшего. Однако лишь по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ уголовное дело возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшего (согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ), а по остальным частям ст. 128.1 УК РФ мнение потерпевшего значения не имеет, и дело должно быть возбуждено, даже, если потерпевший не считает себя оклеветанным. Такое положение представляет неоднородным, и в литературе указывается, в этой связи, что «на данный момент фактически любая клевета может быть расценена как преступление» [14, с. 16]. На наш взгляд, в силу специфики клеветы как противоправного деяния ответственность за его совершения должна наступать только по заявлению потерпевшего. Такой подход позволит, на наш взгляд, полнее учесть степень негативных последствий лично для потерпевшего и более справедливо определить ответственность клеветника.

В последнее время остро дискутируется вопрос об ответственности за реализацию права на свободу в Интернете. На наш взгляд, высказывающийся в публичном пространстве, а именно таковым является Интернет, должен отвечать за свою свободу слова. Это не значит, что нужно вводить тотальную административную регистрацию пользователей интернет-пространства, но это значит, что модераторы, при отсутствии возможности идентификации автора, должны удалять соответствующую запись, содержащую признаки оскорбления и клеветы, то есть, должна быть значительно повышена ответственность владельцев сайтов.

При определении ответственности виновным лицам решающая роль отводится судам. Здесь существенным представляется тезис, сформулированный Верховным Судом РФ в одном из постановлений Пленума: «Суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также, деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Рос-

сийской Федерации правами и свободами – свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», с другой [15]. Поиск такого

Литература:

1. Билль о правах от 13.02.1689 г. / Под ред. З.М. Черниловского // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1994. С. 114–116.
2. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Под ред. О.А. Жидкова; Пер. с англ. В.И. Лафитского. М. : Прогресс, 1993. 768 с.
3. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
4. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер; Пер. с нем. Н.Ф. Горелина. Новосибирск : Наука, 1993. 584 с.
5. Основные государственные законы Российской империи // Свод законов Российской империи. СПб., 1910. Т. 1.
6. Конституция СССР 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
7. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 30.12.2020) «О средствах массовой информации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.04.2021).
8. Башаратьян М.К. Свобода мысли: правовой анализ / М.К. Башаратьян // Право и политика. 2007. № 1. С. 93–99.
9. Россия заняла 150 место в индексе свободы прессы. URL : <https://govoritmoskva.ru/news/270967/> (дата обращения 25.04.2021).
10. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : СГАП, 2003. 512 с.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.05.2021).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.04.2021).
13. Бубон К.В. О чести, достоинстве, судьях и правосудии / К.В. Бубон // Адвокат. 2008. № 8. С. 45–51.
14. Медведев Е.В. Какой должна быть уголовно наказуемая клевета? / Е.В. Медведев // Российский следователь. 2009. № 17. С. 15–19.

баланса, в свою очередь, во многом зависит от действительной независимости, и уже не СМИ, а самого правосудия. Но это уже другая самостоятельная и необычайно трудная для современной России тема.

Literature:

1. Bill of rights of 13.02.1689 // Anthology on the history of state and law of foreign countries / Ed. by Z.M. Chernilovsky. M., 1994. P. 114–116.
2. United States of America. Constitution and legislative acts / Ed. by O.A. Zhidkov; Translated from English by V.I. Lafitsky. M. : Progress, 1993. 768 с.
3. The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) (with ed. from 13.05.2004) // Bulletin of International treaties. 2001. № 3.
4. Spengler O. Sunset of Europe / O. Spengler; Translation from German N.F. Gorelina. Novosibirsk : Nauka, 1993. 584 p.
5. Basic laws of the state of the Russian Empire // the Set of laws of the Russian Empire. SPb., 1910. Vol. 1.
6. The Constitution of the USSR 1936 // proceedings of the CEC of the USSR and the Central Executive Committee. 1936. № 283.
7. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 № 2124-1 (ed. by 30.12.2020) «On mass media» // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 25.04.2021).
8. Basharatyan M.K. Freedom of thought: legal analysis / M.K. Basharatyan // Law and politics. 2007. № 1. P. 93–99.
9. Russia took the 150th place in the index of freedom of the press. URL : <https://govoritmoskva.ru/news/270967/> (date of application 25.04.2021).
10. Matuzov N.I. Actual problems of the theory of law. Saratov : SGAP, 2003. 512 p.
11. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (ed. of 05.04.2021) // Access from the SPS «Consultant-Plus» (date of application 25.05.2021).
12. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 05.04.2021) // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 25.04.2021).
13. Bubon K.V. On honor, dignity, judges and justice / K.V. Bubon // Lawyer. 2008. № 8. P. 45–51.
14. Medvedev E.V. What should be the criminal slander? / E.V. Medvedev // Russian investigator. 2009. № 17. P. 15–19.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24. 02.2005 № 3 «On judicial practice in cases of protection of the honor and dignity of citizens, as well as business reputation of citizens and legal entities» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 4.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Алексеев Алексей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
revers2010@rambler.ru

Игошин Николай Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
n_a_igoshin@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО
ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭТИКИ ДОЛГА
ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ
АФРИКАНСКОГО РЕГИОНА**

Аннотация. В статье представлен анализ нормативных положений ряда документов Республики Гвинея-Бисау, Республики Мадагаскар и Южно-Африканской Республики, закрепляющих деонтологический аспект полицейской деятельности в контексте этики долга. Выдвигая гипотезу о наличии корреляционных отношений между правом и моралью в процессе реализации полицией своей правоохранительной миссии, авторы исходят из необходимости более углубленного осмысления опыта отдельных зарубежных государств по укреплению этико-правовых оснований деятельности полиции, что, несомненно, корреспондирует самой идее демократического правового государства, призванного обеспечивать гарантированную защиту прав и свобод человека и гражданина, в обеспечении которой полицейской институции принадлежит, несомненно, ключевая роль.

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Alexey A. Alekseyev

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
revers2010@rambler.ru

Nikolay A. Igoshin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Management
Staff and Educational Work,
St. Petersburg University
Ministry of Internal Affairs of Russia
n_a_igoshin@mail.ru

**FEATURES OF THE LEGAL
AND REGULATORY CONSOLIDATION
OF THE ETHICS OF POLICING
DUTY IN SELECTED COUNTRIES
OF THE AFRICAN REGION**

Annotation. The article presents an analysis of the regulatory provisions of a number of documents of the Republic of Guinea-Bissau, the Republic of Madagascar and the Republic of South Africa, which consolidate the deontological aspect of policing in the context of the ethics of duty. Putting forward a hypothesis about the existence of a correlation relationship between law and morality in the process of the police implementation of its law enforcement mission, the authors proceed from the need for a more in-depth understanding of the experience of individual foreign states in strengthening the ethical and legal foundations of police activities, which undoubtedly corresponds to the very idea of a democratic rule-of-law state designed to provide a guaranteed protection of human and civil rights and freedoms, in ensuring which the police institution undoubtedly has a key role.

Ключевые слова: мораль, право, закон, деонтология, этический кодекс, полиция, правоохранительная деятельность, служебная дисциплина.

Keywords: morality, right, law, deontology, code of ethics, police, law enforcement, service discipline.

Фактор закрепления в нормативных правовых актах государств африканского континента деонтологических основ ответственности служащих полиции (Конституции, Законы «О службе в рядах Национальной полиции», «Дисциплинарные регламенты») подтверждается действием специальных «Деонтологических кодексов», «Кодексов поведения» и ряда разделов «Положений о Национальной полиции», устанавливающих этические основы поведения сотрудников полиции и предопределяющих наличие должного уровня соблюдения полицейскими комплекса всех требований к служебной дисциплине.

Уточняя отдельные направления деонтологии служебной дисциплины служащих Национальной полиции отдельных африканских государств в контексте моральной парадигмы, мы считаем необходимым обратиться к содержанию наиболее значимых позиций полицейской этики, зафиксированных в соответствующих документах Республики Гвинея-Бисау, Республики Мадагаскар и Южно-Африканской Республики.

В Республике Гвинея-Бисау требования к моральной стороне деятельности Национальной полиции закреплены в «Кодексе деонтологии Национальной полиции» (фр. «Code de Deontologie de la Police Nationale») [2]. В соответствии с положением ст. 2 Кодекса, любое нарушение, закрепленных в нем обязанностей должностных лиц, влечет за собой дисциплинарное взыскание без ущерба применения наказаний, предусмотренных Уголовным законом. Согласно ст. 4 Кодекса, Национальная полиция выполняет свою миссию в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека, Основным законом страны, международными конвенциями и законами. При этом Национальная полиция открыта для любого гражданина Республики Гвинея-Бисау, который соблюдает все условия, установленные законами и постановлениями (ст. 5).

Закрепляя общепринятую в полицейской практике систему запретов, ограничений и субординации, Кодекс предьявляет к служащим полиции комплекс моральных предписаний относительно честности, беспристрастности, сохранения своего достоинства, образцового отношения к ответственности, абсолютного уважения людей, независимо от их национальности, происхождения, социального положения, политических, религиозных и философских убеждений, а также, моральные требования сочувствия и оказания помощи людям, находящимся в состоянии опасности.

В Республике Мадагаскар моральная сторона деонтологии служебной дисциплины служащих Национальной полиции закреплена в «Кодексе поведения Национальной полиции», утвержденном Указом Министра внутренней безопасности № 24.480/2012 от 06 сентября 2012 г. [4]. Как следует из отмеченного Указа Министра внутренней

безопасности Республики Мадагаскар, основываясь на этических ценностях персонала Национальной полиции, Кодекс поведения Национальной полиции является обязательным и применяется ко всем должностным лицам Национальной полиции, ассимилированным лицам и любым лицам, приглашенным для участия в ее миссиях на временной или постоянной основе или для временного сотрудничества. При этом под термином «Кодекс поведения» понимается набор правил личного и коллективного поведения, которым должен подчиняться любой полицейский во время и вне исполнения своих обязанностей (ст. 2).

Нормативное закрепление этики долга для укрепления служебной дисциплины в рядах полиции Южно-Африканской Республики (англ. «South African Police Service, SAPS») представляется необходимым рассмотреть на примере «Кодекса поведения SAPS», утвержденного 31 августа 2016 г. и опубликованного в годовом отчете полиции ЮАР за 2015/2016 г. [5]. Следует заметить, что положения данного Кодекса корреспондируют индикаторам «видение», «миссия» и «ценности» стратегии планирования полицейской деятельности, разработанной в соответствии с Национальным планом развития Южно-Африканской Республики на период до 2030 г. Отмеченные индикаторы имеют следующее содержание:

1. Видение, основу которого составляет создание безопасной и защищенной среды для всех людей в Южной Африке.
2. Миссия, содержание которой составляют:
  - a) предотвращение и борьба со всем, что может угрожать безопасности любого сообщества;
  - b) расследование любых преступлений, угрожающих безопасности любого сообщества;
  - c) обеспечение привлечения правонарушителей к ответственности;
  - d) участие в общих усилиях по устранению причин преступности.
3. Ценности, к которым отнесены:
  - a) защита права каждого, беспристрастность, уважительность, открытость и подотчетность обществу;
  - b) ответственность использования предоставленных полномочий;
  - c) эффективное, качественное, честное и добросовестное служение;
  - d) постоянный мониторинг эффективности своей деятельности и принятие необходимых мер по улучшению службы;

- е) эффективное, действенное и экономичное использования ресурсов;
- ф) развитие навыков всех служащих посредством реализации равных возможностей;
- г) сотрудничество со всеми сообществами, сферами управления и соответствующими ролевыми игроками.

Сам же «Кодекс поведения SAPS» отличается своей лапидарностью и предписывает каждому полицейскому два блока обязанностей:

1. Обязанности по созданию безопасной среды для всех людей в Южной Африке: отмеченный блок обязанностей повторяет содержание указанной миссии.
2. Обязанности по развитию своих профессиональных качеств и отношению к окружающим людям:
  - а) соблюдение Конституции и закона;
  - б) учет потребностей сообщества;
  - в) признание потребностей полицейской службы Южной Африки как своего работодателя;
  - г) участие в процессах восстановления, развития и примирения в своей стране;
  - д) осуществление своих полномочий контролируемым образом (англ. «controlled manner»);
  - е) предотвращение любых форм коррупции и привлечение виновных за ее допущение к ответственности.

Наряду с отмеченными положениями «Кодекса поведения SAPS», следует обратить внимание на деонтологические основания служебной дисциплины личного состава SAPS, опубликованные на официальном сайте полицейской службы Южно-Африканской Республики и содержащие следующие принципы профессиональной этики:

Литература:

1. Чимаров С.Ю. К вопросу о «принципах правоприменения» Роберта Пилиа в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.
2. Code de Deontologie de la Police Nationale République de Guinee. Décret D/98/15/PRG/SGG. Du 11 Aout 1998. URL : <https://www.coursupreme.org.gn/download/Code-de-Dontologie-de-la-Police-Nationale.pdf> (date of application 24.04.2020).
3. Code of Ethics of the South African Police Service. URL : <https://www.saps.gov.za/about/ethics.php> (date of application 17.04.2021).
4. Portant Code de Conduite de la Police National. Arrete № 24.480/2012 le 06 septembre 2012. URL : https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2012_Code_of_Conduct_for_the_National_Police_

- а) честность;
- б) уважение разнообразия;
- в) повиновение закону;
- г) высокое качество обслуживания;
- д) общественное одобрение [3].

Рассмотренные нами этико-правовые основания полицейской службы в отмеченных трех государствах Африканского континента свидетельствуют об учете законодателями этих государств универсальных стандартов полицейской деятельности и общественной значимости обеспечения в обществе высокого уровня доверия к деятельности полиции. По нашему мнению, феномен значимости общественного доверия к полиции корреспондирует букве и духу второго принципа известного полицейиста Р. Пилиа, содержание которого сводится к следующему: «Способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, ее действиям и поведению» [1, с. 33]. Резюмируя изложенное, мы считаем необходимым сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в рассмотренных странах африканского региона нашей планеты принимается комплекс необходимых усилий национального масштаба по повышению уровня доверия населения к феномену полицейской деятельности, субъекты которой должны демонстрировать развитость своих моральных качеств по реализации правоохранительной миссии.

Во-вторых, отмеченные положения некоторых документов, контент которых ориентирован на прочность сопряжения морали и права в системе полицейской деятельности указанных стран, выступают в качестве убедительного доказательства о целенаправленном пути развития данных стран по направлению упрочнения демократии и формирования подлинно правового государства.

Literature:

1. Chimarov S.Yu. On the issue of «principles of law enforcement» by Robert Peel in the activities of the police/S.Yu. Chimarov//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (75). P. 33–34.
2. Code de Deontologie de la Police Nationale République de Guinee. Décret D/98/15/PRG/SGG. Du 11 Aout 1998. URL : <https://www.coursupreme.org.gn/download/Code-de-Dontologie-de-la-Police-Nationale.pdf> (date of application 24.04.2020).
3. Code of Ethics of the South African Police Service. URL : <https://www.saps.gov.za/about/ethics.php> (date of application 17.04.2021).
4. Portant Code de Conduite de la Police National. Arrete № 24.480/2012 le 06 septembre 2012. URL : https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2012_Code_of_Conduct_for_the_National_Police_

of_Madagascar_(French_original).pdf (date of application 20.04.2021).

5. The SAPS code of conduct // Further information on the Annual Report for the South African Police Service for 2015/2016. P. 24–26.

of_Madagascar_(French_original).pdf (date of application 20.04.2021).

5. The SAPS code of conduct // Further information on the Annual Report for the South African Police Service for 2015/2016. P. 24–26.

Чиркаев Сергей Александрович

старший преподаватель
кафедры гражданского права,
Саратовская государственная
юридическая академия
schirkaeff@yandex.ru

Sergey A. Chirkaev

Senior Lecturer
Department of Civil Law,
Saratov State
Law Academy
schirkaeff@yandex.ru

**ПРИОРИТЕТ КАК СРЕДСТВО
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**PRIORITY AS A MEANS
OF LEGAL REGULATION
OF INHERITANCE RELATIONS**

Аннотация. В статье приоритет рассматривается в качестве видового понятия преимущественного права как способа реализации особой правовой процедуры. Автор обращает внимание на то, что в нормах российского наследственного законодательства, фактически, речь идет о приоритете как первоочередности реализации своего права на приобретение имущества в счет наследственной доли. Установлено, что приоритет как особое средство регулирования наследственных отношений обладает естественным характером, изменчивостью, нормативностью, множественностью субъектов, является мерой защитой интересов наследников. Автор приходит к выводу о том, что приоритет обеспечивает сохранение сложившегося жизненного уклада для наследников и позволяет разрешить споры между ними. Однако в определенных ситуациях механизм реализации приоритета при разделе имущества нуждается в законодательном совершенствовании.

Annotation. In the article, priority is considered as a specific concept of pre-emptive right as a way of implementing a special legal procedure. The author draws attention to the fact that in the norms of the Russian inheritance legislation, in fact, we are talking about priority as the priority of exercising one's right to acquire property at the expense of the hereditary share. It is established that priority as a special means of regulating hereditary relations has a natural character, variability, normativity, multiplicity of subjects, and is a measure to protect the interests of heirs. The author comes to the conclusion that the priority ensures the preservation of the established way of life for the heirs and allows them to resolve disputes between them. However, in certain situations, the mechanism for implementing priority in the division of property needs legislative improvement.

Ключевые слова: приоритет, наследственные отношения, средство регулирования, наследники, наследственное имущество, право собственности, наследственное законодательство.

Keywords: priority, hereditary relations, means of regulation, heirs, hereditary property, property right, inheritance legislation.

Статьей 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) закрепляются основополагающие начала регулирования гражданских правоотношений, среди которых важное значение имеет принцип равенства. Именно, в соответствии с ним, все субъекты гражданского права наделяются равными правовыми возможностями в реализации своих гражданских интересов. Вместе с тем, конструкция гражданского законодательства объективно допускает отступления от принципа равенства субъектов гражданского права. Одним из таких средств отступления выступает правовой приоритет.

Прежде чем сформулировать понятие «приоритет в наследственных отношениях», важно отметить, что сам термин «приоритет» в переводе с латинского языка означает первенство, первоочередность. Данная дефиниция широко используется в нормативных правовых актах различной отраслевой направленности. Например, в нормативных предписаниях часто встречаются термины «приоритетное право», «приоритетный метод», «государственный приоритет», «приоритет норм Конституции РФ», «приоритет прав, свобод и законных интересов личности», «приоритет публичных интересов» и т.д. Данный феномен прочно вошел и в бытовую сферу жизнедеятельности любого человека, отражающий специфичность реализации тех или иных прав субъекта.

Правовой приоритет находит свое отражение во многих институтах гражданского права, однако, в рамках данной статьи исследование сущности и назначения правового приоритета будет ограничено исследованием норм наследственного права.

Вместе с тем, в действующем законодательстве отсутствует какое-либо определение исследуемого понятия. Во избежание смешивания понятия «приоритет» с иными средствами правового

регулируемого, считаем необходимым определить приоритет как правовое средство регулирования общественных отношений, предопределяющее первоочередность регулирования каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов, предусматривающее дополнительные меры по первоочередной реализации их прав, свобод и законных интересов.

Важно подчеркнуть, что правовой приоритет как средство регулирования наследственных отношений не исследовался в современной цивилистике. Между тем, в гражданском законодательстве содержатся правила распределения и раздела наследуемого имущества, которое является неделимым либо представляет интерес для нескольких наследников. И здесь могут возникнуть определенные сложности и проблемы, для разрешения которых следует использовать свойства приоритета. В то же время, наследственное законодательство содержит правила о предоставлении наследнику преимущественного права, что нашло свое закрепление в ст.ст. 1168–1170, 1178, 1182 ГК РФ. В этой связи, стоит остановиться на соотношении понятий «приоритет» и «преимущественное право».

По мнению А.Г. Репьева, правовой приоритет выступает разновидностью преимущественного права как способа реализации особой правовой процедуры [5, с. 16]. По мнению данного ученого, правовое преимущество – более широкое понятие, включающее в себя не только приоритет, но и различные льготы, субсидии и т.д. По этой причине, приоритет следует рассматривать как видовой вариант преимущественного права.

Внимательный анализ содержания норм российского наследственного законодательства позволил прийти к выводу о том, что в юридических предписаниях фактически речь идет о приоритете как первоочередности реализации своего права на приобретение имущества в счет наследственной доли.

Правовой приоритет, выступая особым средством регулирования наследственных отношений, обладает следующими особенностями.

Правовой приоритет носит естественный характер. Приоритеты, как таковые, были известны человеческому обществу с давних времен. В первобытных условиях существования отношения людей регулировались, прежде всего, обычаями и традициями. Уже в те времена признавалось первенство при наследовании имущества за кланом умершего. В дальнейшем, первоочередной порядок наследования имущества стал признаваться за близкими родственниками и совместно проживавшими с наследодателем наследниками. Последующее закрепление в нормах ГК РФ придало этому приоритету такие правовые качества, как общеобязательность и формальная определенность, что позволило отделить приоритет от произвола и беззакония.

Однако приоритеты в наследственных правоотношениях не являются раз и навсегда

установленными и неизменными. Они меняются с течением жизни и могут утрачивать свою первоочередность и значимость для общества. Данный признак особенно четко просматривается в гражданских правоотношениях зарубежных стран, где преимущественные права, несмотря на свою развитость, имеют тенденцию к сужению своего действия.

Раскрывая сущность и природу приоритетов в наследственных отношениях, необходимо подчеркнуть в качестве их свойства признак нормативности. В современных условиях приоритеты в наследственных отношениях воздействуют на социальные связи посредством создания, обеспечения и реализации нормативных правил приобретения собственности при разделе наследства, позволяющих не только упорядочить исследуемую сферу жизнедеятельности общества, но и обеспечить возможность применения мер государственного принуждения в случае их несоблюдения.

Вместе с тем, в юридической литературе встречается мнение, согласно которому, преимущественные права могут возникать, существовать и прекращаться не только в случаях, прямо предусмотренных законом, но и предусматриваться соглашением сторон [4, с. 47–48]. Данной позиции придерживаются многие цивилисты. С одной стороны, наследственное законодательство не предусматривает запретов на то, чтобы в завещании наследодатель устанавливал приоритет при разделе наследства для определенных наследников. Однако, с другой стороны, такой приоритет не предусматривает в случае нарушения условий завещания обеспечение защиты мерами государственного принуждения. В подобных случаях возможны только общие способы защиты наследственных прав. Поэтому мы уверены в том, что приоритет как средство урегулирования наследственных правоотношений может иметь место в случаях, установленных законом. Данный вывод полностью соответствует устоявшемуся положению о том, что любое отступление от принципа равенства возможно только в случаях, прямо установленных законом.

Приоритет может осуществляться только в случае, когда на одно и то же имущество из наследственной массы претендуют несколько наследников. Иными словами, для приоритета характерна множественность субъектов, которые заинтересованы в получении в счет своей наследственной доли определенного вида имущества и при этом хотя бы один наследник наделен правом в первоочередном порядке получить то или иное имущество, входящее в наследственную массу.

Зачастую, приоритеты предоставляются определенным наследникам, указанным в нормах ГК РФ. Именно в этом и заключается ценность приоритета.

Кроме того, правовые приоритеты не могут быть объектом гражданского оборота, в целом, и наследственных правоотношений, в частности. Данное свойство приоритета, с одной стороны, позволяет рассматривать исследуемое средство

как нечто личное и неотчуждаемое. В то же время, приоритет при разделе наследственного имущества может переходить в порядке универсального правопреемства, а, значит, приоритет в наследственных правоотношениях не носит строго личный характер.

Приоритеты представляют собой средство реализации и защиты личных и имущественных интересов наследников. Именно поэтому приоритет в наследственных отношениях носит срочный характер. Так, согласно ст. 1168–1170 ГК РФ, наследник может воспользоваться приоритетом при разделе наследства в течение 3-х лет со дня открытия наследства независимо от порядка раздела наследственного имущества, в противном случае, он лишается возможности осуществить его в будущем. Законодатель, в данном случае, признавая приоритет за одним или несколькими наследниками, обеспечивает защиту имущественных интересов других наследников, которые не должны ставиться в необоснованную зависимость от лица или лиц, наделенных приоритетом, ожидая от них ответа.

Срочность приоритета исходит из необходимости обеспечения стабильности наследственного законодательства. Ведь, наследник, обладающий приоритетом, может быть не заинтересован в приобретении наследственного имущества либо не испытывать в этом острой нужды, а, следовательно, произвольно может затянуть процесс раздела наследства. Более того, он может злоупотребить своим приоритетом, тем самым, нарушив имущественные интересы иных наследников, что, в конечном счете, также может привести к дестабилизации наследственных отношений и наступлению негативных последствий.

При этом приоритеты не могут существовать самостоятельно. Приоритет всегда зависит от основного наследственного правоотношения. Как содержание, так и условия осуществления приоритета являются производными от другого права – основного права. Так, наследник, обладавший совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, входящую в состав наследства, имеет первоочередное право на получение в счет своей наследственной доли данной вещи перед иными наследниками, которые не являются участниками общей собственности. В данном случае, приоритет интересов указанного наследника дополняет основное право на наследование, следуя за ним.

Приоритеты в наследственных отношениях предполагают действие специального правового режима их реализации. В частности, специальный правовой режим обеспечивает применение специальных способов и методов приобретения имущества при разделе наследства. Именно специальный правовой режим обеспечивает реализуемость приоритетов в наследственных правах и содержит гарантии их осуществления.

При этом можно различать виды специальных правовых режимов в зависимости от вида имущества, входящего в состав наследства. В частности, к ним относятся: режим наследования

неделимой вещи, режим наследования предметов обычной домашней обстановки и обихода, режим наследования предприятия, режим наследования земельного участка, режим наследования денежных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию, подлежащих выплате наследодателю, но не полученных им при жизни.

Несмотря на то, что приоритет является эффективным средством регулирования наследственных правоотношений, позволяющий разрешить многие конфликтные ситуации между наследниками, механизм его применения к отдельным жизненным ситуациям, все же, требует своего совершенствования.

Прежде всего, речь идет о реализации приоритета при разделе неделимой вещи. Согласно п. 3 ст. 1168 ГК РФ, если в состав наследства входит жилое помещение, раздел которого в натуре невозможен, при разделе имущества наследники, проживающие в данном жилом помещении ко дню открытия наследства и не имеющие иного жилого помещения пользуются первоочередным правом получения данного жилого помещения перед другими наследниками, не являющимися собственниками жилого помещения. Однако законодатель не раскрывает содержания словосочетания «не имеющие иного жилого помещения». По этой причине нельзя однозначно ответить: подпадают ли под правила, установленные п. 3 ст. 1168 ГК РФ, наследники, не имеющие жилого помещения ни на праве собственности, ни на договоре социального или коммерческого найма или нет. На наш взгляд, решение данного вопроса требует своего решения с нормативным закреплением в п. 3 ст. 1168 ГК РФ содержания формулировки «не имеющее иного жилого помещения». Причем, данное определение должно не расходиться с положением ст. 51 Жилищного Кодекса РФ, в которой содержится перечень граждан, нуждающихся в жилом помещении.

Ряд недостатков содержит и ст. 1169 ГК РФ, закрепляющая приоритет получения предметов обычной домашней обстановки и обихода при разделе наследства за тем наследником, который проживал на день открытия наследства совместно с наследодателем. Как и в предыдущем случае, ГК РФ не раскрывает понятие «предметы обычной домашней обстановки и обихода». Судебная практика при разрешении споров исходит из конкретных обстоятельств дела и местных обычаев, хотя и не снимает всех проблем с разделом данного вида имущества. Кроме того, по непонятным причинам, законодатель не выделяет среди признаваемых в первоочередном порядке наследников предметов обычной домашней обстановки и обихода пережившего супруга, как это имеет место быть в наследственном законодательстве зарубежных стран, например, Великобритании.

Обращает на себя внимание то, что ст. 1168 и 1169 ГК РФ говорят о наследнике в единственном числе, оставляя без должного нормативного регулирования ситуации, когда наследников, пользующихся приоритетом в получении имущества

при разделе наследства, несколько. Данная проблема стала предметом широкой научной дискуссии в юридической литературе. По мнению одних ученых-цивилистов, при существовании нескольких наследников, ни один из них не обладает преимущественным правом по отношению к другим [2, с. 751]. Другие исследователи придерживаются обратной точки зрения, считая возможным разделить свое право на вещь (долю) пропорционально причитающимся долям наследников, пользующихся приоритетом [3] или в равных долях. На наш взгляд, последний подход является наиболее справедливым, и именно он должен быть нормативно закреплен в соответствующих нормах ГК РФ.

Статья 1178 ГК РФ закрепляет первоочередность наследования предприятия за наследником, который на день открытия наследства зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя или коммерческой организации, которая является наследником по завещанию. Однако порядок реализации данного вида приоритета в юридической литературе вызывает заслуженную критику ни один год. В частности, М.С. Амиров убежден в том, что наличие статуса предпринимателя не дает какие-либо преимущества при наследовании предприятия другими наследниками, не имеющими такого статуса [1, с. 151]. Соглашаясь с высказанным мнением, отметим, что обладание статусом индивидуального предпринимателя не является основанием для установления специального правового режима наследования предприятия, ведь последнее выступает, прежде всего, источником получения прибыли, а не относится к числу социально значимых объектов, используемых наследником для удовлетворения жизненно необходимых потребностей.

Литература:

1. *Амиров М.С.* Особенности наследования отдельных видов имущества и имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ростов-н/Д., 2002. 186 с.
2. *Гражданское право : учебник : в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 4-е изд., перераб., доп. М. : Проспект, 2006. Т. 3. 781 с.*
3. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: (учебно-практический): части первая, вторая, третья, четвертая / С.С. Алексеев и др.; Под ред. С. А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 1503 с.*
4. *Никольский С.* К вопросу о природе преимущественных прав / С. Никольский // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 9. С. 47–48.
5. *Репьев А.Г.* «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве / А.Г. Репьев // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 1. С. 14–20.

Кроме того, наличие статуса индивидуального предпринимателя не является гарантией того, что предприятие попадет в руки опытного предпринимателя. Не надо сбрасывать со счетов и ситуацию, при которой недобросовестные наследники, зная о неминуемой смерти наследодателя, заранее оформляются как индивидуальные предприниматели с целью получения приоритета при разделе наследства. Поэтому первоочередность приобретения предприятия при разделе наследства в счет своей наследственной доли должна предоставляться наследникам, принимавшим участие в деятельности предприятия при жизни наследодателя.

Возникают сложности в практическом применении правил, закрепленных в ст. 1182 ГК РФ, которая не определяет субъектов, имеющих приоритет при приобретении земельного участка в счет своей наследственной доли и не устанавливает основания для возникновения такого приоритета.

Резюмируя сказанное, подчеркнем важность приоритета как средства урегулирования наследственных правоотношений. Приоритет обеспечивает сохранение сложившегося жизненного уклада для наследников и позволяет разрешить споры между наследниками. Однако, в определенных ситуациях, механизм реализации приоритета при разделе имущества нуждается в законодательном совершенствовании. И прежде всего, мы считаем необходимым в наследственном законодательстве Российской Федерации использовать правильную терминологию, заменив в статьях 1168–1170 1178, 1182 ГК РФ термин «преимущественное право» на дефиницию «приоритет».

Literature:

1. *Amirov M.S.* Features of inheritance of certain types of property and property rights : dis. ... cand. law sciences: 12.00.03. Rostov-on/D., 2002. 186 p.
2. *Civil law : textbook : in 3 t. / ed. by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. 4th ed., pererab., add. M. : Prospect, 2006. Vol. 3. 781 p.*
3. *Commentary to the Civil Code of the Russian Federation: (educational and practical): parts one, two, three, four / S.S. Alekseev [et al.]; Ed. by S.A. Stepanov. 2nd ed., reprint. and add. M. : Prospect, 2009. 1503 p.*
4. *Nikolsky S.* To the question about the nature of pre-emption rights / S. Nikolsky // Arbitration and civil procedure. 2006. № 9. P. 47–48.
5. *Repyev A.G.* «Preemptive right» and «legal priority» in the legal doctrine and legislation / A.G. Repyev // Bulletin of the Russian Legal Academy. 2019. № 1. P. 14–20.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный универси-
тет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

Дятлова Дарья Владимировна

Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ДОВЕДЕНИЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ДО САМОУБИЙСТВА
С ПОМОЩЬЮ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ТАКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация. В статье раскрывается социальная обусловленность уголовной ответственности за доведение несовершеннолетних до самоубийства с помощью социальных сетей и предупреждение таких преступлений. Необходимо отметить, что современное общество активно развивается в сфере информационных систем, и эти системы пронизывают всю структуру нашего общества, тем самым, доставляя людям новые возможности развития и общения. Вместе с тем, это приносит и новые проблемы в общении в социальных сетях, особенно у подростков, так как легкая доступность детей к различным сетевым играм делает их жертвами сети интернет и требует со стороны законодателя особой защиты от негативной информации, которая отрицательно влияет на психологическое развитие личности несовершеннолетнего.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, несовершеннолетний, права и свободы человека, социальные сети, уголовная ответственность.

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of Financial Law
and Customs Activities,
Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Milena.555@mail.ru

Darya V. Dyatlova

Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Milena.555@mail.ru

**SOCIAL CONDITIONALITY
OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR DRIVING MINORS TO SUICIDE
THROUGH SOCIAL NETWORKS
AND THE PREVENTION OF SUCH CRIMES**

Annotation. The article reveals the social conditionality of criminal responsibility for driving minors to suicide with the help of social networks and the prevention of such crimes. It should be noted that modern society is actively developing in the field of information systems, and these systems permeate the entire structure of our society, thereby providing people with new opportunities for development and communication. At the same time, it also brings new problems in communication in social networks, especially in adolescents. Since the easy access of children to various online games makes them victims of the Internet and requires special protection from negative information on the part of the legislator, which negatively affects the psychological development of the minor's personality.

Keywords: incitement to suicide, minor, human rights and freedoms, social networks, criminal liability.

Человеческая жизнь оценивается обществом как благо и обязанность государства соблюдать и защищать человека с его правами и свободами, которые признаются Конституцией высшей ценностью.

Государство защищает жизнь человека, создает условия для достойного и безопасного существования, поэтому уголовный закон, являясь самой строгой мерой по своей природе, применяется для предупреждения преступления доведения до самоубийства.

Хотелось бы отметить, статья 110 УК РФ имеет неоднозначное толкование, формулировка нормы не позволяет четко отграничить виновные действия лица, доведшие до самоубийства потерпевшего, от иных его действий, которые не могут быть квалифицированы как преступные, что приводит к не применению уголовно-правовой нормы о доведении до самоубийства.

Законодательно не сформулировано и не закреплено само понятие «доведение до самоубийства», не установлены способы его совершения, отсутствуют рекомендации по квалификации доведения до самоубийства. Все это затрудняет уголовно-правовое противодействие преступлениям, предусмотренным ст. 110 УК РФ.

Век информационных технологий принес людям много пользы и удобств в повседневной жизни. Однако у данного явления есть и обратная сторона. С увеличением времени, проведенного в сети Интернет, под влияние социальных сетей попадают подростки пубертатного периода. Возраст начала пользования российскими детьми интернет пространством снизился до 6–7 лет. Из статистических данных, размещенных на сайте российской некоммерческой организации «Фонд Развития Интернет», следует, что детская интернет-публика в числовом выражении достигла максимума. Об этом свидетельствует количество посещений интернет пространства в день: если в 2010 году эта цифра составляла 82 %, то к 2019 году она выросла до 93 %. Поэтому именно данная категория пользователей Интернета входит в группу риска, в том числе, из-за неокрепшей психики, на которую не трудно повлиять. Легче всего данное влияние может быть оказано через различные онлайн-игры или группы. Особую опасность среди них представляют, так называемые, «группы смерти» [1].

По данным статистики, численность самоубийств с каждым годом возрастает, на данную ситуацию оказывает влияние «группы смерти». Суть их заключается в том, что подростков приглашают в закрытые группы, где предлагают сыграть в игру и выполнить ряд заданий, последним из которых становится совершение самоубийства. В настоящее время, где бы ни упоминали тему доведения до самоубийства, всегда всплывает всем известная группа в социальных сетях «Синий Кит». Длительность игры, практикуемой в этой группе, составляет 50 дней. Условием игры является ежедневный подъем в 04:20 для выполнения заданий, назначенных «куратором» игрока. Задания связаны со страданиями и ненавистью,

просмотром фильмов ужасов, прослушиванием определенных песен. На 27-й день участники обязаны вырезать острым ножом на руке рисунок кита и подтвердить выполнение задания, иначе они столкнутся с угрозами убийства или причинения вреда их родителям или родственникам. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Анна Кузнецова обратила внимание на рост детских самоубийств в России. Так, за 2018 год количество детских суицидов в стране увеличилось на 14 %. Цифры были приведены со ссылкой на статистику Следственного комитета Российской Федерации: в 2017 году – 692 детских суицида, а в 2018 – уже 788.

В свете данных событий, Ириной Яровой был внесен на рассмотрение Государственной Думой законопроект № 120-ФЗ, который предусматривал поправки в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и который в дальнейшем был одобрен Государственной Думой в третьем чтении, а затем, 07 июня 2017 года, подписан Президентом РФ. Данным федеральным законом статья 110 УК РФ изложена в новой редакции, ужесточающей уголовную ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства [2]. Данные поправки были внесены, в частности, из-за деятельности выше-названных «групп смерти». Действия членов подобных организаций могут быть квалифицированы по пунктам «а», «д» части 2 статьи 110 УК РФ, когда доведение до самоубийства или покушения на самоубийство способами, указанными в данной уголовно-правовой норме, доводятся несовершеннолетние лица с использованием Интернета. Закон также ввел в УК РФ новые статьи 110.1 и 110.2, которые предусматривают уголовную ответственность за склонение к суициду, в том числе, с помощью уговоров и обмана, а также, за содействие ему путем советов и предоставления информации. Данным законом была также принята статья 151.2 УК РФ, в которой устанавливается уголовное наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни [3].

Для предупреждения подобных преступлений, необходимо внести некоторые изменения в пользование Интернетом несовершеннолетними.

Во-первых, ввести ограничения пользования социальными сетями в зависимости от возраста, то есть, ограничения в регистрации на сайтах, которые выражаются в необходимости подтверждения личности при регистрации на сайтах с помощью паспортных данных. В ином случае, без предоставления паспортных данных доступ к сайту будет закрыт. Или же целесообразно создать страницу в социальной сети на имя родителя для максимальной прозрачности действий ребенка, пока он сам не сможет регистрироваться.

Во-вторых, установить на все гаджеты ребенка программное обеспечение «родительский контроль», которое будет отсеивать нежелательный контент.

В-третьих, приобщить детей, родителей и социальные структуры к использованию форума «Лига безопасного Интернета», где даются рекомендации, как правильно и безопасно пользоваться Интернетом. В целях ограничения доступа к определенным сайтам следует создать единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет», позволяющую идентифицировать сайты, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Самым главным решением указанной проблемы, конечно, являются поддержка подростков со стороны близких, родителей и окружения. Стоит больше времени уделять детям, особенно, в подростковом возрасте; проводить различные беседы, тренинги, касающиеся проблемы суицида.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.04.2019) // «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ (ред. от 14.10.2014) // Российская газета. Федеральный выпуск № 172(5845). URL : <https://rg.ru/2012/07/30/zakondok.html>
3. Информационный портал «ГАРАНТ». URL : <https://www.garant.ru>

Подводя итог, хотелось бы отметить, что данное преступление приобретает квалификацию особо тяжкого и имеет статус сложно раскрываемого преступления из-за несовершеннолетия диспозиции уголовно-правовой нормы доведения до самоубийства. Также, на детей и подростков следует обращать особое внимание со стороны правоохранительных органов, так как именно они находятся в особой группе риска. В учебных учреждениях и дома должна осуществляться профилактическая работа с ними. Таким образом, успешное сочетание в применении уголовно-правовых и криминологических средств противодействия доведению несовершеннолетних до самоубийства с помощью социальных сетей будет способствовать сохранению жизни детей и подростков.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended). from 01.04.2019) // «ConsultantPlus»: URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
2. On the introduction of amendments to the Federal Law «On the Protection of children from information that causes harm to their health and development» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 139-FZ of 28.07.2012 (ed. of 14.10.2014) // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue № 172 (5845). URL : <https://rg.ru/2012/07/30/zakondok.html>
3. Information portal «GARANT». URL : <https://www.garant.ru>

Шульга Андрей Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой уголовного права,
Краснодарский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
cshulga@rambler.ru

Виниченко Екатерина Алексеевна
помощник судьи Арбитражного суда
Северо-Кавказского округа,
аспирантка юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
vini1000@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК ИНСТИТУТ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ И КАК ОБЪЕКТ ЗАКОНОПРОЕКТНОЙ НОВЕЛЛЫ ОБ УГОЛОВНОМ ПРОСТУПКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются научно-практические проблемы систематизации уголовного права как самостоятельной отрасли в системе российского права. Особое внимание уделено внутренней системной структуре раздела VIII и главы 22 УК РФ, объединяющих нормы о составах преступлений в сфере экономической деятельности и включающих институт уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица. На основе анализа законопроекта 2021 г., предусматривающего введение в Уголовный кодекс понятия «уголовный проступок», высказаны суждения о недостаточной научной обоснованности и сомнительной правоприменительной эффективности предложенной новеллы.

Ключевые слова: система уголовного закона, преступление, уголовный проступок, незаконное образование юридических лиц через подставное лицо.

Правовая система России признается конституционной ценностью, которая служит задачам организации и охраны общественных отношений в целях свободного развития и благополучия народа Российской Федерации, признания и гарантий прав и свобод человека и гражданина (2, 15, 17, 71, 72 Конституции Российской Федерации).

Andrey V. Shulga
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
cshulga@rambler.ru

Ekaterina A. Vinichenko
Assistant Judge of the Arbitration Court
North Caucasian District,
Postgraduate student of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
vini1000@rambler.ru

A RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY AS AN INSTITUTION OF RUSSIAN CRIMINAL LAW SYSTEM AND AS AN OBJECT OF A LEGISLATIVE NOVEL ABOUT A CRIMINAL OFFENSE

Annotation. The article examines the scientific and practical problems of systematization of criminal law as an independent branch in system of Russian law. Particular attention is paid to the internal systemic structure of Section VIII and Chapter 22 of Criminal Code of Russian Federation, which unites the norms of elements of crimes in the field of economic activity and includes the institution of criminal responsibility for illegal formation of legal entity. Based on the analysis of the draft law of 2021, which provides for the introduction of the concept of criminal offense into the Criminal Code, judgments were made about the lack of scientific substantiation and dubious law enforcement effectiveness of the proposed novel.

Keywords: system of criminal law, crime, criminal offense, illegal formation of legal entities through a figurehead.

В составе правовой системы России уголовное право является особым средством обеспечения правопорядка и законности в стране, связанным с применением уголовно-правовых санкций за совершение общественно-опасных правонарушений.

Понимание уголовного права как самостоятельной отрасли права с присущим ей предметом

нормативно-правового воздействия на общественные отношения признаётся основой построения системы уголовного права и решения её проблем. Мы разделяем научную позицию, согласно которой предмет уголовного права составляют общественные отношения, складывающиеся по поводу признания допущенных правонарушений преступлениями, их определенной квалификации и возможного применения специальных мер государственного принуждения в виде наказания к лицам, совершившим преступления. Такое понимание предмета уголовного права свойственно многим научным работам [12, с. 15–17; 4, с. 6–13].

Данная позиция служит обоснованием анализа системы Особенной части УК РФ и, следовательно, нашего подхода к вопросам систематизации институтов ответственности в уголовном праве России за преступления с учетом изменяющихся уголовно-правовых предписаний, обусловленных политическими и социально-экономическими процессами в стране и в мире.

Общественные отношения, находящиеся под контролем уголовного права, являются одновременно предметом регулирования позитивных отраслей права (гражданского, семейного, налогового, таможенного, др.). В связи с этим, система Особенной части Уголовного кодекса, представляющая структурированную совокупность всех предусмотренных уголовным законом составов преступлений, требует взаимосвязи и согласованности с предметами регулирования общественных отношений позитивными отраслями права.

В системе Особенной части УК РФ выделен раздел VIII «Преступления в сфере экономики», внутренняя дифференциация которого предусматривает, в частности, обособленные подразделения норм, объединенных в главу 21 «Преступления против собственности», главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Отношение собственности неотделимы от отношений в сфере экономической деятельности, так как составляют их основу. Отношения в сфере экономики равнозначны по объему, содержанию, видам отношениям в сфере экономической деятельности. Это, соответствующим образом, относится к преступлениям в указанных областях общественных отношений. В научной литературе такая несогласованность структуризации отмечается как отступление от принципов систематизации [6, с. 55; 5, с. 3; 14, с. 4–6], от применения однозначных по существу понятий в уголовном и других отраслях права [8, с. 4–6].

В нашем исследовании мы принимаем действующую систему УК РФ в целом с учетом внесенных в неё изменений как имеющую юридическое, предметно-логическое, социально-экономическое и политическое обоснование, как доступную для понимания Кодекса и суждений о возможностях её совершенствования. В своей уголовно-правовой политике государство избирательно проводит как криминализацию, так и декриминализацию и депенализацию преступных деяний.

Законопроект 2021 года о введении в УК РФ понятия «уголовный проступок» и соответствующем изменении квалификации ряда составов преступлений был предложен Верховным Судом РФ в качестве средства ожидаемого ослабления криминализации совершаемых правонарушений [9].

До 2021 года намерения о введении в УК РФ понятия «уголовный проступок» предполагалось осуществить в 1992 году при подготовке первоначальной редакции УК РФ, позднее – при подготовке соответствующего законопроекта на основании Постановления Пленума РФ от 31.10.2017 № 42.

Законопроект 2017 года ограничивался лишь дополнением статьи 15 УК частью 2, содержавшей признание уголовным проступком всех преступлений небольшой тяжести, за которые не предусматривалось наказание в виде лишения свободы. Тем самым, категория преступлений, указанных в части 2 статьи 15 УК, приобретала новое значение уголовного проступка.

Законопроект 2021 года предложил развернутый регламент уголовного проступка в виде отдельной, объемной по содержанию статьи 15.1 Кодекса. Он существенно изменил подход к понятию «уголовный проступок» путем определения сферы применения этого понятия, в которую были включены впервые совершенные преступления небольшой тяжести без наказания в виде лишения свободы, но с конкретными исключениями из преступлений этой группы. Законопроект предложил также детальный поименный перечень двух других групп составов преступлений небольшой и средней тяжести, подпадающих под понятие «уголовный проступок», в случаях совершения преступлений впервые, хотя за такие преступления было предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Преступления с административной юрисдикцией могли быть признаны уголовным проступком. Кроме того, был представлен перечень преступлений с возможностью освобождения от уголовной ответственности при условии совершения денежных выплат в определенных законом размерах.

Таким образом, законопроектом 2021 г. предусмотрено 123 состава преступлений, которые предлагается перевести в степень уголовных проступков.

Данный подход к актуальной проблеме либерализации уголовной ответственности заслуживает внимания, но представляется недостаточно корректным в юридическом плане, ввиду отсутствия полноценного определения понятия «уголовный проступок» при сохранении неизменной редакции статьи 15 УК РФ о категориях преступлений. Деление правонарушений на собственно уголовные преступления и уголовные проступки должно быть основано на признаках, выражающих существенность общественной опасности деяния, и не может определяться мерой наказания, которая сама зависит от характера и степени общественной опасности деяния. Предложение об уголовном проступке считаем также недостаточно мотивированным в социально-нравственном плане, ввиду

непризнания собственно преступлениями таких правонарушений, которые связаны с причинением вреда здоровью либо с умалением имущественных прав граждан путем краж или мошенничества, что затрагивает интересы социально слабых слоев населения.

Отдельный интерес представляет вопрос о применении понятия «уголовный проступок» к незаконному образованию юридических лиц через подставное лицо.

Исходя из системной структуризации Особенной части УК РФ, мы утверждаем, что статьи 173.1 и 173.2 УК РФ об уголовной ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица представляют собой специальный институт уголовного права в составе системы.

Статья Уголовного кодекса является первичным структурным звеном системы уголовного права, и она имеет определяющее функциональное значение для содержательного объема этой действующей во времени системы. Каждая статья Уголовного кодекса описывает конкретный состав (признаки) преступного правонарушения и может быть названа институтом, поскольку вводит такое деяние в статус преступлений (лат. *institutum* – установление) с предусмотренной уголовной ответственностью. В теории системы уголовного права под институтом предложено понимать иную категорию: систему взаимосвязанных уголовно-правовых норм, регулирующих относительно самостоятельную совокупность сходных общественных отношений [15, с. 3; 17, с. 128; 7, с. 313]. При таком подходе научному термину «институт» придается лишь единственное значение правового комплекса сопряженных норм, что ограничивает научный смысловой объем этого понятия и не заслуживает поддержки.

Оптимизация института уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица, предусмотренного статьями 173.1 и 173.2 Кодекса, может быть проведена на основе, при взаимодействии и согласованности с Кодексом в целом и отраслевым гражданско-правовым регулированием и с учетом бланкетного и формального состава этого преступления.

Уголовная ответственность в случаях незаконного создания (учреждения) юридического лица через подставных лиц имеет своим основанием и обоснованием такое нарушение правил организации юридического лица (в узком смысле слова – образования юридического лица), которое заключается в искажении подлинности как самой фигуры субъекта, поименованного в качестве учредителя и/или руководителя юридического лица, так и, совершенного подставным лицом волевого регистрационного действия, приобретающего порочный характер.

Основание для уголовной ответственности в таких случаях обязательно включает конечное звено в последовательной цепи нарушений правил порядка формирования юридического лица, каковым является государственная регистрация

юридического лица, создающая порождаящие юридические последствия, определяющие законное признание и характеристику правосубъектности юридического лица. Будучи проведенным через подставное лицо, акт государственной регистрации юридического лица утрачивает необходимую достоверность и публичную ценность в системе ЕГРЮЛ (Единого государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). Кроме того, незаконное образование юридического лица через подставных лиц порождает обоснованные сомнения в управлении юридическим лицом с правомерными целями, поскольку иные цели угрожают интересам его внешних кредиторов и внутренних участников.

В указанных отношениях уголовная ответственность за нарушение законного порядка организации юридического лица путем неправомерного привлечения подставных лиц выступает как специальная, особенная, острая и необходимая реакция государства на несоблюдение требований позитивного права, обеспечивающих надлежащее содержание административных правоотношений, опосредующих государственную регистрацию юридического лица, легитимирующую возникновение и осуществление правосубъектности юридического лица, сведения о котором внесены в ЕГРЮЛ. Правосубъектность юридического лица – институт гражданского права, охрана которого в определенных случаях обеспечивается нормами уголовного права.

Применение предложенного законопроектом 2021 г. понятия «уголовный проступок» к преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 173.1 и ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, при сохранении понятия «собственно преступление» относительно составов, предусмотренных частями вторыми этих же статей УК РФ, нельзя признать юридически последовательным, логичным, системным. Разрыв составов преступного деяния в рамках первой и второй частей одной статьи как единого правового института противоречит природе, сущности, нераздельности фактических обстоятельств реального деяния. Использование в процедурах организации (образования) юридического лица фигуры подставного лица по инициативе подлинного заинтересованного субъекта (бенефициара) не может не составить группы указанных лиц, объединившихся по соглашению (сговору – по терминологии уголовного права). Следовательно, составы деяний совмещаются по признакам, соответствующим правилам частей 1 и 2 статьи 173.1 УК РФ.

Особенно очевидным является единство действий, разведенных по признакам частей 1 и 2 ст. 173.2 УК РФ. Приобретение и предоставление личных документов на подставное лицо, как правило, составляют сделку – общее согласованное действие двух его сторон (подобно сторонам одной медали). В связи с этим, мы полагаем, что признание преступлением правонарушения, совершенного при образовании юридического лица через подставное лицо или иным способом, допустимо при доказанности, что такое правонарушение являлось лишь отдельным звеном в деятельности с преступными целями, как, например, в

случаях преднамеренного получения банковского займа без намерения его возврата и др.

Будучи формальным составом, институт уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица не предусматривает отрицательных имущественных и иных последствий правонарушения. Эти вопросы составляют предмет гражданско-правового регулирования. Их решение, содержащееся в правилах статей 51, 60.1, 60.2 и других ГК РФ и иных законов, преследует цели сохранения стабильности экономических отношений, в связи с чем, незаконно созданные или незаконно реорганизованные юридические лица, по общим правилам, не подлежат ликвидации. Складывается неоправданная с позиции законности и правосознания коллизия гражданско-правовых и уголовно-правовых институтов: экономический субъект, образованный путем совершения преступления, признается легально действующим согласно нормам гражданского права. В

Литература:

1. *Виниченко Е.А.* Оптимизация системного регулирования незаконного создания юридических лиц / Е.А. Виниченко // Девятая юридическая дискуссия по актуальным проблемам частного права, посвященная памяти С.В. Васьковского: Материалы Международной научно-практической конференции: город Одесса, 17 мая 2019 г. Одесса : «Астропринт», 2019.
2. *Габов А.В.* Теория и практика реорганизации (правовой аспект). «Статут». 2014.
3. *Долинская В.В.* Экономическая деятельность и ее виды / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3.
4. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М. : «Проспект», 2015.
5. *Кириенко М.С.* Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : монография. М., 2018.
6. *Лунеев В.В.* Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства / В.В. Лунеев // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы. М., 2009.
7. *Мелехин А.В.* Теория государства и права : учебник. 2009.
8. Определение ВС РФ от 16.09.2020 № 305-ЭС20-4513.
9. Проект от 15.02.2021 № 1112019-7 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно определенных-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: Постановление Пленума ВС РФ от 13.10.2020 № 24 // ИПС «КонсультантПлюс».

таком случае, уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица утрачивает свое значение и эффективность, поэтому нельзя исключить возможности декриминализации деяния, предусматривающего уголовную ответственность за незаконное образование юридического лица в рамках ст. 173.1 и 173.2 УК РФ.

В научной литературе правила о гражданско-правовых последствиях незаконного создания и незаконной реорганизации юридических лиц признаются разработанными без достаточной полноты, необходимой последовательности и внутренней непротиворечивости, ввиду чего, они не являются эффективными средствами предотвращения указанных правонарушений и защиты прав заинтересованных лиц (кредиторов, участников коммерческих и некоммерческих корпораций, других лиц) [2, с. 620–678; 1, с. 42–46].

Literature:

1. *Vinichenko E.A.* Optimization of systemic regulation of illegal creation of legal entities / E.A. Vinichenko // Ninth legal discussion on topical issues of private law, dedicated to the memory of S.V. Vaskovsky: Materials of the International Scientific and Practical Conference: Odessa city, May 17, 2019. Odessa : «Astroprint», 2019.
2. *Gabov A.V.* Theory and practice of reorganization (legal aspect). «Statute», 2014.
3. *Dolinskaya V.V.* Economic activity and its types / V.V. Dolinskaya // Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2018. № 3.
4. *Zhalinsky A.E.* Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. M. : «Prospect», 2015.
5. *Kirienko M.S.* System Analysis of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation : monograph. M., 2018.
6. *Luneev V.V.* The role of monitoring criminal realities in the mechanism of improving criminal legislation / V.V. Luneev // Monitoring of criminal law policy of the Russian Federation. Common problems. M., 2009.
7. *Melekhin A.V.* Theory of State and Law : textbook, 2009.
8. Definition of the RF Armed Forces dated September 16, 2020 № 305-ES20-4513.
9. Draft of 15.02.2021 No. 1112019-7 of the Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a criminal offense»: Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation from 13.10.2020 № 24 // IPS «ConsultantPlus».

10. *Русанов Г.А.* Преступления в сфере экономической деятельности : учебное пособие. «Проспект», 2011.

11. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чуцаев. «Контакт», 2017.

12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. М. : «Проспект», 2017.

13. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник. М. : «Контракт», 2008.

14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. «Статут», 2012.

15. Уголовное право России. Общая и особенная части : учебник / Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чуцаев. «Контракт», 2017.

16. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. «Статут», 2012.

17. *Цечоев В.К.* Теория государства и права : учебник / В.К. Цечоев, А.Р. Швандерова. «Прометей», 2017.

10. *Rusanov G.A.* Crimes in the Sphere of Economic Activity : textbook. «Avenue», 2011.

11. Criminal law of Russia. General and Special parts : textbook / Ed. Yu.V. Grachev, Al Chuchaev. «Contact», 2017.

12. Criminal law of Russia. Parts General and Special : textbook / Ed. A.V. Brilliantova. M., Prospect, 2017.

13. Criminal law of the Russian Federation. General part : textbook. M. : «Contract», 2008.

14. Criminal law of the Russian Federation. General part : textbook for universities / Under the editorship of V.S.Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova). «Statute», 2012.

15. Criminal law of Russia. General and special parts : textbook / ed. Yu.V. Grachev, A.I. Chuchaev. «Contract», 2017.

16. Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook for universities / Under the editorship of V.S.Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. «Statute». 2012.

17. *Tsechoev V.K.* Theory of State and Law : textbook / V.K. Tsechoev, A.R. Shvanderova. «Prometheus», 2017.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гулиев Нурхан Эльманович
финансовый факультет,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
nurhanguliev@rambler.ru

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И УПРАВЛЯЕМОСТЬ ПОРТФЕЛЯ ПРОЕКТОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Для новых цифровых трансформаций в экономике и промышленности требуется новый анализ адаптационных возможностей, финансовой устойчивости предприятий, компаний в рамках реализации стратегической политики предприятий. В работе приводятся результаты анализа финансовой устойчивости среднего и крупного предприятия. В качестве результата анализа приведены ключевые правила обеспечения финансовой устойчивости предприятия, релевантные стратегическим финансовым установкам, в частности, направлениям эволюции ликвидности, доходности, оборачиваемости, всей финансово-хозяйственной системы предприятия. Результаты можно применять при принятии Парето-решений, формировании политики устойчивости предприятия в изменяющейся цифровой среде.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, портфель проектов, предприятие, эволюция.

Эволюция производственно-экономической сферы РФ потребовала новых, цифровых адаптационных взаимодействий, финансовой устойчивости. Необходима стратегическая политика каждого достаточного «мощного» предприятия. Об этом свидетельствуют исследования И.Б. Абрютинной [1], И.А. Бланк [2], Н.А. Горлеевой [3] и др.

В данной работе приведены результаты исследования анализа финансовой устойчивости предприятия, предложены ключевые правила обеспечения такой устойчивости.

Политика – отражение используемых принципов. Наиболее известные политики устойчивости основаны на собственном капитале, собственных средствах (активах) и возможностях, практических методиках, процедурах формирования финансовой устойчивости, релевантных стратегическим финансовым установкам и индикаторам.

Показатели (параметры) финансовой устойчивости не могут дать релевантной картины состояний, лишь описывая тренды, направления роста. Анализ ликвидности, доходности, оборачиваемости дает финансово-системную картину

Nurkhan E. Guliev
Faculty of Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
nurhanguliev@rambler.ru

FINANCIAL STABILITY AND MANAGEABILITY OF THE COMPANY'S PROJECT PORTFOLIO

Annotation. New, digital transformations in the economy and industry require a new analysis of the adaptive capabilities, financial stability of enterprises, companies as part of the implementation of the strategic policy of enterprises. The paper presents the results of the analysis of the financial stability of a medium and large enterprise. As a result of the analysis, the key rules for ensuring the financial stability of the enterprise are given, which are relevant to strategic financial settings, in particular, the directions of the evolution of liquidity, profitability, turnover, and the entire financial and economic system of the enterprise. The results can be applied in making Pareto decisions, forming the company's sustainability policy in a changing, digital environment.

Keywords: financial stability, project portfolio, enterprise, evolution.

состояния предприятия для адаптации траектории эволюции предприятия.

Часто достаточен связный и небольшой комплекс коэффициентов для Парето-решений, стратегий, чтобы идентифицировать устойчивость – способность функционировать длительно, воспроизводя потенциал для выплаты дивидендов, сбалансированно в изменяющейся обстановке. Сбалансированность, например, может означать доходность и значительный рост дебиторской задолженности, но это снизит платежеспособность.

Комплексное оценивание и ситуационное моделирование устойчивости даст возможность идентифицировать финансовую результативность, риски и зоны, перспективы хозяйствования, например, угрозы предбанкротства, нестабильной деятельности и даже банкротства.

Исследование как «дальней», так и «близкой» внешней среды предприятия информирует контрагентов, идентифицирует управляемые факторы (параметры):

1) экономико-ситуативные, конкурентные, коммерческие и др.;

2) финансовые (ставки, кредиты, цены акций, курсы и др.).

Факторы «ближней», внутренней среды предприятия отражают структурные параметры (капитал, обязательства, потоки, риски, дивиденды, инвестиции и др.):

1. Нижеследующие правила ориентированы на планирование, учет-контроль, успешность.

2. Эффективно отслеживать финансы (стратегические, тактические проекты) и инвестиции.

3. Поддерживать финансовые подсистемы информационно-аналитически, используя контроль с четкими требованиями (к сотрудникам, службам, тренингу).

4. Следовать стандартам, в том числе, и международным (МФСО).

5. Осуществлять ФСА (функционально-стоимостный анализ, по показателям бизнеса).

6. Отработать технологии подготовки, поддержки финансовой отчетности.

7. Прогнозировать, выявлять причины дефицита финансов.

8. Оптимизироваться, использовать аудит – внутренний и внешний.

9. Упреждать, применять диагностику риск-ситуаций, отслеживать финансовые операции, контроль, ФСА.

10. Оптимизировать законными способами налоговые выплаты.

10. Совершенствовать финансовую инфраструктуру, финансовый инструментарий, например, ИКТ-ориентированный.

11. Координировать (в реальном времени) вместе с внутренним аудитом все комплексные проверки подразделений, причем минимизируя контроль филиалов (лишь по результатам эффективного аудита, общения с организацией аудиторов).

12. Активизировать нефинансовые параметры – товарные запасы, справедливые цены, дебиторскую задолженность, платежеспособность и др.

Если предприятие занято ВЭД, то добавляем также контроль (управление) налогообложения, чтобы избежать двойного налогообложения (таможенных споров). Следует верифицировать контрольные мероприятия и критерии, процедуры, требований ЦБ. Нарушение, недостоверность информации может привести к штрафам, до 1 % от уставного капитала.

Если предприятие вышло на «цифровой уровень», цифровой бизнес, то роль менеджмента лишь возрастет, как и управление «портфельными» проектами. Реализация мало-, средне-затратной стратегии зависит от «сборки-пересборки» портфеля.

Для цифрового бизнеса важны динамичные портфели и стратегии. Для формирования портфеля, портфельного управления анализируются достоинства-недостатки каждого метода, например, достоинства визуализации (данных, стратегий, результатов) или недостатки (высокая размерность, структурная сложность).

Управление финансовым портфелем – процесс адаптивного перераспределения ресурсов с учетом индикаторов (условий):

1) NPV, ECV и др.;

2) стратегического выравнивания;

3) ранжирования содержания портфеля при ограниченных ресурсах.

При «портфельном менеджменте» реализуют:

1) поиск управляющих условий, факторов, параметров;

2) условия устойчивости взаимодействий предприятия с окружением;

3) реструктурирование (внутренних, внешних процессов по необходимости);

4) тестирование управляемости процессов (VSM, KPI и др.);

5) риск-менеджмент и др.

Потенциалы бизнеса и портфеля взаимосвязаны (бывает, латентно). Важно идентифицировать качественный инструментарий усиления объективности, снижения ошибок. Уровень развития предприятий в России, всего бизнеса снижается нехваткой средств, специалистов и др.

«Портфель проектов» – комплекс проектов управляемых предприятием (актором). Главные характеристики портфеля проектов (как и инвестиционных портфелей) – риски реализации, доходность проекта и период окупаемости.

Инновационные проекты, как и стратегии, формируются с учетом рисков, рыночной выживаемости. Портфельное управление перенаправит («диверсифицирует») потоки в интересах портфеля, его управляемости.

В цифровом бизнесе «портфельное управление» отличается:

1) стоимость и отдача;

2) снижение рисков, достижение рыночных преимуществ;

3) эффективность и сокращение издержек;

4) оцениваемый алгоритмизируемый отбор, ранжирование и сбалансированность портфеля.

Применяют комплексный учет риск-ситуаций, их оценивание по всему портфелю (структуре и наполнению).

В любой деятельности, чтобы работать эффективно, оптимизируя расходы, логистику, прибыли, должно в качестве KPI рассматриваться

Литература:

1. *Абрютина И.Б.* Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. М. : Бизнес, 2018. 156 с.
2. *Бланк И.А.* Финансовая стратегия предприятия. К. : Эльга, Ника-Центр, 2004. 720 с.
3. *Горлеева Н.А.* Диагностирование и оптимизация финансово-экономического состояния компании: экономическое исследование. М. : МИСиС, 2018. 122 с.

показатели, ориентированные на эволюционный потенциал, устойчивости предприятия.

Literature:

1. *Abryutina I.B.* Analysis of financial and economic activity of the enterprise. M. : Business, 2018. 156 с.
2. *Blank I.A.* Financial strategy of the enterprise. Kyiv : Elga, Nika-Tsentr, 2004. 720 с.
3. *Gorleeva N.A.* Diagnosis and optimization of the economic and financial condition of the company: economic research. M. : MISIS, 2018. 122 с.

Денисов Александр Михайлович
старший преподаватель
кафедры организационно-кадровой
работы в органах государственной власти,
Институт технологий управления,
МИРЭА – Российский
технологический университет
Denisovdo2014@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА КОМПАНИИ-РАБОТОДАТЕЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАТРАТ НА НАЕМ И УДЕРЖАНИЕ СОТРУДНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления и инструменты реализации мероприятий в кадровой политике компаний в области привлечения, подбора и отбора конкурентоспособных работников для создания имиджа и успешного бренда фирмы-работодателя. Перечисляются принципы формирования успешного HR-бренда, раскрывается его влияние на эффективность затрат на подбор персонала и отличие имиджа работодателя от его бренда.

Ключевые слова: подбор персонала, бренд, HR-брендинг, HR-бренд, имидж работодателя, персонал, затраты, рекрутер.

Эффективность работы с персоналом компании во многом определяет успех современной организации. В условиях современной «войны за таланты», когда уже давно не компании выбирают работников, а кандидаты весьма придирчивы в выборе своего потенциального работодателя, крайне важным становится вопрос не только привлечения и удержания в компании лучших сотрудников, но и повышения эффективности затрат по этим направлениям. Комплексным инструментом, позволяющим успешно решить эти задачи, является построение имиджа компании как работодателя (HR-брендинг). HR-брендинг – это набор осознанных действий по созданию сообщений о фирме как о хорошем работодателе, их передаче во внутреннюю и внешнюю среду и контролю адекватности для привлечения и удержания работников. Требуется для убеждения работников в том, что их организация является хорошим местом работы, удержать их и обеспечить понимание ими целей организации и при верность им.

С точки зрения теории кадрового менеджмента имидж организации на рынке труда рассматривается в рамках маркетинга персонала, где взаимодействие работодателя и работника трактуется как отношения продавца и покупателя товара

Alexander M. Denisov
Senior Lecturer of the Department
of Organizational and Personnel Work
in Government Bodies,
Institute of Management Technologies,
MIREA – Russian Technological University
Denisovdo2014@yandex.ru

FORMATION OF THE IMAGE OF THE EMPLOYING COMPANY AS A TOOL TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF RECRUITMENT AND RETENTION OF EMPLOYEES

Annotation. The article discusses the main directions and tools for the implementation of measures of personnel policy in the field of attracting, recruiting and selecting competitive employees to create an image and a successful brand of the employer. The principles of the formation of a successful HR brand are listed, its influence on the efficiency of recruiting costs and the difference between the employer's image and his brand are revealed.

Keywords: recruitment, brand, HR branding, HR brand, employer image, personnel, costs, recruiter.

«рабочее место». Имидж организации-работодателя на рынке труда можно определить как целенаправленно сформированный образ организации, выделяющий наиболее значимые характеристики предложения рабочих мест лицам, представляющим для данной организации интерес в качестве потенциальных работников [1, с. 8]. С его помощью можно понять, какие факторы могут оказаться решающими для человека, ищущего работу, и уже работающего в организации, а также, при принятии решения о заключении или продлении трудового соглашения.

Существуют определенные противоречия в использовании терминологии, т.к. одновременно с понятием «имидж работодателя» применяется термин «бренд работодателя». Применительно к организации, понятие «бренд» указывает на хорошо знакомые участникам рынка при знаки, по которым люди идентифицируют организацию и которые имеют влияние на потребителей и учитываются партнерами и конкурентами. Таким образом, надо различать эти понятия.

В отличие от имиджа, HR-бренд используется, когда речь идет о четком и значимом наборе ценностей и атрибутов (в том числе, о товарном знаке и фирменном наименовании), позволяющих

выделить организацию работодателя или конкретное место по сравнению с другими. Он может складываться стихийно, без целенаправленной деятельности по его созданию, но, будучи неуправляемым, не принесет должных результатов.

Согласно данным международного исследования характеристик бренда работодателя Employer Brand International, 41 % российских компаний в настоящее время разрабатывают стратегию построения HR-бренда. При этом отмечаются следующие основные положительные результаты от внедрения подобных программ:

- Уменьшение текучести кадров (отметили 29 % респондентов).
- Сокращение времени на поиск работников (29 %).
- Увеличение числа присланных резюме (21 %).
- Привлечение большего количества клиентов (16 %).

Основными задачами построения бренда компании как работодателя в области повышения эффективности затрат на найм и удержание сотрудников являются:

- Сокращение срока закрытия вакансий.
- Повышение общего уровня квалификации и компетентности сотрудников компании.
- Повышение удовлетворенности сотрудников трудом.
- Снижение средней стоимости закрытия вакансии.
- Снижение уровня текучести персонала в целом и ключевых сотрудников.
- Повышение лояльности сотрудников компании-работодателю.

Само понятие «бренд компании» как работодателя отсылает нас к маркетинговым технологиям, которые в полной мере могут и должны применяться при построении HR-бренда.

В частности, целесообразно провести SWOT-анализ компании с точки зрения ее места на рынке труда, т.е. анализ сильных и слабых сторон организации как работодателя, возможностей и угроз со стороны внешней среды.

Также, аналогично «Уникальному торговому предложению» в классическом брендинге, работодатель представляет на рынке труда «Ценностное предложение работодателя» (Employer value proposition или EVP), то есть, то, что выгодно отличает его от всех остальных работодателей и позволяет привлекать ему к себе на работу кандидатов нужного качества.

Кроме того, при построении HR-бренда и, связанных с ним внутренних и внешних коммуникаций, необходимо четко определить особенности целевой аудитории: ориентируемся ли мы на

привлечение молодых специалистов и студентов вузов или зрелых профессионалов; рабочих или «белых воротничков» и так далее.

Важно отметить, что для формирования успешного HR-бренда необходимо соблюдать следующие принципы:

1. Соответствие составляющих HR-бренда целям и задачам организации в области привлечения и удержания персонала. Так, организации, заинтересованные в привлечении молодых, творческих, высококвалифицированных специалистов, способных на разработку и внедрение инноваций (например, Google, Яндекс), делают упор на создание творческой, демократичной и свободной обстановки, начиная от планировки рабочих помещений и заканчивая возможностью работы в свободном графике и в обществе любимых домашних животных, в то время как консервативные организации (например, государственные структуры) среди составляющих HR-бренда продвигают стабильность, социальную поддержку и возможность планового, постепенного карьерного роста.

Если бы данные организации применяли противоположные стратегии позиционирования себя как работодателей, едва ли, они могли бы привлечь сотрудников, обладающих необходимыми компетенциями.

2. Соответствие внешнего имиджа компании как работодателя и его внутреннего наполнения.

Нам, наверняка, захочется посетить дом красивый снаружи. Но если он неряшлив и неуютен внутри – едва ли в нем захочется остаться, поэтому при построении HR-бренда важно, чтобы внешняя информация о компании не противоречила ее корпоративной культуре. Для диагностики представлений сотрудников о своей компании как о работодателе эффективно применять внутренние социологические опросы, фокус-группы (желательно их проводить совместно с профессионалами PR- и маркетинговых служб компании).

Построение HR-бренда – комплексное, системное дело, требующее постоянного внимания, реализации необходимых мероприятий и диагностики их эффектов.

Соискатели выделяют следующие составляющие бренда компании как работодателя:

- Размер компании.
- Известность компании.
- Отечественная или зарубежная компания.
- Отрасль, в которой работает компания, и ее положение на рынке.
- Возраст компании, история ее развития.
- Репутация компании.
- Корпоративная культура, отношение к персоналу.

- Компенсационный пакет.
- Стратегия компании.
- Качество и стиль управления.
- Личность собственника.
- Качество товаров и услуг.
- Название компании.
- Возможность повышения «стоимости» резюме.
- Привлекательность позиции для кандидата.

В современных условиях рыночной экономики все больший вес в глазах соискателей приобретает социальная ответственность компании-работодателя, человеческие ценности становятся неотъемлемой частью положительного имиджа компании. Привлекательными в глазах соискателей становятся организации, заботящиеся не только о своих сотрудниках, но и об обществе, экологии, ведущие благотворительную, волонтерскую деятельность.

Необходимым механизмом построения и поддержания HR-бренда является постоянная обратная связь с персоналом, которая может происходить как посредством внутренних социологических опросов, фокус-групп, так и с помощью специализированных конференций, семинаров, конкурсов профессионального мастерства и т.д. Важна открытость руководства в отношениях с сотрудниками.

Таким образом, HR-бренд компании строится на внешних и внутренних коммуникациях. Во многих крупных организациях выделена специальная должность – менеджер по внутренним коммуникациям (или даже целые отделы, занимающиеся этой деятельностью).

Внутрикорпоративными каналами коммуникации HR-бренда являются:

- Корпоративные СМИ (газета, радио, интранет-портал).
- Средства наглядной агитации (плакаты, бюллетени, листовки, объявления и пр.).
- Доски почета.
- Соборания и совещания.
- Контент программ адаптации вновь принятых работников.
- Программы развития персонала (конференции, круглые столы, стратегические сессии и пр.).
- Корпоративные мероприятия.
- Мероприятия по поводу государственных и корпоративных дат и праздников.

- Обращения руководства компании к сотрудникам (устные, через корпоративные СМИ, в рассылках).
- Мероприятия для молодежи и детей сотрудников.
- Работа с ветеранами.
- Волонтерские проекты.

В качестве инструментов трансляции ценностей HR-бренда во внешнюю среду компании помимо публикаций в средствах массовой информации могут служить:

- Взаимодействие с соискателями (начиная от публикации вакансии, заканчивая интервью и предложением о работе).
  - Переговоры с кадровыми и консалтинговыми агентствами.
  - Выступления на HR-конференциях, семинарах, круглых столах.
  - Презентации и мастер-классы на ярмарках вакансий;
  - Встречи и переговоры с вузами, биржами труда; презентации компании для студентов вузов.
  - Работа с профессиональными и отраслевыми ассоциациями и объединениями.
  - Публикации годовых отчетов организации об устойчивом развитии.
  - Публикации в профессиональных блогах и форумах.
  - Использование социальных сетей в целях networking (формирования сети контактов) [2, с. 23–27].
  - Карьерный сайт компании и карьерная страница компании в социальных сетях.
  - Реферальные программы – программы привлечения в компанию кандидатов через рекомендации уже работающих сотрудников (41% лучших работодателей делают фокус на них, среди крупных и средних компаний этот процент составляет 34% и 30%, соответственно) [3].
- Положительной и важной составляющей HR-бренда компании является поведение сотрудников службы управления персоналом с кандидатами. Наверное, почти каждый форум HR-сайтов имеет ветки, посвященные обсуждению кандидатами собеседований, которые они проходили. Редко эти, весьма посещаемые, обсуждения содержат положительные отзывы. Чаще, мы имеем возможность убедиться в том, какое огромное количество квалифицированных кандидатов отказываются рассматривать предложение работодателя только потому, что рекрутер, с которым встречался кандидат, произвел на него негативное впечатление.

Во избежание подобных ситуаций целесообразно при нять и следовать в своей деятельности определенным стандартам, а именно:

1. Стандарт составления объявления о вакансии. Объявление должно достаточно подробно описывать требования к кандидату (исключая упоминание дискриминирующих факторов, таких, например, как пол и возраст), условия, предлагаемые компанией, предполагаемые обязанности. Оно также должно предусматривать полную контактную информацию (телефон, e-mail, имя контактного лица).

2. Стандарт соблюдения сроков, в течение которых кандидат получает ответ по своей кандидатуре на каждом этапе собеседований (например – три дня). Недопустимы случаи, когда кандидат, прошедший собеседование, не получает ответа по своей кандидатуре. Более выигрышно, когда компания дает ответ по своей инициативе, не дожидаясь, когда позвонит сам кандидат.

Многие кандидаты ожидают ответа уже по направленному резюме. Конечно, насыщенная работа рекрутера, как правило, не оставляет времени отвечать каждому, чье резюме поступило в компанию. В этом случае правильным способом произвести на кандидата благоприятное впечатление будет настройка на почтовом ящике автоматического ответа на отправленное сообщение (например: «Уважаемый имярек! Благодарим Вас за направленное резюме. В случае соответствия Вашего опыта требованиям вакансии, мы свяжемся с Вами по оставленным Вами контактам в течение трех рабочих дней. С наилучшими пожеланиями, компания «N»).

Литература:

1. *Алексеева Л.А.* Имидж организации-работодателя на рынке труда как фактор привлечения потенциальных работников: формирование и оценка. М. : ГУУ, 2010. С. 8.
2. *Оглоблин В.Н.* HR-brand: создаем и развиваем. Справочник по управлению персоналом. 2013. № 1. С. 23–27.
3. *Ананьева Т.В.* Тренды в брендинге работодателя 2025. URL : <http://apostrof-media.com/blog/employerbrand/trendy-v-brendinge-rabotodatelja-2025-113.html> (дата обращения 20.03.2021).
4. Подбор персонала в цифровую эпоху. URL : <http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/podbor-personala-v-cifrovuyu-ehpohu.pdf> (дата обращения 20.03.2021).

3. Стандарт проведения собеседования (начиная от соблюдения требования пунктуальности и уважения к кандидату, и заканчивая тем, в каких выражениях рекрутер может сообщить кандидату об отказе).

4. Стандарт обработки и хранения персональных данных кандидата.

К сожалению, зачастую, рекрутеры стремятся сформировать положительное мнение о компании только у тех кандидатов, которые компании интересны. Между тем, кандидаты, которые по каким-либо причинам не подошли компании, но у которых сформировалось о ней положительное мнение, могут стать хорошим источником рекомендаций для других кандидатов, проводниками HR-бренда, в конце концов – лояльными клиентами компании.

Точно измерить экономический эффект HR-бренда едва ли возможно, однако, некоторые компании разрабатывают собственные методики для измерения данного показателя.

По мнению специалистов Deloitte, HR-брендинг является одним из ведущих трендов на современном рынке и становится ключевым условием успешного рекрутинга, в связи с чем основной акцент смещается на работу с сотрудниками компании и каналами брендинга (выстраивания бренда работодателя) [4]. По водниками HR-бренда являются сотрудники компании. Их мнение и отзывы о работе компании, а также – уровень квалификации и репутации очень сильно влияют на формирование бренда работодателя.

Literature:

1. *Alekseeva L.A.* The image of an employer organization in the labor market as a factor in attracting potential employees: formation and evaluation. M. : GUU, 2010. P. 8.
2. *Ogloblin V.N.* HR-brand: creating and developing. Handbook of Personnel Management. 2013. № 1. P. 23–27.
3. *Ananyeva T.V.* Trends in employer branding 2025. URL : <http://apostrof-media.com/blog/employerbrand/trendy-v-brendinge-rabotodatelja-2025-113.html> (date of application 20.03.2021).
4. Recruitment in the digital age. URL : <http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/podbor-personala-v-cifrovuyu-ehpohu.pdf> (date of application 20.03.2021).

Джалалова Татьяна Шейховна

кандидат экономических наук,
генеральный директор,
ООО «Эскулап-М»
naida_econom@mail.ru

Акавова Гозель Касымовна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической географии,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Агасиева Магрифа Нугутдиновна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Исмиева Замира Муъминовна

старший преподаватель кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Казибекова Наида Аликулиевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Tatyana Sh. Dzhahalova

Candidate of Economic Sciences,
General Director,
«Aesculap-M»
naida_econom@mail.ru

Gozel K. Akavova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Geography,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Magrifa N. Agasieva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Socio-Humanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Zamira M. Ismieva

Senior Lecturer of the Department
of Socio-Humanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Naida A. Kazibekova

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Socio-Humanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
ТУРИСТСКИХ УСЛУГ В РЕГИОНЕ**

Аннотация. В статье рассматривается процесс управления развитием туристической отрасли на примере Республики Дагестан. Авторами подчеркивается, что организация управления служит средством стабилизации и способом активизации процесса развития. Авторы считают, что для эффективного развития туристической отрасли в республике необходимо решить целый ряд проблем, связанных с финансированием муниципальных районов, развитием инфраструктуры. В статье предлагается определять расходы на производство (предоставление) туристских услуг в муниципальных районах в расчете на одного туриста в год.

**ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS
OF THE MANAGEMENT
OF THE DEVELOPMENT
OF TOURIST SERVICES IN THE REGION**

Annotation. The article considers the process of managing the development of the tourism industry on the example of the Republic of Dagestan. The authors emphasize that the organization of management serves as a means of stabilization and a way to activate the development process. The authors believe that for the effective development of the tourism industry in the republic, it is necessary to solve a number of problems related to the financing of municipal districts, the development of infrastructure. The article proposes to determine the cost of production (provision) of tourist services in municipal areas per tourist per year.

Ключевые слова: туризм, туристские услуги, оценка эффективности, организация управления, туристская инфраструктура, рекреация, санатории.

Keywords: tourism, tourist services, efficiency assessment, management organization, tourist infrastructure, recreation, sanatoriums.

Республика Дагестан является самой южной из республик Российской Федерации. Она расположена на стыке Европы и Азии в восточной части Кавказа и имеет прямой выход к международным морским путям. Дагестан граничит по суше и Каспийскому морю с пятью государствами – Азербайджаном, Грузией, Казахстаном, Туркменистаном и Ираном, а внутри Российской Федерации соседствует со Ставропольским краем, Калмыкией и Чеченской Республикой. С древнейших времен здесь пролегли крупные торговые пути, соединяющие восток с западом. В средние века через Дагестан проходил легендарный торговый караванный маршрут «Великий шелковый путь». Сейчас по территории республики пролегают важнейшие маршруты федерального значения: железнодорожные, автомобильные, воздушные, морские и трубопроводные маршруты [1].

Дагестан – это республика, обладающая, по истине, уникальными природными и рекреационными ресурсами. Туристов влечет сюда возможность увидеть архитектурные, природные красоты и поправить здоровье в санаториях и на туристических базах. К услугам отдыхающих – море, горы, леса, водопады, ущелья и пещеры, многочисленные достопримечательности, гостеприимное население, оригинальная национальная кухня и экологически чистые продукты. Тем не менее, несмотря на все потенциальные возможности, существуют проблемы, тормозящие развитие туризма в Дагестане.

Развитие туристских услуг предполагает определенную организацию управления этим процессом. С одной стороны, организация – это определенное состояние, существующий порядок развития, который задается действующей структурой, нормами и правилами управления; с другой, организация – это метод, при помощи которого активизируется совместная деятельность работников органов управления и сферы туристских услуг, повышается ответственность субъектов взаимодействия.

Организация управления служит средством стабилизации и способом активизации процесса развития. Следовательно, можно говорить об эффективной или неэффективной организации управления развитием сферы услуг туризма в регионе.

В основу оценки эффективности управления развитием туристских услуг нами положены следующие критерии ее оценки:

– исполнительность – организация управления развитием обеспечивает уменьшение числа помех в ходе управления, исключается ненужное, нерезультативное взаимодействие, повышаются

полнота, своевременность и качество исполнения решений;

– оперативность – организация управления развитием обеспечивает экономное и рациональное использование времени в процессе управления, сокращаются затраты времени на выполнение работ и управленческих решений;

– экономичность – организация управления развитием позволяет оптимизировать затраты материальных, трудовых и финансовых ресурсов [2].

Туризм является такой сферой деятельности, которая непосредственно влияет на социальную, культурную, образовательную, экономическую составляющие региона. Эффективность от туристской деятельности определяется количеством туристов или объемом деятельности коммерческих туристских структур, производящих туристский продукт. При этом, рассматривая понятие «эффективность развития туризма», необходимо помнить не только о прибыли и доходе, которые получит государство, но и о тех затратах, которые их обеспечили. Основой оценки эффективности является соотношение затрат и результатов [1].

Для эффективного развития туристической отрасли в республике необходимо решить целый ряд проблем, связанных с финансированием муниципальных районов, развитием инфраструктуры и др.

Во-первых, необходимо социально-экономическое выравнивание муниципальных районов (городских округов) и, исходя из действительных и объективно существующих различий в бюджетных расходах отдельных муниципальных образований, следует объединять специальные группы, объединяющие районы по признаку однородности бюджетно-формирующих обстоятельств.

Во-вторых, «нуждающимися» и «остро нуждающимися» являются не все поселения тех или иных районов, а их отдельные локальные местности, зоны, населенные пункты. Было бы полезно установить механизм передачи трансфертов или субсидий этим субъектам и перечислять их в бюджеты конкретных и действительно нуждающихся территориальных образований. Тем самым, был бы дополнительно подкреплён принцип целевого назначения трансфертов.

В-третьих, в систему главных оценок бюджетно-финансового состояния муниципальных образований мы предлагаем ввести критерий (показатель) бюджетной зависимости территорий, который определяет в структуре источников финансового обеспечения функционирования и развития

всего района долю именно бюджетных средств (федеральных, субфедеральных и местных), а также, поступлений из государственных внебюджетных фондов. Особенно важно учитывать фактор бюджетной зависимости при определении размеров финансовой помощи муниципальным образованиям на уровне местного самоуправления.

В качестве критерия финансовой зависимости k -го муниципального образования от бюджета высшего уровня (ФЗК) предлагается использовать следующий показатель:

$$F_{zk} = \frac{D_k}{P_k} \cdot \sum_{j=1}^m \left(\frac{C_{\Phi kj}}{C_{nkj}} \right),$$

где k – индекс муниципального образования; j – индекс показателя минимальных социальных стандартов; D_k – средний размер дохода на душу населения в k -том муниципальном образовании за год, руб.; P_k – средняя величина прожиточного минимума в k -том муниципальном образовании за год, руб.; $C_{\Phi kj}$ – величина фактического наличия минимальных социальных стандартов в k -том муниципальном образовании по j -тому показателю; C_{nkj} – величина необходимых по нормативам минимальных социальных стандартов в k -том муниципальном образовании по j -тому показателю.

Чем меньше величина показателя F_{zk} , тем соответствующий район (субъект) больше зависим в финансовом отношении от бюджета высшего уровня.

Для определения действительного социально-экономического состояния муниципальных образований следует рассмотреть отношение доходов на душу населения к прожиточному минимуму на одного человека за год, таким образом, станет ясно, что реально зарабатывает каждый гражданин и что требуется для выживания. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что чем меньше соотношение доходов и размера прожиточного минимума, имеющихся и необходимых минимальных социальных стандартов, тем хуже финансовое положение муниципального образования и тем больше средств потребуется для удовлетворения потребностей его населения. И уже в зависимости от величины F_{zk} следует законодательно закрепить за районами право на налоговые льготы, специальные налоговые режимы и трансферты.

Чем меньше ранг муниципального района (городского округа), тем соответствующее административно-территориальное образование больше зависит от бюджета высшего уровня, следовательно, тем меньшими возможностями располагает в развитии туристической отрасли на собственной финансово-экономической базе.

В этой связи, возникает проблема определения расходов на предоставление туристских услуг с учетом объективных факторов, влияющих на процесс предоставления таких услуг.

Расходы на производство (предоставление) туристских услуг в муниципальных районах (городских округах) в расчете на одного туриста в год мы предлагаем определить по формуле:

$$T_p = N_{cp} \times Q \times K_{zp},$$

где T_p – расходы на производство (предоставление) туристских услуг; N_{cp} – средний условно-нормативный расход (норматив) в расчете на одного туриста на очередной финансовый год; Q – прогнозируемая численность туристов за год в муниципальном районе (городском округе); K_{zp} – усредненный поправочный коэффициент по каждой группе муниципальных районов (городских округов).

При расчете расходов на реализацию туристских услуг поправочные коэффициенты определены экспертным методом на основе распределения муниципальных районов (городских округов) на группы с учетом структуры населения, климатических, географических, дорожных и иных объективных факторов, влияющих на предоставление туристских услуг.

Произведенные расчеты в разрезе муниципальных образований и отдельных видов туристских услуг позволят, с одной стороны, анализировать деятельность органов местного самоуправления в районах (городах) по развитию услуг туризма; с другой стороны, выявить общие тенденции и направления развития сферы туризма в республике в целом. Это, в свою очередь, предоставит возможность внести коррективы в деятельность законодательных и исполнительных органов на всех уровнях, а также хозяйствующих субъектов сферы туризма.

В-четвертых, для дальнейшего развития отрасли и повышения эффективности имеющегося потенциала необходимо развитие туристской инфраструктуры, которое признается в качестве одной из приоритетных задач.

В состав инфраструктуры туристической отрасли принято включать:

- туристические агентства;
- туристические базы;
- гостиницы и пансионаты;
- транспорт и связь;
- систему финансового обеспечения туризма (операции по обслуживанию дорожных чеков, обмену валюты и т.д.);
- культурно-зрелищные учреждения;
- систему рекламно-информационного обеспечения туризма;
- туристические маршруты;
- систему экскурсионного обслуживания;

– предприятия торгового обслуживания и общественного питания [3].

В последние годы туристская инфраструктура республики динамично развивается – строятся новые средства размещения, облагораживаются пляжи, развивается рекреационная сеть, создаются интересные объекты в сфере

экстремального туризма, строятся аквапарки, бассейны, фитнес клубы, кафе и рестораны.

В республике открыты и действуют санатории, гостиницы, гостиничные комплексы и другие объекты туристской инфраструктуры европейского уровня (табл.1).

Таблица 1

Объекты размещения и отдыха, расположенные на территории Республики Дагестан

№	Название	Адрес	Инфраструктура объекта
1	Отель «Ак-Гель»	г. Махачкала, пр. Петра I, 14	Ресторан, бар, бассейн, сауна, спутниковое телевидение, стоянка, служба безопасности
2	Комплекс «Джами»	Побережье Каспийского моря, г. Махачкала, пос. Турали	Бизнес-центр, конференц-зал, тренажерный зал, спортивный инвентарь, ресторан, дискотека, благоустроенный пляж
3	Гостиница «Золотая империя»	г. Махачкала, ул. Богатырева, 4	Кафе, спорт-бар, ресторан «Золотая империя», скоростной интернет, охраняемая автостоянка
4	Аквапарк «Люксор»	г. Махачкала, ул. Атаева, 1	Аквапарк, бассейн, каток, фитнес- центр, студия красоты, ресторан, кафе, детский городок
5	Отель «Президент»	г. Махачкала, ул. Автомобилистов, 7	Ресторан, банкетный зал, бильярд, кабельное телевидение
6	Гостиница «Золотая вилка»	г. Махачкала, 3-й км Сулакской дороги	Ресторан, банкетный зал, автостоянка, кабельное телевидение
7	Гостиничный комплекс «Пегас»	г. Махачкала, 3-й км Сулакской дороги	Ресторан, банкетный зал, кабельное телевидение, охраняемая автостоянка
8	Гостиница «Парнас»	г. Кизилюрт, 2-й км по федеральной трассе «Кавказ»	Ресторан, банкетный зал, русская баня, спортзал, детская площадка, футбольное поле
9	Гостиничный комплекс «Оазис»	г. Дербент, ул. Приморская, 14	Ресторан, банкетный зал, бильярд, охраняемая автостоянка
10	Лечебно-оздоровительный комплекс «Лезет»	Карабудахкентский район, п. Манас	Бассейн, кафе, банкетный зал, ресторан, конференц-зал, бильярд, библиотека, танцевальный зал, автостоянка
11	Молодежный лагерь «Золотые пески»	Дербентский район	Кафе, спортивная площадка, охраняемая площадка, бассейн, благоустроенный пляж
12	Санаторий «Дагестан»	Махачкала, ул. Насрутдинова, 14-й км	Открытый и закрытый бассейны, сауна, бани, ресторан, бильярд
13	Санаторий «Каякент»	Каякентский район, с. Новокаякент	Крытый бассейн, автостоянка, бани, сауна, кафе
14	Санаторий «Каспий»	пос. Манас	Кафе, бассейн, ресторан, спортивная площадка, инфракрасная сауна
15	Санаторий «Ахты»	Ахтынский район	Лечебные бани, тренажерный зал, теннисный корт, футбольное поле, караоке, ночной клуб
16	Гостинично-оздоровительный комплекс «Белый медведь»	Махачкала, ул. Лаптиева, 53а/2	Бани, сауна, охраняемая автостоянка, тренажерный зал, Wi-Fi

В основу создания практически всех санаториев легли минеральные источники и лечебные грязи, которые являются уникальными по своему составу.

По данным Министерства по туризму и народным художественным промыслам Республики Дагестан за период с 2016 по 2020 год наблюдается положительная динамика в развитии инфраструктуры регионального туризма (табл. 2).

Таблица составлена авторами по данным Министерства по туризму и народным художественным промыслам, 2020.

Количество коллективных средств размещения неуклонно растет, общее количество в 2020 году составило 255 объектов, в том числе, пансионаты, санатории, сезонные лагеря и базы отдыха и оздоровления. Однако для развития инфраструктуры туризма на сегодняшний день необходимо придать «звездность» дагестанским отелям, привлечь гостиничные и туристические бренды, что поспособствует привлечению большего количества отдыхающих и возможности максимизировать прибыль.

Динамика развития инфраструктуры туристической отрасли Республики Дагестан (2016–2020 гг.) [4]

Показатели	Ед. измер	2016	2017	2018	2019	3 кв. 2020
Количество туристских предприятий, / туроператоров	Ед.	39	48	44	48	52
		5	3	4	10	9
Количество коллективных средств размещения, в т.ч.	Ед./к/м	231/ 19100	246/ 19398	242/ 20770	255/ 21299	255/ 18032
Гостиницы	Ед.	127	131	125	131	127
Турбазы	Ед.	52	52	52	52	51
Санатории	Ед.	24	25	25	25	23
Гостевые Дома	Ед.	28	38	40	47	54
Санаторно-курортные организации	Койко-мест	3148	3178	3178	3178	3188
Туристских баз и зон отдыха	Койко-мест	12195	12195	12195	12285	8880
Гостиницы и аналогичные средства размещения	Койко-мест	3507	3693	5042	5226	5288

Литература:

1. *Казибекова Н.А.* Методика расчета оценки эффективности туристских услуг / Казибекова Н.А., М.Н. Агасиева, И.Л. Лукманова // Европейский журнал социальных наук. 2016. № 5. С. 69–74.
2. *Румянцева З.П.* Взаимодействие в процессе управления социалистическим производством / З.П. Румянцева [и др.]. М., МИУ, 1986. С. 36–37.
3. *Комаров М.П.* Инфраструктура регионов мира. СПб., 2000. С. 36.
4. URL : <http://dagtourism.com/turisticheskaya-deyatelnost>

Literature:

1. *Kazibekova N.A.* Methodology for calculating the effectiveness of tourist services / N.A. Kazibekova, M.N. Agasieva, I.L. Lukmanova // European Journal of Social Sciences. 2016. № 5. P. 69–74.
2. *Rumyantseva Z.P.* Interaction in the process of managing socialist production / Z.P. Rumyantseva [et al.]. M., MIU, 1986. P. 36–37.
3. *Komarov M.P.* Infrastructure of the regions of the world. SPb., 2000. P. 36.
4. URL : <http://dagtourism.com/turisticheskaya-deyatelnost>

Коваленко Леонид Валерьевич
аспирант,
Государственный институт экономики,
финансов, права и технологий
parvo-klv@ya.ru

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИСПОЛНЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация. Актуальность. Национальные цели, сформулированные Президентом Российской Федерации в 2020 году, определяют вектор стратегического развития хозяйственного и общественного комплекса страны до 2030 года. Разработка показателей оценки достижения целей и результативности процесса – важная научно-исследовательская задача, актуализирующая проблематику данного исследования. Объект исследования. Целеполагание, как инструмент стратегического планирования в рамках механизма развития общественно-экономического пространства. Предмет исследования. Показатели оценки результативности и достижения стратегических целей, национального характера. Цель исследования. Выражается в разработке механизма оценки реализации стратегических целей, через показатели эффективности деятельности по исполнению национальных целей. Задачи исследования. Выражаются в детекции показателей эффективности по исполнению национальных целей. Методология исследования. Использован теоретико-эвристический подход, основанный на общепринятых элементах научного познания: анализ, синтез, аналогии, абстрагирование, дедукции и др. Результаты исследования. Выражаются в дескрипции показателей эффективности деятельности по исполнению национальных целей.

Ключевые слова: стратегические цели, результативность, целеполагание, бюджетный эффект, стратегическое планирование.

В общем виде национальные цели указанные Президентом РФ [1] в июле 2020 года и их реализация до 2030 года, предполагает формулировку пяти групп показателей:

1. Демографические показатели (здоровье общества, рост населения, социальное благополучие);
2. Культурно-образовательные показатели (самореализация и развитие личности и гражданского самосознания);

Leonid V. Kovalenko
Postgraduate Student,
State Institute of Economics,
Finance, Law and Technology
parvo-klv@ya.ru

PERFORMANCE INDICATORS FOR THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL GOALS

Annotation. Relevance. The national goals formulated by the President of the Russian Federation in 2020 determine the vector of strategic development of the economic and social complex of the country until 2030. The development of indicators for assessing the achievement of goals and the effectiveness of the process is the most important research task that actualizes the problems of this study. The object of the study. Goal-setting as a tool of strategic planning within the framework of the mechanism of development of the socioeconomic space. The subject of the study. Indicators for assessing the effectiveness and achievement of strategic goals, of a national nature. The purpose of the study. It is expressed in the development of a mechanism for evaluating the implementation of strategic goals, through performance indicators for the implementation of national goals. Research objectives. They are expressed in the detection of performance indicators for the implementation of national goals. Research methodology. The theoretical and heuristic approach based on the generally accepted elements of scientific knowledge is used: analysis, synthesis, analogies, abstraction, deduction, etc. The results of the study. They are expressed in the description of performance indicators for the implementation of national goals.

Keywords: strategic goals, performance, goal setting, budget effect, strategic planning.

3. Социальные показатели (социальный комфорт, обеспеченность жильём, здоровая среда);
4. Экономические показатели (человеческие труд, валовой национальный продукт, среднедушевые доходы, пенсионные накопления, инвестиционная активность, изменение ресурсной модели экономики);
5. Коммуникационные показатели (доступ в интернет, электронные средства коммуникации). Сведём представленные группы показателей в таблицу 1 и представим метод расчёта.

Группы показателей по исполнению национальных целей

Группы показателей	Содержание	Расчётная формула
Демографические (ДП)	Заболееваемость населения по основным группам болезней (Зогб)	$Zogб/Zogб_{макс}$
	Продолжительность жизни (Пж)	$Пж/Пж_{макс}$
	Доля населения за чертой бедности (Дб)	$Дб/Дб_{2017}$
	Количество спортивных учреждений на 1000 человек (Ксу)	$Ксу/Ксу_{макс}$
Культурно – образовательные (КОП)	Количество научных разработок, патентов и авторских свидетельств (Нр)	$Нр/Нр_{макс}$
	Количество волонтеров и общественных движений (Во)	$Во/Во_{макс}$
	Количество культурно – массовых мероприятий в год (КМм)	$КМм/КМм_{макс}$
Социальные (СП)	Улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей в год (Сж)	$Сж/Сж_{макс} - Сж/(5 \times 10^6)$
	Объём отходов, направляемых на полигоны снижение не менее чем в два раза (по показателю 2020 года) (ТБО)	$ТБО/ТБО_{макс} - ТБО/ТБО_{2020/2}$
	Объём жилищного строительства (не менее 120 млн м ² в год) (ЖС)	$ЖС/ЖС_{макс} - ЖС/(120 \times 10^6)$
	Снижение выбросов веществ снижение не менее чем в два раза (по показателю 2020 года) (ПДК)	$ПДК/ПДК_{макс} - ПДК/ПДК_{2020/2}$
Экономические (ЭП)	Валовой внутренний продукт (ВВП)	$ВВП/ВВП_{макс}$
	Инвестиции в основной капитал (не менее 70 % роста от показателя 2020 года) (Иок)	$Иок/Иок_{макс} - Иок/(0,7 \cdot Иок_{2020})$
	Уровень доходов населения (Дн)	$Дн/Дн_{макс}$
	Экспорт несельскохозяйственных товаров (не менее 70 % от уровня 2020 года) (Энт)	$Энт/Энт_{макс} - Энт/(1,7 \cdot Энт_{2020})$
	Число занятых (до 25 млн человек) (ЧЗ)	$ЧЗ/ЧЗ_{макс} - ЧЗ/(25 \times 10^6)$
Коммуникационные (КП)	Электронные услуги (не менее 95 % от всего объёма услуг) (Эу)	$Эу/(Оу \cdot 0,95)$
	Обеспеченность населения (Н) широкополосным доступом и сетью интернет, не менее 97 % (Ни)	$Ни/(0,97 \cdot Н)$
	Капитальные вложения в информационные технологии (увеличение в 4 раза относительно показателя 2019 года) (КВи)	$КВи/(КВи_{2019} \cdot 4)$

В таблице 1 мы предлагаем группы показателей для оценки результативности исполнения национальных целей. Показатели нормированы относительно максимального значения или значения, указанного, как целевой ориентир [1].

Тогда общее значение показателей будет представлять собой аддитивное значение (Р), формула 1:

$$P = ДП + КОП + СП + ЭП + КП \geq 5. \quad (1)$$

Расшифровка значений показателей в таблице 1.

Очевидно, что достижение и превышение целевых ориентиров, установленных Президентом РФ в указе о национальных целях развития [1], будет характеризоваться достижением значения аддитивного показателя равным или больше пяти.

Для оценки динамики исполнения национальных целей и достижения результативности в конкретный год, воспользуемся понятием дивергенции (конвергенции) показателей, представленной в работах авторов [2]. Логика исчисления достаточно проста, каждый отчётный год мы имеем некое значение аддитивного показателя результативности исполнения национальных целей развития, также каждый год, мы имеем значения

показателя расходов бюджетных средств (Рб) на достижение поставленных целей. Соответственно, дивергенция показателей будет свидетельствовать о расхождении признаков и изменении тенденции достижения качественно нового состояния. В свою очередь, конвергенция показателей будет свидетельствовать о неэффективном расходовании бюджетных средств и отсутствии тенденции по достижению целевых ориентиров. В общем виде

$$y = p_t \cdot x + b, \quad (1)$$

$$\frac{dy}{dp} = p_t > 0. \quad (2)$$

В случае дивергенции показателей представим следующую систему неравенств:

$$\begin{cases} \frac{d(P)}{dt} > 0 \\ \frac{d(Pб)}{dt} < 0 \end{cases}, \quad (3)$$

где t – время, год.

При обратной ситуации (конвергенции):

$$\begin{cases} \frac{d(P)}{dt} < 0 \\ \frac{d(Pб)}{dt} > 0 \end{cases} \quad (4)$$

Исходя из неравенств (3) и (4) можно осуществить количественный расчёт значений дивергенции (конвергенции) и также отразить значения в динамике графически:

$$D(K) = \frac{HP}{HPб} \cdot 100\%, \quad (5)$$

где $D(K)$ – количественное значение дивергенции (конвергенции), в долях; HP – нормированное значение аддитивного показателя результативности по исполнению национальных целей, в процентах; $HPб$ – нормированные расходы бюджетных средств на исполнение национальных целей, в долях.

Литература:

1. Указ о национальных целях развития до 2030 года. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 28.05.2021).
2. Хайруллин В.А. Оценка рисков и диагностика состояния крупномасштабных экономических систем с высоким фактором неопределенности : монография / В.А. Хайруллин, Э.В. Шакирова, А.С. Огнева. Уфа : РИЦ УГНТУ, 2014. 147 с.

Нормирование необходимо, как инструмент нивелирующий различие в единицах измерения показателей эффективности деятельности по исполнению национальных целей, так и инструмент, позволяющий привести все показатели в единый масштаб измерения. При этом те показатели, которые заданы, как целевые ориентиры в указе Президента РФ, используются как показатели максимального значения для нормирования ряда значений.

В данном исследовании мы представили авторскую группировку показателей, которые аддитивным счётом позволяют оценить эффективность исполнения национальных целей развития Российской Федерации.

Таким образом, в результате исследования предложены расчётные формулы показателей эффективности и метод, учитывающий различие в единицах измерения и масштабе показателей. Данные показатели позволят оценить исполнение национальных целей в рамках стратегического развития государства, в том числе позволят провести оценку динамики исполнения национальных целей в расчётном периоде до 01 января 2031 года.

Literature:

1. Decree on National Development Goals until 2030. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (date of application 28.05.2021).
2. *Khairullin V.A. Risk assessment and diagnostics of the state of large-scale economic systems with a high uncertainty factor: Monograph / V.A. Khairullin, E.V. Shakirova, A.S. Ogneva. Ufa : RIC UGNTU, 2014. 147 p.*

Мешечко Татьяна Анатольевна
старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
meshechko@list.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПРОСА НА УСЛУГИ ГОРОДСКИХ СТАНЦИЙ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты определения спроса на услуги предприятий автосервиса в перспективном периоде. Произведен анализ научных исследований в данной области, выявлены недостатки существующей методики прогнозирования. Предложена усовершенствованная методика прогнозирования спроса на услуги городских станций технического обслуживания автомобилей, учитывающая динамику изменения различных факторов, влияющих на спрос, и позволяющая с большей точностью прогнозировать количество обращений на станции технического обслуживания для последующего расчета производственной программы по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей и определения показателей экономической эффективности предприятия.

Ключевые слова: автосервис, станция технического обслуживания автомобилей, методика прогнозирования, прогнозирование спроса на услуги, сегментация рынка.

В настоящее время парк легковых автомобилей в России начитывает около 45 млн единиц. За первый квартал 2021 г., по данным агентства «Автостат», было продано 387,3 тыс. новых легковых автомобилей [1]. Количество автомобилей неуклонно растет, что вызывает рост спроса на услуги автосервиса. Количество предложений со стороны автообслуживающих предприятий не отстает от спроса, и современный автосервис функционирует в условиях жесткой конкуренции. Одним из важных факторов конкурентоспособности предприятия является его грамотная маркетинговая политика, включающая, в том числе, и анализ рынка, определение спроса на услуги. От качества маркетингового анализа зависят многие аспекты бизнес-планирования, поэтому выбор методики прогнозирования спроса, позволяющей дать наиболее точные результаты, является актуальной задачей для предприятия автосервиса.

Вопросам моделирования спроса на услуги автосервиса посвящено множество работ российских ученых И.Ф. Ворониной, М.В. Григорьева,

Tatyana A. Meshechko
Senior Lecturer,
Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering
meshechko@list.ru

IMPROVEMENT OF THE METHODOLOGY FOR DETERMINING THE DEMAND FOR THE SERVICES OF URBAN MAINTENANCE STATIONS

Annotation. This article discusses the aspects of definition the demand for the services of car service enterprises in the future. The analysis of scientific research in this area is carried out; the shortcomings of the existing forecasting method are revealed. An improved method of forecasting the demand for services of city car service stations is proposed, taking into account the dynamics of changes in various factors affecting demand, and allowing more accurate forecasting of the number of calls to service stations for the subsequent calculation of the production program for the maintenance and repair of cars and determining economic indicators the efficiency of the enterprise.

Keywords: car service, car service station, forecasting method, forecasting the demand for services, market segmentation.

Н.Е. Егоровой, В.А. Зенченко, А.С. Мудунова, Г.М. Напольского и других. Рассматриваются различные модели спроса, в основу которых положены аналитические и экономико-статистические методы с использованием математического программирования, теории массового обслуживания, вероятностно-статистических и др. моделей [2–8]. Анализ научных исследований в области маркетинга, показывает, что в настоящее время наибольшее распространение получила методика прогнозирования спроса на услуги станций технического обслуживания (СТО), базирующаяся на теоретической функции возрастающего спроса на основе прогнозирования роста автомобилизации населения – количества автомобилей на 1000 человек [4–8].

Указанная методика предполагает прогнозирование спроса на услуги предприятий автосервиса в непосредственной связи с прогнозированием роста насыщенности (обеспеченности) автомобилями жителей региона, для которого производится прогноз. Для определения динамики насыщенности берутся данные по автомобилизации

рассматриваемого региона в ретроспективе (обычно, 5 лет), строится сглаживающая функция и продлевается на весь временной лаг до момента насыщения рынка. При этом за момент насыщения принимается время достижения значения $n_{пт}$, близкого к заданному максимальному значению насыщенности $n_{пmax}$ (как правило, $n_{пт}$ принимается равным $n_{пmax}-1$), поскольку график функции имеет асимптоту – прямую, параллельную оси абсцисс, с ординатой, равной $n_{пmax}$. Количество автомобилей и количество заездов автомобилей на СТО определяются прямо

пропорционально обеспеченности автомобилями на 1000 жителей рассматриваемого региона. Графики функций насыщенности (обеспеченности) населения автомобилями и спроса на услуги автосервиса, т.е. количества заездов на СТО региона представлены на рисунке 1. Формулы для расчета насыщенности автомобилями и временного лага до насыщения рынка автосервисных услуг в регионе в данной статье не приводятся, ввиду их громоздкости. Подробно ознакомиться с методикой возможно, например, в [5]:

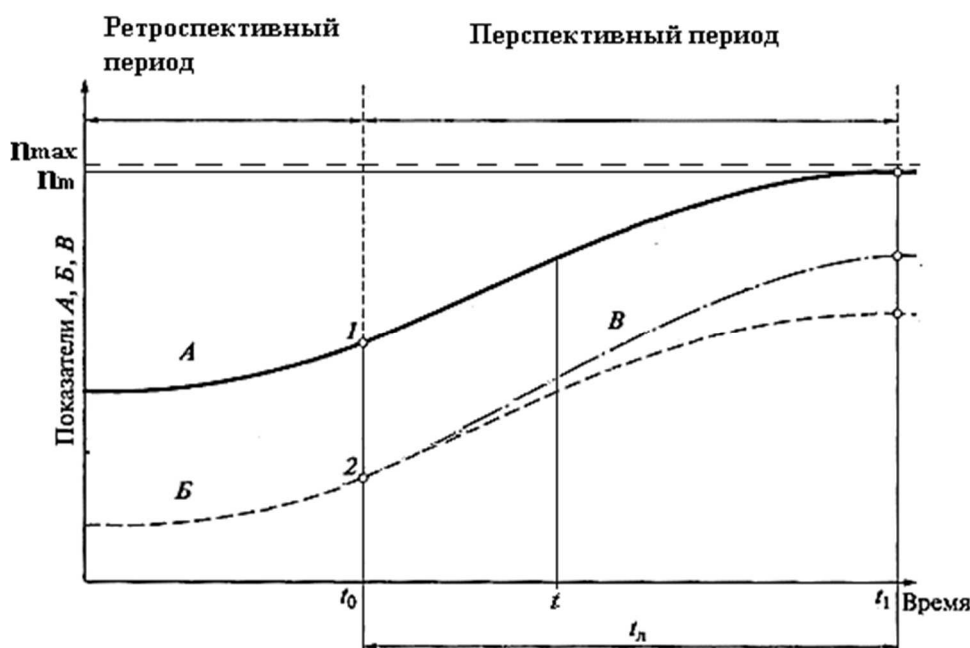

Рисунок 1— Графики функций изменения динамики:

A – автомобилизации, авт./1000 чел.;

B – прогнозируемого спроса на услуги СТО, заездов;

B – фактического спроса на услуги СТО, заездов.

t_0 – начальный момент времени, t_1 – момент насыщения рынка услуг автосервиса

Данная методика позволяет с достаточной точностью прогнозировать спрос на услуги предприятий автомобильного сервиса, однако она обладает рядом недостатков:

1. Спрос на услуги СТО региона (кривая B) рассчитывается прямо пропорционально динамике роста обеспеченности автомобилями жителей региона (кривая A), не учитываются отклонения спроса. Фактический спрос на услуги автосервисных станций (кривая B) может отличаться от расчетного, динамика изменения спроса может терять пропорциональность, например, из-за увеличения доли владельцев автомобилей, пользующихся услугами СТО.

2. Возрастание спроса на услуги автосервиса рассчитывается одинаково для всех типов предприятий автосервиса и всех обслуживаемых автомобилей, тогда как в реальности спрос может различаться в зависимости от марки автомобиля, т.к. динамика продаж конкретной марки может отличаться от общей динамики автомобилизации, и соответственно спрос на услуги по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей данной

марки будет отличаться от прогнозируемого, что создает сложности для мономарочных СТО. Также, изменение предпочтения владельцев автомобилей к конкретному типу станций: использование услуг официальных дилеров или независимых сервисов, может нарушать пропорциональность соотношения автомобилизация – спрос на услуги сервиса для станций определенного типа.

3. Для расчета числа заездов на СТО используются усредненные значения годовых пробегов и наработок на заезд для обслуживаемых автомобилей. Не учитываются такие факторы, как различная надежность автомобилей разных марок, увеличение количества поломок, а, следовательно, и частота посещения сервисных предприятий по мере увеличения пробега с начала эксплуатации автомобиля, и вследствие чего, имеет место различное количество заездов в год у автомобилей разных возрастных групп.

4. Динамика спрос на отдельные виды услуг может отличаться от общей динамики автомобилизации. Например, спрос на кузовные услуги зависит не только от количества автомобилей в

регионе, значительное влияние на него оказывают показатели аварийности, климатические факторы, которые влияют на коррозионные процессы и т.п.

5. Для уточнения результатов прогнозирования спроса предлагается экспертная оценка, что вызывает необходимость каждый раз при составлении бизнес-плана привлекать компетентных в вопросах маркетинга специалистов, причем, при экспертной оценке определяется увеличение спроса на каждую СТО, что крайне затруднительно при наличии большого числа сервисных станций в регионе. В крупных городах функционируют сотни различных предприятий, оказывающих услуги по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей, и оценить увеличение спроса на каждое из них не представляется возможным.

6. Для прогноза спроса на услуги конкретной станции используется среднее значение прогнозируемого спроса по региону. При этом, если в регионе присутствуют предприятия различной производственной мощности и способные обслужить различное количество автомобилей, то будет присутствовать высокая вариативность результатов прогноза и невозможность применения нормального закона распределения при обработке результатов.

Для устранения указанных недостатков предлагается усовершенствованная методика определения спроса на услуги городских СТО, которая также основывается на прогнозировании роста автомобилизации города, но, в отличие от предшествующих методик, предполагается учет не только динамики роста насыщенности населения автомобилями, но и динамики изменения прочих факторов, влияющих на спрос: доли владельцев автомобилей, пользующихся услугами СТО, распределения спроса по сегментам рынка автосервисных услуг, причем последнее позволит не только повысить точность прогнозирования, но и добиться меньшего разброса результатов, ввиду однотипности предприятий, работающих в одном сегменте рынка.

Алгоритм расчета прогнозируемого спроса на услуги автосервиса следующий:

Сначала определяются показатели автомобилизации города в ретроспективном периоде, причем для мономарочных СТО берутся не общие показатели обеспеченности населения автомобилями, а показатели насыщенности автомобилями обслуживаемой марки. Далее производится расчет насыщенности автомобилями (или автомобилями конкретной марки для специализированных СТО) на требуемый период прогноза и временного лага до достижения насыщения рынка по формулам, представленным в [5, с. 16–17]. Исходя из полученных значений насыщенности, определяется количество автомобилей (автомобилей данной марки), которые будут обслуживаться на СТО города, при этом необходимо также учесть изменение количества жителей города и доли автовладельцев, пользующихся

услугами СТО в перспективе. Расчет ведется по формуле:

$$A_t = 0,001 \cdot (n_t \cdot P_t \cdot \beta_t), \quad (1)$$

где t – индекс года; n_t – насыщенность автомобилями, авт/1000 чел; P_t – количество жителей города, чел; β_t – коэффициент, учитывающий долю автовладельцев, пользующихся услугами СТО.

Следующим шагом будет распределение рассчитанного количества автомобилей по предприятиям автосервиса разного типа, которые ориентированы на различные сегменты рынка и, практически не конкурируют между собой. Для этого определяется, какая доля владельцев обслуживает свои автомобили на дилерских станциях, какая в независимых сервисах, а какая предпочитает обслуживаться в автомастерских. Учитывается текущее состояние перспективы для каждого сегмента. Например, при назначении доли, отводимой дилерским станциям, учитывается, что в настоящее время большинство автовладельцев пользуется услугами официальных дилеров лишь первые годы, после покупки автомобиля в период гарантийного обслуживания, поэтому определяющим фактором здесь будет доля новых автомобилей и динамика продаж по обслуживаемой марке. Количество обслуживаемых автомобилей в каждом сегменте рассчитывается по формуле:

$$A_{jt} = B_{jt} \cdot A_t, \quad (2)$$

где j – индекс типа автообслуживающего предприятия, для дилеров $j = 1$, для независимых СТО $j = 2$, для автомастерских $j = 3$; A_{jt} – количество автомобилей, обслуживаемых автосервисными предприятиями j -го типа в году t ; B_j – доля автомобилей, обслуживаемых автосервисными предприятиями j -го типа в году t .

Коэффициент изменения спроса k_{jt} в перспективном году t , по сравнению с текущим годом t_1 для каждого сегмента будет определяться как:

$$k_{jt} = \frac{A_{jt}}{A_{jt1}}, \quad (3)$$

Ввиду того, что клиенты СТО предпочитают выбор предприятия, которое будет обслуживать их автомобили, по территориальному признаку, вторым этапом сегментации рынка автосервисных услуг в городе будет распределение автомобилей по районам обслуживания. При этом, учитывая, что обычно дилерских станций, специализирующихся на обслуживании одной марки в городе немного, то для данной группы сервисных предприятий этот этап можно пропустить, а если еще производственные мощности дилерских СТО примерно одинаковы, то можно пропустить для них и следующий этап. Для дилерских станций далее идет распределение автомобилей по каждой СТО. Для остальных предприятий автосервиса производится территориальное распределение обслуживаемых автомобилей отдельно в каждом, ранее выделенном сегменте. При определении доли автомобилей в перспективе учитываются аспекты политики градостроительства: ввод

в эксплуатацию новых жилых комплексов, развитие улично-дорожной сети и инфраструктуры и т.п. Расчет производится по формуле:

$$A_{jrt} = C_{jrt} \cdot A_{jt}, \quad (4)$$

где r – индекс района обслуживания; A_{jrt} – количество автомобилей j -го сегмента в данном районе обслуживания на время t ; C_{jrt} доля автомобилей j -го сегмента обслуживающихся, в данном районе в году t .

Коэффициент изменения спроса с учетом территориальной сегментации определяется аналогично предыдущему этапу сегментации:

$$k_{jrt} = \frac{A_{jrt}}{A_{jrt1}}, \quad (5)$$

Следующий шагом будет распределение в каждом сегменте автомобилей по станциям (условное прикрепление), с учетом производственных возможностей каждой СТО. Если в одном районе у станций наблюдается существенное различие в производственных мощностях, то проводится следующий этап сегментации – разделение станций по размеру на крупные, средние и мелкие. Расчеты количества автомобилей и коэффициента изменения спроса производятся как на предыдущих этапах:

$$A_{jrmt} = D_{jrmt} \cdot A_{jrt}, \quad (6)$$

где m – индекс размера (производственной мощности) СТО; A_{jrmt} – количество автомобилей сегмента jrm , обслуживаемых в году t ; D_{jrmt} доля автомобилей сегмента jrm , обслуживаемых в году t .

Коэффициент изменения спроса:

$$k_{jrmt} = \frac{A_{jrmt}}{A_{jrmt1}}, \quad (7)$$

При необходимости можно произвести еще более детальную сегментацию, учитывающую особенности обслуживаемых автомобилей, предприятий автосервиса и их клиентуры. Окончательный коэффициент изменения спроса, который учитывается при прогнозировании спроса на конкретную СТО – K_i определяется коэффициентом того

Литература:

1. Автостат. Аналитическое агентство. URL : <https://www.autostat.ru/> (дата обращения 15.04.2021)
2. Воронина И.Ф. Прогнозирование спроса на услуги по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств на автосервисных предприятиях / И.Ф. Воронина, Ф.М. Судак, А.Э. Кулиш, Р.Е. Зверев // Вести Автомобильно-дорожного института = Bulletin of the Automobile and Highway Institute. 2020. № 2(33). С. 41–46.
3. Мудунов А.С. Предприятия сферы услуг: анализ моделей и методов / А.С. Мудунов, К.Н.

этапа, на котором сегментирование для данной станции закончилось. Например, для дилерских станций K_{it} , в случае завершения на первом этапе принимается равным k_{jt} , а для независимого сервисного предприятия, прошедшего все этапы сегментации $K_i = k_{jmt}$.

Далее производится расчет годового количества заездов на СТО в текущем периоде по формуле [7]:

$$N_i = A_i \frac{L_r}{L_H}, \quad (8)$$

где i – индекс СТО; N_i – годовое количество заездов на СТО; L_r, L_H – средние годовой пробег и наработка на заезд обслуживаемых автомобилей.

Средний годовой пробег и средняя наработка на заезд определяются на основе анализа клиентских баз данных. В случае, если среди обслуживаемых автомобилей выделяются группы различные по данным параметрам, то необходимо средние пробеги и наработки просчитать для каждой из таких групп отдельно, годовое количество обращений на СТО при этом определяется как сумма обращений по всем группам:

$$N_i = 0,01 \cdot A_i \cdot \sum_{k=1}^z P_k \cdot \frac{L_{rk}}{L_{Hk}}, \quad (9)$$

где P_k – процент автомобилей k -той группы; L_{rk}, L_{Hk} – средние годовой пробег и наработка на заезд автомобилей k -той группы; z – количество выделенных групп автомобилей

Годовое количество обращений на станцию в перспективном периоде (N_{it}) рассчитывается как

$$N_{it} = N_i \cdot K_{it}, \quad (10)$$

Применение данной методики для определения будущего количества обращений на СТО позволит с большей точностью рассчитать в перспективе производственную программу станции, на основании которой определяются затраты и себестоимость услуг будущих периодов, прогнозируются выручка, прибыль, рентабельность и иные важные финансовые показатели, определяющие экономическую эффективность предприятия.

Literature:

1. Autostat. Analytical agency. URL : <https://www.autostat.ru/> (date of application 04/15/2021).
2. Voronina I.F. Forecasting the demand for maintenance and repair of vehicles at car service enterprises / I.F. Voronina, F.M. Sudak, A.E. Kulish, R.E. Zverev // News of the Automobile and Highway Institute = Bulletin of the Automobile and Highway Institute. 2020. № 2(33). P. 41–46.
3. Mudunov A.S. Service enterprises: analysis of models and methods / A.S. Mudunov, K.N. Tsakha-

Цахаева // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 6. С. 313–315.

4. *Пеньшин Н.В.* Маркетинг и оценка качества на рынке автосервисных услуг / Н.В. Пеньшин // Вестник ТГТУ. 2008. Т. 14. № 1. С. 178–182.

5. *Зенченко В.А.* Анализ целесообразности создания СТО и оценка объема услуг по ТО и ремонту автомобилей в заданном районе деловой активности / В.А. Зенченко, М.В. Григорьев, Д.В. Антонов. М. : МАДИ, 2020. 72 с.

6. *Григорьев М.В.* Продвижение автосервисных услуг транспортно-технологическими комплексами в районах их деловой активности / М.В. Григорьев, В.А. Зенченко // Проблемы технической эксплуатации и автосервиса подвижного состава автомобильного транспорта, сб. научн. тр. / МАДИ. М. : Техполиграфцентр, 2019. 250 с. С. 78–85.

7. Производственно-техническая инфраструктура сервисного обслуживания автомобилей / Н.И. Веревкин, А.Н. Новиков, Н.А. Давыдов ; Под ред. Н.А. Давыдова. М. : Издательский центр «Академия», 2013. 400 с.

8. *Григорьев М.В.* К вопросу выбора критериев для проведения комплексной оценки эффективности функционирования автосервисного предприятия в условиях высокой конкуренции на рынке автосервисных услуг / М.В. Григорьев, А.С. Григорьев // Проблемы технической эксплуатации и автосервиса подвижного состава автомобильного транспорта: Сб. науч. тр. Кафедры ЭАТиС, посвященный 90-летию МАДИ, по материалам 78-й науч.-метод. и науч.-исслед. конф. МАДИ. М. : МАДИ, 2020. С. 170–176.

eva // Business in law. Journal of Economics and Law. 2013. № 6. P. 313–315.

4. *Penshin N.V.* Marketing and quality assessment in the autosevice market / N.V. Penshin // Bulletin of TSTU. 2008. Vol. 14. № 1. P. 178–182.

5. Analysis of the feasibility of creating a service station and an assessment of the volume of services for maintenance and repair of cars in a given area of business activity / V.A. Zenchenko, M.V. Grigoriev, D.V. Antonov. M. : MADI, 2020. 72 p.

6. *Grigoriev M.V.* Promotion of car service services by transport and technological complexes in the areas of their business activity / M.V. Grigoriev, V.A. Zenchenko // Problems of technical operation and car service of the rolling stock of motor transport, collection of scientific works / MADI. M. : Tekhpoligrafcentr, 2019. 250 p. P. 78–85.

7. Industrial and technical infrastructure of car service / NI. Verevkin, A.N. Novikov, N.A. Davydov; Ed. ON THE. Davydov. M. : Publishing center «Academy», 2013. 400 p.

8. *Grigoriev M.V.* On the issue of choosing criteria for a comprehensive assessment of the effectiveness of the functioning of a car service company in a highly competitive market of car service services Grigoriev, A.S. Grigoriev / M.V. Grigoriev // Problems of technical operation and car service of the rolling stock of motor transport: collection of scientific works. Department of EATiS, dedicated to the 90th anniversary of MADI, based on the materials of the 78th scientific method. inuch.-issled. conf. MADI. M. : MADI, 2020. P. 170–176.

Панов Андрей Александрович
студент,
факультет информационных технологий
и анализа больших данных,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
panov3107@mail.ru

Влияние технологий на финансовый портфель банка

Аннотация. Каждый банк считает необходимым иметь активы, развивающие новые направления в формы деятельности, отражаемые в портфелях, играющих роль драйверов. В том числе технологических, инструментальных. Задача системного исследования таких связей – актуальна: базовые качества инструментария – меняются динамично. В настоящей работе проводится исследование с такой целью. Проведен анализ, выявлены эмерджентные факторы, направления и свойства. Результаты можно применять при практическом формировании и диверсификации портфелей банковских активов.

Ключевые слова: портфель, банк, эволюция, финансовый, технологии, цифровые.

Лидеры банковского рынка считают необходимым иметь у себя такие активы, которые могут развить новые направления в деятельности своих компаний [1]. В этом направлении, категории «портфель» присуща роль драйвера. Категория, эволюционируя, получила разнообразные применения – не только финансовые, инвестиционные, но и инструментально-технологические, системные, объединяющие в рамках единой цели.

Это делает влияние технологий на банки и финансовый портфель корпорации, компании единым инструментарием, не всегда лишь финансовым. Например, часто рассматриваемые трактовки категории «портфель» – заказов, активов, клиентов, проектов и др.

Меняются и базовые качества инструментария портфельного [2] – ликвидность, привлекательность, доходность, риски и др. Число российских кредитных организаций сократилось с 1058 (01.01.2010) до 405 (01.03.2021) [3].

У каждой компании – свои уникальные финансовые инструменты, включая, в цифровую эпоху, и криптовалютные.

Цифровые возможности оценили и стартаперы, внедряющие полезные инвестиционные продукты, сторонние инвестиции, выгодные

Andrey A. Panov
Student,
Faculty of Information Technology
and Big Data Analysis
Financial University under the government
of the Russian Federation
panov3107@mail.ru

THE IMPACT OF TECHNOLOGY ON THE BANK'S FINANCIAL PORTFOLIO

Annotation. Each bank considers it necessary to have assets that develop new directions in the forms of activity, reflected in the portfolios that play the role of drivers. Including technological and instrumental ones. The task of a systematic study of such relationships is relevant: the basic qualities of the tools are changing dynamically. In this paper, a study is conducted for this purpose. The analysis is carried out, the emergent factors, directions and properties are revealed. The results can be applied to the practical formation and diversification of bank asset portfolios.

Keywords: portfolio, bank, evolution, financial, technology, digital.

транзакции. Источником дохода становится и посредничество при портфельных транзакциях.

Именно тренд на тотальную цифровизацию, начатый в 2020 году, продолжится еще несколько лет.

Причинами такого тренда являются, например:

1. Фактор GAFA – Apple, Facebook стали стремительно вторгаться в ранее непопулярное для них направление – банкинг. Каждая корпорация разрабатывает свои финансовые инструменты, целую экосистему банковских услуг внутри своего продукта. У них присутствуют ресурсы и аудитория для запуска таких масштабных проектов, есть опыт создания и поддержания мобильных сервисов с большим количеством пользователей.

2. COVID-19 изменил методы взаимодействия пользователей с привычными сервисами. Банковские услуги не стали исключением – из-за пандемии набрали популярность digital-решения. Идет повсеместное внедрение электронного документооборота, использование цифровой подписи, эволюция мобильных приложений. К примеру, по данным Deutsche Bank, уже к 2025 году онлайн-кошельки практически сравняются с обычными банковскими картами по количеству пользователей.

3. Появление новых форм банков (нео-банки), которые стремительно развиваются и занимают свои ниши на рынке. Яркими представителями таких банковских организаций являются: AtomBank, Number26, FidorBank, SaxoBank, Neat, Tinkoff Bank, SolarisBank.

4. SuperApp – больше азиатский, нежели европейский тренд, суть которого заключается во внедрении в уже существующие приложения с огромной аудиторией банковских продуктов – многофункциональная экосистема, где можно общаться, послушать музыку, забронировать отель, вызвать такси, заказать доставку еды, сохранить файлы и совершить финансовые операции. Чем-то это похоже на деятельность GAFA, однако принципиальное отличие заключается в том, что SuperApp предполагает надстройку в уже существующем приложении путём внедрения программных обновлений (WeChat, Grab, AliPay, Zalo). Такие приложения могут составить конкуренцию традиционным банкам в ближайшем будущем.

Риски цифровизации снижаемы за счет улучшения аналитики, прогнозирования ситуаций, управляемости в условиях неопределенности и учета косвенных факторов, например, использования Big Data вкупе с Data Mining. Это улучшает системно-эволюционные характеристики портфеля, его диверсификационные возможности, возможности свободного формирования («под свои задачи»), добиваясь равновесия рисков, обеспечения ожидаемого дохода и регуляции класса «риск-доход». Независимо от ключевых типов портфелей – дивидендных, ориентированных на курсовую стоимость активов в портфеле или смешанного типа.

Портфели формируются преимущественно акциями растущего бизнеса, гарантируя темпы эволюции. Управление же портфелем – динамическое, адаптивное, с перераспределением активов исходя из максимума стоимости, стратегического выравнивания, ранжирования по объему, структуре при часто ограниченных вложениях.

Задачи «портфельного управления» – идентификация, анализ инвариантов управления, условий устойчивости, рыночного окружения, реструктурирование и тестирование инструментария и платформ, мониторинг и аудит, риск-менедж-

Литература:

1. Обзор банковского сектора Российской Федерации URL : <https://www.cbr.ru/analytics/bnksyst/> (дата обращения 12.05.2021).
2. *Чалдаева Л.А.* Рынок ценных бумаг : учебник / Л.А. Чалдаева, А.А. Килыачков. 7-е изд. М. : Юрайт, 2020.
3. Аналитика банковского сектора. URL : <https://bankiros.ru/analytics/bank> (дата обращения 12.05.2021).

мент. Потенциал портфелей включает и латентные возможности, а дефицит ресурсов заставляет тщательней формировать портфель, инвестиционную стратегию, учитывая риски и условия рыночного окружения и внутренние условия (внеоборотные активы, оборотные средства, дебиторскую задолженность и др.).

Важно банкам развивать долгосрочные портфели. Цель их – получить долгосрочный прогнозируемый прирост капитала, если рассматривается возможность рисков, снижаемых диверсификацией. Например, обратив больше внимания на госбумаги, ОПИФ или ETF.

Целям долгосрочного роста усредненный риск спада стоимости инвестиций не удовлетворяет. Его можно снизить ростом срока инвестирования или подбором перспективных акций (предприятий).

Портфель доходов банка – системный, формируемый из доходных акций (курсовой стоимости), дивидендов, облигаций и иных бумаг с инвестиционными качествами. С потенциальным минимумом приемлемого риска, высоконадежным инструментарием, высокой мерой «устойчивый процент – курсовая стоимость». Такие портфели – интегрированные, формируемые из доходов регулярных, превышающих минимальный риск в среднем и доходов от корпоративных бумаг, облигаций с высокими доходами (при возможном риске выше среднего).

Рассматриваются портфели двойного назначения, включающие высокодоходные бумаги инвестиционных фондов двойной ориентации, выпускаемые компаниями в качестве «ответственных» за доходность, а также отвечающих за прирост всего капитала.

Таким образом, в ближайшем будущем мы увидим трансформацию коммерческих банков в финансово-технологические корпорации, источником дохода которых будет не столько продажа традиционных банковских продуктов, сколько оказание вспомогательных услуг в сфере IT, посредничество при операциях с криптовалютой, внедрение в свои продукты небанковских услуг, которые будут полезны человеку в повседневном использовании мобильным устройством.

Literature:

1. Overview of the banking sector of the Russian Federation. URL : <https://www.cbr.ru/analytics/bnksyst/> (date of application 12.05.2021).
2. *Chaldaeva L.A.* The securities market: textbook. 7th ed. / L.A. Chaldaeava, A.A. Kilyachkov. M. : Yurayt, 2020.
3. Analytics of the banking sector. URL : <https://bankiros.ru/analytics/bank> (date of application 12.05.2021).

Пучкова Анастасия Михайловна
аспирантка департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве РФ
anastasiia.puchkova@yandex.ru

КОРПОРАТИВНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ КОМПАНИИ

Аннотация. На сегодняшний день стремительное развитие учетно-аналитических систем под влиянием цифровизации, а также, нестабильность на финансовых рынках приводят к необходимости повышения контроля над денежными потоками компаний. Для решения данной проблемы компании, все чаще, создают специализированные отделы – корпоративные казначейства, позволяющие минимизировать различные риски, а также, повысить эффективность управления финансовыми ресурсами. Целью статьи является рассмотрение понятийного аппарата корпоративного казначейства и его функционала.

Ключевые слова: корпоративное казначейство, денежные потоки, финансовые риски, корпоративные финансы, финансирование.

На сегодняшний день корпоративное казначейство – относительно новый для российского бизнеса формат управления финансами. Однако исторически казначейство является одним из старейших финансовых институтов российского государства, который имеет многовековой путь становления и реформирования [1, с. 13]. Поэтому понимание сущности данного термина невозможно без экскурса в историю.

Возникновение понятия «казначейство» тесно связано с термином «казна», который был впервые употреблен 1328 году. Согласно этимологическому словарю А.В. Семенова, понятие «казна» было заимствовано в русский язык от татарских народов, где употреблялось в значении «сокровищница». Казной называлось хранилище денег, драгоценностей и иных материальных ценностей ханов, царей, князей, монастырей.

Следующим этапом развития корпоративного казначейства является его выделение в качестве государственной структуры, выполняющей функцию управления государственными доходами и расходами [1].

Anastasia M. Puchkova
Postgraduate Student
of the Department of Corporate
Finance and Corporate Governance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
anastasiia.puchkova@yandex.ru

CORPORATE TREASURY: THE CONCEPT, FUNCTIONS AND ROLE IN THE COMPANY'S FINANCIAL FLOW MANAGEMENT SYSTEM

Annotation. Today, the rapid development of accounting and analytical systems under the influence of digitalization, as well as instability in the financial markets, lead to the need to increase control over the cash flows of companies. To solve this problem, companies are increasingly creating specialized departments-corporate treasuries, which allow minimizing various risks, as well as improving the efficiency of managing their financial resources. The purpose of the article is to consider the conceptual apparatus of the corporate treasury and its functionality. The elements of scientific novelty are the formation of the author's definition of the corporate treasury and the classification of its functionality depending on the level of financial flow management.

Keywords: corporate treasury, cash flows, financial risks, corporate finance, financing.

Развитие платежных систем и денежного обращения в связи с переходом к рыночной экономике, а также, выход компаний на международные рынки, по мнению Л. Вилена и В. Альфена, стали причиной возникновения казначейств в банковских и корпоративных структурах [4]. Фундаментальные функции казначейства на государственном уровне заложили основу деятельности корпоративных казначейств, поэтому управление денежными потоками является назначением казначейства, представленного как в структуре государственного аппарата, так и внутри компании.

Проблеме исследования сущности и функционала корпоративного казначейства посвящены работы многих российских и зарубежных авторов: П.А. Жданчикова, М.А. Широковой, И.М. Борисюк, М. МакКоу, Х. Дегенхарт, К. Хорчера и др. Авторы по-разному трактуют его сущность, что связано, в первую очередь, с расширением функционала данного отдела в процессе его становления и развития.

Наиболее распространенным и базовым с точки зрения функционала корпоративного казначейства

ва является определение корпоративного казначейства, данное П.А. Жданчиковым как «отдел, ответственный за управление денежными потоками...» [1].

Широкова М.А. более широко интерпретирует понятие «корпоративное казначейство», включает в его базовый функционал также управление финансовыми рисками, создание данного отдела, преимущественно, в компаниях среднего и крупного бизнеса [3].

С.А. Уколова трактует корпоративное казначейство как единый центр принятия решения по вопросам управления ликвидностью, привлечения и размещения денежных средств, единого стандарта обслуживания денежных потоков.

В связи с тем, что на сегодняшний день, большое распространение корпоративные казначейства получили в холдинговых структурах, что обусловлено, прежде всего, количеством платежных транзакций, а также, необходимостью формирования общей для всех филиалов стратегии управления денежными потоками, их формирование все чаще происходит в форме единой казначейской системы.

На наш взгляд, определения, данные российскими исследователями, не являются достаточно полными, так как описывают только базовый функционал казначейских структур в компаниях. В процессе развития казначейства, помимо управления денежными потоками, т.е., проведения платежей, их планирования, прогнозирования и контроля, также принимают участие в управлении дебиторской и кредиторской задолженностью, кредитным рейтингом, самостоятельно разрабатывают корпоративные директивы в рамках данных функций. Наиболее широко раскрывает функционал Х. Дагенхарт, трактуя корпоративное

казначейство как «подразделение, основными функциями которого является кэш-менеджмент, планирование ликвидности, покупка финансов и финансовых инвестиций, управление процентным, валютным и товарно-сырьевым рисками» [2].

На наш взгляд, понимание корпоративного казначейства как автономного подразделения, ответственного за управление денежными потоками и финансовыми рисками предприятия, устарело и является неполным, так как сегодняшний день происходит, в первую очередь, не трансформация отдела внутри корпорации, а трансформация функционала по управлению движением денежных средств. Так, например, в связи с необходимостью уменьшения финансовых потерь, связанных с повышением волатильности на рынке, функционал корпоративного казначейства расширился, вобрав в себя управление финансовыми рисками. Впоследствии корпорации приняли решение о необходимости внедрения данного функционала в деятельность предприятия или отказались от него в силу специфики их деятельности. Поэтому в рамках настоящего исследования под корпоративным казначейством нами предлагается понимать определенный набор функций по управлению финансовыми потоками корпорации, включающий их планирование, прогнозирование, исполнение, а также - дальнейший анализ и контроль. Данный функционал напрямую зависит от размера предприятия, а также специфики его деятельности.

Таким образом, дальнейшее исследование понятийного аппарата корпоративного казначейства подразумевает исследование его основных функций. В результате анализа работ российских и зарубежных ученых можно выделить следующие классификации функционала корпоративного казначейства, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Классификация функционала корпоративных казначейств

Автор	Признак	Классификация
РwC, KPMG	Назначение	1. Соблюдение нормативно-правовых требований (бюджетный контроль; проверка платежных документов на отсутствие ошибок); 2. Повышение эффективности процессов (управление денежными потоками, поддержание определенного уровня ликвидности); 3. Увеличение стоимости бизнеса (хеджирование рисков, спекуляции на финансовых рынках)
Л. Вилен, В. Альфен, Ю. Линдоу, В. Чекулаев	Объект управления	1. Управление денежными средствами (управление денежными средствами, ликвидностью, оборотным капиталом); 2. Управление финансовыми рисками; 3. Финансирование компании (долгосрочное финансирование, слияния и поглощения)
П.А. Жданчиков	Содержание деятельности	1. Операционные (ведение расчетов с контрагентами, привлечение заемного капитала, определение оптимальной структуры) 2. Контрольные (отслеживание корректности исполнения данных операций)

На наш взгляд, на основе изученной экономической литературы и опыта внедрения корпоративного казначейства в структуру корпорации, нами предлагается классифицировать функционал корпоративного казначейства в зависимости от трех уровней управления, в рамках которых казначейство выполняет свои функции: операционные, тактические и стратегические.

Если корпорация является предприятием среднего бизнеса, не ведет международную деятельность, то функционал корпоративного казначейства будет в основном включать операционные функции, заключающиеся в обработке различных транзакций, а тактические и стратегические решения будут приниматься финансовым директором организации. По мере роста организации

будет расширяться и казначейский функционал путем включения его в решение различных стратегических и тактических задач, т.е., планирования, анализа и контроля за денежными потоками, финансовыми рисками, оборотным капиталом и финансированием корпорации.

Для операционного уровня характерен функционал, позволяющий обеспечить ежедневное управление денежными средствами и инвестирование, поддерживать положительный баланс компании, т.е., корпоративное казначейство выполняет лишь функцию обработки различных транзакций. Поэтому, на наш взгляд, на этом уровне казначейству присущ ряд стандартных рутинных операций, таких как проведение расчетов с дебиторами и кредиторами, осуществление валютных операций.

Тактический функционал обеспечивает решение задач, требующих предварительного анализа

Литература:

1. *Жданчиков П.А.* Казначейство. Автоматизированные бизнестехнологии управления финансовыми потоками : учеб. пособие / П.А. Жданчиков; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 363 с.
2. *Широкова М.А.* Развитие методики операций корпоративного казначейства в лизинговых компаниях: специальность 08.00.12 «Финансы, денежное обращение и кредит»: диссертация на соискание степени кандидата экономических наук / Мария Андреевна Широкова; Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова. М., 2020. 170 с; С. 147–171.
3. *Широкова М.А.* Корпоративное казначейство: понятие, назначение и функции / М.А. Широкова // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-1 (75). С. 912–915.
4. *Вилен Л.* Организация казначейства корпорации / Л. Вилен, В. Альфен, Ю. Линдоу, В. Чекулаев // Корпоративный менеджмент. 2009. URL : <http://www.cfin.ru/management/strategy/holdings/treasury.shtml> (дата обращения 09.05.2021).
5. Исследование PwC. Цифровое казначейство: взаимодействие как ключ к успеху. Международное сравнительное исследование функции казначейства за 2019 год. URL : <https://www.pwc.ru/ru/publications/pwc-2019-global-treasury-survey.pdf> (дата обращения 04.05.2021).
6. Консультационные услуги в области казначейской функции Deloitte. Операционная модель казначейства. URL : https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/Operation/russian/ru_cfo_services-brochure_rus_2.pdf (дата обращения 30.04.2021).

информации, подготовленной на первом уровне. На этом уровне большое значение приобретает анализ. Объем решаемых задач уменьшается, но возрастает их сложность [2]. Для данного уровня корпоративного казначейства характерно планирование денежных потоков, управление ликвидностью и кредиторской и дебиторской задолженностью.

В стратегический функционал корпоративного казначейства входит разработка кредитной политики, участие в определении оптимальной структуры капитала и методов ее формирования, а также, разработка финансового плана и контроль за его реализацией на всех уровнях управления.

Таким образом, данная классификация позволяет четко определить, какую роль и место занимает институт корпоративного казначейства на конкретном предприятии.

Literature:

1. *Zhdanchikov P.A.* Treasury. Automated business technologies for managing financial flows : textbook. allowance / P.A. Zhdanchikov; State un-t – Higher School of Economics. M. : Izd. house of the state. University – Higher School of Economics, 2010. 363 p.
2. *Shirokova M.A.* Development of methods of operations of corporate treasury in leasing companies: specialty 08.00.12 «Finance, money circulation and credit»: dissertation for the degree of candidate of economic sciences / Maria Andreevna Shirokova; Russian Economic University named after V.G. Plekhanov. Moscow, 2020 170 p; P. 147–171.
3. *Shirokova M.A.* Corporate treasury: concept, purpose and functions / M.A. Shirokova // Economics and Entrepreneurship. 2016. № 10-1(75). P. 912–915.
4. *Vilen L.* Organization of the treasury of the corporation / L. Vilen, V. Alfen, Y. Lindou, V. Chekulaev // Corporate management. 2009. URL : <http://www.cfin.ru/management/strategy/holdings/treasury.shtml> (date of application 05/09/2021).
5. PwC research. Digital Treasury: Connectivity as the Key to Success. International Comparative Study of Treasury Function 2019. URL : <https://www.pwc.ru/ru/publications/pwc-2019-global-treasury-survey.pdf> (date of application 05/04/2021).
6. Consulting services in the field of the Treasury function of Deloitte. Treasury operating model. URL : https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/Operation/russian/ru_cfo_services-brochure_rus_2.pdf (date of application 30.04.2021).

Семенов Константин Олегович
соискатель,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
kostya_24@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Аннотация. В последнее время в условиях мирового экономического кризиса все сложнее становится формирование устойчивой системы банковского сектора. Трудностями всегда были и есть: большая конкуренция, необходимость соответствия международным стандартам банковской деятельности. Автор статьи предлагает системный подход для решения проблем в банковском секторе. Дано авторское определение экономической безопасности авторского сектора. представлена структурная схема экономической безопасности банковской системы. Выявлены основные принципы обеспечения экономической безопасности коммерческих банков в условиях нестабильной внешней среды. Предложена авторская процедура валидации аналитических моделей управления рисками для повышения уровня экономической безопасности коммерческих банков.

Ключевые слова: устойчивость, экономическая безопасность, валидация, риск, банковская система.

Обеспечение экономической безопасности банковской сферы в современных условиях является одной из наиболее значимых и трудно-решаемых задач в отечественной экономической системе.

Для успешного экономического развития государства банковский сектор должен базироваться на принципах конкурентоспособности и устойчивости. С целью поддержания финансовой стабильности и обеспечения экономической безопасности российских кредитных организаций в российскую экономическую систему внедряются международные банковские стандарты.

Мировые финансовые кризисы 2008 и 2020 годов имели серьезные последствия для развития банковского сектора, они существенным образом повлияли на его экономическую безопасность. Основной причиной снижения финансовой стабильности национальных банков стала агрессивная кредитная политика.

Konstantin O. Semenov
Applicant,
St. Petersburg State
University of Economics
kostya_24@mail.ru

CONCEPTUAL MODEL OF ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF COMMERCIAL BANKS

Annotation. Recently, in the context of the global economic crisis, it has become increasingly difficult to form a stable system of the banking sector. Difficulties have always been and there is a lot of competition, the need to comply with international banking standards. The author of the article proposes a systematic approach to solving problems in the banking sector. The author's definition of the economic security of the author's sector is given. A structural diagram of the economic security of the banking system is given. The basic principles of ensuring the economic security of commercial banks in an unstable external environment have been identified. The author's procedure for validating analytical models of risk management to increase the level of economic security of commercial banks is proposed.

Keywords: sustainability, economic security, validation, risk, banking system.

Экономическая безопасность банковской системы, с точки зрения системного подхода, имеет множество элементов, которые находятся в определенной взаимосвязи и образуют структуру. Такими компонентами являются финансовая, экономическая, информационная, инвестиционная, инновационная, ценовая, организационная и другие виды безопасности.

Н.В. Силов выделяет следующие элементы экономической безопасности банков: объект, субъект и механизм функционирования. Каждый из них имеет в совокупности большое значение, поскольку изменение одного элемента повлечет изменение всех остальных. Е.Н. Лясковский в структуру экономической безопасности банка включает правовые нормы, экономические стимулы, побудительные мотивы и другие инструменты, используемые для минимизации рисков, опасности и угроз банковской системе. Такая трактовка, по нашему мнению, дает слишком обобщенную характеристику, что может негативно сказаться при анализе показателей. Более детально

элементы системы безопасности систематизировала В.В. Светлова. К ним автор относит: стратегию и политику государства; цель и задачи, которые ставит банк для обеспечения экономической безопасности; принципы, на которых основана экономическая безопасность банка; деятельность банков по достижению экономической безопасности; индикаторы, позволяющие определить уровень экономической безопасности.

Обобщая определения других авторов, считаем целесообразным раскрыть суть понятия экономической безопасности банковского сектора в узком и широком смыслах [5].

Экономическая безопасность банковской системы в узком смысле – это процесс выполнения банком трансформационной и посреднической функций, показывающий результативность ликвидации угроз и устранения ущербов на все стороны деятельности банковской системы.

Экономическая безопасность банковской системы в широком смысле – это устойчивое состояние, зависящее от совокупности факторов, позволяющих обеспечивать стабильное развитие, которое заключается не только в достижении поставленных целей и задач, повышении уровня доходности и размеров прибыли, но и возможности построения прогнозов на долгосрочный период в условиях непредсказуемой финансовой конъюнктуры.

В.Н. Овчинников разработал структуру экономической безопасности банковской системы [6]. Нам представляется, что такая система должна иметь вид, приведенный на рисунке 1 [5]. В отличие от схемы В.Н. Овчинникова, авторская схема дополнена еще одним элементом – стратегической составляющей, поскольку она может существенным образом повлиять на все остальные компоненты безопасности.

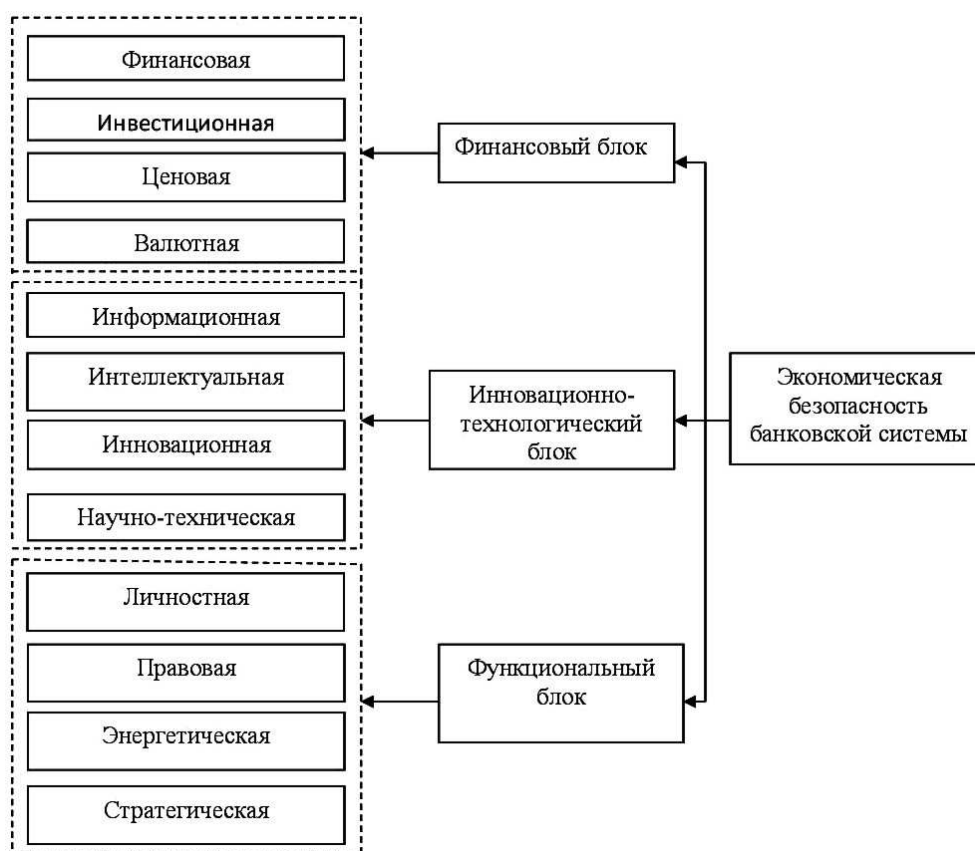

Рисунок 1 – Структура экономической безопасности банковской системы

Предложенная структурная схема экономической безопасности деятельности банка опосредована рядом факторов, влияющих на экономическую безопасность банковской сферы, а также, определенными условиями обеспечения экономической безопасности банковской системы. Рассмотренные факторы и условия позволили составить типологию по следующим составляющим экономической безопасности:

- финансовая безопасность: инвестиционная, ценовая, валютная и собственно финансовая безопасность;

- инновационно-технологическая безопасность: информационная, инновационная, интеллектуальная и научно-технологическая безопасность;

- функциональная безопасность: личностная, правовая, энергетическая и непосредственно стратегическая.

С целью дальнейшего безопасного автором разработаны следующие принципы обеспечения экономической безопасности коммерческих банков в условиях нестабильной финансовой конъюнктуры.

1. *Системность*. Системная формализация институтов и их согласованность повышают стабильность среды любой деятельности.

2. *Планирование*. Это – целенаправленное формирование норм, отражающих закономерности противоречивых современных тенденций, позволяющих оптимизировать отношения и интересы различных групп участников банковского сектора, достигая компромисса их интересов. Важность планирования для коммерческих банков, работающих в нестабильной внешней среде, возрастает, поскольку возрастают риски снижения конкурентоспособности и потери платежеспособности.

3. *Динамизм и сбалансированность* структуры с точки зрения формальных и неформальных элементов банковской системы.

4. *Самоокупаемость институтов*.

5. *Саморазвитие*, умение выходить из экономических кризисов. Экономический кризис – это глубокое нарушение нормальной экономической деятельности, которое сопровождается разрушением привычных экономических связей, снижением деловой активности, невозможностью расплачиваться с долгами и накоплением долговых обязательств. Это явление рыночной экономики сопровождается резким спадом производства, банкротством предприятий, падением валового национального продукта, масштабным ростом безработицы и обесцениванием национальной валюты.

6. Открытость, доступность и прозрачность информации для участников банковского сектора.

7. *Ответственность*. Данный принцип распространяется, прежде всего, на Центральный банк. Он, как доминанта системы, должен понимать свою ответственность, принимать ее и выстраивать определенный порядок ее развития.

8. *Компетентность*. Принцип компетентности применяется не только ко всем элементам банковской системы, но и к финансовой политике правительства.

9. *Доверие*. Банковская система является частью слабо растущей экономики с низкими инвестиционными потребностями. Банк создает денежную массу в первую очередь за счет кредитования экономики. Кредитование населения во многом является производной от экономического роста и кредитования реального сектора. Основным элементом институциональной банковской среды является норма, связывающая макро-, микро- и мезоэкономические уровни. Нормы могут быть отражающими и этическими. Рефлексивная норма означает, что выполняющий ее хозяйствующий субъект руководствуется собственными внутренними мотивами. Такая норма всегда считается внешней основой для действий, как принудительных, так и добровольных. Особенностью этической нормы является то, что она не формирует взаимодействия между субъектами. Моральный долг не предполагает взаимных обязательств и

не дает оснований ожидать аналогичного поведения от контрагента. Для нормального функционирования банковской системы принципиальное значение имеет взаимность ожиданий, сформированных в результате применения рефлексивной нормы. В последние десятилетия отношения между участниками финансового рынка усложнились, предлагаемые ими продукты и услуги стали дополнять друг друга, поэтому задача создания доверительной среды стала особенно актуальной, соответственно, выросла и роль репутации. На рынке есть потребность в общепринятых правилах и нормах поведения.

10. *Наличие механизмов* гражданского контроля. Принцип институционализации банковской системы – контроль со стороны общества. С одной стороны, банки постоянно критикуют, с другой стороны, принцип общественного контроля часто сопровождается политикой молчания. Несостоятельность этого принципа проявляется еще и в том, что при обсуждении любого вопроса всегда могут развиваться две противоположные точки зрения. Кроме того, чисто научная полемика часто превращается в противостояние определенных групп или противостоящих друг другу партий.

Система управления банковскими рисками уже десятилетия играет ключевую роль в реализации концепции экономической безопасности Российской Федерации. Многие ученые в своих научных работах и специалисты на практике разрабатывают качественные и количественные модели управления рисками.

Каждый банк оставляет за собой право самостоятельно разработать модель учета того или иного вида риска. Но одной разработки модели недостаточно по следующим причинам: необходимо предоставить доказательства работоспособности модели; со временем она может потерять актуальность из-за изменения рыночной конъюнктуры и нормативных требований.

Валидация – это процесс проверки того, что модель является достаточно точным описанием системы для целей конкретного исследования. Частота проведения валидации зависит от текущей рыночной ситуации, изменения стратегических направлений банка, объема активов, уровня сложности операций банка. Автором разработана процедура валидации аналитических моделей управления банковскими рисками (рис. 2).

Внешняя или внутренняя валидация, ее окончательные результаты должны отражать: соответствие подхода банка МСФО всем требованиям, установленным в стандарте, оценку состава, характеристик и качества используемых аналитических моделей, при необходимости, рекомендации по их корректировке, подробные выводы относительно правильности первоначального построения аналитических моделей и определения наличия или отсутствия модельного риска, возникающего в результате использования аналитической модели с неверными входными переменными, ошибок на всех этапах валидации модели.

Рисунок 2 – Процедура валидации моделей управления рисками для повышения уровня экономической безопасности коммерческих банков

Результатом успешной валидации является снижение ожидаемых кредитных убытков и, как следствие, повышение уровня экономической

безопасности банка, что положительно влияет на развитие банковской сферы в целом.

Литература:

1. *Силов Н.В.* Об обеспечении экономической безопасности коммерческого банка / Н.В. Силов // Деньги и кредит. 2007. С. 43.
2. *Лясковский Е.Н.* Механизмы обеспечения экономической безопасности банковской сферы : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2009. 159 с.
3. *Светлова В.В.* Механизм и инструменты эффективной системы экономической безопасности

Literature:

1. *Silov N.V.* On ensuring the economic security of a commercial bank / N.V. Silov // Money and credit. 2007. P. 43.
2. *Lyaskovsky E.N.* Mechanisms for ensuring the economic security of the banking sector : dis. ... cand. econom. sciences. SPb., 2009. 159 p.
3. *Svetlova V.V.* Mechanism and tools of an effective system of economic security of commercial

коммерческих банков : дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. 219 с.

4. *Соколов А.П.* Управление экономической безопасностью банковского сектора в условиях финансового кризиса : монография / А.П. Соколов, К.О. Семенов. Курск : Университетская книга, 2021. 171 с.

5. Управление экономической безопасностью коммерческого банка в условиях финансового кризиса: монография / Под ред. В.Н. Овчинникова. Ростов-н/Д. : Изд-во «Содействие – XXI век», 2013. 192 с.

banks : dis. ... cand. econom. sciences. M., 2019. 219 p.

4. *Sokolov A.P.* Management of the economic security of the banking sector in the context of the financial crisis : monograph / A.P. Sokolov, K.O. Semenov. Kursk : University book, 2021. 171 p.

5. Management of the economic security of a commercial bank in a financial crisis : monograph / Edited by V.N. Ovchinnikov. Rostov-on/D. : Publishing house «Assistance – XXI century», 2013. 192 p.

Сикачев Алексей Олегович
кафедра менеджмента
и информационных технологий,
Курский филиал
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
Alex2sik@mail.ru

КОМАНДООБРАЗОВАНИЕ В ФИНАНСОВОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Аннотация. В статье проведен системно-экономический анализ формирования команд, командообразования с уклоном в финансовый менеджмент, стратегию финансовой управляемости компании с учетом цифровой экономики и ее эволюционирующей инфраструктуры. Показано, что командообразование позволяет решать задачи управления и конкурентоспособности компании, а с развитием бизнеса и ростом числа участников, команда становится основным звеном развития бизнеса. Главный вывод – современной цифровой эволюционной экономике необходимо эволюционное управление, в частности, эффективное командообразование и управление. В условиях пандемии COVID-19 следует адаптировать финансовый менеджмент к эволюционным изменениям окружения, добиваясь командной эффективности.

Ключевые слова: управление, команда, финансовый менеджмент, тимбилдинг.

Тимбилдинг (TeamBuilding, построение команды) – часто используемая категория в бизнесе, экономике. Применяется он при создании повышенной эффективности команды. Используется в практике менеджмента США и Западной Европы с 60-ых годов 20-го века. Идея перенята из спорта, существует большой материал, накопленный зарубежными (например, [1–2]) и российскими (например, [3]) в котором изучены методы формирования, эволюции команд, особенности психологических факторов, влияющих на работу каждого из команды.

Команда – некоторое количество человек, имеющих взаимодополняющие навыки, например, техническая оценка, навыки решения проблем, принятия решений, межличностные и др. Всё это необходимо для осуществления общих целей, каждый из команды должен принимать на себя ответственность за конечный результат.

Команда не считается эффективной, если в ней нет взаимоотчётности, лежащей в основе обязательств и доверия, в той мере, как они не могут возникнуть по принуждению.

Aleksei O. Sikachev
Department of Management
and Information Technologies
Kursk branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation»
Alex2sik@mail.ru

TEAM BUILDING IN FINANCIAL MANAGEMENT

Annotation. The article presents a system-economic analysis of team formation, team building with a focus on financial management, the strategy of financial manageability of the company, taking into account the digital economy and its evolving infrastructure. It is shown that team building allows you to solve the problems of management and competitiveness of the company, and with the development of business and the growth of the number of participants, the team becomes the main link in business development. The main conclusion is that the modern digital evolutionary economy needs evolutionary management, in particular, effective team building and management. In the context of the COVID-19 pandemic, financial management should adapt to the evolutionary changes in the environment, achieving team effectiveness.

Keywords: management, team, financial management, team building.

По статистике, из новых компаний 80 % в первый год закрываются. Не допустить этого можно, соблюдая принципы подбора эффективной бизнес-команды, эволюции бизнеса. Подобранный команда должна быть компетентной, творческой, хорошо мотивированной и динамичной. Если есть хорошая команда, можно продвигать бизнес, идею, проект.

С развитием бизнеса и ростом вовлеченных в него людей, команда – основное звено развития бизнеса.

Цель формирования команды заключается в укреплении связей с участниками как с членами команды. Это повышает творческий подход, совершенствует оперативную тактику и мотивацию членов команды, разъясняет цели, укрепляет доверие и поддержку каждого.

Существуют следующие этапы командообразования:

1) адаптация, анализ общих задач команды, взаимоинформирование, поиск решения задачи, на этом этапе продуктивность небольшая, члены

команды ещё плохо знакомы, взаимодействия – осторожны;

2) группирование, формирование подгрупп, объединённых по общим интересам и симпатиям, начинается формирование внутригрупповых норм, схем общения всей группы в целом, формируются полноценные взаимоотношения команды;

3) нормализация, завершение командообразования, идентификации достоинств (недостатков) каждого работника, возможностей всей команды;

4) функционирование, этап социально-психологической зрелости и единства, высокой степени продуктивности, ролевая структура команды;

5) роспуск, команду могут покидать заинтересованные в новых вызовах, проектах (например, более интересных, «карьерных»).

Создание слаженной бизнес-команды требует времени и серьезных усилий, от этого зависит конкурентоспособность бизнеса, «экономить» ресурсы на этом не принято.

Существуют условия, снижающие продуктивность группы, мешающие коллективу работать сообща – конфликты подгрупп, неравное распределение командных ресурсов, жёстко формируемые коллективные нормы, ограниченные коммуникации подгрупп, членов коллектива.

Основные подходы командообразования:

1) целеполагающий, осуществляется с помощью консультанта, позволяющего членам команды более эффективно реализовывать командные цели, но иногда возможно неэффективное вмешательство администрации;

2) межличностный, направленный на улучшение отношений, доверия и коммуникаций в команде, поощрение совместной работы, компетентность каждого члена команды улучшает эффективность всей команды;

3) ролевой, с переговорами между членами команды по их ролям, чтобы не перекрывать друг друга, вызывая разногласие в команде.

Часто командообразование применяют в конфликтных ситуациях, коллективах с частыми разногласиями, конфликтами. Главной целью командообразования является не только сплочение членов команды, но и объединение их компетенций для целевых установок.

Команда нужна для того, чтобы:

1) вырабатывать взвешенные и релевантные решения, результативные и эффективные пути к ним или совершенствования уже разработанных решений;

2) члены команды помогали реализовывать бизнес, развивать ее направления и ниши.

Трансформации бизнес-процессов и команд в условиях пандемии.

Пандемия показала, что лучше всего приспосабливаются к кризисным ситуациям компании, работающие командно, на разных рынках. Пока работники лично взаимодействовали, компании сфокусировались на онлайн-работе. Ситуация показывает, что есть необходимость закрыть свой бизнес, если его поддержка в будущем станет дороже его закрытия.

Например, менеджер турагентства знает, что нет смысла продолжать деятельность, если более полугода бизнес не приносит никакой прибыли, дохода. Но закрытие означает, что есть следующий этап открытия более прибыльного бизнес-проекта. Важно не бояться изменений существующих условий, трансформировать бизнес, менять, совершенствовать стратегию, формат, продукт. Можно всю команду «переключить». Например, проект LearnFroma Chef (США), позволили безработным поварам проводить коучинг онлайн.

В командообразовании бывают и свои ошибки. Важно, как будут реагировать члены команды на них. Многие компании встретились с большими проблемами трансформации, многие поменяли стратегии. Главное – команда должна доверять компании, верить в целедостижение, лидеру.

Лидер должен брать на себя ответственность, создавать комфортную командную атмосферу, четко ставить цели, пояснять позицию, опираясь на способы трансформации бизнеса в условиях пандемии:

1) закрыть бизнес;

2) запланировать подъем после спада пандемии;

3) развивать онлайн-деятельность;

4) создавать новые продукты (товары-услуги);

5) выйти в новые сферы деятельности (освоить новые ниши);

6) перейти к «дистанционке».

Отметим, в результате проделанного анализа, ключевые моменты формирования команды в финансовом менеджменте (ФМ), эффективного управления и финансами корпорации, и связями с конкурентной («пандемийной») средой.

Цели такой команды:

1) анализ, выдвижение гипотез (динамика, структура финансовых ресурсов) по принятию командного решения, управлению финансовой стратегией ФМ;

2) анализ, ранжирование приоритетов ФМ;

3) формирование, актуализация финансовой аналитики;

4) командная идентификация, разработка процедур ФМ;

5) построение (адаптация) методов (алгоритмов) используемых командой;

6) тренинг, обучение командной финансовой деятельности, ФМ;

7) планирование, мониторинг, контроль, аудит ФМ;

8) принятие командного финансового решения (эффективности ФМ).

Принципы ФМ должны согласовываться со стандартами, например, МСФО, устойчивыми связями с окружением.

Литература:

1. Carr C. Planning Priorities for Empowered Teams / C. Carr // J. of Business Strategy. 1992. Vol. 13. № 5. P. 43–49.

2. Fapohunda T.M. Towards Effective Team Building in the Workplace / T.M. Fapohunda // Intern. J. of Education and Research. 2013. Vol. 1. № 4. P. 1–11.

3. Петров С.В. Особенности российского командообразования / С.В. Петров // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4(53). С. 174–179.

Для ФМ следует реализовать взаимосвязанные командно-решаемые задачи, например, допустимых отклонений, адаптивной регуляции. Работа в команде, «друг на друга» – мощная сила. Культура командообразования и командной работы зависит от опыта совместного сотрудничества, участников и руководства, поощрения и признания результатов команды.

Формирование команды – больше, чем общая деятельность, это элемент интеллектуального коллективного капитала компании.

Literature:

1. Carr C. Planning Priorities for Empowered Teams / C. Carr // J. of Business Strategy. 1992. Vol. 13. № 5. P. 43–49.

2. Fapohunda T.M. Towards Effective Team Building in the Workplace / T.M. Fapohunda // Intern. J. of Education and Research. 2013. Vol. 1. № 4. P. 1–11.

4. Petrov S.V. Peculiarities of the Russian team building / S.V. Petrov // Business. Education. Law. 2020. № 4(53). P. 174–179.

Симакин Георгий Александрович
финансовый факультет,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
simakinegor@mail.ru

ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье проведен теоретический, системный анализ формирования финансовой политики, стратегии предприятия в цифровой экономике с учетом среды (производственной, рыночной) и инфраструктуры предприятия. Показано, что она не сводима лишь к финансовым потребностям, определяемым управлением оборотными активами, их диверсификацией, текущим приростом. Главный вывод – современное предприятие в цифровой экономике стремится к эволюционному управлению, но усложнение цифровой инфраструктуры рынка ведет к финансовой неопределенности стратегий, изменениям условий хозяйствования объекта. Следует адаптировать финансовую политику к эволюционным изменениям окружения, добиваясь системной эффективности.

Ключевые слова: предприятие, политика, управление, устойчивость, финансовая.

Политика управления финансовыми ресурсами и потоками, поддерживающая устойчивость и жизнеспособность предприятия в условиях цифровой экономики, стала еще актуальнее, разнообразной по формам и воздействиям. Но она не сводима лишь к финансовым потребностям, как правило, определяемым необходимостью релевантного управления оборотными активами, их диверсификацией, обеспечивающей текущий прирост.

Большинство современных предприятий и организаций стремятся к эволюционному управлению, к адаптивной финансовой политике в условиях цифровых трансформаций в экономической нише. Инструментарий перспективных управляющих финансовых воздействий на траекторию развития хозяйственной деятельности базируется на макроэкономических показателях, но цифровые отношения, цифровая инфраструктура рынка усложняются, растет финансовая неопределенность стратегий, меняются условия хозяйствования под воздействием окружения.

«Цифровая динамичность» макроэкономических параметров, факторов хозяйствующего объекта, колебания в политике рынка, государства не дают

Georgy A. Simakin
Faculty of Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
simakinegor@mail.ru

THE POLICY OF MANAGING THE FINANCIAL STABILITY OF THE ENTERPRISE IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. The article provides a theoretical, systematic analysis of the formation of financial policy, the strategy of the enterprise in the digital economy, taking into account the environment (production, market) and the infrastructure of the enterprise. It is shown that it is irreducible to financial needs only, determined by the management of current assets, their diversification, and current growth. The main conclusion is that a modern enterprise in the digital economy strives for evolutionary management, but the complexity of the digital infrastructure of the market leads to financial uncertainty of strategies, changes in the conditions of the object's management. It is necessary to adapt financial policy to the evolutionary changes in the environment, achieving systemic efficiency.

Keywords: enterprise, policy, management, sustainability, financial.

релевантно управлять активами, финансами предприятий, по крайней мере, лишь используя классику финансового менеджмента. Следует адаптировать финансовую политику к подобным изменениям среды.

В работе рассмотрена цель и задача анализа финансовых решений предприятий, не приводящих к рискам, неэффективности финансовой политики, в целом [1–2].

Категорию «финансовая политика» следует понимать системно – как комплекс (систему) целей, мер, инструментов, ресурсов и процедур, направленных на развитие предприятия, его финансовую самостоятельность и устойчивость.

Политика, как внутрисистемная, так и направленная на окружение, на рынок содержит две основные финансовые стратегии:

- 1) портфельную, для решения внутрисистемных (внутри объекта) задач по урегулированию финансовых портфелей, устойчивости;
- 2) конкурентную, для решения задач рыночной (отраслевой) конкурентоспособности.

Любая политика поддерживает («мягко» или «жестко») стратегическую цель, стратегическую траекторию, стратегические ситуационные задачи.

Главные для практической реализации финансовой политики (т.е., в узком понимании категории) меры – управление, контроль, планирование и бюджетирование.

Финансово устойчивое поведение предприятия выдвигает системные требования:

- 1) обеспечение эмерджентности предприятия;
- 2) ориентацию на финансовую самостоятельность, платежеспособность;
- 3) измеримость и однозначность финансовых мер;
- 4) адаптивность, гибкость распределения финансовых ресурсов;
- 5) совершенствование и разнообразия финансовой инфраструктуры и др.

Финансовая устойчивость должна быть прогнозируема, основана на методологических (в частности, цифровых), системных принципах:

- 1) долгосрочности эволюционных целей предприятия;
- 2) максимизации эволюционного финансового потенциала;
- 3) маневренности финансовых ресурсов;
- 4) учета инвестиционного потенциала [3];
- 5) минимизации риск-ситуаций и ущерба их предприятию;
- 6) применения цифровых управленческих решений;
- 7) повышения общеорганизационной и финансовой культуры предприятия.

Прогноз риск-состояний позволяет контролировать опасные факторы локально (однофакторно) или интегрально (многофакторно).

Финансовое обеспечение, финансовая поддержка развития предприятия – условие эволюционное при неопределенности и влияющих на бизнес-процессы разнообразных финансовых факторов. Важно обеспечить самообеспеченность, самостоятельность, опережать конкурентов, накапливая опыт прогнозирования.

Цифровое общество, производство требует динамичности, соответствия современным финансовым, инвестиционным и управленческим стандартам. Но без значительных ресурсов (финансовых, временных, организационных), больше на основе цифровых компетенциях, творчестве, креативности, на хорошо поставленном финансовом менеджменте.

В цифровой экономике интеллектуальный потенциал финансовых специалистов – фундаментальная база, знания – ведущая производительная сила, а технологии – «производительность» извлечения полезности.

Любой кризис – следствие финансовой «несамообеспеченности». Своевременно идентифицируя риски («финансовые угрозы») отработывают разнообразие применяемых показателей диагностики финансового положения предприятия. Цель – устойчивое функционирование предприятия в многофакторных, многокритериальных условиях, обеспечение финансовой состоятельности, устойчивости. При необходимости – провести антикризисную диагностику, минимизировать риски, изыскать возможности оздоровления финансовой системы предприятия. Для этого решаются последовательно следующие ключевые задачи:

- 1) обеспечения финансовым инструментарием риск-менеджмента;
- 2) прогнозирования (мониторинга) состояния;
- 3) разработки процедур, мерулучшения финансового положения и др.

Системная задача, ее решение опирается на аналитику платежеспособности предприятия, его финансового состояния, мониторинг риск-симптомов с использованием, как финансовой отчетности, так и цифровых инструментов (аналитики, инвестиций, различных площадок, например, краудинвестинга).

Инструментальное обеспечение предполагает репрезентативность, релевантность, применимость, обнаружение риск-факторов на всех этапах организационно-производственного и финансового цикла. Основными процедурами мониторинга, идентификации финансового положения предприятия при этом являются процедуры:

- 1) оценки воздействий среды;
- 2) шкалирования, ранжирования критических состояний и диапазонов;
- 3) мониторинга;
- 4) регуляции-коррекции;
- 5) документирования;
- 6) тестирования ситуаций, симуляционного их моделирования.

Важен финансовый мониторинг (аудит). Его цель – идентифицировать выход финансовых индикаторов за критический диапазон, воздействовать для «возврата в границы». Это – инструментально поддерживаемая процедура идентификации регулируемой финансовой системы предприятия. Осуществляется она непрерывно либо выборочно, часто, через аутсорсинг. Мониторинг обеспечивает «наблюдаемость» финансового состояния, его оперативный контроль.

Цифровая эволюционная экономика и производство требуют устойчивости не отдельного бизнес-процесса, а системной, интегральной. В условиях неопределенности, когда экстремальное значение функционала оптимальности невозможно идентифицировать, нужен не глобальный

Литература:

1. *Абрютина И.Б.* Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. М. : Бизнес, 2018. 156 с.
2. *Шаститко А.Е.* Эффекты становления и функционирования рынков: подходы к исследованию / А.Е. Шаститко, О.А. Маркова // *Общественные науки и современность.* 2019. № 3. С. 52–65.
3. *Мадера А.Г.* Моделирование и оптимизация бизнес-процессов и процессных систем в условиях неопределенности / А.Г. Мадера // *Бизнес-информатика.* 2017. № 4(42). С. 74–82.

экстремум (оптимизационный), а релевантный рациональный, локально-оптимальный выбор. Необходимо исследование многофакторных состояний траектории устойчивости предприятия, с учетом рисков, устойчивости его подсистем.

Literature:

1. *Abryutina I.B.* Analysis of the financial and economic activity of the enterprise. M. : Business, 2018. 156 с.
2. *Shastitko A.E.* Effects of the formation and functioning of markets: approaches to research / A.E. Shastitko, O.A. Markova // *Social Sciences and Modernity.* 2019. № 3. P. 52–65.
3. *Madera A.G.* Modeling and optimization of business processes and process systems in conditions of uncertainty / A.G. Madera // *Business informatics.* 2017. № 4(42). P. 74–82.

Тараненко Оксана Николаевна

кандидат педагогических наук,
факультет экономики и управления,
кафедра экономики, менеджмента
и государственного управления,
Северо-Кавказский
федеральный университет,
Пятигорский институт (филиал)
Северо-Кавказского
федерального университета
ok-tar@mail.ru

Пархоменко Наталья Андреевна

кандидат педагогических наук,
факультет экономики и управления,
кафедра экономики, менеджмента
и государственного управления,
Северо-Кавказский
федеральный университет;
Пятигорский институт (филиал)
Северо-Кавказского
федерального университета
natale07@rambler.ru

Шибиченко Григорий Игоревич

кандидат социологических наук,
факультет экономики и управления,
кафедра экономики, менеджмента
и государственного управления,
Северо-Кавказский
федеральный университет,
Пятигорский институт (филиал)
Северо-Кавказского
федерального университета
Grisha721@yandex.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ
ОЦЕНКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РФ**

■ ■ ■

Аннотация. Актуальность. Современное развитие экономических систем выражается в трансформации методического обеспечения, для оценки эффективности экономических процессов. Регионы Российской Федерации, как субъекты федеральной системы, представляют собой ключевые элементы, обеспечивающие динамическое развитие экономического комплекса страны в целом. Актуализация методических инструментариев и приёмов оценки элементов всех уровней системы, важная научно – исследовательская задача современности. Объект исследования. Экономическая система региона. Предмет исследования. Метод оценки экономической системы региона. Цель исследования. Заключается в дескрипции методов оценки экономики

Oksana N. Taranenko

Candidate of Pedagogical Sciences,
Faculty of Economics and Management,
Department of Economics, Management
and Public Administration,
North Caucasus Federal University,
Pyatigorsk Institute (branch)
North Caucasus
of the Federal University
ok-tar@mail.ru

Natalia A. Parkhomenko

Candidate of Pedagogical Sciences,
Faculty of Economics and Management,
Department of Economics, Management
and Public Administration,
North Caucasus Federal University,
Pyatigorsk Institute (branch)
North Caucasus
of the Federal University
natale07@rambler.ru

Grigory I. Shibichenko

Candidate of Sociological Sciences,
Faculty of Economics and Management,
Department of Economics, Management
and Public Administration,
North Caucasus Federal University,
Pyatigorsk Institute (branch)
North Caucasus
of the Federal University
grisha721@yandex.ru

**IMPROVING METHODS
FOR ASSESSING THE FUNCTIONING
OF THE ECONOMY OF THE REGIONS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

■ ■ ■

Annotation. Relevance. The modern development of economic systems is expressed in the transformation of methodological support for assessing the effectiveness of economic processes. The regions of the Russian Federation, as subjects of the federal system, are the key elements that ensure the dynamic development of the country's economic complex as a whole. Updating methodological tools and techniques for evaluating elements at all levels of the system, an important research task of our time. The object of the study. The economic system of the region. The subject of the study. A method for assessing the economic system of the region. The purpose of the study. It consists in describing the methods of assessing the region's economy as a hierarchical representation of an element of a complex

региона, как иерархического представления элемента сложной системы. Задачи исследования. Включаются в детекции методов оценки и совершенствовании методических приёмов оценки функционирования экономики регионов. Методология исследования. Использован теоретико-методический подход экстраспективного характера, базирующийся на общепризнанных методах научного познания: анализ, синтез, аналогии, абстрагировании, дедукции и др., обусловленные феноменологическими и системными принципами исследования. Результаты исследования. Выражаются в дескриптивном изложении актуализированных методов оценки функционирования экономики региона.

Ключевые слова: региональная эффективность, социальный эффект, коммерческий эффект, бюджетный эффект.

system. Research objectives. They consist in the detection of assessment methods and the improvement of methodological techniques for assessing the functioning of the regional economy. Research methodology. A theoretical and methodological approach of an extraspectual nature is used, based on the generally recognized methods of scientific knowledge: analysis, synthesis, analogy, abstraction, deduction, etc., due to the phenomenological and systemic principles of research. The results of the study. They are expressed in a descriptive presentation of updated methods for assessing the functioning of the region's economy.

Keywords: regional efficiency, social effect, commercial effect, budget effect.

В общем виде оценка функционирования экономики региона, в смысле результативности процесса оценивается с позиции регионального эффекта [1]. При этом следует отметить, что регион, как элемент федеративного устройства оперирует бюджетными средствами собственными и федеральными на реализацию федеральных программ. Также регион, как элемент экономической системы извлекает сопутствующие коммерческие доходы и должен обеспечивать нормальное функционирование социальной системы региона, согласно действующему законодательству. Тогда региональный эффект (РЭ) можно представить тремя компонентами, формула 1:

$$РЭ = БЭ + СЭ + КЭ, \quad (1)$$

где РЭ – региональный эффект, тыс. руб.; СЭ – социальный эффект, тыс. руб.; КЭ – коммерческий эффект, тыс. руб.

В общем виде бюджетный эффект представляет собой разницу между совокупными доходами бюджета и расходами в отчётном периоде, модифицируем формулу для расчёта бюджетного эффекта [2] и представим для целей оценки региональной эффективности, формула 2:

$$БЭ_{бюд}^t = \sum_{i=1}^T \frac{D_{общ}^t + D_{доп}^t}{(1 + C_{реф})^t} + \frac{\Delta D_{экон}^t}{(1 + C_{фз})^t} - P_{бюд}^t, \quad (2)$$

где $D_{общ}^t$ – доходная часть регионального бюджета в отчётном году, тыс. руб.; $D_{доп}^t$ – дополнительные доходы регионального бюджета, полученные от изменения объемов производства (услуг) при реализации региональных и федеральных программ и доходы, связанные с операциями с муниципальной собственностью, тыс. руб.; $\Delta D_{экон}^t$ – возникшая экономия в части расходов регионального бюджета при реализации бюджетного плана в отчётном году, тыс. руб.; $C_{реф}$ – ключевая процентная ставка Банка России в отчётном периоде, доли; $C_{фз}$ – процентная ставка по облигациям федерального займа (средняя величина), доли; $P_{бюд}^t$ – расходная часть

регионального бюджета в отчётном году, тыс. руб.

Социальный эффект представляет собой изменение социальных притоков и затрат на реализацию социальных программ в регионе, в стоимостном выражении, социальный приток в стоимостном выражении можно рассчитать по формуле 3 [2]:

$$\mathcal{E}_{соц}^t = \sum_{t=0}^T \frac{\mathcal{E}_{соц\ t}^{врп} + \mathcal{E}_{соц\ t}^{со} + \mathcal{E}_{соц\ t}^{зан} + \mathcal{E}_{соц\ t}^{крим}}{(1 + STPR)^t}, \quad (3)$$

где $\mathcal{E}_{соц\ t}^{врп}$ – социальный приток от изменения валового регионального продукта (экстенсивные и интенсивные факторы), тыс. руб.; $\mathcal{E}_{соц\ t}^{со}$ – социальный приток от изменения величины обязательных социальных отчислений по общей величине трудовых ресурсов региона, тыс. руб.; $\mathcal{E}_{соц\ t}^{зан}$ – социальный приток от роста производительности трудовых ресурсов и обеспечения занятости граждан, тыс. руб.; $\mathcal{E}_{соц\ t}^{крим}$ – социальный приток от снижения расходов на органы правопорядка за счёт обеспечения мер по снижению криминогенной обстановки в регионе, тыс. руб.; STPR – социальная ставка дисконтирования, в долях.

Тогда социальный эффект ($СЭ_{соц. эк}^t$) будет представлять собой разницу между социальными притоками и затратами в отчётном году на реализацию социальных программы и мер по социальной поддержке населения в регионе, формула 4:

$$СЭ_{соц. эк}^t = \mathcal{E}_{соц}^t - \sum_{t=0}^T \frac{З_t}{(1 + STPR)^t}, \quad (4)$$

где $СЭ_{соц}$ – величина социального эффекта в стоимостном выражении года t , тыс. руб.; $З_t$ – затраты в отчётном году на реализацию социальных программ и мер по социальной поддержке населения в регионе, тыс. руб.; STPR – социальная ставка дисконтирования, в долях.

Социальную ставку дисконтирования можно представить, как модифицированную формулу Рамсея, предлагаемую авторами [2], формула 5:

$$STPR = \rho_t + t\Delta\rho_t + \mu_t g + \ln(C_t) \Delta\mu_t, \quad (5)$$

где ρ – ставка, отражающая межвременные предпочтения населения, в долях; μ – эластичность предельной полезности потребления по Стерну, в долях.

$g = \frac{1}{C_t} \frac{dC_t}{dt}$ — темп роста потребления на душу населения, в долях.

Коммерческий эффект в регионе складывается от притоков реализации инвестиционных программ (инвестиционной активности региона) и затрат (оттоков) на реализацию инвестиционных программ в регионе, также доходов извлекаемых из коммерческой эксплуатации объектов муниципальной собственности (исключая аренду), формула 6:

$$КЭ = \sum_{t=0}^T \frac{ПК_t}{(1+R)^t} - \sum_{m=0}^M \frac{ОК_m}{(1+R)^m}, \quad (6)$$

где КЭ – приведённая величина коммерческого эффекта, на дату оценки, тыс. руб.; ПК – приток

Литература:

1. Типовой порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ субъекта Российской Федерации и методические рекомендации к нему (проект). URL : <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения 28.05.2021).
2. *Хайруллин В.А.* Оценка социального и бюджетного эффекта при реализации инвестиционных проектов затратного типа в строительстве : монография / В.А. Хайруллин, Э.Р. Ахундов, Д.В. Кузнецов, В.Н. Зенцов. Казань : Бук, 2021. 226 с.

капитала от реализации инвестиционных программ, тыс. руб.; $ОК_m$ – отток капитала при реализации инвестиционных программ, тыс. руб.; t, m – шаги расчётного периода, год; R – ставка дисконтирования, в долях.

Выводы.

Региональная эффективность и региональный эффект, это многосоставной параметр экономической деятельности, который меняет своё содержание в зависимости от изменения факторов внешней среды. В данном исследовании мы предложили расчётные формулы и методический подход, заключающийся в разделении регионального эффекта на три компоненты: РЭ = БЭ + СЭ + КЭ, которые обусловлены эмпирической действительностью функционирования региона. Рассмотрели содержание и состав регионального эффекта в целом и по предлагаемым компонентам: бюджетный эффект, социальный эффект, коммерческий эффект. Данные расчётные формулы могут быть использованы при оценке результативности функционирования экономики региона.

Literature:

1. Standard procedure for the development, implementation and evaluation of the effectiveness of state programs of the subject of the Russian Federation and methodological recommendations for it (draft). URL : <https://minfin.gov.ru/> (date of application 28.05.2021).
2. *Khairullin V.A.* Evaluation of the social and budget effect in the implementation of investment projects of the cost-based type in construction : monograph / V.A. Khairullin, E.R. Akhundov, D.V. Kuznetsov, V.N. Zentsov. Kazan : Buk, 2021. 226 p.

Таранов Петр Владимирович

доктор экономических наук,
профессор кафедры
международной торговли
и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Басенко Александр Михайлович

доктор экономических наук,
профессор кафедры
международной торговли
и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: К ВОПРОСУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Цифровизация становится основополагающей тенденцией развития мировой экономики, изменяя ее структурные характеристики и переводя ее в новое качественное состояние. Мировая экономика претерпевает цифровую трансформацию, которая связана с совершенствованием применения потенциала информационных технологий для продвижения информационно-коммуникативных инноваций, поддержки хозяйственного развития и стимулирования научно-технического прогресса. Авторами данной публикации рассматриваются индексы, позволяющие определить уровень готовности разных стран к переходу к цифровой экономике.

Ключевые слова: мировая экономика, цифровая экономика, цифровая трансформация, индекс, инновации, цифровизация, DESI.

Цифровая трансформация в рамках технологической концепции «Индустрия 4.0» (четвертой промышленной революции) стала общемировым трендом и явилась причиной глубоких и широкомасштабных преобразований, стремительно видоизменяя все мировое экономическое пространство. И цифровизация становится основополагающей тенденцией развития мировой экономики, изменяя ее структурные характеристики и «переведя ее в новое качественное состояние, когда цифровые технологии доминируют во всех сферах экономики и общественной жизни» [1, с. 5]. Так, А.А. Давыдова и В.С. Шиплюк пишут о том, что внедрение цифровых технологий в мировую экономику, «получивших название «сквозных» по причине масштабности их распространения, позволяет говорить о развитии цифровой экономики» [2, с. 6].

Petr V. Taranov

Doctor of Economics,
Professor of the Department
International Trade
and Customs Affairs,
Rostov State
University of Economics
kmtitd@yandex.ru

Alexander M. Basenko

Doctor of Economics,
Professor of the Department
International Trade
and Customs Affairs,
Rostov State
University of Economics
kmtitd@yandex.ru

WORLD ECONOMY: TOWARDS DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. Digitalization is becoming a fundamental trend in the development of the world economy, changing its structural characteristics and transferring it to a new qualitative state. The world economy is undergoing a digital transformation, which is associated with the improvement of the use of the potential of information technologies to promote information and communication innovations, support economic development and stimulate scientific and technological progress. The indexes are considered that allow determining the level of readiness of different countries for the transition to the digital economy.

Keywords: world economy, digital economy, digital transformation, index, innovation, digitalization, DESI.

Как можно определить значение термина «цифровая трансформация»? Одно из первых значений данного термина – это переход от аналоговых данных к цифровым данным – то, что сегодня в науке принято называть цифровизацией. В рамках работы по цифровизации экономики Евросоюз в 2010 г. выпустил стратегию «Цифровая Европа – 2020», устанавливающей цели экономического роста Евросоюза, и в числе первоочередных приоритетов развития указан «План развития цифровых технологий в Европе».

Главной целью цифровизации мировой экономики является совершенствование применения потенциала информационных технологий для продвижения инноваций, поддержки хозяйственного развития и стимулирования научно-технического прогресса, в частности, ускорения

повсеместного высокоскоростного Интернета и предоставления возможностей участия в общем цифровом пространстве [3]. Однако необходимо осознавать, что процесс перехода к чему-то инновационному, с одной стороны, направлен на достижение ожидаемых прогрессивных результатов, а с другой – сопровождается глобальными социально-экономическими рисками [4].

Проблемам и рискам цифровой трансформации мировой экономики посвящены работы многих исследователей, в числе которых: С.С. Артемьева, А.А. Давыдова, Т.А. Ефремова, С.В. Кошевенко, М.В. Решетова, Е.Н. Смирнов, Е.Б. Стародубцева и др.

Как можно охарактеризовать основные направления цифровой трансформации мировой экономики? Для ответа на данный вопрос необходимо проанализировать показатели развития цифровой экономики в мировом масштабе и оценить уровень развития цифровой экономики разных стран и определить «точки роста» мировой экономики.

Под цифровой экономикой нами понимается совокупность отраслей, которые связаны с применением инновационных смарт-технологий, развитием робототехники и цифровых платформ. Как подчеркивают Е.Б. Стародубцева и О.М. Маркова: «На долю цифровой экономики, в узком смысле слова, приходится около 5 % мирового ВВП, а на долю цифровой экономики, в широком смысле слова – 22 % мирового ВВП», при этом темпы цифровой экономики, в узком смысле слова, имеют тенденцию к все большему возрастанию [5, с. 7].

Обзор мирового экономического опыта в сфере внедрения цифровых технологий в промышленность позволяет выделить четыре основные концептуальные направления: Индустрия 4.0, Умное производство, Цифровое производство, Интернет в промышленности.

Заметим, что существуют различные методики оценки уровня развития цифровой экономики стран. В странах Евросоюза (ЕС) рассчитывают Индекс цифровой экономики и общества (DESI). DESI является составным индексом, который суммирует соответствующие оценки по цифровым показателям и отражает эволюцию государств-членов ЕС в области цифровой конкурентоспособности.

DESI рассчитывается как среднее взвешенное пяти основных параметров: доступность высокоскоростного интернета (25 %), цифровые навыки населения (25 %), использование интернета гражданами (15 %), использование цифровых технологий в бизнесе (20 %), цифровые государственные услуги (15 %) [6, с. 77].

Эти параметры с необходимостью включают в себя:

– Во-первых, подключение / связанность (с целью расширения связи). Измеряется размер подключения – развертывание широкополосной инфраструктуры и ее качество. Быстрый и

сверхбыстрый широкополосной доступ к большим данным является необходимым условием конкурентоспособности на мировом экономическом рынке.

– Во-вторых, человеческий капитал/наличие цифровых навыков. Измеряются личные навыки, необходимые для использования возможностей, предлагаемых мировыми цифровыми сервисами, а также, определяется цифровой профиль сотрудника. Последний является основой для анализа больших данных и помогает применять новые подходы в управлении человеческими ресурсами (HR-менеджмент).

– В-третьих, использование интернет-услуг населением. Учитываются различные онлайн-действия, такие как потребление видеоконтента (видео, музыка, игры), пользование услугами интернет-магазинов и банковскими онлайн-услугами.

– В-четвертых, интеграция цифровых технологий в бизнесе (бизнес-направление). Для оценки данного показателя измеряется оцифровка бизнеса и электронной коммерции. Используя цифровые технологии, предприятия могут повысить эффективность, сократить расходы и лучше привлекать клиентов и деловых партнеров. Кроме того, Интернет как торговый центр предлагает доступ к более широким рынкам и потенциал для роста.

– В-пятых, государственные цифровые услуги. Измерение государственных цифровых услуг предполагает оценку оцифровки публичных услуг. В рамках данного параметра внимание уделяется четырем цифровым направлениям:

– цифровизации государственного сектора (электронному правительству);

– цифровизации здравоохранения (электронному здравоохранению);

– цифровизации финансово-экономического сектора;

– цифровой трансформации отраслей промышленности (нефтегазовый комплекс, атомная отрасль, транспортно-логистический комплекс, сельское хозяйство и др.) [7].

Однако, как замечают Л.П. Бакуменко и Е.Н. Мина, характер и скорость восприятия инновационных технологий и цифровизации в разных странах мира носит своеобразный избирательный характер: например, одни страны ориентированы на расширение бизнес-технологий, другие же специализируются на усилении цифровых навыков[8].

Согласно недавно опубликованному исследованию, страны ЕС превосходят своих глобальных коллег с точки зрения цифровых навыков, от базовых до продвинутых, но они постоянно отстают в оцифровке государственных услуг. Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI) анализирует рейтинг стран ЕС с точки зрения подключения, цифровых навыков, использования Интернета, интеграции цифровых

технологий и цифровых государственных услуг по сравнению с 18 другими странами, не входящими в ЕС.

Модернизация и оцифровка государственных услуг может привести к повышению эффективности, как для государственного управления, так и для граждан и различных предприятий [6, с. 77].

Исследователями описываются три тенденции, свидетельствующие о цифровой трансформации, которые имеют далеко идущие последствия для развития мировой цифровой экономики, и понимание важности которых позволит предоставить дополнительные возможности или помочь предотвратить угрозы.

Первая тенденция – мировая экономика, базирующаяся на технологиях больших данных. В отличие от прочих ресурсов, технологии больших данных мобильны, чем больше они используются, тем более полезными они становятся и варьируются больше, чем другие ресурсы.

Вторая тенденция – автоматизация практически всех систем, а также – роботизация. Как и в случае с технологиями больших данных, автоматизация становится гораздо более распространенной, ибо автоматизация механических процессов и промышленный интернет вещей передают данные друг другу и своим пользователям. Г.П. Платунина и Д.С. Ермоленко предполагают, что к 2025 году почти 50 % рабочей силы будет внештатной и станет трудиться в сфере gig-экономики, подчеркивая при этом, что многие международные компании уже пересматривают свои организационные структуры с тем, чтобы спланировать правильные операционные модели в будущем [9, с. 14].

Третья тенденция – это то, каким образом измеряется и оценивается ВВП – показатель государственного дохода в разных странах.

Обобщая взгляды и представления экспертов – представителей международных исследовательских организаций в области мировой экономики, нам представляется возможным выделить ряд первичных трендов, лежащих в основе четвертой индустриальной революции, которые в долгосрочной перспективе отразятся на мировых экономических показателях: искусственный интеллект, робототехника, промышленный интернет вещей, блокчейн, big data, облачные вычисления, а также, инновационные инструменты управления и мировые цифровые рынки [6; 9].

Литература:

1. *Смирнов Е.Н.* Цифровая трансформация мировой экономики: торговля, производство, рынки : монография. М., 2019.
2. *Давыдова А.А.* Обзор мировых трендов цифровизации экономики / А.А. Давыдова, В.С. Шиплюк // Научный вестник ЮИМ. 2019. № 4.

Искусственный интеллект – главный тренд будущего в мировой экономике; эффекты его применения будут достигнуты за счет оптимизации бизнес-процессов и расширения возможностей автоматизации и роботизации ручного труда, реструктуризации мирового рынка труда, трансформации систем здравоохранения и образования [10]. Промышленный интернет вещей позволяет наладить коммуникацию между электронными устройствами и датчиками через сеть Интернет.

Цифровая трансформация мировой экономики состоит не только в освоении цифровых технологий, поскольку речь идет также о трансформации внутри всего мирового сообщества и внутри мировых бизнес-структур с той целью, чтобы инновационные технологии предоставляли новые социально-экономические возможности. Для реализации данной цели разработаны индексы, позволяющие определить уровень готовности разных стран к переходу к цифровой экономике. К таким индексам относятся:

- индекс цифровых возможностей (DOI);
- индекс развития электронного правительства (глобальный индекс развития электронного правительства ООН);
- индекс сетевой готовности;
- индекс развития Интернета; индекс готовности к электронному бизнесу;
- индекс готовности к электронному бизнесу;
- индекс развития ИКТ;
- глобальный инновационный индекс (GII).

Важно заметить, что GIИ является источником информации о многомерных аспектах инновационного роста мировой экономики [11].

Таким образом, цифровизация мировой экономики – беспрецедентный проект по масштабам, значимости и влиянию на жизнедеятельность большинства стран и компаний, является важным ориентиром экономического развития стран. В 2020 году цифровая трансформация ускорилась. Благодаря расширению возможностей подключения 5G и усовершенствованиям в области искусственного интеллекта и машинного обучения Интернет вещей, распространился на целый ряд отраслей мировой экономики, трансформируя социально-экономическую жизнедеятельность.

Literature:

1. *Smirnov E.N.* Digital transformation of the world economy: trade, production, markets : monograph. M., 2019.
2. *Davydova A.A.* Review of global trends in the digitalization of the economy / A.A. Davydova, V.S. Shiplyuk // Scientific Bulletin of YIM. 2019. № 4.

3. *Арабей Е.* Новая европейская стратегия «Европа – 2020». URL : <https://eulaw.ru/content/novaya-evropejskaya-strategiya-evropa-2020>
4. *Таранов П.В.* Мировая экономика и особенности ее глобализации / П.В. Таранов, Л.Х. Попова, И.В. Куликова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 146–150.
5. *Стародубцева Е.Б.* Цифровая трансформация мировой экономики / Е.Б. Стародубцева, О.М. Маркова // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2018.
6. *Кошевенко С.В.* Цифровая трансформация мировой экономики / С.В. Кошевенко // Экономический журнал. 2018. № 3(51). С. 77–91.
7. *Панкратов И.Ю.* Цифровая трансформация: риски и угрозы, возможности и перспективы развития / И.Ю. Панкратов, Н.В. Свертилова, Е.Н. Лидэ // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 3. С. 64–74.
8. *Бакуменко Л.П.* Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI): тенденции развития цифровых технологий / Л.П. Бакуменко, Е.А. Минина // Статистика и экономика. 2020. Т. 17. № 2. С. 40–54.
9. *Платунина Г.П.* Тренды в развитии цифровой экономики / Г.П. Платунина, Д.С. Ермоленко // Экономика и качество систем связи. 2021. № 1. С. 13–20.
10. *Cantu F.* Estimation of a Coincident Indicator for International Trade and Global Economic Activity / F. Cantu // UNCTAD Research Paper. 2018. № 27.
11. *Gafiatulina N.* Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // In the collection: E3S Web of Conferences. 13. Series. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020». 2020. P. 15031.
3. *Arabey E.* New European strategy «Europe – 2020». URL : <https://eulaw.ru/content/novaya-evropejskaya-strategiya-evropa-2020>
4. *Taranov P.V.* The world economy and features of its globalization / P.V. Taranov, L.Kh. Popova, I.V. Kulikova // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 1. P. 146–150.
5. *Starodubtseva E.B.* Digital transformation of the world economy / E.B. Starodubtseva, O.M. Markova // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. 2018.
6. *Koshevenko S.V.* Digital transformation of the world economy / S.V. Koshevenko // Economic Journal. 2018. № 3(51). P. 77–91.
7. *Pankratov I.Yu.* Digital Transformation: Risks and Threats, Opportunities and Development Prospects / I.Yu. Pankratov, N.V. Svertilova, E.N. Lide // State Service. 2019. Vol. 21. № 3. P. 64–74.
8. *Bakumenko L.P.* International Digital Economy and Society Index (I-DESI): Trends in the Development of Digital Technologies / L.P. Bakumenko, E.A. Minina // Statistics and Economics. 2020. Vol. 17. № 2. P. 40–54.
9. *Platunina G.P.* Trends in the development of the digital economy / G.P. Platunina, D.S. Ermolenko // Economy and quality of communication systems. 2021. № 1. P. 13–20.
10. *Cantu F.* Estimation of a Coincident Indicator for International Trade and Global Economic Activity / F. Cantu // UNCTAD Research Paper. 2018. № 27.
11. *Gafiatulina N.* Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // In the collection: E3S Web of Conferences. 13. Series. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020». 2020. P. 15031.

Тернавшенко Кристина Олеговна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической безопасности,
Кубанский государственный
технологический университет
tina.ru@bk.ru

Магала Юлия Викторовна

аспирантка кафедры
экономической безопасности,
Кубанский государственный
технологический университет
yuliya.magala.94@mail.ru

**ОЦЕНКА
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА
С ЦЕЛЮ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СФЕР
(БЛОКОВ) ИНДИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ**

Аннотация. Методические основы оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности региона напрямую связаны с определением и функциональными характеристиками бюджетно-налоговой безопасности. В статье представлены основные функциональные составляющие системы обеспечения бюджетно-налоговой безопасности региона; определены блоки (сферы) индикативной системы оценки; предложен набор показателей и их пороговые (нормативные) значения, необходимые для оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности региона; представлен механизм интегральной оценки бюджетно-налоговой безопасности региона.

Ключевые слова: бюджетно-налоговая безопасность, социально-экономическое исследование, функциональные составляющие, индикативная система, индикаторы, интегральная оценка; пороговые значения, балльная оценка.

Методические основы оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности региона напрямую связаны с определением и функциональными характеристиками бюджетно-налоговой безопасности [1].

Бюджетно-налоговую безопасность региона целесообразно оценивать по следующим направлениям:

- устойчивость, сбалансированность;
- самостоятельность, обеспеченность, стабильность;

Kristina O. Ternavshchenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
Economic Security
Kuban State
Technological University
tina.ru@bk.ru

Yulia V. Magala

Postgraduate Student
of the Department Economic Security,
Kuban State
Technological University
yuliya.magala.94@mail.ru

**ASSESSMENT OF FUNCTIONAL
COMPONENTS OF THE REGIONAL
BUDGET AND TAX SECURITY SYSTEM
WITH THE PURPOSE OF DETERMINING
SPHERES (BLOCKS) OF THE INDICATIVE
SYSTEM**

Annotation. The methodical basis for assessing the level of fiscal security in the region is directly related to the definition and functional characteristics of fiscal security. The article presents the main functional components of the system for ensuring the budgetary and tax security of the region; the blocks (spheres) of the indicative assessment system are determined; a set of indicators and their threshold (normative) values are proposed, which are necessary to assess the level of fiscal security of the region; the mechanism of integral assessment of the region's fiscal security is presented.

Keywords: fiscal security, socio-economic research, functional components, indicative system, indicators, integral assessment; threshold values, score.

- экономический рост;
- качество финансового менеджмента;
- социально-экономические потребности населения региона [2; 3].

Для индикаторов бюджетно-налоговой безопасности регионов, а также, для интегральной её оценки определены пороговые значения, приближение к которым свидетельствует об определённом бюджетно-финансовом состоянии региона.

Система интегральной оценки и пороговые значения, характерные для различных состояний бюджетно-налоговой безопасности региона

Направления оценки интегрального показателя	Используемые коэффициенты	Нормативные значения
Устойчивость, сбалансированность	Коэффициент балансирования (устойчивости) бюджета региона	$\leq 0,03$
	Коэффициент покрытия расходов региона	≥ 1
	Коэффициент долговой зависимости экономики	$\leq 0,6$
	Коэффициент наличия дополнительных средств бюджета	$\rightarrow 0$
Самостоятельность, обеспеченность, стабильность	Коэффициент бюджетной обеспеченности населения региона	Не менее 20 тыс. руб./чел
	Коэффициент автономности региона	$\geq 0,35$
	Коэффициент дотационности региона	$\leq 0,52$
Качество финансового менеджмента	Коэффициент роста инвестиций в общем объеме расходов бюджета	≥ 1
	Коэффициент инвестиционной активности экономики	$\leq 0,2$
Социально-экономические потребности населения	Коэффициент роста объема финансовых ресурсов на обеспечение социальной политики	≥ 1
Экономический рост	Коэффициент бюджетной результативности региона	Не менее 62 тыс. руб./чел

Интегральный показатель бюджетно-налоговой безопасности региона рассчитывается как корень n -ой степени из произведений уровня фактических значений коэффициентов к пороговым значениям.

Данная система содержит ряд индикаторов, каждому из них присваиваются количественные балльные значения (от 1 до 4), характерные для

четырёх определённых состояний бюджетно-налоговой безопасности: 4 – абсолютная безопасность; 3 – относительная безопасность; 2 – относительная опасность; 1 – повышенная (критическая) опасность.

В таблице 2 представлена оценка состояния бюджетно-налоговой безопасности региона.

Таблица 2

Оценка состояния бюджетно-налоговой безопасности региона.

Значение интегрального показателя	более 1,2	от 1,2 до 1,0	от 1,0 до 0,8	менее 0,8
Состояние бюджетно-налоговой безопасности	Абсолютная безопасность	Относительная безопасность	Относительная опасность	Повышенная (критическая) опасность

Для оценки состояния бюджетно-налоговой безопасности региона необходимо определить совокупный нормированный коэффициент эффективности управления капиталом региона и сравнить его с нормативным (пороговым) значением. Данная оценка позволит отнести регион к определенной группе регионов с высокой, удовлетворительной, низкой и критической бюджетной безопасностью [4; 5].

Бюджетно-безопасный регион – это регион, у которого значение коэффициента эффективности управления капиталом больше (или равно) значения нормативного совокупного коэффициента эффективности управления капиталом для группы регионов, которые имеют бюджетно-безопасное состояние [6; 7].

Следует отметить, что фактические показатели, обычно, ниже нормативного значения коэффициента, и чем больше между ними разница, тем меньше числовое значение показателя бюджетно-налоговой безопасности, который находится в интервале от 0 до 100 %. Этот метод дает возможность оценивать результаты деятельности регионов, а также тенденции и процессы развития бюджетной системы региона и страны в целом.

Таким образом, функционирование региональных бюджетно-налоговых систем требует тщательного анализа и исследования. Оценки бюджетно-налоговой безопасности региона должны служить основой для разработки управленческих решений в бюджетной сфере в целях повышения уровня бюджетно-налоговой безопасности региона [8].

> 1,2	1,2–1,0	1,0–0,8	< 0,8	
			1	< 0,8
		2		1,0–0,8
	3			1,2–1,0
4				> 1,2

Рисунок 1 – Картотека состояний бюджетно-налоговой безопасности региона:
4 – абсолютная безопасность; 3 – относительная безопасность;
2 – относительная опасность; 1 – повышенная (критическая) опасность.

Литература:

1. *Боровикова Е.В.* Теоретико-методологические положения по организации бюджетного менеджмента / Е.В. Боровикова // *Финансы и кредит.* 2019. № 11(215). С. 38–42.
2. *Литвинцева Т.В.* Направления изменений российской налоговой системы с учетом социальной направленности / Т.В. Литвинцева // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2018. № 32. С. 78–85.
3. *Дубров А.М.* Многомерные статистические методы и основы эконометрики : учебное пособие / А.М. Дубров, В.С. Мхитарян, Л.И. Трошин; Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. М. : МЭСИ, 2019. 79 с.
4. *Изотова Г.С.* Методы обеспечения безопасности бюджетной системы региона : дисканд. экон. наук : 08.00.10. СПб., 2019 186 с.
5. *Крохина Ю.А.* Бюджетное право России : учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд. / Ю.А. Крохина; Пер. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. 328 с.
6. *Лыщикова Ю.В.* Финансовый потенциал территории в контексте капитализации региональной экономики / Ю.В. Лыщикова // *Актуальные проблемы экономики в условиях реформирования современного общества: Материалы II международной научно-практической конференции.* Белгород, 2019. С. 63–67.
7. *Султанов Г.С.* Приоритетные направления бюджетно-налоговой политики / Г.С. Султанов // *Актуальные вопросы современной экономики.* 2019. № 3. С. 111–112.

Literature:

1. *Borovikova E.V.* Theoretical and methodological provisions on the organization of budget management / E.V. Borovikova // *Finance and Credit.* 2019. № 11(215). P. 38–42.
2. *Litvintseva T.V.* Directions of changes in the Russian tax system taking into account the social orientation / T.V. Litvintseva // *National interests: priorities and security.* 2018. № 32. P. 78–85.
3. *Dubrov A.M.* Multidimensional statistical methods and fundamentals of econometrics : textbook / A.M. Dubrov, V.S. Mkhitaryan, L.I. Troshin Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics. M. : MESI, 2019. 79 p.
4. *Izotova G.S.* Methods of ensuring the security of the budget system of the region : Diskand. ekon. nauk: 08.00.10. SPb., 2019 186 p.
5. *Krokhina Yu.A.* Budget law of Russia: a textbook for undergraduate and graduate studies. 5th ed. / Yu.A. Krokhina; Trans. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2018. 328 p.
6. *Lyshchikova Yu.V.* The financial potential of the territory in the context of the capitalization of the regional economy / Yu.V. Lyshchikova // *Current problems of the economy in the context of modern society reform: Materials of the II International scientific and practical conference.* Belgorod, 2019. P. 63–67.
7. *Sultanov G.S.* Priority directions of budget and tax policy / G.S. Sultanov // *Actual issues of modern economy.* 2019. № 3. P. 111–112.

8. *Никулина Е.В.* Интегральная оценка развития социально-экономических систем региона : в 2 ч. / Е.В. Никулина; Под научной редакцией доцента Е.В. Никулиной // Актуальные проблемы экономики в условиях реформирования современного общества. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. Ч. 1. С. 11–20.

8. *Nikulina E. V.* Integral assessment of the development of the socio-economic systems of the region : in 2 vol. / E. V. Nikulina; Under the scientific editorship of Associate Professor E. V. Nikulina // Current problems of economics in the conditions of reform of modern society. Belgorod: Publishing House «Belgorod» NIU «BelSU», 2015. Part 1. P. 11–20.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 24.05.2021
Подписано в печать 27.05.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,04
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 65

e-mail: id.yug2016@gmail.com